

КОНТУРЫ ГЛОБАЛЬНЫХ ТРАНСФОРМАЦИЙ

Россия и Азиатско-Тихоокеанский регион

Читайте в номере:

Кризис лидерства и стагнация мегапроектов в АТР: последствия для России

Большая Евразия, Индо-Тихоокеанский регион и отношения России с АСЕАН

Политика внешнеэкономической открытости в Китайской Народной Республике: основные итоги и перспективы

Евразийский экономический союз и интеграционные процессы в АТР

Будущее Корейского полуострова: актуальные проблемы и возможные решения

Российско-японский диалог по вопросам безопасности

Подъем Китая и российско-китайское сближение

Российско-австралийские отношения до и после украинского кризиса

Упущенное партнерство: Россия и США на Тихом океане

Юго-Восточная Азия – в приоритетах российской политики «поворота к Азии»

Индийский океан как зона мира: устаревшая концепция или формат будущего?

Россия между двух систем: перспектива транзита из Атлантического мира в мир Евразийско-Тихоокеанский

Россия, Китай и тихоокеанские страны Латинской Америки: возможности для многостороннего сотрудничества в АТР

ТОМ 12 • НОМЕР 1 • 2019

Контурь глобальных трансформаций:

ПОЛИТИКА • ЭКОНОМИКА • ПРАВО

VOLUME 12 • NUMBER 1 • 2019

Outlines of Global Transformations:

POLITICS • ECONOMICS • LAW

Контурь глобальных трансформаций

ПОЛИТИКА • ЭКОНОМИКА • ПРАВО

В журнале публикуются материалы, посвященные актуальным проблемам политической науки, мировой политики, международных отношений, экономики и права. Журнал призван объединить представителей российского и зарубежного экспертного и научного сообщества, сторонников различных научных школ и направлений. Главная цель журнала — предоставить читателю глубокий анализ какой-либо проблемы, показать различные подходы к ее решению. Каждый из выпусков журнала посвящен одной определенной теме, что позволяет обеспечить комплексное рассмотрение процессов, явлений или событий.

Редакционная коллегия

Кузнецов А.В., главный редактор, ИМЭМО РАН
Исаков В.Б., заместитель главного редактора, НИУ ВШЭ
Лексин В.Н., заместитель главного редактора, Институт системного анализа РАН
Соловьев А.И., заместитель главного редактора, МГУ
Багдасарян В.Э., МГУ
Вершинин А.А., МГУ
Вилисов М.В., Центр изучения кризисного общества
Володенков С.В., МГУ
Жебит А., Федеральный университет г. Рио-де-Жанейро (Бразилия)
Звягельская И.Д., МГИМО (Университет)
Качинс Э., Центр стратегических и международных исследований (США)
Кривопапов А.А., Центр изучения кризисного общества
Либман А.М., Мюнхенский университет (Германия)
Лившин А.Я., МГУ
Лиухто К., Панъевропейский институт (Финляндия)
Лукин А.В., МГИМО (Университет)
Мельвиль А.Ю., НИУ ВШЭ
Миграция А.А., Институт экономики РАН
Миронюк М.Г., НИУ ВШЭ
Орлов И.Б., НИУ ВШЭ
Пабст А., Кентский университет (Великобритания)
Сибал К., бывший первый заместитель министра иностранных дел (Индия)
Сильвестров С.Н., Финансовый университет при Правительстве РФ
Схолте Я.А., Школа глобальных исследований (Швеция)
Телин К.О., МГУ

Редакционный совет

Якунин В.И., председатель редакционного совета, МГУ
Абрамова И.О., Институт Африки РАН
Гаман-Голутвина О.В., МГИМО (Университет)
Гринберг Р.С., Институт экономики РАН
Лисицын-Светланов А.Г., РАН
Макаров В.Л., Центральный экономико-математический институт РАН
Порфирьев Б.Н., Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН
Садовничий В.А., МГУ
Торкунов А.В., МГИМО (Университет)
Шутов А.Ю., МГУ
Молчаков Н.Ю., секретарь, Центр изучения кризисного общества

Учредитель: Ассоциация независимых экспертов «Центр изучения кризисного общества», Москва

Адрес: 119146, Москва, Комсомольский проспект,
д. 32, к. 2.
Сайт: <http://www.ogt-journal.com>
Тел.: +7 (903) 556-34-19

E-mail: molchakov@centero.ru
Периодичность: 6 раз в год
Тираж: 1000 экз.
Журнал распространяется бесплатно.

Содержание

Политические процессы в меняющемся мире

Александр Николаевич ФЕДОРОВСКИЙ. Кризис лидерства и стагнация мегапроектов в АТР: последствия для России 6–25

Евгений Александрович КАНАЕВ, Александр Сергеевич КОРОЛЕВ. Большая Евразия, Индо-Тихоокеанский регион и отношения России с АСЕАН 26–43

С точки зрения экономики

Владимир Яковлевич ПОРТЯКОВ. Политика внешнеэкономической открытости в Китайской Народной Республике: основные итоги и перспективы 44–68

Анастасия Борисовна ЛИХАЧЕВА. Евразийский экономический союз и интеграционные процессы в АТР 69–85

В национальном разрезе

Валерий Иосифович ДЕНИСОВ, Анастасия Сергеевна ПЯТАЧКОВА. Будущее Корейского полуострова: актуальные проблемы и возможные решения 86–101

Олег Геннадьевич ПАРАМОНОВ. Российско-японский диалог по вопросам безопасности 102–116

Александр Игоревич САЛИЦКИЙ, Нелли Кимовна СЕМЕНОВА. Подъем Китая и российско-китайское сближение 117–132

Иван Владимирович КРИВУШИН. Российско-австралийские отношения до и после украинского кризиса 133–158

В рамках дискуссии

Дмитрий Вячеславович СУСЛОВ. Упущенное партнерство: Россия и США на Тихом океане 159–184

Александр Александрович РОГОЖИН, Наталия Григорьевна РОГОЖИНА. Юго-Восточная Азия – в приоритетах российской политики «поворота к Азии» 185–203

Алексей Владимирович КУПРИЯНОВ. Индийский океан как зона мира: устаревшая концепция или формат будущего? 204–219

Точка зрения

Максим Владимирович БРАТЕРСКИЙ, Георгий Игоревич КУТЫРЕВ. Россия между двух систем: перспектива транзита из Атлантического мира в мир Евразийско-Тихоокеанский 220–240

Дмитрий Павлович НОВИКОВ. Россия, Китай и тихоокеанские страны Латинской Америки: возможности для многостороннего сотрудничества в АТР 241–259

Outlines of Global Transformations

POLITICS • ECONOMICS • LAW

The Outlines of Global Transformations Journal publishes papers on the urgent aspects of contemporary politics, world affairs, economics and law. The journal is aimed to unify the representatives of Russian and foreign academic and expert communities, the adherents of different scientific schools. It provides a reader with the profound analysis of a problem and shows different approaches for its solution. Each issue is dedicated to a concrete problem considered in a complex way.

Editorial Board

Alexey V. Kuznetsov – Editor-in-Chief, the Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences, Russian Federation
Vladimir B. Isakov – Deputy Editor-in-Chief, National Research University Higher School of Economics, Russian Federation
Vladimir N. Leksin – Deputy Editor-in-Chief, Institute of System Analysis, Russian Federation
Alexander I. Solovyev – Deputy Editor-in-Chief, Lomonosov Moscow State University, Russian Federation
Vardan E. Bagdasaryan, Lomonosov Moscow State University, Russian Federation
Aleksey A. Krivopalov, Center for Crisis Society Studies, Russian Federation
Andrew C. Kuchins, Center for Strategic and International Studies, USA
Alexander M. Libman, Ludwig Maximilian University of Munich, Germany
Alexander Ya. Livshin, Lomonosov Moscow State University, Russian Federation
Kari Liuheto, Pan-European Institute, Finland
Alexander V. Lukin, Moscow State Institute of International Relations, Russian Federation
Andrei Y. Melville, National Research University Higher School of Economics, Russian Federation
Aza A. Migranyan, Institute of Economics, Russian Academy of Sciences, Russian Federation
Michail G. Mironyuk, National Research University Higher School of Economics, Russian Federation
Igor B. Orlov, National Research University Higher School of Economics, Russian Federation
Adrian Pabst, University of Kent, United Kingdom
Jan A. Scholte, School of Global Studies, Sweden
Kanwal Sibal, Foreign Secretary (ret.), India
Sergey N. Silvestrov, Financial University under the Government of the Russian Federation, Russian Federation
Kirill O. Telin, Lomonosov Moscow State University, Russian Federation
Alexander A. Vershinin, Lomonosov Moscow State University, Russian Federation
Maksim V. Vilisov, Center for Crisis Society Studies, Russian Federation
Sergey V. Volodenkov, Lomonosov Moscow State University, Russian Federation
Alexander Zhebbit, Federal University of Rio de Janeiro, Brazil
Irina D. Zvyagel'skaya, Moscow State Institute of International Relations, Russian Federation

Editorial Council

Vladimir I. Yakunin – Head of the Editorial Council, Lomonosov Moscow State University, Russian Federation
Irina O. Abramova, Institute for African Studies, Russian Academy of Sciences, Russian Federation
Oksana V. Gaman-Golutvina, Moscow State Institute of International Relations, Russian Federation
Ruslan S. Grinberg, Institute of Economics, Russian Academy of Sciences, Russian Federation
Andrey G. Lisitsyn-Svetlanov, Russian Academy of Sciences, Russian Federation
Valeriy L. Makarov, Central Economics and Mathematics Institute, Russian Academy of Sciences, Russian Federation
Boris N. Porfiryev, Institute of Economic Forecasting, Russian Academy of Sciences, Russian Federation
Viktor A. Sadovnichiy, Lomonosov Moscow State University, Russian Federation
Anatoly V. Torkunov, Moscow State Institute of International Relations, Russian Federation
Andrei Y. Shutov, Lomonosov Moscow State University, Russian Federation
Nikita Y. Molchakov – Executive Secretary, Center for Crisis Society Studies, Russian Federation

Publisher: Association for Independent Experts "Center for Crisis Society Studies", Moscow, Russian Federation

Address: 2, 32, Komsomolskij Av., Moscow, 119146,
 Russian Federation
Web-site: <http://www.ogt-journal.com>
Tel.: +7 (903) 556-34-19

E-mail: molchakov@centero.ru
Frequency: 6 per year
Circulation: 1000 copies
Subscription: The journal content is free distributed

Contents

Political Processes in the Changing World

Alexander N. FEDOROVSKY. Crisis of Regional Leadership and Stagnation of Mega-projects in Asia-Pacific: Consequences for Russia 6–25

Evgeny A. KANAEV, Alexander S. KOROLEV. Greater Eurasia, Indo-Pacific Region and Russia-ASEAN Relations 26–43

From the Point of Economic

Vladimir Ya. PORTYAKOV. Policy of Foreign Economic Openness in the People's Republic of China: Main Results and Prospects 44–68

Anastasia B. LIKHACHEVA. Eurasian Economic Union and Integration Process in the Asia-Pacific 69–85

National Peculiarities

Valery I. DENISOV, Anastasia S. PYATACHKOVA. The Future of the Korean Peninsula: Topical Issues and Possible Solutions 86–101

Oleg G. PARAMONOV. Russia-Japan Security Dialogue 102–116

Alexander I. SALITSKY, Nelli K. SEMENOVA. Rise of China and Russian-Chinese Rapprochement 117–132

Ivan V. KRIVUSHIN. Russia-Australia Relations before and after the Ukrainian Crisis 133–158

Under Discussion

Dmitry V. SUSLOV. A Missed Partnership: Russia and the US at the Pacific ... 159–184

Alexander A. ROGOZHIN, Natalia G. ROGOZHINA. South East Asia – In the Priorities of Russian Policy “Pivot to Asia” 185–203

Aleksei V. KUPRIANOV. The Indian Ocean as a Zone of Peace: an Outdated Concept or Format for the Future? 204–219

Point of View

Maksim V. BRATERSKY, Georgy I. KUTYREV. Russia between Two Systems: Transit from The Atlantic World into the Eurasian-Pacific One 220–240

Dmitry P. NOVIKOV. Russia, China and the Pacific Countries of Latin America: Opportunities for Multilateral Cooperation in the Asia-Pacific Region 241–259

Политические процессы в меняющемся мире

DOI: 10.23932/2542-0240-2019-12-1-6-25

Кризис лидерства и стагнация мегапроектов в АТР: последствия для России

Александр Николаевич ФЕДОРОВСКИЙ

доктор экономических наук, главный научный сотрудник
Национальный исследовательский институт мировой экономики и
международных отношений имени Е.М. Примакова РАН, 117997, Профсоюзная
ул., д. 23, Москва, Российская Федерация
E-mail: a.fedorovsk@imemo.ru
ORCID: 0000-0002-3892-8432

ЦИТИРОВАНИЕ: Федоровский А.Н. (2019) Кризис лидерства и стагнация мегапроектов в АТР: последствия для России // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. Т. 12. № 1. С. 6–25.
DOI: 10.23932/2542-0240-2019-12-1-6-25

Статья поступила в редакцию 20.11.2018.

АННОТАЦИЯ. *Анализируются современные тенденции торгово-экономического взаимодействия стран АТР. В условиях инициированных администрацией Д. Трампа протекционистских мер в международной торговле, стагнации при реализации мегапроектов (АТЭС, ТПП, РВЭП) исследуется роль США и Китая в формировании региональных экономических приоритетов, их возможности определять вектор интеграционных процессов, анализируются причины, мешающие этим государствам реализовать потенциал лидерства. Рассматриваются характер и возможности политики Японии, Индии и Республики Корея по выдвиганию собственных проектов международного сотрудничества в АТР. В качестве примера приводится содержание южнокорейской инициативы «Новая экономическая карта». Отмечается роль «Нового экономического форума», организованного компанией Vloot-*

berg при поддержке ведущих мировых корпораций. В этом же контексте оцениваются попытка формирования региональных связей в рамках Индо-Тихоокеанского формата, усилия Японии по содействию развитию Индии, а также стремление Вашингтона за счет расширения партнерства с Дели проводить политику сдерживания экономической и политической экспансии Китая. Дается оценка соперничеству Китая и США, его последствиям для способности заключать интеграционные соглашения. Сопоставляются возможности и перспективы двусторонних и многосторонних торгово-экономических соглашений. Рассматриваются особенности включения России в региональное экономическое взаимодействие, выявляются взаимосвязь его характера и темпов с состоянием безопасности и содержанием политических процессов в АТР. Показаны проблемы, возникшие при проведении в

последние годы Россией «Восточной политики». Представлены доводы в пользу выстраивания Россией в сложившихся условиях долгосрочного курса на проведение «политики целевого партнерства», предполагающего концентрацию деловой активности на конкретных проектах и на выборочных географических направлениях. Отмечается необходимость политики противодействия попыткам противопоставления Индии и Китая, выработки дипломатических шагов по содействию сотрудничества Москвы, Пекина и Дели на региональном уровне.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: АТР, Индо-Тихоокеанский регион, мегапроекты, региональная интеграция, КНР, США, Япония, Индия, Республика Корея, Россия

За последние десятилетия в странах Азиатско-Тихоокеанского региона (АТР) произошли изменения, создавшие предпосылки трансформации сложившейся здесь системы внешнеэкономических связей. Продолжается подъем экономики Китая и стран Юго-Восточной Азии, а также Индии, стремящейся к расширению своего присутствия в регионе. Отмечается наращивание их финансового потенциала, а главное – происходящие здесь структурные изменения, возрастающая роль упомянутых государств в формировании разветвленной трансконтинентальной «паутины» цепочек добавленной стоимости повысили возможность их внешнеэкономической экспансии. Примечательно также увеличение показателя ВВП на душу населения, отражающее снижение бедности и расширение слоя среднего класса (см. табл. 1, табл. 2).

Опережая по динамике глобальные тренды, показатели роста стран региона демонстрируют увеличение роли Восточной Азии в мировой экономике¹. Вместе с тем эксперты G20 указывают на угрозы, связанные с риском реализации в этих странах популистских решений, ослабления национальных валют, удорожания заимствований на мировых рынках капитала [Маляренко 2018]. А развитие в АТР протекционистских тенденций, инициированных торгово-экономической политикой США, и происходящая на этом фоне стагнация ВТО оказывают негативное влияние на характер региональных экономических процессов, включая реализацию интеграционных проектов. Между тем институциональная среда на уровне региона либо была сформирована три десятилетия назад (Азиатско-тихоокеанское экономическое сотрудничество/АТЭС) в условиях кардинально иного расклада экономических сил, либо так и не получила законченного оформления в новых правовых и организационных рамках (Транстихоокеанское партнерство/ТТП). Все это создает дисбаланс между потребностями развития и региональными институционально-правовыми условиями его обеспечения.

В сложившихся обстоятельствах страны Восточной Азии стремятся искать новые варианты решения экономических проблем и источники развития на региональном уровне. При этом они вынуждены исходить из того, что экономические лидеры, в первую очередь США и Китай, не предлагают четких ориентиров интеграционной стратегии. Вместо этого приходится сталкиваться с тем, что американский эксперт С.Ф. Бергстен называет экономи-

1 Акцентируемое внимание в данной статье на Восточной Азии вызвано растущей ролью последней в определении содержания и вектора перемен, происходящих в настоящее время в АТР.

ческими, политическими, идеологическими «измерениями», параметры которым задаются, по его мнению, «Вашингтонским консенсусом», провозглашающим незыблемость рыночной экономики, либо «Пекинским консенсусом» с его опорой на государственный капитализм [Bergsten 2018].

Влияние американско-китайских противоречий на реализацию региональных проектов в АТР

Американская стратегия в отношении АТР, базировавшаяся на принципе преемственности, на протяжении последнего десятилетия находится в состоянии хронической корректировки. На смену инициированного еще при Дж. Буше-мл. «Стратегического экономического диалога» (между Пекином и Вашингтоном), в 2009–2010 гг. при администрации Б. Обамы пришел «Стратегический и экономический диалог», т.е. проведение регулярных консультаций между США и КНР по широкому курсу вопросов. Между тем уже в 2011–2013 гг. Б. Обама взял курс на «тихоокеанский поворот» (Pacific pivot). США активизировали сотрудничество со странами АСЕАН в рамках программы «Расширенного экономического вовлечения США – АСЕАН». Однако основные дипломатические усилия концентрировались на скорейшем завершении формирования ТТП. Целью форсированных под давлением США переговоров было закрепление норм и стандартов торгово-экономических отношений в АТР в соответствии с американскими правовыми приоритетами и недопущение КНР к участию в этом процессе в какой-либо форме на этапе утверждения ключевых параметров соглашения. При этом предполагалось, что Китай (как и Россия) в дальнейшем может вступить в ТТП, приняв к исполнению уже одобренные «правила игры». Тем

самым США задавали бы конкурентные параметры как в двусторонних отношениях, так и на рынках АТР.

Однако Китай, оставшийся вне рамок ТТП, в значительной степени обесценил идею данной интеграционной группировки, а значит и девальвировал усилия американской внешнеэкономической дипломатии. Свертывание американского участия в ТТП при Д. Трампе означало для Вашингтона не только отказ от многосторонней модели регулирования торговли в регионе (или, по крайней мере, замораживание этого формата), но и переход к политике жесткого давления на партнеров на двустороннем уровне. При этом для действующей администрации США, несмотря на существенные разногласия по вопросам внешней торговли с американской политической и деловой элитой, протекционизм остается одним из основных вариантов укрепления конкурентных преимуществ.

Критики американского президента призывают торговых партнеров США избегать «чрезмерной реакции на провокации Д. Трампа» [Eichengreen 2018]. Вместе с тем сводить суть вопроса к некомпетентности и своеволию Д. Трампа или только к проблеме торговых дисбалансов было бы неверно. Как отмечает обозреватель «Financial Times» Гидеон Рахман, после 30 лет стагнации американцы оказались готовы согласиться с тем, что «глобализация в действительности ужасная идея, которая уменьшает влияние США» и снижает уровень жизни в стране. В этих условиях Д. Трамп сделал ставку на то, чтобы «интегрировать Китай в возглавляемый США мировой порядок» [Рахман 2018]. Если Б. Обама пытался добиться той же цели путем введения соответствующих правовых механизмов регулирования экономических отношений в АТР, то Д. Трамп – за счет давления в ходе двусторонних торговых переговоров.

Таблица 1. Численность населения и показатели ВВП на душу населения
Table 1. Population and GDP per capita

Страны / Countries	Население (млн чел.) 2006 г. / Population (million people) 2006	Доля в населении мира 2006 г. (в %) / Share in world population, 2006 (%)	Население (млн чел.) 2016 г. / Population (million people), 2016	Доля в населении в 2016 г. (в %) / Share in population in 2016 (%)	ВВП на душу нас. в долл., в ценах и по ППС 2006 г. / GDP per capita. In dollars, in prices and PPP 2006	ВВП на душу нас. в долл., в ценах и по ППС 2016 г. / GDP per capita. In dollars, in prices and PPP 2016
Весь мир / Global	6 517,6	100,0	7 442,14	100,0	10 253	16 109
США / USA	299,0	4,59	323,13	4,34	44 155	57 467
ЕС 27 / EU 27	489,2	7,51	511,50	6,87	28 722	39 117
Япония / Japan	127,6	1,96	126,99	1,71	32 385	41 244
Россия / Russia	142,4	2,18	144,34	1,94	11 974	26 324
Индия / India	1 109,8	17,03	1 324,17	17,79	3 827	6 542
Восточная Азия (без Японии) / East Asia (without Japan)	1 934,1	29,7	2 107,5	28,3	7 743	15 282
КНР / China	1 311,8	20,13	1 378,67	18,53	7 660	15 444
Гонконг / Hong Kong	7,0	0,11	7,35	0,10	38 065	58 482
Бирма (Мьянма) / Burma (Myanmar)	51,0	0,78	52,89	0,71	1 672	5 762
Бруней / Brunei	0,4	0,01	0,42	0,01	25 445	76 882
Вьетнам / Vietnam	84,1	1,29	92,70	1,25	3 384	6 424
Индонезия / Indonesia	223,0	3,42	261,12	3,51	4 130	11 612
Камбоджа / Cambodia	–	–	15,76	0,21	–	3 740
Ю. Корея / South Korea	48,4	0,74	51,25	0,69	23 800	37 740
Лаос / Laos	–	–	6,76	0,09	–	6 051
Малайзия / Malaysia	25,8	0,40	31,19	0,42	11 674	27 681
Папуа-Новая Гвинея / Papua New Guinea	6,0	0,09	8,08	0,11	2 686	3 467
Сингапур / Singapore	4,4	0,07	5,61	0,08	32 749	87 856
Таиланд / Thailand	64,7	0,99	68,86	0,93	9 331	16 916
Тайвань / Taiwan	22,9	0,35	23,54	0,32	29 770	48 096
Филиппины / Philippines	84,6	1,3	103,32	1,39	5 473	7 794

Источник / Source: [Год планеты 2007; Год планеты 2017].

Таблица 2. Показатели ВВП по ППС в 2006 г. и 2016 г.
Table 2. GDP figures for PPP in 2006 and 2016

Страны / Countries	ВВП в млрд. долл. в ценах и по ППС 2006 г. / GDP in billions of dollars in prices and PPP 2006	Доля в ВВП мира 2006 г. (в %) / Share in world GDP 2006 (%)	ВВП в млрд долл. в ценах и по ППС 2016 г. / GDP in billions of dollars in prices and PPP 2016	Доля в ВВП мира 2016 г. (в %) / Share in world GDP 2016 (%)
Весь мир / Global	66 823,0	100,0	119 884,0	100,0
США / USA	13 201,8	19,76	18 569,1	15,49
ЕС / EU	14 049,6	21,03	20 008,	16,69
Япония / Japan	4 131,2	6,18	5 237	4,37
Россия / Russia	1 704,8	2,55	3 799,7	3,17
Индия / India	4 247,4	6,36	8 662,4	7,23
Восточная Азия (без Японии) / East Asia (without Japan)	14 976,0	22,4	32 206,3	26,9
КНР / China	10 048,0	15,04	21 291,8	17,76
Гонконг / Hong Kong	266,9	0,40	429,7	0,36
Бирма (Мьянма) / Burma (Myan- mar)	85,2	0,13	304,7	0,25
Бруней / Brunei	9,5	0,01	32,5	0,03
Вьетнам / Vietnam	284,6	0,43	595,5	0,50
Индонезия / Indonesia	921,2	1,38	3 032,1	2,53
Камбоджа / Cambodia	—	—	59,0	0,05
Ю. Корея / South Korea	1 152,4	1,72	1 934,0	1,61
Лаос / Laos	—	—	40,9	0,03
Малайзия / Malaysia	300,8	0,40	863,3	0,72
Папуа-Новая Гвинея / Papua New Guinea	16,1	0,02	28,0	0,02
Сингапур / Singapore	143,9	0,22	492,6	0,41
Таиланд / Thailand	603,9	0,90	1 164,9	0,97
Тайвань / Taiwan	680,5	1,02	1 132,1	0,94
Филиппины / Philippines	463,0	0,69	805,2	0,67

Источник / Source: [Год планеты 2007; Год планеты 2017].

Заинтересованность же администрации Д. Трампа в пересмотре двусторонних отношений с рядом ключевых партнеров (таких как Республика Корея и Япония) вызвана в первую очередь намерением создать для США оптимальные условия международного взаимодействия в высокотехнологичных отраслях. Решать связанные с этим вопросы нынешняя американская администрация прагматично предпочитает в ходе переговоров с теми странами, чья экономика связывает свое будущее с развитием высоких технологий, уже находится в стадии освоения последних достижений НИОКР или создает для этого реальные предпосылки. Отработанные на базе двусторонних соглашений правовые, экономические и административные нормы в дальнейшем могут быть закреплены в более широком формате (например, в ТТП, возможное участие в котором при «надлежащих условиях» время от времени допускают представители США).

Избирательный подход США в выборе участников двусторонних переговоров определяется влиянием не только экономических, но и политических факторов. В первую очередь предпочтения отдаются партнерам, связанным с Соединенными Штатами союзническими соглашениями. Вопросы развития экономического сотрудничества в современных условиях становятся как никогда тесно увязаны в американской политике на тихоокеанском направлении с обеспечением военно-политических приоритетов США [Boustany, Gilispie 2018].

При этом администрация Д. Трампа продемонстрировала готовность и способность при выработке долгосрочного курса в отношении АТР воспринять наработки стратегических союзников, а также разделить с ними ответственность в рамках общей концепции Индо-

Тихоокеанского региона, идею которой с 2014 г. активно продвигают премьер-министры Индии и Японии Н. Модии и С. Абэ. Ставка делается на развитие всесторонних связей США и Японии с Индией при участии Австралии, Новой Зеландии и Республики Корея. Координация внешнеполитического курса стран с развитой демократией призвана противостоять растущему влиянию Китая в Восточной Азии, а также повысить возможности для дипломатического маневра США и их союзников.

Критики подобного внешнеполитического подхода Д. Трампа, в том числе в США, помимо всего прочего отмечают все еще незначительное участие Индии в региональных экономических процессах [Sevastopulo 2017]. Действительно, на капиталовложения в индийскую экономику в 2016 г. приходилось только 2% прямых японских зарубежных инвестиций. Между тем при участии прежде всего Японии выстраивается долгосрочная политика содействия развитию экономике Индии, задача от реализации которой ожидается через пять-десять лет. В частности, речь идет о модернизации транспортной инфраструктуры, проекте создания «индустриальных коридоров» Дели – Мумбай и Ченнаи – Бангалор, другие промышленные проекты. На это нацелены предоставляемые Японией программы экономической помощи и поддержка внешнеэкономической деятельности частных компаний в Индии [Pejon, Saint-Mezard 2018].

Реальным конкурентом, способным соперничать с США за позицию регионального лидера, могла бы стать КНР. К такому выводу подталкивает сорокалетняя история экономических достижений, позволившая современному Китаю разделять с США статус крупнейшей в мире экономической державы, растущая военная мощь страны и ее способность оказывать заметное влия-

ание на региональные тренды. Между тем высокие экономические показатели не тождественны экономическому лидерству, хотя являются обязательным условием последнего. Подобный статус предполагает в первую очередь наличие сформировавшейся модели, ключевые черты которой способны в той или иной форме быть воспроизведены в разных национальных условиях, а также обязательства (экономические, политические, социальные, оборонительные, гуманитарные) перед странами, следующими в фарватере или в едином строю с лидером. Кроме того, привлекательность модели в современных условиях определяют наличие эффективных социальных лифтов, научно-технические и культурные компетенции, демонстрация лидерства в обеспечении правовых условий развития.

В этом контексте сохраняет актуальность вопрос о готовности самого Китая взвалить на себя бремя лидерства. Даже в наиболее сильном компоненте нынешнего Китая – экономике – многие важные составляющие не могут пока соперничать с теми возможностями, которыми располагает американский конкурент. Это касается в первую очередь скромной роли национальной валюты в международных расчетах, возможности предоставлять кредитно-финансовые услуги, в качественном отношении сравнимые с американским уровнем, состояния научно-технического потенциала, хотя и интенсивно развивающегося, но в среднесрочной перспективе не способного быть сопоставимым в широком диапазоне НИОКР с мировыми лидерами.

Казалось, Китай активно взялся за продвижение на форумах АТЭС концепции Азиатско-Тихоокеанской зоны свободной торговли (АТЗСТ), о чем председатель Си Цзиньпин объявил на форуме АТЭС в Пекине в 2014 г. [Федоровский 2018]. Однако полномасштаб-

ного развития эта инициатива за прошедшие годы не получила. Хотя при формировании необходимых условий формат АТЗСТ может быть востребован китайской внешнеэкономической дипломатией.

Крупномасштабной заявкой на выдвижение долгосрочных проектов регионального и глобального значения стало инициирование Пекином стратегии «Один пояс, один путь». Вместе с тем инфраструктурные проекты, продвигаемые в связи с этим китайским правительством, все чаще двойственно, а в некоторых случаях с недоверием, воспринимаются странами региона. Возникающие упреки в основном связаны с трудными для заемщика финансовыми условиями, максимальным вовлечением китайских компаний (и китайской рабочей силы) в реализацию проекта в ущерб национальным производителям. Негативный опыт, связанный с разрывом контрактов с Малайзией, может оказаться далеко не единственным проигрышем Пекина [Chang 2018]. Появляющиеся на этом фоне подозрения, что Китай на практике стремится к использованию финансовых инструментов для «вскрытия» рынков стран региона для китайских товаров и услуг, безусловно вредят имиджу КНР в регионе и ослабляют лидерский потенциал страны.

Несомненно, Китай способен провести инвентаризацию своих внешнеэкономических достижений и проблем и сделать из накопленного опыта адекватные выводы. Руководитель КНР Си Цзиньпин подтвердил приверженность курсу на глобализацию и поддержку свободы торговли, отмечая при этом, что глобальной экономике предстоит пройти через «новый раунд впечатляющего развития, трансформации и регулирования» [An, Wilson 2018]. Слова китайского руководителя подкрепляются курсом на поддержку импорта, что в конечном счете должно внести пози-

тивные изменения в структуру экспорта и экономики в целом [Wei 2018].

Внешнеполитическое «контрнаступление» может помочь Пекину противостоять дипломатическому натиску Вашингтона, позволит перехватить инициативу и вернуть американскую сторону к совместному поиску компромиссов по спорным торгово-экономическим вопросам. Тем не менее способность КНР занять в ближайшем будущем место лидера вызывает сомнение. Потребуется время на выполнение базовых положений программы «Сделано в Китае – 2025», бросающей вызов научно-техническому доминированию США, а также на разработку стратегии взаимодействия Китая и стран региона в новых условиях. Это обстоятельство на фоне происходящих с политикой США метаморфоз по перезагрузке лидерства, вызывающей подчас недопонимание даже ближайших союзников, вносит в регион ощущение неопределенности. Проблема для восточноазиатских стран усугубляется тем, что американо-китайские отношения не приобрели устойчивого характера. С одной стороны, в них сохраняется достаточно высокий уровень взаимозависимости. С другой, периодически возникают элементы торгово-экономической войны, существуют политические противоречия, порождающие опасения относительно последствий обострения военно-стратегического соперничества США и Китая в регионе.

В сложившихся условиях стратегия стран Восточной Азии носит многоплановый характер. На первый план выходят *двусторонние соглашения и конкретные проекты*. На втором – многосторонние договоры, имеющие преимущественно субрегиональное значение. Лишь на третьем плане – проекты, носящие мегарегиональный характер, такие как Транстихоокеанское партнерство без КНР и США – ТТП-11, нахо-

дящееся на стадии переговоров Региональное всеобъемлющее экономическое партнерство (РВЭП), чьи возможности без участия США будут существенно ограничены, и пока далекая от формирования АТЭС. О застое в деятельности АТЭС свидетельствует проявленная впервые в истории этой организации в 2018 г. на Саммите в Папуа-Новой Гвинее неспособность глав государств и правительств на фоне американо-китайских противоречий принять традиционную заключительную декларацию.

В условиях торможения реализации мегапроектов, предполагающих структурно организованные форматы (*зафиксированные число участников и их обязанности*), происходит активизация регионального взаимодействия на двустороннем уровне и в рамках открытых программ и стратегий, не требующих жестких политико-организационных ориентиров и обязательств для участников. Тон в реализации такого подхода задают США, отдающие при администрации Д. Трампа приоритет двусторонним соглашениям, и Китай – за счет стратегии «Один пояс, один путь», нацеленной на модернизацию мировой транспортной инфраструктуры в интересах выхода на новые рынки китайского бизнеса. В свою очередь, страны АСЕАН делают ставку на развитие отношений с каждой из региональных держав (стратегия АСЕАН+). В этом же контексте можно рассматривать южнокорейскую инициативу «Новая экономическая карта» (New economic map initiative), рассчитанную на отношения с КНР, Северной Кореей, Россией, ЕАЭС, и ее вариант – формирование железнодорожного союза в СВА (включая США). Как и стратегию Индии «Действовать на Востоке» (Act East), направленную на активизацию развития отношений со странами АТР, и японскую стратегию выхода в Индийский Океан и Африку. Приоритеты этих инициатив далеко не иден-

тичны, но есть объединяющая их ключевая черта – включение в международный контекст решения национальной проблемы.

Например, Южная Корея в своей экономической дипломатии, отталкиваясь от потребности преодолеть негативные последствия раскола Кореи, выходит на постановку задач регионального уровня. В предлагаемой администрации Мун Чжэ Ина иерархии целей это выглядит как поэтапное формирование «нового порядка на Корейском полуострове», который приведет к созданию «нового порядка в Северо-восточной Азии» [Choi He-suk 2018]. Как считают в Сеуле, можно достаточно быстро перейти от конфронтации к сотрудничеству и создать новые экономические и политические реалии на Корейском полуострове, внося тем самым существенный вклад в обеспечение региональной безопасности и поддержание мира в АТР. Экономическую базу регионального сотрудничества связывают с появлением «индустриальных поясов» в КНДР, ориентированных на взаимодействие двух корейских государств, Китая, России и других стран региона.

Вместе с тем просматривается тенденция, отражающая заинтересованность деловых и политических кругов во многих странах сохранять и развивать международное коммерческое сотрудничество за счет придания глобальным и региональным процессам нового содержания, отвечающего потребностям современной мировой экономики. Проявлением этих устремлений стала инициатива компании Bloomberg по проведению в Сингапуре 6–7 ноября 2018 г. Нового экономического форума (New Economic Forum),

поддержанная ведущими мировыми корпорациями, а также рядом влиятельных действующих и авторитетных отставных политиков². Заявленные цели форума весьма амбициозны: разработка мер, противостоящих протекционизму и содействующих международным обменам, обсуждение последствий освоения современных технологий, перспектив американо-китайских торгово-экономических противоречий и ситуации в АТР, а также ряд других злободневных вопросов. Показательно, что со вступительной речью на Форуме выступил заместитель председателя КНР Ван Цишань, подчеркнувший готовность Китая к конструктивным переговорам с США по спорным экономическим вопросам.

Таким образом, экономическое содержание выдвигаемых инициатив, отталкиваясь от решения стратегических задач конкретных стран, позволяет выйти на региональный уровень, вовлекая в качестве союзников не только официальные государственные структуры, но и частный бизнес, национальные неправительственные и международные организации. В этих условиях России предстоит определять свою позицию путем инициативных предложений, обозначая рамки своих возможностей и задавая параметры предлагаемого партнерства.

Региональные экономические приоритеты России: возможности и перспективы

Российской внешнеэкономической дипломатии приходится решать задачи на тихоокеанском направлении в сложных условиях. Вашингтон продолжа-

2 Среди них руководители Mastercard, Hyundai Motor Group, ExxonMobil, Microsoft. Примечательно, что среди организаторов и выступающих не оказалось представителей российского бизнеса и политиков [New Economy Forum 2018].

ет оказывать на Москву санкционное давление, которое отражается на сдержанном отношении к России со стороны бизнеса стран АТР, особенно кредитно-финансовых институтов. Переориентация российских внешнеэкономических связей на Восток оказалась задачей хотя и актуальной, но весьма проблематичной, поскольку региональные партнеры (как, впрочем, и везде) исходят при принятии решений исключительно из своих прагматичных целей. При этом между политическими декларациями и коммерческими решениями лежит весьма значительная дистанция. Показателен в этой связи пример китайско-российских отношений, политическая составляющая которых успешно развивается. Вместе с тем, по словам ведущего научного сотрудника ИДВ РАН Е. Сафроновой, в этих отношениях «горячо наверху (на уровне контактов высших руководителей) и холодно внизу» [Скосырев 2018]. В частности, Пекин сократил долю контрактов с оплатой в рублях с 3,9% в 2014 г. до 2,7% в 2017 г. Руководитель Школы востоковедения НИУ ВШЭ А. Маслов отмечает, что «из 50 крупных проектов, которые Россия в последние годы предложила для сотрудничества Китаю, в Пекине “зарубили” все пятьдесят» [Серебряный 2018].

Российскому бизнесу и государству приходится совместно искать подходы к емким, но трудным для освоения рынкам тихоокеанских стран. Данные таблицы 3 свидетельствуют, что доля стран Тихоокеанской Азии во внешней торговле России за последние пять лет выросла. Однако накопленный опыт показывает наличие как общих проблем внешнеэкономической политики (трудности доступа к кредитным ресурсам, низкий уровень несырьевого экспорта, отсутствие участия в цепочках добавленной стоимости), так и специфических для российского бизнеса ре-

гиональных трудностей (ограниченные масштабы инвестиционных обменов, слабое знание специфики ведения коммерции и особенностей спроса).

В сложившихся условиях Россия сталкивается с необходимостью выстраивать долгосрочный курс, который можно было бы условно именовать «политика целевого партнерства» (*policy of focused partnerships*), предполагающего концентрацию деловой активности на конкретных проектах и на выборочных географических направлениях международного взаимодействия. Такой подход способен дать возможность России найти точки соприкосновения интересов с разными стратегиями, инициированными государствами АТР, и максимально гибко адаптировать собственные внешнеэкономические связи к реалиям тихоокеанской экономики и использовать потенциал российских дальневосточных регионов. Как следствие, Россия на практике может стать партнером в реализации ряда региональных программ, инициированных не только какой-то одной силой, но сразу несколькими участниками – причем без принятия на себя жестких обязательств. Текущая линия на диверсификацию партнерства – за счет одновременного развития связей не только с Китаем, но и с Японией, Республикой Корея, странами АСЕАН и Индией, заключение с рядом партнеров соглашений о свободной торговле (например, с Вьетнамом) является стратегически оправданной.

Такого рода политика предполагает приоритетную ориентацию на потребности быстро растущего в регионе слоя среднего класса, совокупная численность которого в странах Восточной Азии может исчисляться в ближайшие 10–15 лет сотнями миллионов человек. Именно эта часть населения предъявляет растущий спрос на экономную и эффективную энергетику, современную и безопасную транспортную систе-

му, высокотехнологичные товары и услуги, качественное и экологически чистое продовольствие и т.д. Удовлетворение такого спроса с российской стороны могло бы быть обеспечено за счет скоординированных действий государства и частных коммерческих структур, в том числе малого и среднего бизнеса, пока слабо представленного в региональном экономическом пространстве. Целевая поддержка (доступ к кредитам, информационно-аналитическое обеспечение, подготовка кадров и т.д.) для малого и среднего бизнеса дальневосточных регионов России позволили бы использовать потенциал растущего спроса со стороны среднего класса стран АТР в интересах развития.

Особое значение в современных условиях приобретают возможности *внешней культурной политики*. Этот фактор важен и с точки зрения роста коммерческих результатов собственно экспорта продукции данной отрасли, и с точки зрения положительного эффекта для имиджа России. Правильность такого варианта видения ситуации подтверждают результаты южнокорейской политики *халлю* (*корейской волны*), проведение которой в значительной степени способствовало успешной экономической экспансии Южной Кореи в восточноазиатские страны. Как показал корейский опыт, культура и бизнес могут плодотворно дополнять друг друга в стране и на внешних рынках. Аналогичную политику в настоящее время активно стремится проводить Китай. Располагая большим и разнородным культурным потенциалом, Россия имеет возможность добиться в обозримой перспективе не меньших результатов. Кроме того, важным ресурсом такой политики может стать потенциал дальневосточных регионов России в сфере науки и образования, укрепление которого необходимо максимально поддерживать. В последнее время на российском Даль-

нем Востоке развивается или создается заново культурная и научно-образовательная инфраструктура, связанная с крупнейшими центрами европейской части России и способная успешно интегрироваться в региональное культурное пространство.

При этом следует принимать во внимание, что России и странам региона в целом ряде случаев приходится решать ряд близких по характеру задач, *требующих объединения усилий*. Например, растущий спрос на качественное образование и здравоохранение в ряде стран Восточной Азии (Китай, Вьетнам, Индонезия, Филиппины и др.), также как и в России, приходится удовлетворять в условиях больших и часто труднодоступных территорий, что актуализирует потребность в дистанционном образовании, удаленной врачебной диагностике, своевременной доставке современных лекарств, медицинского оборудования и т.д.

В этом контексте столь же актуальна транспортная проблема. Участие России в повышении эффективности работы транспортных коридоров, включая Северный морской путь, БАМ, Транссиб, а также имеющийся потенциал транспортного машиностроения (прежде всего авиационной промышленности) создают дополнительную основу для взаимодействия со странами Восточной Азии.

Однако остается злободневным вопрос соотношения планов инфраструктурных проектов и реальных возможностей с современными тенденциями логистических приоритетов внешних партнеров России. Пока до 90% грузоперевозок между Китаем и Евросоюзом приходится на морской транспорт [Кобер 2018]. Россия могла бы расширить свои возможности транзита по железным дорогам. В связи этим требуется выработка быстрого, но максимально прагматичного подхода к

Таблица 3. Торговые связи России со странами Восточной Азии (млрд долл., в скобках – доля в %)**Table 3.** Russia's trade with East Asian countries (bln USD, in brackets – share in %)

	Экспорт России 2013 / Russian export 2013	Импорт России 2013 / Russian import 2013	Оборот 2013 / Turnover 2013	Экспорт России 2017 / Russian export 2017	Импорт России 2017 / Russian import 2017	Оборот 2017 / Turnover 2017
Всего внешняя торговля / Total foreign trade	527 266 (100%)	314 945 (100%)	842 211 (100%)	359 151 (100%)	228 213 (100%)	587 364 (100%)
Китай / China	35 625 (6,8%)	53 173 (16,9%)	88 798 (10,5%)	37 524 (10,4%)	48 373 (21,2%)	85 897 (14,6%)
Гонконг / Hong Kong	3 026 (0,6%)	172 (0%)	3 198 (0,4%)	684 (0,2%)	217 (0,1%)	901 (0,2%)
Тайвань / Taiwan	4 443 (0,8%)	1 915 (0,6%)	6 358 (0,8%)	3 370 (0,9%)	1 930 (0,8%)	5 300 (0,9%)
Всего АСЕАН / ASEAN total	8 994 (1,7%)	9 074 (2,9%)	18 068 (2%)	6 672 (1,9%)	10 871 (4,8%)	17 543 (3%)
Республика Корея / The Republic of Korea	14 867 (2,8%)	10 305 (3,3%)	25 172 (3%)	12 100 (3,4%)	6 919 (3,0%)	19 019 (3,2)
КНДР / DPRK	103 (0%)	9 (0%)	124 (0%)	74 (0%)	3 (0%)	77 (0%)
Япония / Japan	19 668 (3,75)	13 560 (4,3%)	33 228 (3,9%)	10 500 (2,9%)	7 763 (3,4%)	18 263 (3,1%)
Всего Восточная Азия / East Asia total	86 726 (16,4%)	88 208 (28%)	174 946 (20,8%)	70 924 (19,7%)	76 076 (33,3%)	147 000 (25%)
Индия / India	6 983 (1,3%)	3 091 (1,0%)	10 074 (1,2%)	5 426 (1,5%)	2 896 (1,3%)	8 322 (1,4%)

0 – менее 0,1%;

0 – less than 0,1%

Источник / Source: [Trade Map].

адаптации возможностей российских транспортников с интересами внешних партнеров. Особое значение имеет проблема «расшивки узких мест» и развития пограничных переходов для расширения собственного экспорта и обеспечения транзитных поставок.

Влияние фактора среднего класса сказывается на потребительских требованиях к такой традиционной отрасли, как энергетика. Российский экспортный потенциал здесь нуждается в дальнейшем развитии, имея в виду, что потребность в электроэнергии допол-

няется спросом на т.наз. «умную энергетику», системы типа smart grid, развитие технологий энергоэффективности в рамках концепции «умного жилища». В странах региона уже реализуются такого рода конкретные программы и пилотные проекты, в том числе и в международном формате. И России есть смысл искать возможности присоединиться к ним.

То же самое можно сказать и в отношении космических программ, инициатив освоения биологических и минеральных ресурсов прилегающих мо-

рей Мирового океана, принятых странами АТР стратегий развития цифровой экономики, инновационного взаимодействия государства, частного бизнеса и науки.

Динамичный рост среднего класса в регионе позволяет прогнозировать расширение спроса на туристические услуги: рост мирового туризма (на 1 млрд поездок в год) в ближайшее десятилетие обеспечит в основном как раз местный средний класс. В частности, Китай по некоторым оценкам может к 2030 г. обойти Францию по числу принимаемых иностранных туристов и выйти по этому показателю на первое место в мире [China Overtake 2018]. Россия также способна претендовать на заметную долю на рынке туристических услуг: историко-познавательный туризм, образовательный, лечебный, гастрономический, спортивный (включая охоту и рыболовство), событийный, экстремальный имеют значительный потенциал, что открывает дополнительные коммерческие ниши для отечественного малого и среднего бизнеса.

Между тем актуальным остается вопрос об основных акторах, условиях реализации и последовательности экономического политики на тихоокеанском направлении. За последнее десятилетие был принят ряд важных решений, связанных с поддержкой развития российского Дальнего Востока, а также с расширением его всесторонних связей с Восточной Азией («территории опережающего развития», «свободный порт Владивосток» и т.д.). Однако по данным Российского союза промышленников и предпринимателей (РСПП), в 2014–2018 гг., несмотря на все предпринятые усилия, доля дальневосточного региона в общем объеме инвестиций в основной капитал в России выросла только на 1% (с 6% до 7%). В заявленных 731 проекте освоена лишь 1/3 капиталовложений. При этом 80% инвестиций в основной

капитал направляются на действующие производства, а не на строительство новых. Причем 70% средств поступают из бюджета или инвестируются госкорпорациями [Комраков 2018].

В этих условиях структура российского экспорта остается традиционной, что подразумевает преобладание сырья и энергоносителей. За первое полугодие 2018 г. в целом российский экспорт в Китай на фоне роста цен на топливо увеличился на 43% до 26 млрд долл., тогда как несырьевой экспорт вырос на 19% до 5,8 млрд долл., составив в общем объеме вывезенных товаров 22% [Комраков 2018]. Среди импортеров российского продовольствия КНР все еще остается на втором месте, уступая Египту, население которого в десять раз меньше населения Китая [Сухорукова, Новопашина 2018].

Перспективы участия России в региональных политических процессах

России приходится считаться с тесной взаимозависимостью в регионе политики и экономики. Политические диалоги на региональных форумах в Восточной Азии пока не позволили найти удовлетворяющую все стороны институциональную основу и правовую базу региональной системы безопасности. Угрозы межгосударственных конфликтов сегодня носят многовекторный характер.

Среди них наиболее важными остаются:

- риски дестабилизации военно-политической ситуации на Корейском полуострове, обусловленные последствиями плохо прогнозируемых внутренних трансформаций северокорейского государства и реализацией ракетно-ядерных программ КНДР;

- сохранение взаимных территориальных притязаний, включая ситуацию в Южно-Китайском море;
- периодически обостряющаяся ситуация в Тайваньском проливе;
- угрозы распространения исламистского терроризма и перемещения экстремистских группировок, несущих потери на Ближнем Востоке, в страны Восточной Азии, где под ударом могут оказаться Индонезия, Малайзия, Филиппины, Китай.
- риски стихийных бедствий, ухудшения окружающей среды, пандемий.

Проблемы региональной безопасности и связанные с ними политические противоречия между ведущими державами региона в перспективе могут оказать существенное негативное влияние на развитие экономических отношений между ними и привести к деформации региональных связей.

В области экономической безопасности негативные последствия принесут решения, принимаемые государствами региона в одностороннем порядке и носящие протекционистский характер. Системное введение торговых барьеров, вероятная реализация политики санкций и ограничений в сфере экспортного контроля США в отношении КНР может не только значительно изменить американо-китайские отношения, но и повлиять на всю систему экономических связей в регионе. Сохраняется проблема обеспечения свободы судоходства, энергетической стабильности.

Между тем региональная система безопасности остается фрагментарной и архаичной. Здесь обозначились трудности модернизации сохранившихся со времен холодной войны военных союзов США с Японией и Южной Кореей. В японском обществе возникли сомнения в способности и готовности амери-

канского партнера поддержать Токио в территориальном споре с Пекином. В свою очередь Южная Корея, стремясь сохранить большую гибкость в отношениях с Северной Кореей и Китаем (а также с Россией), отказывается от однозначного участия в трехстороннем военно-политическом союзе Вашингтон – Токио – Сеул. Реанимированная президентом Д. Трампом японская концепция Индо-Тихоокеанского региона (Индо-Пацифика), подразумевающая тесное сотрудничество США, Австралии, Японии и Индии и нацеленная на сдерживание Китая, встречает неприятие в Пекине и неоднозначные оценки в странах АСЕАН.

Многовекторный характер угроз безопасности региона предполагает и многовекторный ответ России.

На Корейском полуострове перед Россией стоит задача преодолеть отстранение Москвы от участия в корейском урегулировании. Отсюда злободневность продвижения в переговорах с партнерами идеи создания многостороннего консультативного механизма с участием заинтересованных государств. Только при нормализации политической обстановки на Корейском полуострове, стабилизации межкорейских отношений и доверии к действиям КНДР возможно для России участие в реализации здесь энергетических, транспортных и других крупных проектов.

Важным представляется активное участие России в обсуждении превентивных мер по противодействию вероятным угрозам распространения в Восточной Азии исламского терроризма, в том числе в рамках ШОС, Восточноазиатского саммита, в формате Россия – АСЕАН, по линии российско-американского диалога безопасности, если таковой будет запущен.

Позиция России в отношении концепции Индо-Тихоокеанской Азии объ-

активно определяется складывающимися в регионе трактовками ее содержания. Интересам России не противоречат ни активизация политики Дели на тихоокеанском направлении, ни встречный интерес стран Восточной Азии к Индии. Однако не в интересах России рост противоречий между Индией и КНР. России приходится считаться с тем, что ряд стран региона, в том числе и членов АСЕАН, воспринимают Дели в качестве возможного противовеса растущему военно-политическому влиянию и экономической напористости Пекина в продавливании своих проектов. Однако России следует учитывать антикитайскую направленность концепции в интерпретации США и (в меньшей степени) Японии. Стратегически в российских интересах развитие большого Индо-Тихоокеанского пространства экономических связей, но не системы военно-политической конфронтации. В любом случае одним из важнейших приоритетов российской дипломатии является поддержание сбалансированных и всемерно расширяющихся отношений с Китаем и Индией, не противопоставляя их друг другу.

Здесь сталкиваются два противоположных вектора: расширение индийского присутствия в Восточной Азии подразумевает новые возможности экономической конкуренции, дипломатических маневров и международного диалога, т.е. имеет креативное значение для региона. Но с другой стороны, попытка организовать при этом противостояние или сдерживание Китая угрожает новыми разделительными линиями, замораживанием старых и появлением новых конфликтных зон, т.е. несет негативный заряд.

В развитии концепции Индо-Тихоокеанского региона стали проявляться позитивные надежды, связанные с изменением жесткой позиции Пекина. В самое последнее время в Китае ста-

ла проводится мысль о том, что и сама Индо-Тихоокеанская концепция, и ее политическая составляющая – формат четырехстороннего диалога в сфере безопасности – КВОД (QUAD) (США, Япония, Индия, Австралия) не представляют стратегической угрозы Китаю. Позитивные последствия имели японо-китайские переговоры на высшем уровне. Просматривающийся в этой связи шанс укрепления российского влияния видится в следующем. Россия, Китай, Индия являются членами ШОС и участницами трехстороннего формата России – Индия – Китай (РИК). Это позволяет выступить с инициативой нового Диалога безопасности на уровне заместителей министров иностранных дел и обороны в формате РИК–КВОД или более расширенном формате ШОС–КВОД. Фактическое диалоговое подключение России и Китая к созданному США вокруг Индии формату КВОД могло бы помочь осуществить более тонкую настройку российского дипломатического курса. Такой подход позволил бы поддерживать позитивные аспекты присутствия Индии в АТР и минимизировать риски деструктивного использования «индийского фактора» со стороны Вашингтона.

***

Процессы формирования институциональной среды регионального сотрудничества в АТР находятся на пути. Продолжение торгово-экономического противостояния между США и КНР обесценивает претензии этих государств на глобальное и региональное лидерство, ограничивает возможность стран АТР наметить магистральное направление многостороннего взаимодействия.

Вместе с тем готовность региональных политических элит к поиску взаимопонимания, выраженная, в частно-

сти, в дипломатической активности ряда стран Восточной Азии и Индии по оказанию поддержки отдельным двусторонним и многосторонним проектам и отраслевым программам, а также проявленная ТНК заинтересованность в смягчении сложившегося противостояния вносят свой вклад в развитие в регионе торгово-экономических обменов, что призвано частично компенсировать стагнацию реализации мегапроектов.

В свою очередь существующая взаимозависимость американской и китайской экономик, стимулирующая Вашингтон и Пекин поддерживать диалог, также закладывает предпосылки для компромисса и сохраняет вероятность возвращения в среднесрочной перспективе в повестку дня преодоление кризиса в реализации мегапроектов в АТР.

В сложившихся условиях Россия стоит перед необходимостью адаптировать свою внешнеэкономическую стратегию на тихоокеанском направлении к новым тенденциям, активизируя двустороннее сотрудничество с ключевыми партнерами и концентрируя усилия на наиболее значимых проектах, опираясь на взаимодействие государственных институтов и частного бизнеса. Накопленные в ходе этого процесса опыт и потенциал позволят России уточнить региональные приоритеты и упрочат возможности по реализации своих интересов в АТР, в том числе в рамках наиболее перспективных мегапроектов.

Список литературы

- Год планеты. Ежегодник (2007) // ИМЕМО // https://www.imemo.ru/jour/god_planety/index.php?page_id=665&jid=230, дата обращения 31.01.2019.
- Год планеты. Ежегодник (2017) // ИМЕМО // https://www.imemo.ru/index.php?page_id=645&id=3908, дата обращения 31.01.2019.
- Кобер П. (2018) Манна Поднебесная // Эксперт Урал. № 26 (768) // <http://expert.ru/ural/2018/26/manna-podnebesnaya>, дата обращения 31.01.2019.
- Комраков А. (2018) Правительство забыло о частном секторе // Независимая газета. 22 октября 2018 // http://www.ng.ru/economics/2018-10-21/2_7336_private.html, дата обращения 31.01.2019.
- Маляренко Е. (2018) Минфин перечислил названные финансовой G20 риски для мировой экономики // РБК. 13 октября 2018 // <https://www.rbc.ru/economics/13/10/2018/5bc21fe29a79471cadd6805>, дата обращения 31.01.2019.
- Рахман Г. (2018) Трамп как олицетворение духа времени // Ведомости. 26 октября 2018 // <https://www.vedomosti.ru/opinion/columns/2018/10/26/784756-tramp-kak-olitsetvorenje-duha-vremeni>, дата обращения 31.01.2019.
- Серебряный И. (2018) Китай не захотел кредитовать Россию юанями // Ридус. 15 октября 2018 // <https://www.ridus.ru/news/285522>, дата обращения 31.01.2019.
- Скосырев В. (2018) Россия остается на обочине нового шелкового пути // Независимая газета. 28 октября 2018 // http://www.ng.ru/world/2018-10-28/6_7341_pekin.html, дата обращения 31.01.2019.
- Сухорукова Е., Новопашина Н. (2018) Египет стал крупнейшим покупателем российских продуктов // РБК. 21 февраля 2018 // <https://www.rbc.ru/business/21/02/2018/5a8c24c89a79477a3f60a820>, дата обращения 31.01.2019.
- Федоровский А. (2018) АТЭС и перспективы региональной интеграции // Азия и Африка сегодня. № 6. С. 44–50. DOI: 10.7868/S0321507518060065
- An Baijie, Wilson K. (2018) Open to the World // China Daily, Novem-

ber 12, 2018 // <https://chinadailyasia.com/articles/160/83/194/1542015857616.html?newsId=53370>, дата обращения 31.01.2019.

Bergsten C.F. (2018) China and the United States: Contest for Global Economic Leadership // *China & World Economy*, vol. 26, no 5, pp. 12–13. DOI: 10.1111/cwe.12254

Boustany C. Jr., Gilispie C. (2018) Strengthening U.S. Trade Strategy in the Asia-Pacific: the Role for the Korea-U.S. FTA // *The National Bureau of Asian Research*, February 14, 2018 // <http://www.nbr.org/research/activity.aspx?id=846>, дата обращения 31.01.2019.

Chang P. (2018) How China Lost Sight of Malaysia's Changes // *The Diplomat*, June 16, 2018 // <https://thediplomat.com/2018/06/how-china-lost-sight-of-malaysias-changes/>, дата обращения 31.01.2019.

China Overtake France in Tourists by 2030 (2018) // *Korea Joong Daily*, November 8, 2018.

Choi He-suk (2018) Moon Says 'New Order' Being Formed on Korean Peninsula // *The Korea Herald*, October 8, 2018 // [http://www.koreaherald.com/view](http://www.koreaherald.com/view.php?ud=20181008000554)

[php?ud=20181008000554](http://www.koreaherald.com/view.php?ud=20181008000554), дата обращения 31.01.2019.

Eichengreen B. (2018) Is It the End of the Global Trading Order, or Just a Recasting? // *Global Asia*, vol. 13, no 2, pp. 8–13.

New Economy Forum (2018) // <https://www.neweconomyforum.com/speakers/#row-5c2e2bc54d28a>, дата обращения 31.01.2019.

Pejon C., Saint-Mezard I. (2018) The Japan-India Economic Partnership: A Politically Driven Process // *Asie. Visions*. No. 100, September 2018 // <https://www.ifri.org/en/publications/notes-de-lifri/asie-visions/japan-india-economic-partnership-politically-driven-process>, дата обращения 31.01.2019.

Sevastopulo D. (2017) Trump Gives Glimpse on 'Indo-Pacific' Strategy to Counter China // *Financial Times*, November 10, 2017 // <https://www.ft.com/content/e6d17fd6-c623-11e7-a1d2-6786f39ef675>, дата обращения 31.01.2019.

Trade Map. International Trade Statistics // <https://www.trademap.org/tradestat>, дата обращения 31.01.2019.

Wei Shang-Jin (2018) Imports to Spur China's Trade Surplus // *The Korea Herald*, November 9–11, 2018.

Political Processes in the Changing World

DOI: 10.23932/2542-0240-2019-12-1-6-25

Crisis of Regional Leadership and Stagnation of Mega-projects in Asia-Pacific: Consequences for Russia

Alexander N. FEDOROVSKY

DSc in Economics, Chief Research Fellow

Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations of the Russian Academy of Sciences, 117997, Profsoyuznaya St., 23, Moscow, Russian Federation

E-mail: a.fedorovsk@imemo.ru

ORCID: 0000-0002-3892-8432

CITATION: Fedorovsky A.N. (2019) Crisis of Regional Leadership and Stagnation of Mega-projects in Asia-Pacific: Consequences for Russia. *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*, vol. 12, no 1, pp. 6–25 (in Russian). DOI: 10.23932/2542-0240-2019-12-1-6-25

Received: 20.11.2018.

ABSTRACT. *Analyses of modern trade and economic relations in Asia-Pacific region. Research of the roles of the United States of America and China under the conditions of protectionism initiated by the D. Trump's administration and stagnation of mega-projects. Crisis of leadership and role of USA and China in regional mega-project (APEC, TPP, RCPEC). Ability of the USA and the PRC to create regional economic priorities, as well as to determine the course of integration processes. Analysis of the main obstacles of realization of American and Chinese leadership potential. Regional integration project initiated by Japan, India and the Republic of Korea and prospects for Indo-Pacific Asia. China-USA competition and main trends of regional integration. Comparative study of opportunities and prospects for bilateral and mega-regional economic projects. As an example, observation of South Korean initiative*

"New Economic Map" is presented and analyzed. Role of "New Economic Forum" initiated by Bloomberg with support of global big business is examined also. Initiative of Indo-Pacific region, Japan-India economic cooperation are examined, as well as Washington policy to counterweight China foreign economic and political expansion. Analyzing of prospects and consequences of competition between USA and the PRC in Pacific regions. Main issues, opportunities and challenges of Russia's economic expansion in Asia-Pacific region. Close interconnection between policy, security and economic cooperation in the region: influence on Russia's Pacific priorities and diplomacy. Characteristics of some problems of Russian "East Policy" during last several years. Some arguments are presented in favor of Russia's strategy of "policy of focused partnerships". This kind of policy means prevail of business activity in some special projects as well as

in some geographic areas. It is also stressed that it is in Russia's long-run interests to use of all kind of diplomatic measures in order to minimize any attempts to oppose India to China. But try its best to support cooperation between Russia, China and India in Pacific, as well as in Indo-Pacific region.

KEY WORDS: Asia-Pacific, Indo-Pacific region, regional integration, mega-projects, USA, China, Japan, India, the Republic of Korea, Russia

References

- An Baijie, Wilson K. (2018) Open to the World. *China Daily*, November 12, 2018. Available at: <https://chinadailyasia.com/articles/160/83/194/1542015857616.html?newsId=53370>, accessed 31.01.2019.
- Bergsten C.F. (2018) China and the United States: Contest for Global Economic Leadership. *China & World Economy*, vol. 26, no 5, pp. 12–13. DOI: 10.1111/cwe.12254
- Boustany C. Jr., Gilispie C. (2018) Strengthening U.S. Trade Strategy in the Asia-Pacific: the Role for the Korea-U.S. FTA. *The National Bureau of Asian Research*, February 14, 2018. Available at: <http://www.nbr.org/research/activity.aspx?id=846>, accessed 31.01.2019.
- Chang P. (2018) How China Lost Sight of Malaysia's Changes. *The Diplomat*, June 16, 2018. Available at: <https://thediplomat.com/2018/06/how-china-lost-sight-of-malysias-changes/>, accessed 31.01.2019.
- China Overtake France in Tourists by 2030 (2018). *Korea Joonang Daily*, November 8, 2018.
- Choi He-suk (2018) Moon Says 'New Order' Being Formed on Korean Peninsula. *The Korea Herald*, October 8, 2018. Available at: <http://www.koreaherald.com/view.php?ud=20181008000554>, accessed 31.01.2019.
- Eichengreen B. (2018) Is It the End of the Global Trading Order, or Just a Recasting? *Global Asia*, vol. 13, no 2, pp. 8–13.
- Fedorovsky A. (2018) APEC and Prospects for Regional Integration. *Asia and Africa Today*, no 6, pp. 44–50 (in Russian). DOI: 10.7868/S0321507518060065
- Kober V. (2018) Manna from Heaven. *Expert Ural*, no 26 (768). Available at: <http://expert.ru/ural/2018/26/mannapodnebnaya>, accessed 31.01.2019 (in Russian).
- Komrakov A. (2018) The Government Forgot about Private Sector. *Nezavisimaya gazeta*, October 22, 2018. Available at: http://www.ng.ru/economics/2018-10-21/2_7336_private.html, accessed 31.01.2019 (in Russian).
- Malyarenko E. (2018) The Ministry of Finance Has Listed the Risks for the Global Economy according to the G20 Finance Chiefs. *RBC*, October 13, 2018. Available at: <https://www.rbc.ru/economics/13/10/2018/5bc21fe29a79471cadd6805>, accessed 31.01.2019 (in Russian).
- New Economy Forum* (2018). Available at: <https://www.neweconomyforum.com/speakers/#row-5c2e2bc54d28a>, accessed 31.01.2019.
- Pejon C., Saint-Mezard I. (2018) The Japan-India Economic Partnership: A Politically Driven Process. *Asie. Visions*, No. 100, September 2018. Available at: <https://www.ifri.org/en/publications/notes-de-lifri/asie-visions/japan-india-economic-partnership-politically-driven-process>, accessed 31.01.2019.
- Rakhman G. (2018) Why Donald Trump May Embody the Spirit of Our Age. *Vedomosti*, October 26, 2018. Available at: <https://www.vedomosti.ru/opinion/columns/2018/10/26/784756-tramp-kak-olitsetvorenije-duha-vremeni>, accessed 31.01.2019 (in Russian).
- Serebryanyj I. (2018) China Did not Want to Lend Russia Yuan. *Ridus*, October 15, 2018. Available at: <https://www.ri->

dus.ru/news/285522, accessed 31.01.2019 (in Russian).

Sevastopulo D. (2017) Trump Gives Glimpse on 'Indo-Pacific' Strategy to Counter China. *Financial Times*, November 10, 2017. Available at: <https://www.ft.com/content/e6d17fd6-c623-11e7-a1d2-6786f39ef675>, accessed 31.01.2019.

Shang-Jin Wei. (2018) Imports to Spur China's Trade Surplus. *The Korea Herald*, November 9–11, 2018.

Skosyrev V. (2018) Russia Remains on the Sidelines of the New Silk Road. *Nezavisimaya gazeta*, October 28, 2018. Available at: http://www.ng.ru/world/2018-10-28/6_7341_pekin.html, accessed 31.01.2019 (in Russian).

Sukhorukova E., Novopashina N. (2018) Egypt Became the Largest Importer of Russian Products. *RBC*, February 21, 2018. Available at: <https://www.rbc.ru/business/21/02/2018/5a8c24c89a79477a3f60a820>, accessed 31.01.2019 (in Russian).

The Year of Planet. Yearbook (2007). *IMEMO*. Available at: https://www.imemo.ru/jour/god_planety/index.php?page_id=665&jid=230, accessed 31.01.2019 (in Russian).

The Year of Planet. Yearbook (2017). *IMEMO*. Available at: https://www.imemo.ru/index.php?page_id=645&id=3908, accessed 31.01.2019 (in Russian).

Trade Map. International Trade Statistics. Available at: <https://www.trademap.org/tradestat>, accessed 31.01.2019.

DOI: 10.23932/2542-0240-2019-12-1-26-43

Большая Евразия, Индо-Тихоокеанский регион и отношения России с АСЕАН

Евгений Александрович КАНАЕВ

доктор исторических наук, профессор, факультет мировой экономики и мировой политики

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,
119017, ул. Малая Ордынка, д. 17, Москва, Российская Федерация

E-mail: ekanaev@hse.ru

ORCID: 0000-0002-7988-4210

Александр Сергеевич КОРОЛЕВ

младший научный сотрудник, Центр комплексных европейских и международных исследований

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,
119017, ул. Малая Ордынка, д. 17, Москва, Российская Федерация

E-mail: askorolev@hse.ru

ORCID: 0000-0001-8560-9517

ЦИТИРОВАНИЕ: Канаев Е.А., Королёв А.С. (2019) Большая Евразия, Индо-Тихоокеанский регион и отношения России с АСЕАН // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. Т. 12. № 1. С. 26–43.

DOI: 10.23932/2542-0240-2019-12-1-26-43

Статья поступила в редакцию 28.09.2018.

Статья подготовлена за счет гранта Российского научного фонда № 17-18-01577 «Формирование Сообщества Большой Евразии и стратегии двустороннего взаимодействия России со странами региона».

АННОТАЦИЯ. В статье выявляется влияние проектов Большой Евразии и Индо-Тихоокеанского региона (ИТР) на развитие отношений между Россией и АСЕАН. Авторы вырабатывают собственные критерии сравнения двух проектов: степень выраженности консолидирующей повестки сотрудничества между их нынешними и будущими участниками, соответствие привычной для Восточной Азии – как экономического драйвера будущих Большой Евразии и ИТР – модальности многостороннего диалога и наличие предпосылок для реализации обоих проектов в длительной перспективе. Проводя такое

сравнение, авторы обосновывают позицию, что Большое евразийское партнерство значительно более конкурентоспособно, чем проект ИТР. Рассматривая сотрудничество России и АСЕАН сквозь призму формирования отношений стратегического партнерства, авторы систематизируют причины низкой динамики развития кооперации и ее наиболее вероятные будущие направления, отталкиваясь от взаимовлияния перспективных планов сторон и формирующегося глобального контекста их диалога. В обозримом будущем во взаимодействии Москвы и Ассоциации на первый план выйдут противо-

действие международному терроризму и наращивание региональных взаимосвязей, однако фокус внимания обеих сторон будет смещаться с ЮВА на евразийское пространство. На взгляд авторов, следствием эволюции проекта ИТР могут стать центробежные тенденции в российско-асиановском сотрудничестве, причиной чего станет снижение эффективности азиатско-тихоокеанских диалоговых площадок по вопросам безопасности, новые российско-китайские совместные маневры в Южно-Китайском море и необходимость на фоне малоубедительных результатов уточнить содержание российско-вьетнамского Всеобъемлющего стратегического партнерства как основы стратегического партнерства России и АСЕАН. В свою очередь Большая Евразия открывает перед Россией и Ассоциацией новые перспективы, в числе которых наращивание взаимосвязей и борьба с угрозой международного терроризма на евразийском континенте посредством адаптации асианоцентричных диалоговых площадок АРФ, СМО АСЕАН+8 и ВАС к будущей системе безопасности, сотрудничества и соработки от Лиссабона до Джакарты. Осознание грядущей смены Азиатского века на Евразийский и становление Большой Евразии в качестве второго глобального полюса позволят России и Ассоциации расширить и диверсифицировать сотрудничество, а в перспективе вывести его на самоподдерживающуюся и самовоспроизводящуюся основу.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Большая Евразия, Индо-Тихоокеанский регион (ИТР), Россия, АСЕАН, сотрудничество, внешняя политика, международные отношения

Сотрудничество между Россией и Ассоциацией стран Юго-Восточной Азии (АСЕАН) традиционно характеризуется как не в полной мере соответствующее своему потенциалу. Тем не менее на юбилейном саммите Россия – АСЕАН в Сочи в мае 2016 г. было решено повысить статус отношений России и АСЕАН до уровня стратегического партнерства¹, что было сделано на Третьем саммите Россия – АСЕАН в Сингапуре [Joint Statement of the 3rd ASEAN – Russian Federation Summit 2018]. Это предполагает наращивание масштабов и качества сотрудничества на основе принципиально иной повестки по сравнению с существовавшей до сих пор.

Практическая реализация столь амбициозной заявки будет проходить в новом международном контексте. Его современная особенность – развитие мегарегиональных проектов, таких как большое евразийское партнерство и Индо-Тихоокеанский регион.

Большая Евразия и Индо-Тихоокеанский регион как многосторонние проекты

Концепция большого евразийского партнерства, также известная как Большая Евразия, зародилась в российских экспертных кругах в 2015 г. после обострения отношений России с Западом. На высшем уровне идея была высказана Президентом РФ В.В. Путиным во время Петербургского международного экономического форума в июне 2016 г.² Нацеленность России на создание большого евразийского партнерства было закреплена в ряде международно-правовых

1 Сочинская декларация юбилейного саммита Россия – АСЕАН в связи с 20-летием установления диалогового партнерства между Российской Федерацией и АСЕАН «На пути к взаимовыгодному стратегическому партнерству» (2016) // Россия – АСЕАН. 20 мая 2016 // <http://russia-asean20.ru/documents/>, дата обращения 31.01.2019.

2 Пленарное заседание Петербургского международного экономического форума (2016) // Президент России. 17 июня 2016 // <http://kremlin.ru/events/president/news/52178>, дата обращения 31.01.2019.

документов и выступлений главы государства. В их числе – российско-китайская декларация, подписанная лидерами двух стран во время визита российского президента в Китай в июне 2016 г., выступления В.В. Путина на Международном форуме «Один пояс, один путь» в Пекине в мае 2017 г. и Восточном экономическом форуме в 2016–2018 гг.³

Конкурентом Большой Евразии выступает другой глобальный проект – формирование Индо-Тихоокеанского региона. Эта тема стала одной из самых обсуждаемых после речи Д. Трампа на форуме АТЭС в Дананге в ноябре 2017 г. и принятия участниками Четырехстороннего оборонного формата (ЧОФ) в составе США, Японии, Австралии и Индии последующих документов⁴.

Компетентное и нюансированное сравнение двух мегапроектов целесообразно провести по следующим критериям: консолидирующая повестка сотрудничества, соответствие привычной для стран Восточной Азии (как предполагаемого экономического ядра ИТР и большого евразийского партнерства) философии взаимодействия на многосторонней основе и степень устойчивости в долгосрочной перспективе.

Применительно к первому критерию сравнения – вопросу о *консолидирующей повестке сотрудничества* в проектах Большой Евразии и ИТР – выделим следующие моменты.

Хотя до настоящего времени концепция Большой Евразии не изложена во

всех деталях на официальном уровне, ее философия просматривается вполне отчетливо. Большое евразийское партнерство нацелено на гармонизацию повесток уже существующих институтов и проектов – АСЕАН, ЕАЭС, ШОС, ОДКБ, Инициативы «Пояса и Пути» (ИПП). Конечная цель этих усилий состоит в создании общеконтинентальной системы сотрудничества, сотрудничества и безопасности от Джакарты до Лиссабона.

Согласно замыслу архитекторов большого евразийского партнерства, эта инициатива будет носить инклюзивный характер. Отталкиваясь от российско-китайского сотрудничества, но не замыкаясь на нем, инициатива предполагает привлечение других крупных незападных акторов – Индии, Ирана, АСЕАН.

Большая Евразия открыта и для стран Европы. Несмотря на стагнацию и попятные движения в развитии политического диалога между Россией и европейскими государствами, наиболее дальновидные европейские интеллектуалы уже начали осмысление проекта Большой Евразии. Показательной в этой связи является точка зрения португальского политолога Бруно Масаша, который рассматривает формирование Большой Евразии как объективный процесс, вызванный т.наз. «усилением дуги нестабильности» от Афганистана до Северной Африки. Отсюда – потребность в создании консолидированной архитектуры евразийской безопасности, назначение которой – дополнить

3 Декларация Российской Федерации и Китайской Народной Республики о повышении роли международного права (2016) // Министерство иностранных дел Российской Федерации. 25 июня 2016 // http://www.mid.ru/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/2331698, дата обращения 31.01.2019; Международный форум «Один пояс, один путь» (2017) // Президент России. 14 мая 2017 // <http://kremlin.ru/events/president/news/54491>, дата обращения 31.01.2019; Пленарное заседание Восточного экономического форума (2018) // Президент России. 12 сентября 2018 // <http://kremlin.ru/events/president/news/58537>, дата обращения 31.01.2019.

4 Remarks by President Trump at APEC CEO Summit. Da Nang, Vietnam (2017) // The White House, November 10, 2017 // <https://www.whitehouse.gov/briefings-statements/remarks-president-trump-apec-ceo-summit-da-nang-vietnam/>, дата обращения 31.01.2019; Australia-Japan-United States Trilateral Strategic Dialogue Joint Ministerial Statement (2018) // U.S. Department of State, August 5, 2018 // <https://www.state.gov/r/pa/prs/ps/2018/08/284940.htm>, дата обращения 31.01.2019; Joint Statement: Australia-U.S. Ministerial Consultations 2018 (2018) // U.S. Embassy & Consulates in Australia, July 25, 2018 // <https://au.usembassy.gov/joint-statement-australia-u-s-ministerial-consultations-2018/>, дата обращения 31.01.2019.

несостоявшуюся концепцию «Большой Европы» [Maçães 2018, p. 148].

В контексте наращивания сотрудничества России с Китаем и другими азиатскими странами продвижение Москвой концепции большого евразийского партнерства можно рассматривать, помимо прочего, как попытку выстраивать диалог с Европой на качественно новой основе.

Ситуация с проектом ИТР принципиально иная: состав участников, повестка переговоров и предлагаемые инициативы позволяют сделать вывод, что концепция Индо-Тихоокеанского региона носит антикитайские очертания. Возобновление нарратива об ИТР осенью 2017 г. свидетельствует: «инклюзивного Азиатско-Тихоокеанского региона», в основе которого – сотрудничество США и КНР, больше не существует.

Стремление стран Тихого и Индийского океанов присоединиться к проекту ИТР подрывает слабая проработка его экономической составляющей. Нет ясности, предполагает ли проект развитие трансграничной инфраструктуры на огромном пространстве Индо-Пасифики – что по определению затратно в финансовом отношении – и если такое строительство планируется, какие страны, в каких объемах и на каких условиях будут его финансировать. Единственная представленная участниками ЧОФ на сегодняшний день цифра – 113 млн долл.⁵ – ничтожно мала для реализации крупных проектов.

Не прояснен вопрос и об институтах сотрудничества – ни одна из существующих на пространствах Тихого и Индийского океанов структур многосторонней дипломатии для этой задачи не подходит, а создавать новую без Китая бессмысленно.

Военно-политическое измерение проекта ИТР содержит все признаки «отложенной конфронтации». Гипотетически возможное предложение Вашингтона Нью-Дели о военном союзе, аналогичном американо-японскому и американо-австралийскому, не останется без ответа со стороны не только России и Китая, но и такого влиятельного субъекта мировой политики, как Иран.

Проект ИТР не обладает достаточным потенциалом, чтобы консолидировать интересы даже нынешних участников ЧОФ. Маловероятно, что Индия, в политике которой сильны традиции неприсоединения, будет следовать в фарватере американских интересов там, где это не отвечает ее собственным.

Австралия, чья повестка в отношениях с Китаем не идентична американской, едва ли воспримет с энтузиазмом перспективу подключения к проводимым ВМФ США Операциям по обеспечению свободы судоходства (*Freedom of Navigation Operations, FONOP*) в Южно-Китайском море, а Япония – вероятно в силу фактора «дипломатии чековой книжки» делегирования ей партнерами по ЧОФ обязанности финансировать строительство инфраструктуры в странах Африки.

По второму критерию – *привычной философии многостороннего сотрудничества* – Большая Евразия значительно более конкурентоспособна, чем ИТР. Сторонники большого евразийского партнерства декларируют неприятие асимметричной зависимости, санкций или иных форм экономического и дипломатического давления в качестве способа достичь внешнеполитические цели. И напротив – подчеркивают значимость таких принципов, как уважение международного права, признание ведущей

5 Pompeo M. (2018) Remarks on «America's Indo-Pacific Economic Vision» // U.S. Department of State, July 30, 2018 // <https://www.state.gov/secretary/remarks/2018/07/284722.htm>, дата обращения 31.01.2019.

роли ООН, политический и культурный плюрализм, уважение суверенитета и территориальной целостности стран [Караганов, Бордачев, Безбородов, Королев, Кашин, Лихачева, Макаров, Степанов, Соколова, Шумкова 2017, с. 28–29].

Приверженность таким принципам большей части незападных игроков создает предпосылки для формирования культурной и идеологической общности на пространстве Большой Евразии на взаимовыгодной и недискриминационной основе, что обуславливает привлечение к проекту новых участников [Караганов, Бордачев, Бляхер, Дружинин 2018, с. 18].

Применительно к проекту ИТР наблюдается иная картина: «либеральный мировой порядок» как декларируемая ценностная основа взаимодействия участников ЧОФ скорее препятствует, чем способствует его расширению. Сомнительно, что Вьетнаму, Филиппинам, Таиланду, Ирану, ряду государств Арабского Востока и Африки импонирует такой нарратив, к тому же подаваемый в напористо-безапелляционном стиле.

Для Большой Евразии и ИТР характерен различный подход к выстраиванию экономических отношений с партнерами. Интерпретируя заявления российских официальных лиц, можно прогнозировать, что ключевым инструментом наращивания торгово-экономической кооперации на пространстве Большой Евразии станет создание региональных торговых соглашений⁶.

Такая установка подтверждается практикой конкретных дел. В 2015 г. подписано соглашение о ЗСТ ЕАЭС с Вьетнамом, а в мае 2018 г. – временное

соглашение, ведущее к образованию ЗСТ с ЕАЭС, с Ираном. В настоящее время ЕЭК прорабатывает преференциальные соглашения с другими партнерами, в числе которых Индия, Южная Корея и Сингапур. Как отмечает Председатель Коллегии ЕЭК Т.С. Саркисян, установить прямые экономические отношения с ЕАЭС, в том числе в формате ЗСТ, выразили желание более пятидесяти стран⁷.

Поскольку проект Большой Евразии будет выстраиваться вокруг ИПП, можно обоснованно прогнозировать развитие наращивания взаимосвязей, главным образом инфраструктурного строительства, на десятилетия вперед.

Что касается ИТР, то его эволюция противоречит сложившейся в Восточной Азии модальности многостороннего сотрудничества. Институты выстраиваются без учета специфики торговых, инвестиционных и технологических обменов, функционирования производственно-сбытовых цепочек, степени развитости межфирменных связей и наличия стратегических альянсов между предприятиями.

В Восточной Азии японоцентричная модель производственно-технологической кооперации (т.наз. «модели гусиного клина») легла в основу последующих – на раннем этапе развития неофициальных – институтов сотрудничества: Совета по экономическому сотрудничеству в бассейне Тихого океана (*Pacific Basin Economic Council*) и Тихоокеанского совета по экономическому сотрудничеству (*Pacific Economic Cooperation Council*). Официальное оформление диалога – создание форума АТЭС и несколько позднее восточ-

6 Послание Президента Федеральному Собранию (2016) // Президент России. 1 декабря 2016 // <http://kremlin.ru/events/president/news/53379>, дата обращения 31.01.2019.

7 Тигран Саркисян: более 50 стран хотят прямых экономических отношений с ЕАЭС (2018) // Мир24. 20 марта 2018 // <https://mir24.tv/news/16296842/tigran-sarkisyan-bolee-50-stran-hotyat-priamyh-ekonomicheskikh-otnoshenii-s-eaes>, дата обращения 31.01.2019.

ноазиатских форматов экономического регионализма – произошло спустя десятилетия. Парадигма формирования ИТР прямо противоположная: сначала его «архитекторы» создали институт сотрудничества – Четырехсторонний оборонный формат – а экономическая повестка, даже на уровне осмысления, оставлена на потом.

Это свидетельствует об отходе от экономизации процессов безопасности как специфики регионализма в Восточной Азии. Элиты восточноазиатских стран не могут не осознавать: экономическое сотрудничество уже не выступает компенсаторным механизмом политических противоречий, содействуя снижению их остроты.

Наконец, сравнение двух проектов по третьему критерию – *степени их жизнеспособности в долгосрочной перспективе* – снова свидетельствует в пользу Большой Евразии. Эволюция евразийского геостратегического пространства во многом будет определяться сопряжением Евразийского экономического союза и Экономического пояса Шелкового пути.

О прогрессе на данном направлении свидетельствует подписание Соглашения о торгово-экономическом сотрудничестве между ЕАЭС и КНР на Астанинском экономическом форуме в мае 2018 г.⁸ Отдельного внимания заслуживает завершение совместного технико-экономического обоснования (ТЭО) Соглашения о Евразийском экономическом партнерстве между Россией и Китаем, отраженное в заявлении по итогам переговоров В.В. Путина и Си Цзиньпина в Пекине в июне 2018 г.⁹

Заключение вышеупомянутого ТЭО является отправной точкой формиро-

вания преференциального торгово-экономического соглашения между Россией и Китаем. В перспективе можно ожидать подключения к нему других государств ЕАЭС.

Безотносительно сопряжения с ЭПШП, развитие ЕАЭС как международного актора будет носить долгосрочный характер. Наряду с сотрудничеством с третьими странами можно обоснованно прогнозировать углубление интеграционных процессов внутри самого объединения, в частности развитие нормативно-правовой базы и институциональных механизмов сотрудничества, активизацию усилий по созданию единых рынков, а также осознание государствами – членами Союза необходимости согласовать позиции по вопросам стратегического развития с расчетом на длительную перспективу.

Что касается ИТР, у него может не оказаться перспективы уже через несколько лет: его реализация может быть приостановлена в 2024 г., а возможно даже через два года. Как показывает пример Транстихоокеанского партнерства, новая американская администрация способна в одночасье переречеркнуть усилия предыдущей, действуя не на основе продуманной и рассчитанной на десятилетия вперед стратегии, а в рандомно-импровизационном стиле.

Анализ двух проектов по предложенным авторами критериям подталкивает к выводу, что Большая Евразия обладает качествами, позволяющими прогнозировать ее успешное развитие и высокую конкурентоспособность в стратегической перспективе, в то время как проект ИТР сталкивается с факторами, подрывающими его жизнеспособность.

8 Подписано Соглашение о торгово-экономическом сотрудничестве между ЕАЭС и КНР (2018) // Евразийская экономическая комиссия. 17 мая 2018 // <http://www.eurasiancommission.org/ru/nae/news/Pages/17-05-2018-5.aspx>, дата обращения 31.01.2019.

9 Заявления для прессы по итогам российско-китайских переговоров (2018) // Президент России. 8 июня 2018 // <http://kremlin.ru/events/president/transcripts/57699>, дата обращения 31.01.2019.

Россия с АСЕАН: к новому качеству диалога

Несмотря на отношения «развитого и всеобъемлющего партнерства», соглашение о чем было подписано в 2005 г., Россия и Ассоциация пока не смогли подкрепить такую заявку практикой.

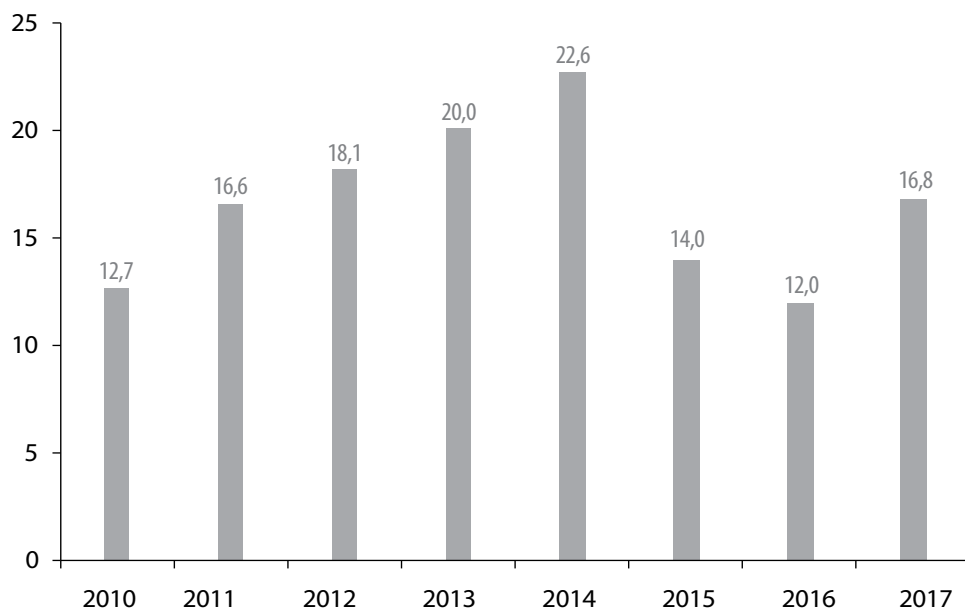
Одной из фундаментальных причин служит неспособность России координировать свои проекты в Юго-Восточной Азии со стратегическим планированием АСЕАН. Последнее основано на нарративе о взаимосвязанности, который включает в себя три измерения: физическое, институциональное и контакты между людьми.

Наращивание физической взаимосвязи между Россией и АСЕАН подрывают неразвитость транспортной инфраструктуры на российском Дальнем Вос-

токе и низкая интегрированность РФ в транспортно-логистическое сотрудничество АТР. Негативную роль играют и высокие затраты на транспортные услуги в России по сравнению с предлагаемыми другими государствами АТР.

Институтам сотрудничества России и АСЕАН – а это Совместный комитет сотрудничества Россия – АСЕАН, Совместный планово-распорядительный комитет Россия – АСЕАН, Финансовый фонд диалогового партнерства Россия – АСЕАН, Деловой совет Россия – АСЕАН, Рабочая группа Россия – АСЕАН по научно-технологическому сотрудничеству и прочие – свойственен параллелизм функций и длительное согласование перспективных проектов, особенно в тех случаях, когда требуется их финансирование. Это не лучшим образом сказывается на эффективно-

Рисунок 1. Динамика торговли между Россией и АСЕАН, млрд долл.
Figure 1. Trade dynamics between Russia and ASEAN, bln USD

Источник: Статистический портал АСЕАН // <https://www.aseanstats.org>
Source: ASEAN Statistics Web Portal // <https://www.aseanstats.org>

сти российско-асеановского диалога [Мариан, Синицын 2017, с. 187].

Ограничены и личные контакты граждан России и государств ЮВА, в том числе в сфере бизнеса, академических и студенческих обменов. Примером целенаправленной работы по налаживанию российско-асеановских межличностных связей на комплексной, долгосрочной и системной основе служит деятельность Центра АСЕАН при МГИМО(У) МИД РФ, однако эта практика носит единичный характер. Отдельно отметим, что между странами АСЕАН и Россией практически отсутствует трудовая миграция, а малый и средний бизнес сторон недостаточно активен на рынках друг друга [Ключанская 2016, с. 122].

Все это вкупе с отсутствием в должных масштабах российских брендов и

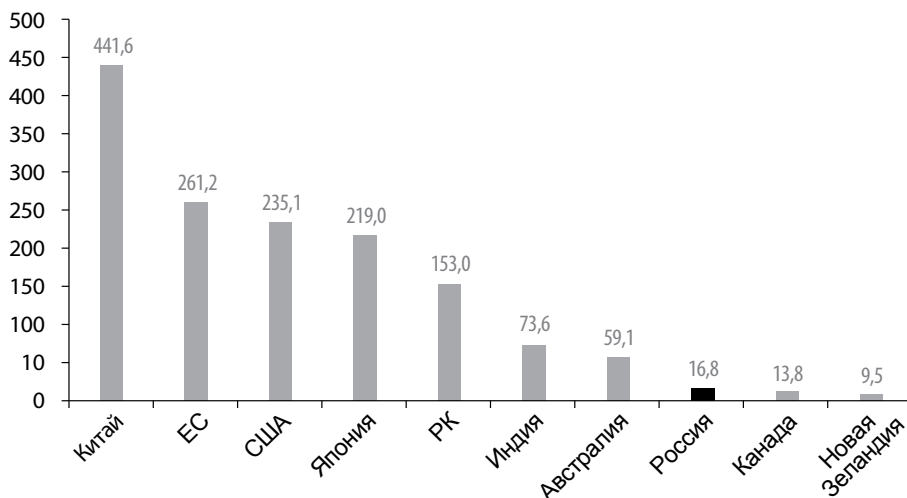
товаров массового спроса в Юго-Восточной Азии обуславливает скромный прогресс в наращивании торговых обменов между Россией и АСЕАН. По данным Статистического портала АСЕАН, по итогам 2017 г. объем торговли между Россией и Ассоциацией составил 16,8 млрд долл., увеличившись за последние 8 лет лишь на 32% (см. рис. 1).

На Россию приходится 0,8% всей внешней торговли АСЕАН при низкой диверсификации товарной номенклатуры. На три группы товаров – минеральное сырье, текстиль и электронное оборудование – приходится 67% совокупного объема двусторонней торговли¹⁰.

По объемам двусторонней торговли Россия уступает всем полномасштабным партнерам АСЕАН по диалогу, за исключением Канады и Новой Зеландии (см. рис. 2).

Рисунок 2. Объем двусторонней торговли между АСЕАН и ее диалоговыми партнерами в 2017 г., млрд долл.

Figure 2. Volume of bilateral trade between ASEAN and its partners in 2017, bln USD

Источник: Статистический портал АСЕАН // <https://www.aseanstats.org>

Source: ASEAN Statistics Web Portal // <https://www.aseanstats.org>

10 ASEAN International Merchandise Trade Statistics (IMTS), in US\$ (2017) // ASEAN Statistics // <https://data.aseanstats.org/trade>, дата обращения 31.01.2019.

Поскольку системные препятствия не позволяют в короткие сроки качественно нарастить масштабы экономического сотрудничества, России необходимо отталкиваться от приоритетов и перспективного планирования АСЕАН. Таковые концентрируются вокруг двух тем: эскалация угроз безопасности и наращивание взаимосвязей.

Для государств Ассоциации одной из наиболее острых проблем остается деятельность радикальных исламистов в Юго-Восточной Азии как следствие исхода религиозных радикалов из Сирии и Ирака. На данный момент основную угрозу для безопасности ряда стран АСЕАН, прежде всего Малайзии, Филиппин, Индонезии и Таиланда, представляет ИГИЛ (запрещенная в РФ организация).

Помимо граждан стран АСЕАН, вступивших в ряды ИГ, обеспокоенность правоохранительных органов государств – членов Ассоциации вызывает проникновение ИГ на территории стран азиатского юго-востока. Согласно данным военного руководства Индонезии, т.наз. «законсервированные ячейки» (*sleeper cells*) ИГ есть почти в каждой индонезийской провинции [Kanupriya 2017].

Повышается вероятность террористических атак в Мьянме, катализатором которых послужил конфликт между бирманскими буддистами и мусульманами-рохинджа [Королев, 2018, с. 7]. Комментируя ситуацию, руководство Малайзии неоднократно подчеркивало: дестабилизация обстановки в Мьянме может привести к обострению проблемы радикального исламизма во всей ЮВА [Smith 2017].

Высокий уровень террористической угрозы в ЮВА подтверждается статистикой международных организаций. Согласно рейтингу «Индекс глобального терроризма», в 2018 г. на

Южную и Юго-Восточную Азию пришла третья часть всех террористических атак в мире. Две страны ЮВА – Филиппины (10) и Таиланд (17) – вошли в число двадцати государств мира с самым высоким уровнем террористической активности [Global Terrorism Index 2018].

Суммировать степень угрозы терроризма для Юго-Восточной Азии можно, приведя оценку Н.Г. Рогожиной: «воздействие ИГИЛ на политическую ситуацию в регионе проявляется напрямую – в нарастании экстремизма и росте угрозы терроризма – и косвенно – в усилении исламистского радикализма в политическом развитии мусульманских стран» [Рогожина, 2017, с. 702].

Сложившаяся ситуация объективно подталкивает государства ЮВА к снижению остроты террористической угрозы. Это предполагает сотрудничество как государств Ассоциации между собой, так и АСЕАН с партнерами по диалогу на евразийском пространстве с использованием всего имеющегося у нее комплекса содержательных и институциональных механизмов, а также формирование новых.

Еще один заметный нарратив АСЕАН связан с темой «наращивания взаимосвязей» в «физическом» (строительство объектов трансграничной инфраструктуры), институциональном (повышение эффективности институтов сотрудничества десяти стран и АСЕАН с партнерами по диалогу) и «межличностном» (поощрение контактов между людьми) измерениях.

Начиная с 2010 г. в политическом лексиконе АСЕАН «наращивание взаимосвязей» все заметнее сближается с понятием «интеграция». Это просматривается на примере двух Генеральных планов АСЕАН по наращиванию взаимосвязей, принятых в 2010 и

2016 гг.¹¹ Этой теме уделено пристальное внимание в документах, определяющих параметры формирования Сообщества АСЕАН до 2015 и 2025 гг.¹², хотя сами асеановцы признают, что далеко не все задуманное реализовано в полной мере¹³.

В перспективе нарратив Ассоциации о наращивании взаимосвязей с высокой долей вероятности получит развитие, задавая параметры сотрудничества Ассоциации с партнерами по диалогу и повышая ее готовность и стремление подключиться к глобальным мегапроектам.

Значимость для АСЕАН совместных действий с диалоговыми партнерами в противодействии международному терроризму и наращивании взаимосвязей становится отправной точкой движения к новому качеству сотрудничества между АСЕАН и Россией. Внешним контекстом такого движения становится развитие проектов «Большая Евразия» и ИТР.

Перспективы диалога России и АСЕАН: Большая Евразия vs Индо-Пасифика

Основная особенность современного этапа сотрудничества между Россией и АСЕАН такова, что обе стороны осознают объективную необходимость вывести его на новый уровень с учетом современного международного контекста. Подтверждение тому – развитие

нарратива о стратегическом партнерстве, впервые озвученного на саммите в Сочи в мае 2016 г. Давая ему оценку, аналитики АСЕАН и РФ поставили вопрос о наличии у сторон общих стратегических интересов как основе, с которой можно начать движение к новому качеству отношений. Мнения разделились: если Б. Каусикан отрицал наличие таких интересов, определив ценностью российско-асеановского саммита сам факт его проведения [*Kausikan* 2016, р. 3], то В.В. Сумский трактует их как осознаваемое и разделяемое стремление к формированию многополярного мира [*Сумский* 2017, с. 36].

Продолжая логику российского эксперта, подчеркнем: такая установка предполагает вывод отношений между Россией и АСЕАН за рамки собственно двустороннего российско-асеановского трека, будь то российские проекты в ЮВА или интерес представителей азиатского юго-востока к проектам на российской территории.

С учетом глобализации интересов АСЕАН и роста совокупных возможностей России фактором их сближения становится участие в глобальном проекте. Сквозь призму именно этой задачи будет осмыслено влияние проектов Большой Евразии и ИТР на будущее российско-асеановского сотрудничества.

Начать целесообразно с ИТР, т.к. Ассоциация прорабатывает возможность распространить на индо-тихоокеанское пространство свои диалоговые форматы по вопросам безопасно-

11 Master Plan on ASEAN Connectivity (2010) // ASEAN Secretariat, December 2010 // http://www.asean.org/storage/images/ASEAN_RT_K_2014/4_Master_Plan_on_ASEAN_Connectivity.pdf, дата обращения 31.01.2019; Master Plan on ASEAN Connectivity 2025 (2016) // ASEAN Secretariat, August 2016 // <http://asean.org/storage/2016/09/Master-Plan-on-ASEAN-Connectivity-20251.pdf>, дата обращения 31.01.2019.

12 ASEAN Economic Community Blueprint (2008) // ASEAN Secretariat, January 2008 // <http://asean.org/wp-content/uploads/archive/5187-10.pdf>, дата обращения 31.01.2019; ASEAN Economic Community Blueprint 2025 (2015) // ASEAN Secretariat, November 2015 // <http://www.asean.org/storage/images/2015/November/aec-page/AEC-Blueprint-2025-FINAL.pdf>, дата обращения 31.01.2019.

13 A Blueprint for Growth. ASEAN Economic Community 2015: Progress and Key Achievements (2015) // ASEAN Secretariat, November 2015 // http://www.miti.gov.my/miti/resources/AEC_2015_Progress_and_Key_Achievement.pdf, дата обращения 31.01.2019.

сти и координировать сотрудничество на основе «Пути АСЕАН» [President Jokowi 2018; Marsudi 2018].

Не принеся Ассоциации успеха на пространстве Тихого и Индийского океанов, этот шаг, равно как и развитие проекта ИТР в целом, может лишить Ассоциацию статуса международного актора, определяющего характер и направления развития многостороннего диалога по вопросам безопасности в Азиатско-Тихоокеанском регионе [Lee 2018, p. 26].

Это негативно отразится не только на международных позициях АСЕАН, но и на выстраиваемых десятилетиями ее отношениях с партнерами по диалогу, в том числе с РФ. Для последней диалоговые площадки АРФ, СМО АСЕАН+8 и ВАС являются резервными каналами постоянной коммуникации с азиатско-тихоокеанскими партнерами на уровне дипломатов, военных и глав государств и правительств на инклюзивной и нейтральной основе.

Совместно с Китаем и Брунеем Россия выдвинула концепцию «неделимой безопасности»¹⁴. Этот подход является важной составляющей «мягкой силы» РФ в АТР, особенно в условиях сохраняющегося недостатка ее военного присутствия и развитых экономических связей с региональными партнерами. Согласно мнению А. Цветова, если проект ИТР получит развитие, Россия будет поставлена перед необходимостью качественно нарастить и то и другое, сталкиваясь с дилеммой: либо отвлечь ресурсы от других направлений своей политики, либо смириться с ослаблением своих позиций в АТР [Tsvetov 2018]. Асеаноцентричные диалоговые форматы – важный инстру-

мент удержания Россией своих активов в регионе, ослабление создаваемой усилиями Ассоциации системы безопасности на основе сотрудничества скажется на эффективности российской политики в АТР самым пагубным образом.

Другое значимое последствие развития проекта ИТР для российско-асеановского диалога – высокая вероятность эскалации проблемы Южно-Китайского моря. На экспертном уровне высказана мысль о подключении Индии, Японии и Австралии к проводимым США Операциям по обеспечению свободы судоходства (*Freedom of Navigation Operations, FONOP*) в этой акватории [Valencia 2017]. Нельзя исключать, что к ним присоединится Вьетнам, усматривая в таком участии дополнительную возможность сдерживания Китая в Южно-Китайском море. Поднебесная едва ли оставит такой шаг без ответных действий. Отсюда – вероятность новых предложений Пекина Москве о проведении совместных военных маневров в Южно-Китайском море, аналогичных состоявшимся в 2016 г. Как результат, Россия окончательно отойдет от нейтральной позиции в отношении этого вызова азиатско-тихоокеанской безопасности.

Констатируя, что стратегическое партнерство России и АСЕАН примет во внимание промежуточные итоги Всеобъемлющего стратегического партнерства России и Вьетнама, отметим: проект ИТР может поставить Москву и Ханой по разные стороны баррикад. Малопривлекательным, но закономерным итогом станет потребность уточнить цель и содержание Всеобъемлющего стратегического партнерства РФ и СРВ, отталкиваясь не от риторики, а от прак-

¹⁴ Deputy Defence Minister Anatoly Antonov Gave Speech in Singapore at the 14th Asia Security Summit «SHANGRI-LA DIALOGUE 2015» (2015) // Ministry of Defence of the Russian Federation, May 30, 2015 // http://eng.mil.ru/en/news_page/country/more.htm?id=12037863@egNews, дата обращения 31.01.2019.

тики конкретных дел. Их не слишком впечатляющие результаты заметны невооруженным глазом.

С экономической и институциональной точек зрения проект ИТР не оказывает серьезного влияния на отношения России и АСЕАН. Основная причина – уже упомянутая слабая проработанность темы наращивания взаимосвязей [Бордачев, Кашин, Королев, Куприянов, Лукьянов, Суслов, Шумкова 2018, с. 25]. После принятия Ассоциацией Генерального плана по наращиванию взаимосвязей в 2010 г. именно этот нарратив стал определять мотивацию АСЕАН к сотрудничеству с партнерами по диалогу, включая Россию. Отсутствует и индо-тихоокеанское измерение институтов российско-асеановского полномасштабного диалогового партнерства.

В отличие от ИТР, проект Большая Евразия открывает России и Ассоциации спектр новых возможностей сотрудничества, содействуя его содержательному, институциональному и интеллектуальному наполнению. Прежде всего потому, что зафиксирована политическая воля руководства РФ и стран АСЕАН выстраивать институт сотрудничества – связку АСЕАН–ШОС–ЕАЭС.

Этот многосторонний формат позволяет России и АСЕАН взаимодействовать в сфере наращивания взаимосвязей на евразийском пространстве. Еще раз констатируем: большое евразийское партнерство будет выстраиваться вокруг ЕАЭС и ИПП. Через Юго-Восточную Азию пойдут два сухопутных экономических коридора – Китай – Индокитай и Бангладеш – Китай – Индия – Мьянма, а также участок Морского шелкового пути XXI в., а через Российскую Федерацию – экономический коридор Китай – Монголия – Россия. Заявив в январе 2018 г. о своих амбициях в Арктике, Поднебесная инициировала запуск нового направления ИПП – Арктического шелкового пути.

В таких условиях Россия и Ассоциация могут развивать сотрудничество в Арктике. Его координатором со стороны АСЕАН может стать Сингапур, одна из стран-наблюдателей в Арктическом совете. Опыт и наработки Сингапура, крупнейшего транспортно-логистического хаба и центра мировой торговли, получают должную востребованность. Тем самым будет создана большая евразийская дуга взаимосвязанности, состоящая из южного маршрута – Морского шелкового пути XXI в. и участков ЭПШП в ЮВА, центрального маршрута – экономического коридора Китай – Монголия – Россия и Северного маршрута – развития Арктического шелкового пути и Северного морского пути усилиями Китая, России и государств ЮВА.

В сфере безопасности возможности сотрудничества между Россией и АСЕАН не менее впечатляющие. В формате АСЕАН–ШОС–ЕАЭС Ассоциации, учитывая ее опыт координации многосторонних диалоговых площадок и реализации проектов с участием крупных международных акторов, может быть делегирован статус «движущей силы» переговоров. Это тем более вероятно, что ЕАЭС является экономическим образованием, а ШОС в обозримой перспективе будет вынуждена адаптироваться к последствиям расширения списков своих участников.

Обретение Ассоциацией статуса «движущей силы» связки АСЕАН–ШОС–ЕАЭС позволит задействовать опыт ведомых ее усилиями структур многосторонней дипломатии в АТР – АРФ, СМО АСЕАН+8 и ВАС [Канаев, Шумкова 2017, с. 462–464]. Это заложит основу трансевразийской системы безопасности и сотрудничества. АРФ является единственной диалоговой площадкой на евразийском пространстве, в состав которой входит Северная Корея. Тем самым именно усилиями Ассоциации будет поддержи-

ваться канал постоянной коммуникации с Пхеньяном.

Есть у Ассоциации и диалоговое партнерство с ЕС, что может сыграть роль в привлечении Евросоюза к диалогу с ЕАЭС и отдельно с Россией. Поскольку большое евразийское партнерство – инклюзивный и открытый проект, ему необходимы институты сотрудничества с США. АРФ, СМО АСЕАН+8 и ВАС, в заседаниях которых Вашингтон принимает участие, окажутся полезными и тут.

Сотрудничество России и АСЕАН будет отталкиваться от этих возможностей. Большое евразийское партнерство, выстроенное в том числе посредством асеаноцентричных институтов, создает принципиально иной контекст борьбы с международным терроризмом. Опыт и потенциал асеаноцентричных диалоговых форматов станет ценным подспорьем для ШОС с учетом инфильтрации боевиков ИГИЛ (запрещенная в РФ организация) на Центральную Азию и Афганистан. Угроза международного терроризма будет стимулировать поставки российского оружия в ЮВА, примером чего служит российско-филиппинское сотрудничество.

Чтобы перевести в практическую плоскость заинтересованность России и Ассоциации в новом качестве отношений, необходимо выстроить производственно-сбытовые цепочки. Одно из направлений – производство экологически чистого продовольствия с использованием российских ресурсов. Желательна совместная реализация крупных инфраструктурных проектов, например подключение России к строительству трансасеановского газопровода или единой энергосистемы АСЕАН.

Целесообразно привести в соответствие с новыми реалиями институты российско-асеановского сотрудничества. Параллельно с Полномасштабным диалоговым партнерством Рос-

сия – АСЕАН своевременным шагом выглядит создание диалоговой площадки ЕАЭС – АСЕАН, заседания которой должны проходить не реже одного раза в два года.

Не менее важная задача – развитие контактов между ЕАЭС и ВРЭП после завершения переговоров о его формировании. Цель предпринимаемых усилий должна состоять в мониторинге торговых и инвестиционных практик обеих инициатив, что в перспективе облегчит выстраивание межфирменных связей и альянсов между предприятиями. Институционально эти действия могут быть оформлены как проект «Дальневосточное партнерство».

Конечная цель таких усилий должна состоять в движении к Зоне свободной торговли ЕАЭС – АСЕАН, которая вобрала бы в себя лучшие практики и устранила бы обнаружившиеся недочеты ЗСТ ЕАЭС – Вьетнам. Примеры заинтересованности стран ЮВА в режиме свободной торговли с ЕАЭС уже есть: проходят переговоры между ЕАЭС и Сингапуром, готовность заключить преференциальное торговое и экономическое соглашение с ЕАЭС демонстрируют Индонезия и Камбоджа [Цветов 2017].

Сотрудничая в реализации проекта Большой Евразии в рамках АСЕАН – ШОС – ЕАЭС, Россия и Ассоциация могут проявить свои лучшие качества. История России – это история «выхода за флажки», когда страна сталкивалась с внешними вызовами. История АСЕАН – это история поиска (и зачастую достижения) компромиссов с большим количеством партнеров по переговорам. Это обстоятельство устраняет конкуренцию между Россией и АСЕАН, позволяя им максимально эффективно использовать свой потенциал.

Давая такие оценки, отметим главное: наличие благоприятных возможностей еще не гарантирует желаемого ре-

зультата. Для его достижения необходимы целенаправленная работа по развитию российской экономики, а также повышение эффективности институтов и наращивание масштабов и качества сотрудничества между участниками российского интеграционного проекта – Евразийского экономического союза. Эту задачу России и ее партнерам по ЕАЭС еще предстоит решить.

Выводы

Анализ влияния проектов «Большая Евразия» и «Индо-Тихоокеанский регион» на сотрудничество между Россией и АСЕАН позволяет вынести ряд обобщающих оценок. Прежде всего, их оформление происходит в то время, когда российско-асеановское сотрудничество исчерпало свой инерционный потенциал. Современное состояние и промежуточные итоги российско-асеановского диалога, существующие направления, меры и механизмы его поддержания и развития не отвечают ни приоритетам сторон, ни нынешнему международному контексту.

Проект ИТР не дает России и АСЕАН дополнительного консолидирующего мотива. Развитие проекта может разрушить ткань российско-асеановского взаимодействия, девальвируя усилия, которые Россия и Ассоциация прилагали в течение десятилетий. Большое евразийское партнерство, напротив, открывает такие резервы российско-асеановского диалога, осмысление глубины и масштабности которых только начинается.

Россия и АСЕАН раньше многих других международных акторов евразийского пространства осознали, что на смену азиатско-тихоокеанскому веку идет евразийский. Нарастание интереса АСЕАН к координации своей политики с евразийскими партнерами,

прежде всего Китаем, шло параллельно с интеграцией стратегии «поворота на Восток» в большое евразийское партнерство в приоритетах России.

В совокупности эти факторы дают основание констатировать: у России и Ассоциации есть все необходимые составляющие – будь то экономические потенциалы, политическая воля, дипломатическое мастерство или комплексность возможностей, а также благоприятные международные условия, чтобы не только достойно встретить наступление евразийского века, но и играть в его эволюции одну из ключевых ролей.

Список литературы

Бордачев Т.В., Безбородов А.А., Кашин В.Б., Королев А.С., Куприянов А.В., Пятачкова А.С., Степанов И.А., Шумкова В.А. (2017) Заглянуть в будущее: сценарий для Азии и России в Азии до 2037 года // Международный дискуссионный клуб «Валдай». 27 ноября 2017 // <http://ru.valdaiclub.com/files/18485/>, дата обращения 31.01.2019.

Бордачев Т.В., Кашин В.Б., Королев А.С., Куприянов А.В., Лукьянов Ф.А., Суслов Д.В., Шумкова В.А. (2018) Возвышение Римланда: новая политическая география и стратегическая культура // Международный дискуссионный клуб «Валдай». 1 июня 2018 // <http://ru.valdaiclub.com/files/20784/>, дата обращения 31.01.2019.

Канаев Е.А., Шумкова В.А. (2017) Евразийские приоритеты асеаноцентричных диалоговых форматов по вопросам безопасности // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. Т. 17. № 3. С. 458–468. DOI: 10.22363/2313-0660-2017-17-3-458-468

Караганов С.А., Бордачев Т.В., Безбородов А.А., Королев А.С., Ка-

шин В.Б., Лихачева А.Б., Макаров И.А., Степанов И.А., Соколова А.К., Шумкова В.А. (2017) К Великому Океану-5: от поворота на Восток к Большой Евразии // Международный дискуссионный клуб «Валдай». 6 сентября 2017 // <http://ru.valdaiclub.com/files/17048/>, дата обращения 31.01.2019.

Караганов С.А., Бордачев Т.В., Бляхер Л.Е., Дружинин А.И. (2018) Вперед к Великому Океану-6: люди, история, идеология, образование // Международный дискуссионный клуб «Валдай». 13 сентября 2018 // <http://ru.valdaiclub.com/files/21545/>, дата обращения 31.01.2019.

Ключанская С.А. (2016) Россия – АСЕАН: перспективные направления сотрудничества // Власть Т. 24. № 6. 116–125 // <http://jour.isras.ru/index.php/vlast/article/view/4325/4108>

Королев А.С. (2018) Стратегии средних стран в отношении великих держав: опыт Малайзии // Международные процессы. Т. 16. № 1. С. 90–104. DOI: 10.17994/IT.2018.16.1.52.8

Мариан В.П., Синицын А.Ю. (2017) Россия-АСЕАН-20 лет сотрудничества // Власть. Т. 25. № 2. С. 186–193 // <http://jour.isras.ru/index.php/vlast/article/view/4957>

Рогожина Н.Г. (2017) Угроза терроризма в странах Юго-Восточной Азии // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. Т. 17. № 4. С. 697–709. DOI: 10.22363/2313-0660-2017-17-4-697-709

Сумский В.В. (2017) Сочинский саммит Россия – АСЕАН: взгляд по прошествии времени // Запад – Восток – Россия 2017. М.: ИМЭМО РАН. С. 36–37 // https://www.imemo.ru/files/File/magazines/Zapad_Vostok/2017/Sumskii_Sohinskii%20sammit_36-37.pdf

Цветов А. (2017) Вместо поворота: АСЕАН и евразийский проект России // Московский Центр Карнеги. 17 октября

2017 // <https://carnegie.ru/2017/10/17/ru-pub-73368>, дата обращения 31.01.2019.

Global Terrorism Index 2018 (2018) // Institute for Economics and Peace // <http://visionofhumanity.org/app/uploads/2017/11/Global-Terrorism-Index-2017.pdf>, дата обращения 31.01.2019.

Joint Statement of the 3rd ASEAN-Russian Federation Summit on Strategic Partnership (2018) // ASEAN, November 14, 2018 // <https://asean.org/storage/2018/11/ASEAN-Russia-Joint-Statement.pdf>, дата обращения 31.01.2019.

Kanupriya K. (2017) Islamic State Cells in Nearly All Indonesian Provinces: Military Chief // Reuters, June 13, 2017 // <https://www.reuters.com/article/us-indonesia-islamicstate-idUSKBN1940M2?il=0>, дата обращения 31.01.2019.

Kausikan B. (2016) How to Be Strategic? // ASEAN Focus, no 4, pp. 2–4.

Lee K. (2018) The “Free and Open Indo-Pacific” and Implications for ASEAN, ISEAS – Yusof Ishak Institute.

Maçães B. (2018) The Dawn of Eurasia: On the Trail of the New World Order, Penguin UK.

Marsudi R. (2018) Indonesia: Partner for Peace, Security, Prosperity // The Jakarta Post, January 11, 2018 // <http://www.thejakartapost.com/academia/2018/01/10/full-text-indonesia-partner-for-peace-security-prosperity.html>, дата обращения 31.01.2019.

President Jokowi: Indo-Pacific Cooperation Should Be Inclusive and Promote ASEAN Centrality (2018) // Sekretariat Kabinet Republik Indonesia, April 28, 2018 // <http://setkab.go.id/en/president-jokowi-indo-pacific-cooperation-should-be-inclusive-and-promote-asean-centrality-3/>, дата обращения 31.01.2019.

Smith N. (2017) Malaysia Warns Rohingya Crisis Could Lead to Isil Attacks in Burma // The Telegraph News, September 12, 2017 // <https://www.telegraph.co.uk/news/2017/09/12/malaysia-warns-rohingya>

ya-crisis-could-lead-isil-attacks-burma/, дата обращения 31.01.2019.

Tsvetov A. (2018) What Does Trump's Indo-Pacific Mean for Russia? // The Diplomat, April 17, 2018 // <https://thediplomat.com/2018/04/what-does-trumps-indo-pacific-strategy-mean-for-russia/>, дата обращения 31.01.2019.

Valencia M. (2017) "Quad" Cooperation in the South China Sea? // The Japan Times, December 14, 2017 // <https://www.japantimes.co.jp/opinion/2017/12/14/commentary/japan-commentary/quad-cooperation-south-china-sea/#.W54bDVpR2M8>, дата обращения 31.01.2019.

DOI: 10.23932/2542-0240-2019-12-1-26-43

Greater Eurasia, Indo-Pacific Region and Russia-ASEAN Relations

Evgeny A. KANAEV

DSc in History, Professor, Faculty of World Economy and International Affairs
National Research University Higher School of Economics, 119017, Malaya Ordynka St.,
17, Moscow, Russian Federation
E-mail: ekanaev@hse.ru
ORCID: 0000-0002-7988-4210

Alexander S. KOROLEV

Junior Research Fellow, Centre for Comprehensive European and International Studies
National Research University Higher School of Economics, 119017, Malaya Ordynka St.,
17, Moscow, Russian Federation
E-mail: askorolev@hse.ru
ORCID: 0000-0001-8560-9517

CITATION: Kanaev E.A., Korolev A.S. (2019) Greater Eurasia, Indo-Pacific Region and Russia-ASEAN Relations. *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*, vol. 12, no 1, pp. 26–43 (in Russian). DOI: 10.23932/2542-0240-2019-12-1-26-43

Received: 28.09.2018.

The article has been supported by a Grant of the Russian Science Foundation.
Project no. 17-18-01577 "Creation of Greater Eurasia and the Development of Strategy for Bilateral Cooperation between Russia and Regional Countries".

ABSTRACT. *The article aims to specify the influence of the projects the Greater Eurasia and the Indo-Pacific Region on the prospective relations between Russia and ASEAN. The key component of its novelty is the authors' original criteria of comparing the two projects: the degree of consolidating agenda of cooperation between their current and prospective par-*

ticipants, the congruence with the East Asia's – assuming that it will be the economic driver of the forthcoming Greater Eurasia and Indo-Pacific Region – modality of multilateral dialogue and the preconditions for the survivability of both projects in the long-term perspective. Making this comparison, the authors substantiate the view that the Greater Eura-

sian Partnership is far more competitive than the Indo-Pacific Region. Exploring cooperation between Russia and ASEAN through the prism of their forthcoming strategic partnership, the authors offer an original interpretation of the reasons behind the presently insufficient cooperation and its most likely future directions proceeding from the mutual influence of Russia's and ASEAN's prospective planning and the emerging global context. In the near future, combating international terrorism and strengthening connectivity will come to the forefront of Russia's and ASEAN's priorities, with the focus shifting from Southeast Asia to the Eurasian area. In the authors' view, if the present trends continue the aftereffects of the Indo-Pacific Region can stimulate downward trends in the Russia-ASEAN relationship. This will be premised upon the decrease in effectiveness of the Asia-Pacific multilateral dialogue platforms, likely Russian-Chinese joint maneuvers in the South China Sea and the necessity to specify, along with lack of impressive results, the essence of the Comprehensive Strategic Partnership between Russia and Vietnam as the foundation for the Russia-ASEAN strategic partnership. In its turn, the Greater Eurasia offers Russia and the association new promising possibilities, among which of particular importance are the development of connectivity narrative in Eurasia and combating international terrorism by means of adopting the ASEAN-led dialogue platforms ARF, ADMM+8 and EAS to the future system of security, cooperation and co-development from Lisbon to Jakarta. The realization of the forthcoming shift from the Asian century to the Eurasian century and the emergence of the Greater Eurasia as the second center in the global politics will allow Russia and the association to expand and diversify their cooperation and, in perspective, to develop it on the self-supporting and self-reproducing basis.

KEY WORDS: *Greater Eurasia, Indo-Pacific Region, Russia, ASEAN, cooperation, foreign policy, international relations*

References

- Bordachev T.V., Bezborodov A.A., Kashin V.B., Korolev A.S., Kupriyanov A.V., Pyatachkova A.S., Stepanov I.A., Shumkova V.A. (2017) A Look Into the Future: Scenarios for Asia and Russia in Asia till 2037. *Valdai Discussion Club*, November 27, 2017. Available at: <http://ru.valdaiclub.com/files/18485/>, accessed 31.01.2019 (in Russian).
- Bordachev T.V., Kashin V.B., Korolev A.S., Kupriyanov A.V., Luk'yanov F.A., Suslov D.V., Shumkova V.A. (2018) The Rise of Rimland: The New Political Geography and Strategic Culture]. *Valdai Discussion Club*, June 1, 2018. Available at: <http://ru.valdaiclub.com/files/20784/>, accessed 31.01.2019 (in Russian).
- Global Terrorism Index 2018 (2018). *Institute for Economics and Peace*. Available at: <http://visionofhumanity.org/app/uploads/2017/11/Global-Terrorism-Index-2017.pdf>, accessed 31.01.2019.
- Joint Statement of the 3rd ASEAN-Russian Federation Summit on Strategic Partnership (2018). ASEAN, November 14, 2018. Available at: <https://asean.org/storage/2018/11/ASEAN-Russia-Joint-Statement.pdf>, accessed 31.01.2019.
- Kanaev E.A., Shumkova V.A. (2017) Asean-led Multilateral Security Dialogue: Eurasian Priorities. *Vestnik RUDN. International Relations*, vol. 17, no 3, pp. 458–468 (in Russian). DOI: 10.22363/2313-0660-2017-17-3-458-468
- Kanupriya K. (2017) Islamic State Cells in Nearly All Indonesian Provinces: Military Chief. *Reuters*, June 13, 2017. Available at: <https://www.reuters.com/article/us-indonesia-islamicstate-idUSKBN1940M2?il=0>, accessed 31.01.2019.

Karaganov S.A., Bordachev T.V., Bezborodov A.A., Korolev A.S., Kashin V.B., Likhacheva A.B., Makarov I.A., Stepanov I.A., Sokolova A.K., Shumkova V.A. (2017) Toward the Great Ocean – 5: From the Turn to the East to Greater Eurasia. *Valdai Discussion Club*, September 6, 2017. Available at: <http://ru.valdaiclub.com/files/17048/>, accessed 31.01.2019 (in Russian).

Karaganov S.A., Bordachev T.V., Blyakher L.E., Druzhinin A.I. (2018) Towards the Great Ocean-6: People, History, Ideology, Education. *Valdai Discussion Club*, September 13, 2018. Available at: <http://ru.valdaiclub.com/files/21444/>, accessed 31.01.2019 (in Russian).

Kausikan B. (2016) How to Be Strategic? *ASEAN Focus*, no 4, pp. 2–4.

Klyuchanskaya S.A. (2016) Russia and ASEAN: Promising Areas of Cooperation. *Vlast'*, vol. 24, no 6, pp. 116–125. Available at: <http://jour.isras.ru/index.php/vlast/article/view/4325/4108>, accessed 31.01.2019 (in Russian).

Korolev A.S. (2018) Strategies of Middle-Sized Countries vis-a-vis Great Powers. *International Trends*, vol. 16, no 1, pp. 90–104 (in Russian). DOI: 10.17994/IT.2018.16.1.52.8

Lee K. (2018) *The “Free and Open Indo-Pacific” and Implications for ASEAN*, ISEAS – Yusof Ishak Institute.

Maçães B (2018) *The Dawn of Eurasia: On the Trail of the New World Order*, Penguin UK.

Marian V.P., Sinitsyn A.U. (2017) Russia-ASEAN Cooperation: Two Decades of Development. *Vlast'*, vol. 25, no 2, pp 186–193. Available at: <http://jour.isras.ru/index.php/vlast/article/view/4957>, accessed 31.01.2019 (in Russian).

Marsudi R. (2018) Indonesia: Partner for Peace, Security, Prosperity. *The Jakarta Post*, January 11, 2018. Available at: <http://www.thejakartapost.com/academia/2018/01/10/full-text-indonesia-partner-for-peace-security-prosperity.html>, accessed 31.01.2019.

President Jokowi: Indo-Pacific Cooperation Should Be Inclusive and Promote ASEAN Centrality (2018). *Sekretariat Kabinet Republik Indonesia*, April 28, 2018. Available at: <http://setkab.go.id/en/president-jokowi-indo-pacific-cooperation-should-be-inclusive-and-promote-asean-centrality-3/>, accessed 31.01.2019.

Rogozhina N.G. (2017) The Threat of Terrorism in South-East Asia. *Vestnik RUDN. International Relations*, vol. 17, no 4, pp. 697–709 (in Russian). DOI: 10.22363/2313-0660-2017-17-4-697-709

Smith N. (2017) Malaysia Warns Rohingya Crisis Could Lead to Isil Attacks in Burma. *The Telegraph News*, September 12, 2017. Available at: <https://www.telegraph.co.uk/news/2017/09/12/malaysia-warns-rohingya-crisis-could-lead-isil-attacks-burma/>, accessed 31.01.2019.

Sumsky V.V. (2017) Russia-ASEAN Sochi Summit: Look after the Passage of Time. *West-East-Russia 2017*. M.: IMEMO, pp. 36–37. Available at: https://www.imemo.ru/files/File/magazines/Zapad_Vostok/2017/Sumskii_Sohsinskii%20sammit_36-37.pdf, accessed 31.01.2019 (in Russian).

Tsvetov A. (2017) Instead of Pivot: ASEAN and Russia's Eurasian Project. *Carnegie Moscow Center*, October 17, 2017. Available at: <https://carnegie.ru/2017/10/17/ru-pub-73368>, accessed 31.01.2019 (in Russian).

Tsvetov A. (2018) What Does Trump's Indo-Pacific Mean for Russia? *The Diplomat*, April 17, 2018. Available at: <https://thediplomat.com/2018/04/what-does-trumps-indo-pacific-strategy-mean-for-russia/>, accessed 31.01.2019.

Valencia M. (2017) “Quad” Cooperation in the South China Sea? *The Japan Times*, December 14, 2017. Available at: <https://www.japantimes.co.jp/opinion/2017/12/14/commentary/japan-commentary/quad-cooperation-south-china-sea/#.W54bDVpR2M8>, accessed 31.01.2019.

С точки зрения экономики

DOI: 10.23932/2542-0240-2019-12-1-44-68

Политика внешнеэкономической открытости в Китайской Народной Республике: основные итоги и перспективы

Владимир Яковлевич ПОРЯКОВ

доктор экономических наук, профессор

Институт Дальнего Востока РАН, 117997, Нахимовский бульвар, д. 32, Москва, Российская Федерация

E-mail: portyakov47@yandex.ru

ORCID: 0000-0001-9188-2341

ЦИТИРОВАНИЕ: Портяков В.Я. (2019) Политика внешнеэкономической открытости в Китайской Народной Республике: основные итоги и перспективы // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. Т. 12. № 1. С. 44–68. DOI: 10.23932/2542-0240-2019-12-1-44-68

Статья поступила в редакцию 06.10.2018.

Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ, проект № 18-014-00030а.

АННОТАЦИЯ. В декабре 2018 г. отмечается 40-летие начала политики экономических реформ в Китайской Народной Республике. Ее неотъемлемой частью стал курс на внешнеэкономическую открытость страны, пришедший на смену маоцзэдуновской политике автаркии. В статье рассмотрены основные достижения внешней торговли КНР товарами и услугами и трансграничного инвестиционного взаимодействия страны в пореформенный период, показаны сохраняющиеся здесь недостатки и проблемы. Проанализировано формирование в Китае второго этапа внешнеэкономической открытости, ассоциирующегося в первую очередь с инициативой строительства сухопутного и морского «шелковых путей» и с созданием в стране ряда экспериментальных зон свободной торговли.

Рассмотрены возможные перспективы дальнейшего развития внешнеэкономических связей КНР с учетом различных внутренних и внешних факторов. Политика внешнеэкономической открытости Китая в пореформенный период сыграла критически важную, незаменимую роль в модернизации страны и в ее трансформации в одну из ведущих держав мира, в освоении норм и правил функционирования мирового рынка. Китай вошел в число мировых лидеров по объемам торговли, привлечению иностранных инвестиций и инвестированию за рубежом. Пекин хорошо адаптировался к процессу глобализации мировой экономики и стал одним из главных ее бенефициаров. Официальную позицию Китая в настоящее время отличают приверженность глобализации, противодействие протекцио-

низму, курс на активное экономическое сотрудничество по всем направлениям. Такая позиция вполне закономерна, коль скоро внешнеэкономические связи останутся одним из ведущих факторов развития КНР на обозримую перспективу.

На пути достижения провозглашенной Пекином цели – превратить страну из «большой» торговой державы в «мощную» – Китаю предстоит многое сделать не только в деле преодоления слабостей, выявившихся в его внешней торговле и внешнеэкономических связях в целом, но и для более полного учета зачастую справедливых претензий и требований его торгово-экономических партнеров.

В Пекине настойчиво работают над стратегией дальнейшего развития внешнеэкономических связей. Важное значение придается расширению сети торговых партнеров вдоль маршрутов сухопутного и морского «шелковых путей». Предстоит существенно нарастить долю во внешней торговле и инвестиционной деятельности за рубежом пока отстающих западных территорий страны. Пекин рассчитывает сформировать группу транснациональных компаний с китайским капиталом, обладающих высокой международной конкурентоспособностью. Будут продолжены освоение продукции с высокой добавленной стоимостью, борьба за высокий престиж товаров известных китайских марок, диверсификация способов ведения торговли услугами и товарами, создание новых межгосударственных зон свободной торговли.

В практическом плане на одно из первых по значимости мест выходит функционирование экспериментальных зон свободной торговли в самом Китае. Они призваны отработать перевод внешнеторговой и инвестиционной деятельности КНР на передовые международные стандарты, подготовить дальнейшее открытие китай-

ского рынка (включая финансовые, социальные, образовательные услуги) для иностранных инвесторов.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Китайская Народная Республика, политика внешнеэкономической открытости, внешняя торговля, инвестиции, «инициатива пояса и пути», экспериментальные зоны свободной торговли, перспективы

2018 год – особый год для внешнеэкономического комплекса Китая. Сорок лет назад, в декабре 1978 г., был дан старт политике модернизации, реформ и внешнеэкономической открытости, которая вывела страну в ряд экономических и политических лидеров современного мира. А пять лет назад, в 2013 г., произошли события, ознаменовавшие поворот Китайской Народной Республики к качественно новому этапу развития внешнеэкономических связей. Это, во-первых, выдвижение лидером страны Си Цзиньпином инициативы строительства нового сухопутного Шелкового пути из Китая в различные регионы Азии, Африку и Европу и «Морского шелкового пути XXI века» и, во-вторых, создание в Шанхае первой экспериментальной зоны свободной торговли, нацеленной на освоение в краткие сроки самой передовой международной практики торгового и инвестиционного взаимодействия с внешним миром.

Китайские ученые быстро уловили огромный потенциал этих новаций и заявили о начале «второго этапа внешнеэкономической открытости», предполагающего перенос центра тяжести с торговли товарами на торговлю услугами, все более тесную связь внешнеэкономической деятельности с научно-техническими инновациями, принципиальным улучшением режима защиты интеллектуальной собственности [Чи Фулинь 2017, с. 3–10].

XIX съезд КПК (октябрь 2017 г.) обобщил накопление критической массы новых моментов во внешнеэкономических связях Китая и поставил задачу «стимулировать формирование новой архитектуры всесторонней открытости», «продвигать строительство мировой экономики открытого типа» [Чжунго гунчаньдан 2017, с. 28, 48]. Страну ориентировали на ускорение «взращивания» новых конкурентных преимуществ, повышение места в международном разделении труда, радикальное улучшение региональной структуры внешнеэкономической открытости [Ван Ян 2017].

Благодаря наполнению конкретным содержанием и началу практической реализации «Инициативы пояса и пути», особенно на фоне отказа США от участия в соглашении о Транстихоокеанском партнерстве, Китай, при всех возможных оговорках, стал лидером и мотором экономической интеграции в Азии [Miller 2017, p. 9].

Настойчивое продвижение Пекином разнообразных проектов в формате «пояса и пути» способствовало лучшему пониманию в мире особенностей нового этапа внешнеэкономической открытости Китая. Ранее приоритетом было привлечение в страну из-за рубежа техники, технологий, инвестиций. Теперь же основной акцент делается на тотальное продвижение вовне китайских товаров, капиталов, услуг.

Попробуем обобщенно показать основные итоги развития внешнеэкономических связей Китая в пореформенный период, охарактеризовать их современное состояние и оценить возможные перспективы на ближайшее будущее.

Внешняя торговля

Внешняя торговля товарами на протяжении всего пореформенного периода оставалась главным структурообразующим направлением внешнеэкономических связей КНР.

Объем внешнеторгового товарооборота страны за этот период вырос в 198,8 раз – с 20,64 млрд долл. в 1978 г. до 4104,5 млрд долл. в 2017 г., в том числе китайский экспорт – более чем в 232 раза (с 9,75 до 2263,52 млрд долл.)¹. При исчислении объема внешней торговли КНР в юанях показатели роста товарооборота, экспорта и импорта оказываются заметно выше – соответственно 782, 914 и 664 раз, а среднегодовой прирост внешнеторгового товарооборота составил 18,6% при среднегодовом приросте ВВП страны за 1979–2017 гг. в 9,5%².

В пореформенный период внешняя торговля КНР росла в целом не только динамично, но и достаточно стабильно. Снижение товарооборота по сравнению с предыдущим годом отмечалось лишь несколько раз. В 1982 г. оно было зафиксировано в юаневом выражении (-5,5%) и объяснялось, в первую очередь, отказом Китая от крупного импорта комплектного нефтехимического и металлургического оборудования из Японии в условиях жесткого сдерживания инвестиций (импорт упал на 12,4%) [Хайгуань тунцзи 2017, с. 112].

В 1998 г. сокращение объема товарооборота на 0,4% было обусловлено ухудшением мирохозяйственной конъюнктуры в условиях азиатского финансового кризиса. Мировой финансовый кризис повлек за собой снижение объема внешней торговли Китая в 2009 г. на

¹ Данные и расчет по Чжунго тунцзи чжайяо 2018 [Краткая статистика Китая 2018]. Пекин, 2018, с. 10 (на китайском языке).

² Там же. Различие в показателях объясняется изменением курса юаня по отношению к доллару. Так, в 1981 г. официальный среднегодовой курс составил 170,5 юаней за 100 долларов США, а в 2017 г. – 675 юаней – Чжунго тунцзи чжайяо 2018 [Краткая статистика Китая 2018]. Пекин, 2018, с. 164 (на китайском языке).

13,9%. Негативные явления в мировой торговле и, в частности, значительное снижение цен на нефть привели к падению товарооборота на 8% в 2015 г. и еще на 6,8% в 2016 г. В 2017 г. КНР вернулась к позитивной динамике роста внешней торговли (прирост на 11,4%) [Хайгуань тунцзи 2017, с. 112] (см. Таблицу 1).

Помимо кризисных явлений в мировой экономике, некоторое снижение динамики роста китайского экспорта и импорта после прихода к руководству

страной Си Цзиньпина отчасти объясняется падением темпов роста экономики страны в целом до 6,5–7%. Какую-то роль может играть и идущий в КНР процесс трансформации модели экономического роста: здесь центр тяжести переносится с инвестиций и экспорта, занимавших ранее ведущее место, на внутреннее потребление и инновации. Вместе с тем в официальных декларациях Пекина есть доля лукавства: на деле стимулирование экспорта

Таблица 1. Внешнеторговый товарооборот КНР (млрд долл.)
Table 1. Volume of foreign trade of China (bln USD)

Годы / Years	Оборот / Volume of trade	Экспорт / Export	Импорт / Import
1978	20,64	9,75	10,89
1980	38,14	18,12	20,02
1981	44,03	22,01	22,02
1982	41,61	22,32	19,29
1985	69,60	27,35	42,25
1990	115,44	62,09	53,35
1995	280,86	148,78	132,08
1997	325,16	182,79	142,37
1998	323,95	183,71	140,24
2000	474,29	249,20	225,09
2001	509,65	266,10	243,55
2002	620,77	325,60	295,17
2005	1421,91	761,95	659,95
2008	2563,26	1430,69	1132,57
2009	2207,54	1201,61	1005,92
2012	3867,12	2048,71	1818,41
2013	4158,99	2209,00	1949,99
2014	4301,53	2342,29	1959,24
2015	3959,03	2273,47	1679,56
2016	3685,57	2098,15	1587,42
2017	4104,50	2263,52	1840,98

Источники / Sources: Чжунго тунцзи чжайяо 2017 [Краткая статистика Китая 2017]. Пекин, 2017. С. 94; Хайгуань тунцзи. Пекин, 2017. С. 112 (на китайском языке).

продолжается, да и выдвижение инициативы о развитии сотрудничества в формате сухопутного и морского «шелковых путей» прямо связано с поиском новых рынков сбыта для китайских товаров. Любые сбои во внешней торговле крайне болезненны для страны, где с внешнеэкономической деятельностью так или иначе связаны до 100 миллионов работников.

Как бы то ни было, в пореформенный период Китай последовательно поднимался вверх по ступеням «табели о рангах» мировых торговых держав. В 1978 г. по объему внешнеторгового товарооборота он занял 29-е место в мире, в 1990 г. переместился на 16-е, в 2000-м – на 8-е, в 2010-м – на 2-е, а с 2013 г. опередил по этому показателю США и занимает 1-е место (за исключением 2016 г.)³. При этом Китай стал мировым лидером и по экспорту товаров, занимая второе место по импорту вслед за США. Доля КНР в мировом экспорте выросла с 0,75% в 1978 г. до 3% в 1995 г. [Потанов 1998, с. 40], 3,85% в 2000-м, 10,31% в 2010 г. и 13,15% в 2016 г. Доля КНР в мировом импорте несколько меньше: 3,35% в 2000 г., 9% в 2010 г. и 9,78% в 2016 г.⁴

Дешевизна рабочей силы – главное многолетнее сравнительное преимущество страны в международном разделении труда, предоставление широких льгот иностранному капиталу, постепенное снижение тарифных пошлин и смягчение нетарифных барьеров для товаров из КНР на мировом рынке после ее вступления во Всемирную торговую организацию 11 декабря 2001 г.⁵ –

таковы основные факторы, способствовавшие постепенному выходу Китая на позиции «мировой фабрики», освоению производства и экспорту постоянно обновляющегося и все более технически сложного ассортимента продукции.

Особую роль сыграло быстрое увеличение количества субъектов внешнеэкономических связей в Китае вслед за переходом страны к политике реформ и внешнеэкономической открытости. Эпоха монополии государственных экспортно-импортных компаний завершилась. На смену дуальной (в виде государственной и коллективной) по формам собственности дореформенной экономике пришло многоукладное хозяйство с динамично растущими количественно и качественно группами предприятий индивидуальной, частной, паевой и акционерной форм собственности. Высокая динамика отличала и рост числа предприятий с участием иностранных инвестиций, прежде всего выделяемых в КНР в самостоятельный уклад предприятий с участием капиталов «соотечественников» (то есть лиц китайского происхождения из Гонконга, Макао и Тайваня). Помогло и то обстоятельство, что Китай на рубеже 1970–1980-х гг. умело воспользовался обновлением производственной специализации в более развитых странах и регионах Восточной и Юго-Восточной Азии, искавших подходящую площадку для переноса вовне производства текстиля, обуви, несложной бытовой техники и т.п.

При этом Китай взял на себя функцию переработчика и сборщика, им-

3 Чжунго тунцзи чайяо 2017 [Краткая статистика Китая 2017]. Пекин, 2017, с. 199 (на китайском языке).

4 Рассчитано по: Чжунго тунцзи чайяо 2017 [Краткая статистика Китая 2017]. Пекин, 2017, с. 197 (на китайском языке).

5 В соответствии с обязательствами, взятыми на себя Китаем при вступлении в ВТО, общий уровень его таможенных пошлин на импорт был снижен с начальных 15,3 до 9,8% в 2010 г., в том числе на промышленные товары с 14,8 до 8,9%. Средний уровень пошлин на сельхозпродукцию был снижен с 23,2 до 15,2%, что составляет лишь четверть от среднемирового уровня пошлин на эту группу товаров. В январе 2005 г. Китай отменил импортные квоты и лицензии на 424 вида товаров, в т.ч. на автомобили, продукцию машиностроения, основные виды зерновых, хлопок, шерсть [Чжунго юй шицзе маои цзучжи 2018] (на китайском языке).

портируя сырье и исходные компоненты и экспортируя готовую продукцию. Этот подход, названный в свое время премьером Чжао Цзяном «размещением обоих концов вовне» («лянтоу цзай вай»), на длительное время предопределил такую важную особенность организационной структуры внешней торговли Китая, как высокая доля в ней «торговли на основе переработки»⁶ и импорта-экспорта предприятий с участием иностранного капитала.

В целом во внешнеторговом товарообороте КНР доля государственных предприятий упала с 42,5% в 2001 г. до 16,3% в 2017 г., а доля предприятий с иностранными инвестициями и предприятий негосударственных секторов экономики выросла за тот же период с 57,7 до 73,7% [Чжунго юй шицзе маои цзучжи 2018]. В 2017 г. на обычную торговлю пришлось 56,35% внешнеторгового товарооборота КНР, в т.ч. 54,3% экспорта и 58,8% импорта (рассчитано по: [Хайгуань тунцзи 2017, с. 129]). Остальное дали торговля на основе переработки, операции с пересечением товарами границ беспошлинных зон, лизинг, мелкая приграничная торговля и т.п. Доля предприятий с иноинвестициями составила 44,8% в товарообороте, 43,2% в экспорте и 46,8% в импорте (рассчитано по: [Хайгуань тунцзи 2017, с. 154]).

Многочисленность субъектов внешней торговли, готовность большинства из них быстро реагировать на изменения конъюнктуры рынка способствовали формированию весьма диверсифицированной и одновременно динамично меняющейся **товарной структуры китайского экспорта и импорта**.

Конечно, доминирующая мегатенденция здесь была задана самим по себе набравшим силу процессом модернизации страны. Соответственно, в экспорте КНР поступательно сокращалась доля продукции первичных отраслей (прежде всего продукции сельского хозяйства и добывающего сектора) и, напротив, росла доля готовой промышленной продукции. В 1980 г. они были примерно равны. В 1996 г. соотношение снизилось до 1:3, в 2000 г. – до 1:10. На минимуме в 2015 г. доля продукции первичных отраслей составила лишь 4,8% объема китайского экспорта.

В импорте КНР доля продукции первичных отраслей заметно выше, причем на ряде временных отрезков она не падала, а росла. Так, эта доля с 34,7% в 1980 г. сократилась до минимума в 13,7% в 1993 г., но вновь вернулась на уровень одной трети в первые годы текущего десятилетия (34,65% в 2011 г., 34,9% в 2012 г. и 33,7% в 2013 г.). В 2016 г. она снизилась до 27,7%⁷.

Главный товар, стоящий за данными пертурбациями – нефть. Практически с первых лет проведения политики внешнеэкономической открытости Китай позиционировал себя как обладателя крупных нефтяных запасов. Широко продавались права разведки на нефть и газ и пробного бурения на шельфе Желтого и Южно-Китайского морей. В начале 1980-х гг. начался экспорт китайской нефти в Японию. В 1985 г. Китай вывез свыше 36 млн тонн нефти, а в 1986 г. – около 34 млн тонн⁸. Однако уже в 1989 г. экспорт снизился до 29 млн тонн⁹, а с 1993 г. КНР стала нетто-импортером нефти. При этом ее ввоз, начиная

6 «Торговля на основе переработки» («цзягун маои») включает такие конкретные виды операций, как изготовление изделий по образцам и из материалов заказчика, сборка готовых изделий из предоставленных компонентов. К ним часто присоединяют компенсационную торговлю.

7 Рассчитано по: Чжунго тунцзи чжайяо 2017 [Краткая статистика Китая 2017]. Пекин, 2017. С. 95 (на китайском языке).

8 Чжунго тунцзи чжайяо 1987 [Краткая статистика Китая 1987]. Пекин, 1987. С. 90 (на китайском языке).

9 Чжунго тунцзи чжайяо 1990 [Краткая статистика Китая 1990]. Пекин, 1990. С. 99 (на китайском языке).

с 2000 г., рос беспрецедентными темпами и достиг в 2017 г. 419,5 млн тонн на 162 млрд долл. [Хайгуань тунцзи 2017, с. 168]. Другие крупнейшие статьи импорта Китая продукции первичных отраслей – это железная руда (1074 млн тонн на 76,2 млрд долл.), и соевые бобы (95,5 млн тонн на 39,6 млрд долл.) [Хайгуань тунцзи 2017, с. 167–168].

Высокая доля «торговли на основе переработки», осуществлявшейся при самом активном участии предприятий с иностранными инвестициями, обусловила быструю смену товарной номенклатуры внешней торговли КНР с последовательным появлением в ней технически все более сложных изделий и сопутствующим улучшением позиций страны в цепочках добавленных стоимостей.

Так, в 1985–1986 гг. ведущими статьями китайского экспорта вслед за нефтью были одежда, хлопчатобумажные ткани и зерно. Из машинотехнических изделий в небольших количествах вывозились швейные машины, электровентиляторы и велосипеды. В импорте по стоимости лидировал стальной прокат, за которым с большим отрывом шли автомобили, зерно, древесина, химудобрения. Ввозились такие виды бытовой техники, как телевизоры, видеомагнитофоны, стиральные машины и холодильники¹⁰.

В 1990-е гг. был налажен массовый экспорт фотоаппаратов, телевизоров, различной аудио-видеоаппаратуры, а в конце десятилетия – и персональных компьютеров.

К 2003 г. КНР стала крупным экспортером широкой гаммы продукции электроники, компьютерной техники и средств связи. В импорте на одну из ведущих позиций (около 10%) вышел

ввоз интегральных схем и электронных платформ, а в целом доля машин и оборудования достигла 54,5%, в т.ч. высокотехнологичной продукции – 28,8%¹¹.

В 2012 г. ведущие позиции в вывозе КНР заняли (в порядке убывания) одежда, компьютеры и планшеты, мобильные телефоны, интегральные схемы, стальной прокат, мебель, обувь, автомобили и суда, а во ввозе, соответственно, нефть, интегральные схемы, железная руда, автомобили, оборудование и запчасти для компьютерной техники, пластмассы, медь [Портяков 2018, с. 325].

В целом, по некоторым оценкам, доля потребительских товаров в экспорте КНР снизилась с 49% в 1997 г. до 37% в 2012 г. при одновременном росте доли инвестиционных товаров с 5 до 15% и деталей и компонентов с 4 до 13% [Lemoine, Unal 2017, р. 9]. При этом торговля Китая с развитыми странами отличалась весьма высокой долей машин и оборудования. Так, в 2012 г. она составила 50,8% в экспорте КНР в ЕС и 62,5% в импорте, в торговле с США – соответственно, 52,6 и 41,4%, в торговле с Японией – 45,1 и 64,6% [Портяков 2018, с. 326–327]. Тем не менее, несмотря на близость товарной структуры китайского экспорта к таковой у развитых стран, ряд экспертов рассматривал это явление как некую «статистическую иллюзию» из-за невысокой добавленной стоимости в процессе переработки, особенно в высокотехнологичных отраслях [Lemoine, Unal 2017, р. 5].

Такая ситуация стимулирует Китай к активному импортозамещению, прежде всего в компонентной базе. На это, в частности, ориентирована программа развития машиностроения страны «Сделано в Китае 2025», вызвавшая, к

¹⁰ Чжунго тунцзи чайяо 1987 [Краткая статистика Китая 1987]. Пекин, 1987. С. 90–91 (на китайском языке).

¹¹ Рассчитано по: Хайгуань тунцзи [Таможенная статистика]. Пекин, 2003. № 12. С. 9, 25, 30 (на китайском языке).

слову сказать, серьезное недовольство на Западе именно стремлением Пекина снизить зависимость от импорта в высокотехнологичных областях. КНР построена и далее активно улучшать свои позиции в цепочках добавленных стоимостей, видя в этом важную составную часть своего превращения из «большой» торговой державы в «мощную».

В 2017 г. Китай экспортировал 1294,8 млн телефонов, в основном мобильных и беспроводных, 201,8 млн электронных вычислительных устройств (в основном различных компьютеров), 52 млн кондиционеров, 49,5 млн холодильников, 23 млн стиральных машин, 81,5 млн цветных телевизоров, свыше 1 млн автомобилей и более 8 тыс. судов. В то же время, баланс в торговле интегральными схемами остается не в пользу Китая: их экспорт составил 45,2 млрд долл., а импорт – 175,9 млрд долл. [Хайгуань тунзци 2017, с. 54–55, 64].

Особенности товарной структуры внешней торговли Китая в значительной мере предопределяют и ее **географию**. Напомним, что внешнеэкономические связи КНР целенаправленно переориентированы с СССР и социалистического лагеря на мировой рынок еще в 1960-е гг. Это объяснялось не только ухудшением политических китайско-советских отношений, но и свертыванием в тот период импорта комплектного оборудования и повышенной потребностью Пекина в зерне и другой сельхозпродукции, которую не могли удовлетворить Советский Союз и его партнеры по Совету экономической взаимопомощи. Старт реформ пришелся на очередной виток ухудшения отношений Китая с СССР – сначала из-за китайско-вьетнамской войны весной 1979 г., а затем и вследствие ввода советских войск в Афганистан. Вполне логично, что приоритет развитых государств во внешней торговле КНР усилился, чему помогло и уста-

новление дипломатических отношений с США 1 января 1979 г. Поэтому, как откровенно признавали китайские ученые-экономисты, на начальном этапе реформ внешнеэкономическая открытость Китая стала на деле открытостью исключительно по отношению к Западу. Что касается Советского Союза, то он попытался было усилить свои позиции на китайском рынке, предложив в середине 1980-х гг. программу реконструкции части предприятий, сооруженных в 1950-е гг. с его помощью, однако серьезных практических шагов за этим не последовало.

Так что ведущими торговыми партнерами КНР стабильно остаются Европейский Союз, где лидирует Германия, США, азиатские соседи – Япония, Республика Корея и также учитываемые в статистике в качестве внешнеторговых партнеров Тайвань и Гонконг. При этом доли отдельных партнеров, как правило, менялись незначительно. Так, доля ЕС в китайском экспорте составила 18,8% в 2006 г. и 15,6% в 2015 г., доля США – соответственно, 21 и 18%, доля стран и регионов Восточной Азии – 39,6 и 39,1%. При этом, однако, доля стран АСЕАН существенно выросла благодаря созданию зоны свободной торговли с Китаем – с 7,4% в 2006 г. до 12,2% в 2015 г. Доли Тайваня (обозначен как «китайский Тайбэй») и Республики Корея сохранились на близких уровнях (соответственно 2 и 4%), тогда как доля Японии вследствие ухудшения политических отношений с Китаем упала с 9,5 до 6% [China Trade Report 2016, pp. 27–28].

В импорте КНР имело место снижение доли Японии – с 14,6% в 2005 г. до 8,5% в 2015 г. при росте доли США с 7,5 до 8,8% [China Trade Report 2016, pp. 30–31].

Россия достигла рекордного уровня торговли с Китаем в 2014 г. – 95,28 млрд долл. [Report on the Foreign Trade Situation of China 2015, p. 6], после чего слу-

чился обвал, вызванный резкими падением мировых цен на нефть – основной товар российского экспорта в Китай. Максимума в 5–6% доля России во внешней торговле КНР достигла в первые постсоветские годы, но с начала

нынешнего столетия держится примерно на уровне 2%.

Более полное представление о географическом распределении внешней торговли КНР в последние годы дает Таблица 2.

Таблица 2. Географическая структура внешней торговли КНР в 2016–2017 гг., млрд долл.
Table 2. Geographical structure of China's foreign trade in 2016–2017, bln USD

Наименование / Name	2016			2017		
	Оборот / Volume of trade	Экспорт / Export	Импорт / Import	Оборот / Volume of trade	Экспорт / Export	Импорт / Import
Всего / Total	3685,57	2098,15	1587,42	4104,50	2263,52	1840,98
Азия / Asia	1948,11	1042,27	905,84	2125,72	1096,35	1029,37
в т.ч. Индия / including India	70,15	58,59	11,76	84,40	68,06	16,34
Япония / Japan	274,78	129,26	145,52	302,97	137,32	165,65
страны АСЕАН / ASEAN countries	452,20	255,98	196,22	514,81	279,12	235,69
Республика Корея / The Republic of Korea	252,57	93,70	158,87	280,26	102,75	177,51
Тайвань / Taiwan	179,59	40,37	139,22	199,37	43,99	155,38
Гонконг / Hong Kong	304,57	287,72	16,85	286,66	279,34	7,32
Европа / Europe	677,36	389,66	287,70	755,88	429,06	326,82
в т.ч. Россия / including Russia	68,56	37,33	32,23	84,09	42,90	41,19
Европейский Союз / European Union	547,02	339,05	207,97	616,91	377,04	244,87
Африка / Africa	149,11	92,21	56,90	170,00	94,74	75,26
в т.ч. ЮАР / including South Africa	35,34	12,85	22,49	39,17	14,82	24,35
Латинская Америка / Latin America	216,56	113,86	102,70	257,85	130,83	127,02
в т.ч. Бразилия / including Brazil	67,71	21,97	45,74	87,54	28,96	58,58
Северная Америка / North America	565,43	412,62	152,81	635,71	461,27	174,44
в т.ч. США / including USA	519,48	385,08	134,40	583,69	429,75	153,94
Океания / Oceania	127,89	47,51	80,38	158,93	51,28	107,67
в т.ч. Австралия / including Australia	107,95	37,29	70,66	136,26	41,44	94,82

Источник / Source: Хайгуань тунцзи [Таможенная статистика]. Пекин, 2016, № 12. С. 114–121; 2017, № 12. С. 114–121 (на китайском языке).

Торговля услугами

В течение двух десятилетий после старта политики реформ и внешнеэкономической открытости Китай не уделял должного внимания торговле услугами, прежде всего вследствие определенного отставания третичной сферы экономики в стране в целом. При этом Пекин, не располагавший крупным торговым флотом, вынужденно мирился с большим дефицитом операций по статье «транспортные услуги», коль скоро подавляющая часть его экспортных грузов перевозилась потребителям на иностранных морских судах. Положительное сальдо давало лишь оказание Китаем строительных услуг за рубежом.

Ситуация радикально изменилась после присоединения КНР к ВТО. Китай взял на себя серьезные обязательства по открытию внешнему миру торговли услугами. Центральное правительство страны упразднило 2300 нормативных актов и ведомственных правил, не отвечавших нормам ВТО. Одновременно была принята серия нормативных актов о доступе иностранных поставщиков услуг в банковскую, страховую, строительную и транспортную отрасли. Китай активизировал международное сотрудничество и повысил свою конкурентоспособность в таких сферах, как телекоммуникации и Интернет.

Результатом стала резкая активизация торговли услугами, по объему которой Китай с 12-го места в мире переместился на 2-е. За период 2001–2017 гг. импорт услуг КНР вырос с 39,3 до 467,6 млрд долл. при среднегодовом приросте 16,7%. Доля страны в мировом импорте услуг приблизилась к 10% [Чжунго юй шицзе маои цзучжи 2018]. Объем экспорта услуг Китаем вырос за

тот же период с 31 до 228,2 млрд долл. при среднегодовом приросте 13,3%¹². Несомненно, сыграло свою роль общее развитие сферы услуг в Китае. В частности, большие масштабы приобрел выездной туризм. Так, в 2017 г. за рубеж выезжали с туристическими целями 130 млн граждан КНР, израсходовавших на поездки свыше 115 млрд долл. [Чжунго юй шицзе маои цзучжи 2018].

В целом на традиционные виды услуг – транспортные, туристические, строительные – пришлось около двух третей всей китайской торговли услугами в 2017 г. Китай стабильно имеет крупный дефицит в торговле транспортными и туристическими услугами и положительное сальдо по строительным услугам.

В торговле новыми видами услуг у Китая наиболее сильные позиции в сфере телекоммуникационных, компьютерных и информационных услуг. Напротив, КНР имеет существенный отрицательный баланс в обмене страховыми услугами и особенно в плате за использование прав интеллектуальной собственности (см. Таблицу 3). Впрочем, данное обстоятельство в КНР рассматривают как свидетельство быстрого повышения технического уровня предприятий страны [Чжунго фуу маои чжуанкуан 2018].

По итогам 2017 г. на торговлю услугами пришлось 14,5% общего объема внешней торговли Китая товарами и услугами. Китайские эксперты полагают этот уровень недостаточным, коль скоро в международной торговле в целом данный показатель составляет порядка 20%. В частности, в 2014 г. в США он был равен 28,3%, в Германии 21,8%, в Японии 23%, а в Индии, специализирующейся на аутсорсинге, 35,4% [China Trade Report 2016, p. 67].

12 Син Хоуань. Торговля услугами // Китай. Пекин–Москва. Август 2018. С. 33.

Таблица 3. Торговля Китая услугами в 2017 г. (млрд долл.)
Table 3. China's trade in services in 2017 (bln USD)

Виды услуг / Types of services	Объем торговли / Volume of trade	Экспорт / Export	Импорт / Import	Сальдо / Balance
Услуги, всего / Services, total	695,98	228,19	467,79	–239,60
Транспорт / Transportation	130,10	37,12	92,98	–55,86
Туризм / Tourism	293,71	38,82	254,89	–216,07
Строительство / Construction	32,50	23,93	8,57	15,36
Страхование / Insurance	14,46	4,05	10,41	–6,36
Финансовые услуги / Financial services	5,31	3,70	1,61	2,09
Телекоммуникационные, компьютерные, информационные услуги / Telecommunication, computer, information services	46,96	27,78	19,18	8,60
Оплата использования прав интеллектуальной собственности / Intellectual property payments	33,35	4,76	28,59	–23,83
Индивидуальные, досуговые и культурные услуги / Individual, leisure and cultural services	3,51	0,76	2,75	–1,99
Ремонтные услуги / Repair services	8,20	5,93	2,27	3,66
Услуги по переработке / Recycling services	18,25	18,07	0,18	17,89
Прочие коммерческие услуги / Other commercial services	104,43	61,56	42,87	18,69
Правительственные услуги / Government services	34,84	11,49	23,35	–11,86

Составлено и рассчитано по данным / Source: Чжунго фу маои чжуанкуан (Фуцзянь сы) [Китай в торговле услугами. Приложение 4 к Докладу о ситуации во внешней торговле Китая. Весна 2018] // images.mofcom.gov.cn/zhs/201805/20186507090736271.pdf, дата обращения 31.01.2019.

В КНР уделяют большое внимание совершенствованию торговли услугами и наращиванию ее масштабов, видя в этом важное направление своей трансформации из «большой» торговой державы в «сильную».

В начале 2015 г. Госсовет КНР обнародовал «Предложения по ускорению развития торговли услугами», ориентированные на дальнейшее открытие сферы услуг в стране и наращивание китайских зарубежных инвестиций в данный сектор. В августе 2015 г. Госсовет учредил межминистерское совещание для координации деятельности ведомств по торговле услугами. Одна из задач данного органа – содействовать

развитию торговли новыми видами услуг, в т.ч. в сферах культуры, анимации, дизайна, биологии и медицины. В ноябре 2015 г. было подписано соглашение о либерализации торговли услугами между материковым Китаем и Гонконгом, в соответствии с которым Китай открыл для Гонконга 153 вида услуг из 160, входящих в перечень ВТО [China Trade Report 2016, pp. 69–70].

Практическая отработка углубленного сотрудничества между материком и Гонконгом в сфере услуг идет в районе Цяньхай г. Шэньчжэня (он входит в шэньчжэньский участок Гуандунской экспериментальной зоны свободной торговли). Созданы специальные меха-

низмы сотрудничества в торговле услугами с Германией, Австралией, Великобританией. Китай продвигает такое сотрудничество и в рамках БРИКС.

С целью финансовой поддержки регионов и предприятий, осваивающих инновационные виды услуг, в стране учрежден специальный фонд объемом в 30 млрд юаней¹³.

Инвестиции

Одним из основных направлений внешнеэкономической деятельности КНР в период реформ стало **привлечение зарубежного капитала**. На первых порах преобладали займы и кредиты международных финансовых организаций (Китай вступил в Международный валютный фонд и Всемирный банк в 1980 г.) и зарубежных правительств. Объем таких заимствований составил за период 1979–2000 гг. 147,14 млрд долл., в т.ч. 15,56 млрд – в 1979–1985 гг., 30,13 млрд – в 1986–1990 гг., 45,58 млрд – в 1991–1995 гг. и 55,9 млрд в 1996–2000 гг.¹⁴ Получение Китаем государственных займов и кредитов после 2000 г. в статистике не зафиксировано.

Вместе с тем уже в первые пореформенные годы Пекин начал активно привлекать прямые иностранные инвестиции, прежде всего в создание совместных предприятий (закон о них был принят парламентом страны летом 1979 г.).

В середине 1980-х гг. наряду с совместными было также разрешено создание кооперативных предприятий и предприятий, полностью основанных

на иностранном капитале. Последняя форма и стала наиболее успешной: так, в 2016 г. из общего объема практически использованных иностранных инвестиций в 126 млрд долл. на совместные предприятия пришлось 30,2 млрд долл. (около 24%), на кооперативные 0,83 млрд долл. (0,65%), а на иностранные – 86,13 млрд долл. (68,35%). Еще 8,84 млрд долл. (7%) использовано паевыми предприятиями с участием иностранного капитала¹⁵.

До начала 1990-х гг. Китай привлекал больше займов, чем прямых зарубежных инвестиций. С 1992 г. прямые инвестиции из-за рубежа устойчиво становятся главным каналом получения Пекином иностранных капиталовложений. С 2010 г. их ежегодный объем превышает 100 млрд долл. Судя по официальным данным, КНР за период реформ, т.е. за 1979–2017 гг., использовала в совокупности около 1,9 трлн долл.¹⁶ прямых зарубежных инвестиций, став одним из мировых лидеров по этому показателю.

Впрочем, элемент недоверия мирового экспертного сообщества к китайским данным по привлечению прямых иностранных инвестиций присутствует, что объясняется очень высокой долей Гонконга в их общем объеме (как правило, 60–70%) и весомым вкладом офшоров, особенно Виргинских и Каймановых островов. Предполагается, что через островные офшоры китайские предприниматели прокручивают собственный капитал с целью получения льгот, предназначенных для иностранных инвестиций. Среди других

13 Туйдун хоу маои хэ фуу маои сетун фачжянь [Продвигать скоординированное развитие торговли товарами и услугами] // images.mofcom.gov.cn/zhs/201805/2018050809573056.pdf, дата обращения 31.01.2019 (на китайском языке).

14 Данные и расчет по: Чжунго тунцзи чайяо 2017. С. 104 (на китайском языке).

15 Данные и расчет по: Чжунго тунцзи няньцзянь 2017 [Китайский статистический ежегодник 2017]. Пекин. 2017. Таблица 11–15 (на китайском языке).

16 Точнее, 1896,57 млрд долл. Данные и расчет по: Чжунго тунцзи чайяо 2018 [Краткая статистика Китая 2018]. Пекин. 2018. С. 103 (на китайском языке).

стран и регионов по объему инвестиций в КНР лидируют Япония, Сингапур, Республика Корея, США (см. Таблицу 4).

Отраслевая структура привлеченных зарубежных инвестиций менялась вслед за сменой приоритетов развития страны и сдвигами в структуре народного хозяйства. В 2016 г. лидерами были перерабатывающие отрасли (35,5 млрд долл., или 28% от общего объема использованных инвестиций), недвижимость (19,65 млрд долл. – 15,6%), деловые услуги (16,13 млрд долл. – 12,8%) и розничная торговля (15,27 млрд долл. – 12,6%)¹⁷.

Из зарегистрированных в КНР на конец 2016 г. 505 тыс. предприятий с иностранными инвестициями 154 тыс. действовали в перерабатывающих отраслях, 121,5 тыс. – в оптовой и розничной торговле, 56,4 тыс. – в сфере деловых услуг, 43,2 тыс. – в информатике¹⁸.

Китай в последние годы обрел широкую известность не только как получатель капиталовложений из-за рубежа, но и как достаточно крупный международный инвестор. Первые **китайские инвестиции за рубежом** датируются серединой 1980-х гг., однако бо-

Таблица 4. Привлечение Китаем прямых иностранных инвестиций (млрд долл.)
Table 4. Foreign direct investment in China (bln USD)

Страна, регион / Country, region	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017
Инвестиции, всего / Investment, total	105,7	116,0	111,7	117,6	119,6	126,3	126,8	131,0
Япония / Japan	4,1	6,3	7,4	7,1	4,3	3,2	3,1	3,3
Сингапур / Singapore	5,4	6,1	6,3	7,2	5,8	6,9	6,0	4,8
Республика Корея / The Republic of Korea	2,7	2,6	3,0	3,1	4,0	4,0	4,8	3,7
Великобритания / UK	0,7	0,6	0,4	0,4	0,7	0,5	1,4	1,0
Германия / Germany	0,9	1,1	1,5	2,1	2,1	1,6	2,7	1,5
Франция / France	1,2	0,8	0,7	0,8	0,7	1,2	0,9	0,8
Каймановы о-ва / Cayman Islands	2,5	2,2	2,0	1,7	1,3	1,4	5,2	2,2
Виргинские о-ва / Virgin Islands	10,4	9,7	7,8	6,2	6,2	7,4	6,7	4,0
Канада / Canada	0,6	0,5	0,4	0,5	0,4	0,2	0,3	0,3
США / USA	3,0	2,4	2,6	2,8	2,4	2,1	2,4	2,6
Австралия / Australia	0,3	0,3	0,3	0,3	0,2	0,3	0,3	0,3
Гонконг / Hong Kong	60,6	70,5	65,6	73,4	81,3	86,4	81,5	94,5
Тайвань / Taiwan	2,5	2,2	2,8	2,1	2,0	1,5	2,0	1,8

Источник / Source: Чжунго тунцзи чжайяо 2017 [Краткая статистика Китая 2017]. Пекин, 2017. С. 103; Чжунго тунцзи чжайяо 2018 [Краткая статистика Китая 2018]. Пекин, 2018. С. 102 (на китайском языке).

¹⁷ Рассчитано по: Чжунго тунцзи няньцзянь 2017 [Китайский статистический ежегодник 2017]. Пекин, 2017. Таблица 11–16 (на китайском языке).

¹⁸ Рассчитано по: Чжунго тунцзи няньцзянь 2017 [Китайский статистический ежегодник 2017]. Пекин, 2017. Таблица 11–16 (на китайском языке).

лее-менее значительные масштабы они приобрели с начала 2000-х гг., вслед за провозглашением стратегии выхода отечественного капитала «вовне» («цзоу чжунь»). В 2003 г. был обнародован первый статистический справочник о зарубежных инвестициях китайских компаний.

Во втором десятилетии XXI в. масштабы инвестиций резко выросли, стали заметно меняться их география и формы. Если ранее преобладали капиталовложения в добывающие отрасли в развивающихся странах и традиционно – в Гонконг, то с 2010 г. активизируются вложения Китая в активы в США и Европе через «слияния и поглощения» [Miller, Kratz 2016, p. 38]. Это облегчало китайскому бизнесу проникновение на рынки развитых стран и закрепление на них.

Дополнительным стимулом стала инициатива Си Цзиньпина о развитии инфраструктуры и экономического сотрудничества на маршрутах современных сухопутного и морского «шелковых путей», в которую вовлечены десятки государств. Одно из важных направлений ее реализации – вынос избыточных производственных мощностей из КНР в страны вдоль «пояса и пути», влекущий за собой инвестиции из Китая в виде оборудования, строительных услуг и т.п. Так, китайские предприятия по выплавке стали (один из главных «избыточных продуктов» в КНР) работают в Малайзии (3,5 млн т), Индонезии (3 млн т), Сербии (2,2 млн т), строятся в Индонезии (на 6 млн т), Индии (на 2 млн т) и планируются в Бразилии (2 млн т)¹⁹. Соглашения по переносу производственных мощностей заключены с Казахстаном и Киргизией.

Китайские инвестиции за рубежом достигли пика в 2016 г., что отчасти

объясняется активным выводом капиталов из страны в условиях жесткой антикоррупционной кампании, инициированной Си Цзиньпином (см. Таблицу 5).

Обращает на себя внимание безоговорочное лидерство Гонконга: на него приходится свыше 65% инвестиций из КНР в 2016 г. и 67% – в их накопленном итоге. Значителен и объем вывода средств в офшоры – на Каймановы и Виргинские острова: 25,8 млрд долл. в 2016 г. (12,5% от общей суммы) и около 193 млрд долл. (14,2%) в накопленном итоге. Тем не менее Китаю в плане инвестиций удалось многого добиться в странах АСЕАН, в Австралии. Очевидна и значительная экономическая взаимозависимость между КНР и США, о чем свидетельствует солидный объем накопленных китайских инвестиций в Америке – 60,5 млрд долл. Для сравнения – их объем в России составил на конец 2016 г. около 13 млрд долл.

Китайские инвестиции в Европу призваны обеспечить закрепление компаний из КНР на европейском рынке и нарастить обратный поток грузов в Китай на главном маршруте сухопутного шелкового пути. Статистика китайских инвестиций в Европу весьма противоречива и требует уточнения. Пока китайские данные намного меньше европейских. Например, в 2016 г. Китай оценивал свои инвестиции в Европе в 10,7 млрд долл., а эксперты из берлинского Института китайских исследований «Меркатор» – в 35 млрд евро.

Заметно разнятся и данные по накопленному итогу китайских инвестиций в конкретных странах [Hanemann, Huotari 2018] (возможно, китайские статистики оперируют фактически использованными инвестициями, а европейские – инвестициями по соглашениям).

19 Дэлтон М., Вэй Л. (2018) Миграция китайского металла // Ведомости. 6 июня 2018.

Таблица 5. Китайские инвестиции за рубежом в 2016 г. (млн долл.)
Table 5. China's foreign investment in 2016 (mln USD)

Страна, регион / Country, region	Инвестиции в 2016 г. / Investment in 2016	Накопленный итог на конец 2016 г. / Capital stock at the end of 2016
Всего / Total	199 149*	1357 390
Азия / Asia	130 267	909 455
Гонконг / Hong Kong	114 232	780 744
Сингапур / Singapore	3 171	33 445
Индонезия / Indonesia	1 461	9 545
Вьетнам / Vietnam	1 279	4 983
Таиланд / Thailand	1 121	4 533
Республика Корея / The Republic of Korea	1 148	4 237
Африка / Africa	2 398	39 877
Европа / Europe	10 693	87 202
Великобритания / UK	1 480	17 612
Германия / Germany	2 380	7 841
Франция / France	1 499	5 116
Россия / Russia	1 293	12 979
Латинская Америка / Latin America	27 227	207 152
Каймановы о-ва / Cayman Islands	13 522	104 208
Виргинские о-ва / Virgin Islands	12 288	88 766
Северная Америка / North America	20 351	75 472
США / USA	16 980	60 580
Океания / Oceania	5 211	38 240
Австралия / Australia	4 186	33 350

Источник / Source: Чжунго тунци чжайяо 2017 [Китайский статистический ежегодник 2017]. Пекин. 2017. Таблица 11–19 (на китайском языке).

* В сообщении Госкомитета КНР по статистике об итогах 2016 г. величина инвестиций за рубежом определена в 170,1 млрд долл. В докладе Министерства коммерции КНР об инвестициях за рубежом в 2016 г. фигурирует третья цифра – 196,15 млрд долл.

В отраслевой структуре китайских инвестиций за рубежом ведущие позиции заняли: деловые услуги (33,5% от общего объема), перерабатывающие отрасли (14,8%), оптовая и розничная тор-

говля (10,7%), передача информации и информационные услуги (9,5%), недвижимость (7,8%), денежно-кредитная сфера (7,6%), услуги населению (2,8%), строительство (2,2%)²⁰.

20 2016 няньду Чжунго дуйвай чжицзе тоуцзы тунци гунбао [Статистическое коммюнике о зарубежных инвестициях Китая в 2016 г.] // images.mofcom.gov.cn/fec/201711/20171114083528539.pdf, дата обращения 31.01.2019 (на китайском языке).

В 2017 г. объем инвестиций КНР за рубежом снизился на 29,4% и составил 120,1 млрд долл²¹. Отчасти это объясняется ужесточением контроля за вывозом капитала из Китая. Однако главным фактором стало более осторожное отношение к китайским инвестициям в развитых странах, особенно в США и Европе. Пекин сталкивается и со случаями отказа ряда развивающихся стран после смены правительств от строительства объектов с китайскими инвестициями.

Одной из важных отличительных особенностей внешнеэкономической политики КНР в пореформенный период стало апробирование **различных форматов территориальной открытости**. В их числе – специальные экономические зоны, открытые приморские города, районы технико-экономического развития, открытые приморские районы, зоны развития высоких технологий, зоны беспошлинной торговли и т.д. [Потанов 1998, с. 271–272]. Как правило, главным преимуществом этих образований была льготная ставка налогообложения: 24, 15 и даже 10% по сравнению с уровнем подоходного налога в 33% для обычных национальных предприятий.

Наибольшую известность и в самом Китае, и в мире обрели специальные экономические зоны (СЭЗ) «первой волны» – Шэньчжэнь, Чжухай, Шаньтоу, Сямэнь, созданные в 1980 г. В 1988 г. статус СЭЗ получил о. Хайнань. Специальные экономические зоны сыграли поистине уникальную роль в модернизации страны и развитии внешнеэкономических связей Китая, став не только «окном в мир», «стыковочным

узлом» с мировым рынком, но и экспериментальной площадкой для отработки широкого спектра реформенных нововведений – от реформы заработной платы и отпуска цен на продовольствие до создания центров валютной торговли и бирж ценных бумаг.

Очевидны и достижения в развитии самих СЭЗ. Если в 1979 г. совокупный объем валового регионального продукта (ВРП) Шэньчжэня, Чжухая, Шаньтоу, Сямэни и о. Хайнань не достигал и 4 млрд юаней, а его доля в ВВП страны составляла менее 1%, то в 2017 г. эти показатели достигли, соответственно, 3617 млрд юаней и 4,4%, а среднедушевой ВРП пяти территорий был равен 16372 долл. США – вдвое выше среднекитайского. Объем внешней торговли пяти СЭЗ вырос с 0,2 млрд долл. до 550 млрд долл., а их доля во внешнеторговом товарообороте Китая выросла с 0,4 до 13,5%²². Безусловным лидером здесь является Шэньчжэнь, ставший наиболее успешной китайской СЭЗ. По годовому объему внешней торговли (в 2017 г. – около 414 млрд долл.) он с начала 2000-х гг. соперничает за первое место с Шанхаем, в большинстве случаев опережая его.

Внушительны и итоги привлечения Шэньчжэнем зарубежных капиталовложений. За 1979–2017 гг. здесь в общей сложности были использованы прямые иностранные инвестиции на сумму около 90 млрд долл. (см. Таблицу 6), что составляет 4,7% от общекитайского показателя (доля ВРП Шэньчжэня в ВВП КНР – около 2,5%).

Следует подчеркнуть, что достаточно высокие параметры использования Шэньчжэнем иностранных инвестиций

21 Чжунхуа жэньминь гунхэго 2017 нянь гоминь цзинци хэ шэуи фачжань тунци гунбао [Статистическое коммюнике об экономическом и социальном развитии Китайской Народной Республики в 2017 г.] // Жэньминь жибао. 1 марта 2018 (на китайском языке).

22 Синь шидай цзинци тэцуй дэ синь шимин син динвэй [Новый статус и новая миссия специальных экономических зон в новую эпоху] // Жэньминь жибао. 2 сентября 2018 (на китайском языке).

Таблица 6. Использование прямых иностранных инвестиций в Шэньчжэне (млн долл.)
Table 6. Foreign direct investment in Shenzhen (mIn USD)

Год / Year	Инвестиции / Investment	Год / Year	Инвестиции / Investment
1979	5	1999	1778
1980	28	2000	1961
1981	86	2001	2591
1982	58	2002	3191
1983	113	2003	3623
1984	186	2004	2350
1985	180	2005	2969
1986	365	2006	3269
1987	274	2007	3662
1988	287	2008	4030
1989	293	2009	4160
1990	390	2010	4297
1991	399	2011	4599
1992	449	2012	5299
1993	989	2013	5468
1994	1250	2014	5805
1995	1310	2015	6497
1996	2051	2016	6732
1997	1661	2017	7401
1998	1664		

Составлено по / Source: Шэньчжэнь тунци няньчжэнь 2017 [Статистический ежегодник Шэньчжэня 2017]. Пекин–Шэньчжэнь. 2017. Таблица 13–4, с. 322; Шэньчжэнь 2017 нянь гоминь цзинцзи хэ шэжуй фачжэнь тунци гунбао [Статистическое коммунике об экономическом и социальном развитии Шэньчжэня в 2017 г.] // www.zftj.gov.cn/xxgk/zfxgkme/tjsj/tjgb/201804/20180416-11765330.htm, дата обращения 31.01.2019 (на китайском языке).

сохранились и после того, как в период 2008–2012 гг. ставка подоходного налога здесь была поэтапно повышена до общенационального уровня в 25% (введена в 2007 г.). Привлекательность как Шэньчжэня, так и Китая в целом для иностранных инвесторов все в большей мере определяется емкостью китайского рынка, а не налоговыми льготами.

Перспективы

Подводя краткие итоги политики внешнеэкономической открытости Китая в пореформенный период, можно констатировать, что она сыграла критически важную незаменимую роль в модернизации страны и в ее трансформации в одну из веду-

сих держав мира, в освоении норм и правил функционирования мирового рынка. Китай вошел в число мировых лидеров по объемам торговли, привлечению иностранных инвестиций и инвестированию за рубежом. Пекин хорошо адаптировался к процессу глобализации мировой экономики и стал одним из главных ее бенефициаров. Официальную позицию Китая в настоящее время отличают приверженность глобализации, противодействие протекционизму, курс на активное экономическое сотрудничество по всем направлениям. Такая позиция вполне закономерна, коль скоро внешнеэкономические связи останутся одним из ведущих факторов развития КНР на обозримую перспективу.

На пути достижения провозглашенной Пекином цели – превратить страну из «большой» торговой державы в «мощную» – Китаю предстоит многое сделать не только в деле преодоления слабостей, выявившихся в его внешней торговле и внешнеэкономических связях в целом, но и для более полного учета зачастую справедливых претензий и требований его торгово-экономических партнеров. В числе основных проблем здесь назовем высокий уровень «китаезависимости» у большой группы стран²³, все еще недостаточный уровень качества электроники и машинотехнической продукции китайского производства (Китай подчас обвиняют в том, что он «уронил» мировой стандарт качества), случаи агрессивного вытеснения китайским экспортом продукции национальных производителей, в т.ч. на рынках третьих стран (особенно ха-

рактерен пример Италии), увязка предоставления Китаем инвестиций с закупкой его техники и использованием китайской рабочей силы.

В Пекине много работают над стратегией дальнейшего развития внешнеэкономических связей. Декларируется необходимость ускорить переход к новым факторам развития внешней торговли и обновлению ее структуры, возвращать новые сравнительные преимущества в конкурентоспособности, перейти от быстрого роста к росту качественному.

Методологически взят курс на «пять улучшений», или оптимизаций²⁴. Это, во-первых, формирование более широкой сети торговых партнеров, еще более активное использование мирового рынка. Особое значение придается дальнейшей активизации связей вдоль маршрутов сухопутного и морского «шелковых путей». Соответствующие страны все чаще выделяются в отдельную группу в китайской статистике внешнеэкономических связей. Так, в докладе Минкоммерции о внешней торговле Китая отмечается, что объем его торговли со странами «пояса и пути» в 2017 г. вырос на 17,8% – на 3,6 процентных пункта больше роста товарооборота в целом [Чжунго дуйвай маои синши баогао 2018]. Инвестиции КНР в страны «пояса и пути» в 2017 г. составили 14,4 млрд долл.²⁵ (в ряде материалов число таких стран определено в 54).

Во-вторых, улучшение территориального распределения внешней торговли и инвестиционной деятельности в самом Китае. По свидетельству вице-премьера Ван Яна (в марте 2018 г. занял

23 В 2010 г. журнал *Economist* пустил в оборот специальный термин «sinodependancy», рассчитывавшийся сначала для компаний, а затем и для стран как доля ВВП, «вывозимая» через экспорт в КНР [Портяков 2018, с. 329–330].

24 Туйдун ваймао ю гаосу цзэнчжан чжуань сянь гао чжилян фачжань [Стимулировать поворот внешней торговли от развития высокими темпами к качественному развитию] // images.mofcom.gov.cn/zhs/201805/20180508095959091.pdf, дата обращения 31.01.2019 (на китайском языке).

25 <http://russian.people.com.cn/n3/20180126/c31518-9420283.html>

пост председателя Всекитайского комитета Народного политического консультативного совета Китая), на западные регионы страны приходится 72% территории и 27% населения, но лишь 7% объема внешней торговли КНР и 7,6% привлеченных ею иностранных инвестиций [Ван Ян 2018].

В-третьих, техническое, институциональное, управленческое обновление предприятий – субъектов внешнеэкономических связей, поощрение к выходу на мировой рынок малых и средних предприятий, формирование группы головных предприятий и транснациональных компаний с китайским капиталом, обладающих высокой международной конкурентоспособностью.

В-четвертых, оптимизация товарной структуры торговли, освоение продукции с высокой добавленной стоимостью и борьба за высокий престиж товаров известных китайских марок.

В-пятых, улучшение существующих и поиск новых способов ведения торговли, всемерное развитие торговли услугами и товарами.

В практическом плане на одно из первых по значимости мест выходит **функционирование экспериментальных зон свободной торговли**²⁶. Они призваны отработать переход внешне-торговой и инвестиционной деятельности КНР на передовые международные стандарты, подготовить дальнейшее открытие китайского рынка (включая финансовые, социальные, образовательные услуги) для иностранных инвесторов. Часть экспериментальных зон (в Сиани, Чунцине, Чэнду) ориентирована на подтягивание к мировым стандартам внешнеэкономической дея-

тельности западных регионов Китая и обеспечение высокого качества экономического взаимодействия КНР с государствами вдоль сухопутного пояса «Шелкового пути». С середины 2018 г. одна из главных наработок экспериментальных зон – принцип «негативного списка» в привлечении зарубежных инвестиций распространен на весь Китай (т.е. разрешены инвестиции во все сферы, не вошедшие в соответствующий «запретительный» перечень, который количественно ежегодно сокращается).

Пекин декларирует готовность существенно **увеличить импорт товаров** из-за рубежа, способствуя тем самым снижению своего крупного положительного сальдо в торговле товарами. В ближайшее пятилетие совокупный импорт КНР может достичь 8 триллионов долларов²⁷. В середине 2018 г. снижены импортные пошлины на автомобили и ряд потребительских товаров, в ноябре 2018 г. в Шанхае проведена первая в истории страны китайская международная выставка импортных товаров.

Одновременно Китай сохраняет **традиционные методы стимулирования экспорта**, такие как увеличение ставки возврата налогов при вывозе некоторых видов продукции и мягкое снижение курса юаня. В 2014 г. среднегодовой курс юаня к доллару США достиг пиковых значений в 6,143 юаня за доллар. В 2016 г. он составил 6,6423, а в 2017 г. – 6,7518 юаня за доллар.

Вместе с тем особое значение придается развитию такой новой формы ведения внешней торговли, как **трансграничная электронная торговля**. В последние годы был принят ряд нор-

26 Подробнее см.: Investing in China's Free Trade Zones (2017) // China Briefing, September 21, 2017 // www.China-briefing.com/news/2017/09/21/investing-in-chinas-free-trade-zones.html, дата обращения 31.01.2019.

27 2018 нянь Чжунго дуйвай маои фачжань хуаньцзин фэнсяи [Анализ среды развития внешней торговли Китая в 2018 г.] // images.mofcom.gov.cn/zhs/201805/20180508092571.pdf, дата обращения 31.01.2019 (на китайском языке).

мативных документов, регламентирующих порядок ее ведения, а в середине 2018 г. – Закон КНР об электронной торговле. Официальных данных о ее объеме пока нет. Подчас называются величины вплоть до триллиона долларов, однако объем трансграничной электронной торговли платформ, находящихся под управлением таможен, составил в 2017 г. лишь 90,24 млрд юаней – на 80% больше, чем в 2016 г. [Чжунго дуйвай маои фачжань баогао 2018]. Видимо, эти данные не включают торговлю, ведущуюся непосредственно крупнейшими китайскими провайдерами электронной торговли (Алибаба, Амазон, Цзиньдун молл, Ихаодянь). 80% объема трансграничной электронной торговли КНР составляет ее экспорт [China Trade Report 2016, p. 84].

Пекин продолжит усилия по **формированию новых межгосударственных зон свободной торговли** (ЗСТ). На середину 2016 г. КНР имела 14 соглашений о создании двусторонних и многосторонних (с АСЕАН) зон свободной торговли. Последняя по времени договоренность такого рода – предварительное соглашение о ЗСТ с Маврикием, подписанное во время визита председателя КНР Си Цзиньпина в Африку в сентябре 2018 г. Продолжаются переговоры по созданию ЗСТ в формате Китай – Республика Корея – Япония, активизировавшиеся в 2017 г. вслед за некоторым смягчением политических китайско-японских отношений. Китай несколько лет назад энергично продвигал инициированное АСЕАН соглашение о Региональном всеобъемлющем экономическом партнерстве в Восточной Азии (RCEP – Regional Comprehensive Economic Partnership), однако в последние год-два его энтузиазм поубавился, возможно в связи с переключением центра тяжести на более приоритетный для Пекина формат «пояса и пу-

ти». По мнению ряда экспертов, «торговение» в создании РСЕР объясняется также позицией Индии, опасющейся наплыва дешевых товаров из других стран, но продвигающей свою идею либерализации рынка труда [Miller 2017, p. 15]. Тем не менее в целом КНР сохраняет приверженность практике межгосударственных ЗСТ, выступив с предложениями создания Зоны свободной торговли АТР [FTAAP – Free Trade Area of the Asia-Pacific] и формирования глобальной сети высококачественных ЗСТ [China Trade Report 2016, p. 85].

В долгосрочной перспективе важным фактором усиления внешнеэкономических позиций Китая может стать **интернационализация юаня**. Процесс повышения его места в мировой торговле и экономике уже идет. За период 2012–2016 гг. по доле в расчетах в сфере мировой торговли юань передвинулся с 15-го места в мире (0,25%) на 6-е (1,67%). С такими темпами роста он может в десятилетней перспективе обойти японскую иену. По доле в сделках на валютном рынке юань с 17-го места (0,9%) в 2010 г. передвинулся на 8-е в 2016 г. (4%). Здесь есть перспектива в течение 10 лет обойти британский фунт стерлингов. Китайские эксперты полагают, что у юаня есть шансы стать третьей по значимости валютой мира после американского доллара и евро [Пэй Чжанхун, Лю Хункуй 2017, с. 40].

***

Оценивая возможное развитие внешнеэкономических связей Китая на ближайшее десятилетие, можно предположить, что он почти наверняка сохранит позиции одного из мировых лидеров по торговле товарами и услугами, привлечению иностранных капиталов и инвестированию за рубежом. Ориентация Пекина на форсированное инновационное развитие страны может способствовать дальнейшему облагоражи-

ванию китайского экспорта. По оценке зарубежных экспертов, в 2020 г. доля Китая в глобальном экспорте продукции перерабатывающих отраслей может достичь 22–23%, что выше его доли в мировом населении (19%) и валовом продукте (15%). Вместе с тем улучшение позиций по товарам с высокой добавленной стоимостью будет даваться Китаю крайне тяжело: ведь производство такой продукции остается весьма зависимым от импортных компонентов и интеллектуальной собственности [Kroeber, Wang Dan 2017, pp. 39, 45]. В структуре китайского экспорта сохранится весомая доля традиционных товаров (одежда, обувь), а в импорте – топливно-сырьевых и продовольственных товаров.

Пекин продолжит достаточно эффективные усилия по наращиванию масштабов торговли услугами, особенно современными их видами, развитию электронной торговли, сохранению относительно благоприятного внешне-торгового режима за счет участия в межгосударственных зонах свободной торговли.

Однако страна сталкивается с перспективой некоторого ухудшения внешних условий для внешнеэкономической деятельности. США и Западная Европа усилили гонения на инвестиции из КНР, сорвав целый ряд крупных сделок «слияния и поглощения» с участием китайского капитала под предлогом предотвращения нарушений в сфере интеллектуальной собственности и несанкционированной утечки технологий. Болезненные последствия для китайской экономики может иметь тотальное повышение в США ввозных тарифов на товары, импортируемые из КНР²⁸. Заслуживает внимания и абсо-

лютно негативное отношение Запада к программе «Сделано в Китае – 2025». Создается впечатление, что Запад всеми силами стремится помешать сокращению своего технологического отрыва от КНР.

В данном контексте особое значение для сохранения и усиления позиций Китая в мировой торговле и инвестиционной деятельности будет иметь более-менее успешная реализация проектов «пояса и пути», способная компенсировать вероятное охлаждение экономического взаимодействия Пекина с Западом. Можно ожидать и усиления интереса Пекина к развитию связей с Россией, Евразийским экономическим союзом, государствами формата БРИКС, «незападным миром» в целом.

Список литературы

Ван Ян (2017) Туйдун синчэн цюаньмянь кайфан синь гэцзюй [Продвигать формирование новой архитектуры всесторонней открытости] // Жэньминь жибао. 10 ноября 2017 (на китайском языке).

Портяков В.Я. (2018) Внешняя торговля КНР в 2011–2013 гг. // Портяков В.Я. Муравей грызет кость. Избранные очерки о Китае. М.: Форум. С. 319–331.

Потапов М.А. (1998) Внешнеэкономическая политика Китая, проблемы и противоречия. М.: Буква.

Пэй Чжанхун, Лю Хункуй (2017) Чжунго цзэнъян маньсян маои цянго: игэ синьдэ фэньсю сылу [Как Китаю стать сильной торговой державой: новый метод анализа] // Цзинцзи яньцзю [Экономические исследования]. № 5. С. 26–42 (на китайском языке).

28 Фэн Е. (2018) Чжун Мэй маои чжань дэ мин юй ань [Явное и тайное китайско-американской торговой войны] // Наньфан чжоумо, Гуанчжоу. 29 марта 2018 (на китайском языке).

Хайгуань тунцзи [Таможенная статистика] (2017) // Пекин. № 12 (на китайском языке).

Чи Фулинь (Чжу бян) (2017) Диэрцы кайфан: цюаньцюхуа шицзы лукоу дэ Чжунго сюаньцзэ [Чи Фулинь (гл. ред.) Второй раунд политики открытости: выбор Китая на перекрестке глобализации]. Пекин, Чжунго гунжэнь чубаньшэ (на китайском языке).

Чжунго гунчаньдан ди шицзюцы цюаньго дайбяо дахуэй вэньцзянь хуэйбянь [Документы XIX Всекитайского съезда КПК] (2017). Пекин, Жэньминь чубаньшэ (на китайском языке).

Чжунго дуйвай маои синши баогao (2018 нянь чуньцзи) [Доклад о ситуации во внешней торговле Китая. Весна 2018 г.] // zhs.mofcom.gov.cn/article/cbw/201805/20180502740111.shtml, дата обращения 31.01.2019 (на китайском языке).

Чжунго фуу маои чжуанкуан (Фуцзянь сы) [Китай в торговле услугами. Приложение 4 к Докладу о ситуации во внешней торговле Китая. Весна 2018] // images.mofcom.gov.cn/zhs/201805/20186507090736271.pdf, дата обращения 31.01.2019 (на китайском языке).

Чжунго юй шицзе маои цзучжи. Чжунхуа жэньминь гунхэго гоюань синьвэнь баньгунши 2018 нянь 6 юэ [Китай и Всемирная торговая органи-

зация. Канцелярия информации Госсовета Китайской Народной Республики. Июнь 2018 г.] (2018) // Жэньминь жибао. 29 июля 2018 (на китайском языке).

China Trade Report 2016: Post-Crisis Development. (2016) Trade Team of Institute of World Economics and Politics, Chinese Academy of Social Sciences. – Beijing, China Social Sciences Press, 2016.

Hanemann T., Huotari M. (2018) EU–China FDI: Working towards Reciprocity in Investment Relations // MERICS Papers on China. Berlin, May 2018 // <https://www.merics.org/en/papers-on-china/reciprocity>, дата обращения 17.08.2018.

Kroeber A., Wang D. (2017) The Export Upgrade Challenge // China Economic Quarterly, vol. 21, no 2, pp. 37–47.

Lemoine F., Unal D. (2017) China's Foreign Trade: A “New Normal” // China & World Economy, vol. 25, no 2, pp. 1–21.

Miller T. (2017) The Belt and Road to Leadership // China Economic Quarterly, vol. 21, no 2, pp. 9–16.

Miller T., Kratz A. (2016) Open Checkbook, Closed Market // China Economic Quarterly, vol. 20, no 3, pp. 37–43.

Report on the foreign trade situation of China. Spring 2015. Chinese Academy of International Trade and Economic Cooperation, Ministry of Commerce of the People's Republic of China, 2015.

From the Point of Economic

DOI: 10.23932/2542-0240-2019-12-1-44-68

Policy of Foreign Economic Openness in the People's Republic of China: Main Results and Prospects

Vladimir Ya. PORTYAKOV

DSc in Economics, Professor

Institute of Far Eastern Studies of the Russian Academy of Sciences, 117997,

Nakhimovskiy Av., 32, Moscow, Russian Federation

E-mail: portyakov47@yandex.ru

ORCID: 0000-0001-9188-2341

CITATION: Portyakov V.Ya. (2019) Policy of Foreign Economic Openness in the People's Republic of China: Main Results and Prospects. *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*, vol. 12, no 1, pp. 44–68 (in Russian).

DOI: 10.23932/2542-0240-2019-12-1-44-68

Received: 06.10.2018.

The article was prepared with the financial support of RFBR, project № 18-014-00030a.

ABSTRACT. *The People's Republic of China marks in December 2018 the 40th anniversary of the economic reform start. Its integral part was external economic openness of the country which replaced former Mao Zedong's policy of autarky. The article deals with the main achievements of China's foreign trade in goods and services and cross-border investment cooperation of the country during reform period. Shortcomings and problems in these spheres are shown.*

The article analyzes the formation of the second stage of foreign economic openness in China, which is associated primarily with the initiative to build land and sea "silk roads" and with the creation of a number of experimental free trade zones in the country.

The possible prospects of further development of China's foreign economic relations, taking into account various internal and external factors, are analyzed.

Briefly summing up the results of China's foreign economic openness policy in the years of reform, we can say that it has played a crucial and irreplaceable role in the modernization of the country and its transformation into one of the leading powers in the world, in absorbing norms and rules of the world market. China has become one of the world leaders in terms of trade, attracting foreign investment and investing abroad. Beijing has adapted itself well to the process of globalization of the world economy and has become one of its main beneficiaries. China's official position is currently distinguished by its commitment to globalization, resistance to protectionism, and support of active economic cooperation in all areas. This position is quite natural, since foreign economic relations will remain one of the leading factors in China's development for the foreseeable future.

On the way to achieving the goal proclaimed by Beijing – to turn the country from a "big"

trading power into a “powerful” – China has much to do in order to overcome the weaknesses revealed in its foreign trade and foreign economic relations in general, and also to take more fully into account the often fair claims and demands of its trade and economic partners.

Beijing is working hard on a strategy for further development of foreign economic relations. Particular importance is attached to the formation of a wider network of trading partners along the routes of land and sea “silk roads”. It is necessary to significantly increase the share of China's Western territories in country's foreign trade and investment activities abroad. Beijing is planning to form a group of multinational companies with Chinese capital, which have high international competitiveness. The development of products with high value added, the struggle for the high prestige of goods of famous Chinese brands, the search for new ways of trade in services and goods, the formation of new interstate free trade zones will be continued.

In practical terms, one of the most important steps is the formation of pilot free trade zones in China itself. They are designed to work out the transfer of China's foreign trade and investment activities to advanced international standards, to prepare further opening of the Chinese market (including financial, social, educational services) for foreign investors.

KEY WORDS: People's Republic of China, foreign economic openness policy, foreign trade, investment, “Belt and Road initiative”, experimental free trade zones, prospects

References

- Chi Fulin (Zhubian) (2017) *Di erci kaifang: quanqiu hua shi zhi lukou de Zhongguo xuanze* [Chi Fulin (ed.) The Second Round of Opening-up: China's Choice at the Crossroads of Globalization], Beijing, Zhongguo gongren chubanshe (in Chinese).
- China Trade Report 2016: Post-Crisis Development. (2016) *Trade Team of Institute of World Economics and Politics, Chinese Academy of Social Sciences*. – Beijing, China Social Sciences Press, 2016.
- Haiguan tongji [Customs Statistics] (2017), Beijing, no 12 (in Chinese).
- Hanemann T., Huotari M. (2018) EU–China FDI: Working towards Reciprocity in Investment Relations. *MERICs Papers on China*. Berlin, May 2018. Available at: <https://www.merics.org/en/papers-on-china/reciprocity>, accessed 17.08.2018.
- Kroeber A., Wang D. (2017) The Export Upgrade Challenge. *China Economic Quarterly*, vol. 21, no 2, pp. 37–47.
- Lemoine F., Unal D. (2017) China's Foreign Trade: A “New Normal”. *China & World Economy*, vol. 25, no 2, pp. 1–21.
- Miller T. (2017) The Belt and Road to Leadership. *China Economic Quarterly*, vol. 21, no 2, pp. 9–16.
- Miller T., Kratz A. (2016) Open Checkbook, Closed Market. *China Economic Quarterly*, vol. 20, no 3, pp. 37–43.
- Portyakov V.Ya. (2018) Foreign Trade of the PRC in 2011–2013. *Portyakov V.Ya. Ants Gnawing at a Bone. Selected texts of Russian Sinologist*, Moscow: Forum, pp. 319–331 (in Russian).
- Potapov M.A. (1998) China's Foreign Economic Policy, Problems and Contradictions, Moscow: Bukva (in Russian).
- Pei Zhanghong, Liu Hongkui (2017) Zhongguo zengyag manxiang maoyi qiangguo: yige xinde fenxi silu [How China May Become a Powerful Trade Country: New Method of Analysis], *Jingji yanjiu* [Economic Studies], no 5, pp. 26–42 (in Chinese).
- Report on the foreign trade situation of China. Spring 2015. *Chinese Academy of International Trade and Economic Cooperation, Ministry of Commerce of the People's Republic of China*, 2015.

Wang Yang (2017) Tuidong xingcheng quanmian kaifang xin geju [Stimulate the Formation of New Architectonic of All-around Openness]. *Renmin ribao*, November 10, 2017 (in Chinese).

Zhongguo gongchandang di shijiuci quanguo daibiao dahui wenjian huibian [XIX Congress of the Communist Party of China. Documents] (2017), Beijing, Renmin chubanshe (in Chinese).

Zhongguo duiwai maoyi xingshi baogao (2018 nian chunji) [Report on Situation in China's Foreign Trade, Spring 2018] (2018). Available at: zhs.mofcom.gov.cn/article/cbw/201805/20180502740111.shtml, accessed 31.01.2019 (in Chinese).

Zhongguo fuwu maoyi zhuangkuang (Fujian si) [China in Trade in Services. Attachment 4 to "Report on Situation in China's Foreign Trade, Spring 2018"] (2018). Available at: images.mofcom.gov.cn/zhs/201805/20186507090736271.pdf, accessed 31.01.2019 (in Chinese).

Zhongguo yu shijie maoyi zuzhi. Zhonghua renmin gongheguo guowuyuan xinwen bangongshi 2018 nian 6 yue [China and World Trade Organization – Information Department, State Council of the People's Republic of China. June 2018] (2018). *Renmin ribao*, June 29, 2018 (in Chinese).

DOI: 10.23932/2542-0240-2019-12-1-69-85

Евразийский экономический союз и интеграционные процессы в АТР

Анастасия Борисовна ЛИХАЧЕВА

кандидат политических наук, директор, Центр комплексных европейских и международных исследований

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», 119017, ул. Малая Ордынка, д. 17, Москва, Российская Федерация

E-mail: alikhacheva@hse.ru

ORCID: 0000-0001-6673-3096

ЦИТИРОВАНИЕ: Лихачева А.Б. (2019) Евразийский экономический союз и интеграционные процессы в АТР // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. Т. 12. № 1. С. 69–85.

DOI: 10.23932/2542-0240-2019-12-1-69-85

Статья поступила в редакцию 16.11.2018.

Статья подготовлена за счет гранта Российского научного фонда № 17-18-01577 «Формирование Сообщества Большой Евразии и стратегии двустороннего взаимодействия России со странами региона».

АННОТАЦИЯ. В 2015 г. Россия, Казахстан и Беларусь сформировали Евразийский экономический союз (ЕАЭС), позднее к нему присоединились Киргизия и Армения. Евразийская экономическая комиссия (ЕЭК), один из ключевых наднациональных органов Союза, получила мандат на ведение всех переговоров о либерализации торговли, включая переговоры о ЗСТ с третьими странами, стала основным оператором сопряжения ЕАЭС и инициативы Экономического пояса Шелкового пути (ЭПШП) и тем самым – важным партнером по продвижению интересов стран-членов в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Более того, в будущем можно ожидать расширения мандата Комиссии на другие области международного сотрудничества, затрагивающие экономические интересы России. В контексте усиления в последние годы азиатского вектора в российской внешней политике та-

кое перераспределение ролей между национальным и наднациональным уровнями требует дополнительного изучения. Однако в силу молодого возраста объединения и в российской, и в зарубежной литературе пока представлено относительно мало исследований международной роли ЕАЭС и, в частности, ЕЭК. В данной статье рассматриваются открытые на сегодня международные треки Комиссии с азиатскими странами и описываются другие форматы международного взаимодействия, в которые Комиссия может быть вовлечена в будущем, исходя из ее действующего мандата. Результаты проведенного исследования свидетельствуют, что двусторонние треки остаются для Комиссии основными, а переход к многосторонним переговорам в формате ЕАЭС – АСЕАН или ЕАЭС – ВРЭП может произойти только в среднесрочной перспективе. Это

подтверждают и анализ открытой информации о переговорах Комиссии, и серия экспертных интервью, проведенных в рамках исследования.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: *Большая Евразия, ЕАЭС, ЕЭК, интеграционные процессы в АТР, поворот на Восток, либерализация торговли, ЗСТ*

Региональный контекст: запрос на интеграцию

Азиатский кризис 1998–1999 гг. стал катализатором интеграционных процессов в АТР. Ускорила интеграция стран АСЕАН. Резко возросла активность в заключении соглашений сначала о двусторонних зонах свободной торговли (ЗСТ), а затем о многосторонних ЗСТ (с переменным успехом). США и Китай сначала предлагали свои подходы в рамках проекта Азиатско-Тихоокеанской зоны свободной торговли на базе АТЭС (АТЗСТ), а в 2010-е гг. инициировали самостоятельные мегарегиональные торговые соглашения и интеграционные проекты: США – проект Транстихоокеанского партнерства (из которого США уже вышли при президенте Д. Трампе), Китай и АСЕАН – Всеобъемлющее региональное экономическое партнерство (ВРЭП) на базе формата АСЕАН+6.

После глобального финансово-го кризиса 2007–2009 гг. все ведущие страны АТР инициировали или поддерживали крупномасштабные интеграционные проекты в регионе. Китай весной 2015 г. объединил два проекта, Экономический пояс Шелкового пути и Морской Шелковый путь, в общий мегапроект — «Один пояс, один путь» (ОПОП, позднее Инициатива Пояса и Пути, ИПП) и сделал его главным приоритетом внешней политики, культурной дипломатии, военной стратегии и

внутреннего стратегического развития [Mayer 2018, pp. 1–42].

Южнокорейский президент Пак Кын Хе в октябре 2013 г. официально представила Евразийскую инициативу, в которой ключевую роль играет транспорт, но сама инициатива служит цели комплексного наращивания взаимосвязей между Республикой Корея и континентальной Евразией [The Eurasia Initiative 2013].

Помимо национальных инициатив, в регионе рос спрос на многостороннюю интеграцию. Главным оператором этого запроса стали страны АСЕАН при поддержке Китая. Ассоциация приложила немало усилий для продвижения концепции наращивания взаимосвязей как внутри АСЕАН, так и в рамках проекта Всеобъемлющего регионального экономического партнерства (ВРЭП).

Индия хоть и не является частью АТР, но, безусловно, важнейший «сосед по Азии», поддержала оба тренда: начала позиционировать себя как континентальную державу и предложила оживить идею центральноевразийского Международного транспортного коридора «Север – Юг», присоединилась к ШОС и переговорам по ВРЭП.

Россия в 2010-х гг. последовательно наращивала интенсивность восточного вектора в своей внешней политике, ежегодно расширяя комплекс конкретных мер и инструментов по ее реализации. В 2015 г. Россия, Казахстан и Беларусь сформировали Евразийский экономический союз (ЕАЭС), вскоре к нему присоединились Киргизия и Армения. Уже в 2016 г. Россия выступила с проектом партнерства в Большой Евразии, или Большого евразийского партнерства – открытой инициативы по созданию международного сообщества, функционирование которого определяет особый характер отношений между странами сообщества. Несмотря на молодой воз-

раст, сегодня ЕАЭС стал вторым в мире по глубине интеграции региональным объединением, представляющим собой шестой по населению рынок в Большой Евразии – такие оценки были получены в результате создания системы индикаторов интеграции – комплекса показателей, оценивающих уровень и степень взаимодействия стран Евразийского экономического союза (ЕАЭС) как в целом по объединению, так и на отдельных рынках и в сферах экономики [По уровню интеграции ЕАЭС опережает МЕРКОСУР и АСЕАН 2018].

Между тем сегодня наблюдается явный дефицит исследования взаимоотношений ЕАЭС с азиатскими партнерами в пользу исследований двусторонних отношений ее членов со странами Азии. Это касается и России, где исследуются различные аспекты восточного вектора внешней политики, но лишь изредка предпринимаются попытки привести данное направление, евразийскую интеграцию и отношения ЕАЭС – Азия к единому аналитическому знаменателю.

Результаты исследования свидетельствуют, что двусторонние треки остаются для Комиссии основными, а переход к многосторонним переговорам в формате ЕАЭС – АСЕАН или ЕАЭС – ВРЭП может произойти только в среднесрочной перспективе. Одна из главных задач, которые решаются в рамках представленного исследования, состоит в том, чтобы представить одну из первых попыток в российской и зарубежной литературе составить перечень возможностей и проектов, которые уже существуют или могут возникнуть исходя из сформированных норм и практик ЕАЭС и на двусторонних треках, и в рамках многосторонних инициатив с азиатскими партнерами.

В статье мы представим основные характеристики среды для международного сотрудничества в Азии, т.е. внешние региональные условия для между-

народных инициатив ЕАЭС, затем проанализируем сложившиеся на сегодня треки взаимодействия ЕАЭС с азиатскими странами (ЗСТ с Вьетнамом, не-преференциальное торгово-экономическое соглашение с КНР, переговоры и консультации с Сингапуром, Индией, Республикой Корея). В третьей части рассмотрим перспективы взаимодействия ЕАЭС (через деятельность ЕЭК) с азиатскими странами в новых областях, преимущественно в инфраструктуре и финансах, и, наконец, оценим потенциал взаимодействия ЕАЭС с многосторонними интеграционными инициативами региона – АСЕАН и ВРЭП.

ЕЭК как партнер в продвижении экономических интересов России в АТР

Наблюдающееся ускорение и уплотнение интеграционных процессов в странах АТР имеет прямые последствия для их партнеров. Последовательная политика в отношении этих интеграционных процессов становится фактически безальтернативным инструментом для стран, желающих выйти на рынки региона и привлечь инвестиции из АТР.

Для России как лидера и основателя собственного интеграционного проекта, Евразийского экономического союза (ЕАЭС), ключевым субъектом такой политики является Евразийская экономическая комиссия (ЕЭК) в соответствии с Договором о ЕАЭС [Договор о Евразийском экономическом союзе 2014]. Поскольку политика поворота на Восток строится на интенсивной интеграции российских экономических субъектов в торговые и инвестиционные связи в АТР, адекватное отражение их интересов в работе Евразийской экономической комиссии представляется принципиально важным.

ЕАЭС КАК ПАРТНЕР В ПРОДВИЖЕНИИ ИНТЕРЕСОВ РОССИИ В ИНТЕГРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССАХ В АТР

На международном треке Комиссия отвечает за торговую политику стран – членов ЕАЭС и переговоры о ЗСТ (опираясь на единый тариф на внешнем контуре) [ЕАЭС и «Шелковый путь» – не конкуренты, а партнеры 2017], соответственно, ее работа напрямую нацелена на защиту интересов национальных производителей перед иностранными поставщиками и продвижение экспортеров на зарубежные рынки.

Пока, правда, довлеющая запросная позиция стран – членов ЕАЭС и их бизнес-игроков – в большей степени защита внутреннего рынка, а не продвижение вовне. Сегодня, в соответствии со своим мандатом и сложившейся практикой межправительственного сотрудничества в ЕАЭС, Комиссия может содействовать продвижению российских интересов в реализации азиатского вектора российской политики по ряду направлений:

- переговоры о зонах свободной торговли с особым вниманием к торговле (пока – по повестке классических ЗСТ, без ее расширения).
- сокращение нетарифных барьеров, особенно для сельскохозяйственной продукции, пищевых продуктов, повышение информационной прозрачности в торговых отношениях между странами;
- формирование стандартов для других стран Большой Евразии в области сертификации, фитосанитарного регулирования (в т.ч. через механизмы ассоциации);
- продвижение российских инвестиционных проектов в ходе переговоров с международными партнерами Комиссии и снижение торговых барьеров в обмен на инвестиции, т.е. устранение определенных тарифных или нетарифных барье-

ров в обмен на инвестиции в конкретные проекты;

- укрепление особого экономического статуса приграничных районов. ЕЭС может способствовать заключению преференциальных и непреференциальных торгово-экономических соглашений, в которых подробно описываются механизмы сотрудничества с приграничными районами (через разделы по приграничной торговле, о приоритетном сотрудничестве в регионе, о конкретном отраслевом сотрудничестве);
- защита внутреннего рынка. В России опасения по поводу притока дешевых импортных аналогов остаются очень сильными. Во многом поэтому идея быстрой либерализации торговли с крупными азиатскими экспортерами встречает много негативных ожиданий в России. Хотя таких ожиданий еще больше у Беларуси, производящей многие виды готовой продукции;
- продвижение контактов между бизнесом. Комиссия может поддерживать торговые диалоги и сотрудничать с экспортными агентствами государств – членов ЕАЭС. Такой диалог также способствует более эффективному отражению запросов к интеграции внутри и вовне со стороны бизнеса;
- продвижение транспортных, туристических и других услуг, поскольку Комиссия имеет право вести переговоры не только в рамках торгового сотрудничества, но и в области международного регулирования услуг;
- площадка для обсуждения отдельных вопросов миграционной политики, профессиональной мобильности.

Эти варианты отражают нынешний потенциал Комиссии в рамках существ-

вующих полномочий. Таким образом, основные проблемы взаимодействия России с азиатскими странами, такие как либерализация торговли и, в долгосрочной перспективе, участие в мегарегиональных торговых соглашениях, напрямую зависят от эффективности взаимодействия между Россией, ЕАЭС и странами Азии в рамках этого треугольника переговоров, а не в двух изолированных переговорных «комнатах».

Сотрудничество ЕАЭС со странами Азии

ДОСТИЖЕНИЯ ЕАЭС К 2018 ГОДУ

По состоянию на сегодняшний день ЕАЭС заключил только одно соглашение о создании зоны свободной торговли – в 2015 г. с Вьетнамом, полная реализация которого займет еще около 7 лет. В среднесрочной перспективе при соблюдении определенных условий ЕАЭС на базе этого соглашения сможет начать переговорный процесс о либерализации торговли с другими странами АСЕАН и на межблоковой основе.

Основная цель ЗСТ ЕАЭС – Вьетнам – консолидация взаимных обязательств сторон по упрощению доступа товаров на рынки. К 2025 г. средний уровень вьетнамских импортных таможенных пошлин на товары стран Союза уменьшится с 10 до 1%, а в ЕАЭС для вьетнамских товаров – до 2%. В некоторых случаях пошлины будут сохраняться. Проведенный анализ позволил сделать вывод, что пошлины на более чем 500 наименований на уровне 10 знаков ТН ВЭД остаются на прежнем уровне [Likhacheva, Kalachygin 2018].

Вьетнам на сегодня главный торговый партнер России с АСЕАН и страна, экспорт России в которую в наибольшей степени диверсифицирован. Соглашение о свободной торговле меж-

ду ЕАЭС и Вьетнамом на сегодняшний день главный для России и ЕАЭС официальный канал торгово-инвестиционной интеграции в АСЕАН, от налаживания которого во многом зависит успех будущих переговоров с другими странами Ассоциации [Fedorov 2018, pp. 68–79]. С учетом того, что присоединение России к любой реинкарнации ТТП или альтернативному американоцентричному МРТС едва ли возможно и целесообразно, а в ВРЭП АСЕАН играет ключевую роль, именно создание ЗСТ с АСЕАН, на первый взгляд, видится логичным следующим шагом для интеграции России в торгово-экономическое сотрудничество в АТР.

Суть соглашения о ЗСТ ЕАЭС – Вьетнам состоит в закреплении взаимных обязательств участников по упрощению доступа товаров на их рынки. Планируется снижение таможенных пошлин на 88% товарных позиций, входящих в структуру товарооборота, из них на 59% ставки будут снижены сразу, еще на 29% – через 5–10 лет. К 2025 г. средний уровень импортных таможенных пошлин Вьетнама для товаров стран ЕАЭС снизится с 10 до 1%, а в ЕАЭС для вьетнамских товаров достигнет 2%. На практике это означает, что в первое время для экономик вовлеченных стран условия соглашения не будут иметь ярко выраженного эффекта: реальные результаты будут заметны лишь спустя несколько лет.

Для Вьетнама соглашение с ЕАЭС является лишь одним в череде многих. На данный момент страна является участницей более 15 многосторонних и двусторонних ЗСТ, часть которых уже действует, другие находятся в стадии переговоров. В мае 2015 г. Вьетнам подписал соглашение о свободной торговле с Республикой Корея, в декабре 2015 г. Ханой завершил переговоры по ЗСТ с ЕС, которое вступило в силу в 2018 г. Таким образом, соглаше-

ние с ЕАЭС не является для Вьетнама чем-то эксклюзивным, оно необходимо для поддержки производителей в конкретных отраслях, а также как дополнительная ступень для превращения Вьетнама в самую открытую из экономик Юго-Восточной Азии (после Сингапура).

ОТКРЫТЫЕ ДВУСТОРОННИЕ ТРЕКИ

По состоянию на начало 2019 г. у ЕАЭС открыты следующие переговорные треки:

- с Китаем о дальнейшем сотрудничестве на базе подписанного 17 мая 2018 г. Соглашения о торгово-экономическом сотрудничестве;
- переговоры о ЗСТ с Сингапуром;
- переговоры о ЗСТ с Индией;
- действует меморандум о сотрудничестве ЕАЭС – Республика Корея, однако рабочие консультации о целесообразности ЗСТ приостановлены;
- переговоры с Ираном о ЗСТ на базе временного соглашения о ЗСТ, подписанного в 2017 г.;
- в других регионах идут переговоры о ЗСТ с Израилем, Сербией и Египтом.

Китай является и ключевым торгово-инвестиционным партнером для стран ЕАЭС и стратегическим партнером России, разделяя общие позиции по широкому спектру международно-политических вопросов [Lukin 2018, pp. 75–91].

На данный момент концептуальной рамкой для экономического сотрудничества между Союзом и Китаем является совместное заявление о сотрудничестве по сопряжению развития ЕАЭС и ЭПШП, выдвинутое лидерами России

и Китая 8 мая 2015 г. [Совместное заявление Российской Федерации и Китайской Народной Республики 2015].

Главным оператором сопряжения со стороны ЕАЭС выступает ЕЭК, и в координации с национальными ведомствами ведется работа по наполнению сопряжения реальными проектами и инициативами. Одним из таких шагов должно стать соглашение о торговом и экономическом сотрудничестве [ЕАЭС и «Шелковый путь» – не конкуренты, а партнеры 2017].

Соглашение о торгово-экономическом сотрудничестве с Китаем подписано 17 мая 2018 г. в рамках XI Астанинского экономического форума [Подписано Соглашение о торгово-экономическом сотрудничестве 2018]. Оно по сути является не преференциальным соглашением, затрагивающим различные аспекты торговой деятельности (не менее важные, чем тарифные), в том числе меры торговой защиты, таможенные процедуры, защиту интеллектуальной собственности и т.д. На сегодняшний день обозначенные выше аспекты сотрудничества играют все большую роль в осуществлении торговых потоков и их наращивании.

По данным департамента статистики ЕЭК, в 2017 г. прирост экспорта и импорта стран – членов ЕАЭС в Китай составил 37,7 и 25,6% соответственно. Однако стоит отметить, что указанные показатели в стоимостном выражении по-прежнему не достигли показателей 2014 г. (94,1 и 92,5% от уровня 2014 г. соответственно). Так как вступление соглашения в силу планируется на начало 2019 г.¹, следует ожидать его влияния на дополнительный рост торговли между сторонами. Более того, в рамках соглашения будут реализовывать-

1 Соглашение о сотрудничестве ЕАЭС и КНР вступит в силу в начале 2019 года (2018) // Власть. 12 сентября 2018 // <https://vlast.kz/novosti/29391-soglasenie-o-sotrudnicestve-eaes-i-knr-vstupit-v-silu-v-nacale-2019-goda.html>, дата обращения 31.01.2019.

ся различные проекты, прежде всего инфраструктурные, что также является положительным сигналом о наращивании торговли в среднесрочной перспективе.

Что касается такого важного формата сотрудничества, как евразийские транспортные коридоры на маршрутах «Восток – Запад», то они пока развиваются по линии национальных диалогов. Вопрос передачи Комиссии полномочий по формированию транспортной повестки ЕАЭС в отношениях с внешними партнерами, прежде всего в рамках сопряжения ЕАЭС и Экономического пояса Шелкового пути, пока остается открытым.

Переговорный процесс о создании ЗСТ с **Сингапуром** в данный момент находится в активной фазе. В 2018 г. состоялось несколько заседаний совместной рабочей группы, подписание соглашения ожидается в 2019 г. Однако важно учитывать тот факт, что у Сингапура тарифы обнулены по большинству позиций, и поэтому ключевое значение для России на переговорах имеет не снятие тарифных ограничений, а именно часть регулирования услуг, которая, как ожидается, будет подробно проработана в будущем документе. Эти переговоры могут способствовать реализации таких российских приоритетов, как продвижение российских проектов и компаний в сингапурском бизнес-сообществе (в первом полугодии 2018 г. состоялся бизнес-форум, организованный ЕЭК совместно с Российско-Сингапурским деловым советом) и создание эффективных стандартов для регулирования сферы услуг в международных соглашениях ЕАЭС. Таким образом, переговоры с Сингапуром становятся первым полигоном расширения сюжетов с азиатскими партнерами для ЕАЭС.

Вместе с тем важно понимать, что ЕЭК выполняет главным образом коор-

динирующую функцию между правительствами государств – членов ЕАЭС и сингапурской стороной, поскольку не имеет мандата на ведение переговоров по услугам. Тем не менее в рамках этой координационной работы, безусловно, нарабатываются важные компетенции межправительственного взаимодействия в рамках ЕАЭС.

Официально начало переговоров по ЗСТ с **Индией** было объявлено 3 июня 2017 г. в рамках Петербургского международного экономического форума. Уже работающая совместная группа экспертов получит новые возможности и все необходимые полномочия для дальнейшего ведения переговоров, что должно привести к более быстрому запуску процесса переговоров. Однако в силу того, что Индия является сложным партнером по переговорам и традиционно проявляет относительную медлительность, активного развития переговорного процесса по этому треку в ближайшее время ожидать не стоит.

Индия, темпы роста экономики которой являются одними из наиболее высоких в настоящее время, также заинтересована в создании более тесных торговых связей с Евразийским экономическим союзом. В январе 2018 г. проводились технические консультации о концептуальных подходах к переговорам, сроки проведения первого предметного раунда пока не определены.

Индия является емким рынком, а уровень ее тарифной защиты выше, чем, например, у России и Китая (по данным ВТО, среднее значение импортного тарифа Индии составляет 13,8%; России – 6,7%; Китая – 9,8%). С учетом того, что индийский рынок стал одним из самых динамично растущих в мире, потенциальные выгоды от заключения ЗСТ высоки. По итогам исследования о целесообразности заключения, проводившегося в

2016 г., был спрогнозирован рост товарооборота «до 30–40% от текущего уровня в зависимости от глубины тарифной либерализации». На данный момент товарооборот между ЕАЭС и Индией практически восстановился после падения 2015 г. (в 2017 г. он составил 95,6% от уровня 2014 г.) за счет значительного прироста в 22,1% за прошедший год, достигнув значения 10,8 млрд долл. США.

Нельзя не отметить, что, поскольку Индия является крупным поставщиком ИКТ и прочих деловых услуг, она, вероятно, будет заинтересована во включении трека по услугам в переговоры, что приведет к созданию пяти страновых треков при координирующей роли ЕЭК (по аналогии с сингапурским форматом), что, скорее всего, дополнительно затянет переговорный процесс.

В отношении потенциального переговорного процесса с **Республикой Корея** наиболее важным является тот факт, что на данном этапе Сеул более заинтересован в создании ЗСТ, чем страны ЕАЭС, и именно Республика Корея выступала инициатором рабочих консультаций [Lee J.Y., Lee C.W., Min 2018], которые на данный момент приостановлены.

С точки зрения тарифных барьеров на южнокорейском рынке, в целом особо высокий уровень тарифной защиты сохраняется по отношению к сельскохозяйственной продукции – примерно 50% ввозной пошлины. Эти ограничения распространяются на все страны, а не только на Россию и другие страны ЕАЭС. Поскольку сельскохозяйственный сектор является чувствительным для южнокорейской экономики, настаивать на снятии и ослаблении тарифных ограничений со стороны Комиссии нецелесообразно и в перспективе маловероятно. Это стало одной из причин приостановки диало-

га с южнокорейской стороной по вопросам целесообразности ЗСТ, однако в перспективе к обсуждению этих возможностей стороны, вероятно, могут вернуться.

Однако даже на этапе будущих консультаций возможно рассмотрение таких вопросов, как налаживание сотрудничества (через облегчение нетарифных барьеров):

- распространение информации о процедурах таможенной очистки, сертификации и допуска сельскохозяйственных товаров на южнокорейский рынок;
- снятие запретов на импорт широкой номенклатуры сельскохозяйственной продукции через процедуру заявления России об отсутствии заражения указанных растений в регионе на основании подтверждения фитосанитарными анализами и одобрения южнокорейских властей;
- привлечение инвестиций в дальневосточный регион России для производства экспортных товаров для Республики Корея и Китая (связанных ЗСТ друг с другом);
- в перспективе – экспортные гарантии для продукции из зернового терминала в порту Зарубино, строительство которого запланировано на 2018–2020 гг.

Что касается вопроса переговоров с **Японией**, то 16 декабря 2016 г. Президент РФ Владимир Путин на пленарном заседании российско-японского форума деловых кругов заявил, что «в скором времени планируется обсудить на экспертном уровне вопрос формирования зоны свободной торговли между ЕАЭС и Японией» [Российско-японский форум 2016]. Однако на данный момент Евразийская экономическая комиссия не анонсировала переговоров, и отношения с Японией остаются

ся эксклюзивной прерогативой национальных правительств.

***

Таким образом, в краткосрочной и среднесрочной перспективе большие экономические эффекты от торгово-экономического сотрудничества ЕАЭС со странами АТР на преференциальной основе не ожидаются. Тем не менее есть все основания полагать, что уже в 2020-х гг. можно ожидать активизации взаимодействия ЕЭК с азиатскими государствами и объединениями (в частности АСЕАН) по линии либерализации торговли. Однако повестку диалога между ЕАЭС и Азией было бы неэффективно ограничивать исключительно торговыми сюжетами: и в Азии, и в других регионах мы наблюдаем тенденцию расширения повестки международного сотрудничества, включение все новых сюжетов, прежде всего в области инфраструктуры, финансов, региональных вызовов безопасности и пр. Это создает предпосылки для расширения повестки сотрудничества между ЕЭК и азиатскими партнерами.

Однако сегодня такое расширение повестки потребует соответствующего расширения компетенций ЕЭК (как минимум на мандат по переговорам об услугах), разработки новых форматов перспективных соглашений ЕАЭС с другими странами, диверсификации форматов привилегированного сотрудничества ЕАЭС с третьими странами. Наконец, постановка вопроса об инфраструктурных проектах на уровне ЕАЭС возможна при активной роли профильных институтов развития, действующих либо под мандатом ЕЭК, либо в тесной координации с евразийскими наднациональными институтами.

В целом понимание необходимости увязать транспортную, торговую и инвестиционную повестки в рамках ЕЭК в основном сформировалось, о чем

свидетельствует тот факт, что переговоры с Индией и Ираном о ЗСТ сопровождаются обсуждением перспектив МТК «Север – Юг» (по крайней мере, на двусторонних треках с Россией), наблюдается усиление инфраструктурно-инвестиционной повестки сопряжения ЕАЭС и ЭПШП регуляторной рамкой в виде Соглашения о торгово-экономическом сотрудничестве между ЕАЭС и КНР. Последнее создает механизмы и регуляторную среду для более эффективной реализации сопряжения. Поэтому сегодня можно говорить о том, что процесс интеграции транспортно-инфраструктурной повестки с торговой и инвестиционной происходит, но носит пока ограниченный характер и остается не подкреплен либерализацией торговых режимов.

Новая повестка сотрудничества ЕАЭС со странами Азии

ИНФРАСТРУКТУРА

На практике транспортная повестка ЕАЭС пока не увязана с торговой и инвестиционной, эти сюжеты не рассматриваются в комплексе. Вопрос, как либерализация торговых режимов может способствовать обеспечению рентабельности инфраструктурных проектов, пока не поднимается, хотя имеет прямое отношение к обеспечению устойчивой региональной интеграции.

Однако Комиссия ставит перед собой амбициозные долгосрочные цели в этой области: «Необходимо образовать “бесшовный коридор” между Европой и Азией, Севером и Югом и на практике реализовать принцип “единого окна”, обсуждая с торговыми партнерами вопросы гармонизации стандартов и требований в сфере транспорта», – считает Тигран Саркисян, председатель ЕЭК [Перед евразийской интеграцией стоят глобальные вызовы 2017].

Сегодня транспортная повестка в отношениях между ЕАЭС и странами Азии присутствует только в переговорах с Китаем, в перспективе она будет развиваться в рамках переговоров о ЗСТ с Сингапуром в части регулирования транспортных услуг. Ключевое препятствие, сдерживающее развитие такого диалога, – отсутствие у ЕАЭС необходимого уровня полномочий по формированию общесоюзной транспортной повестки с третьими странами.

Более того, реализация элементов общей транспортной политики внутри Союза порой сталкивается с тяжелыми разногласиями между его членами, прежде всего – Россией и Казахстаном. В среднесрочной перспективе ЕЭК вероятно, будет стремиться к наращиванию полномочий в транспортно-транзитной сфере: только это позволит добиться максимальной реализации как транзитного, так и экспортного потенциала стран – членов Союза. Однако этот процесс может занять 3–5 и более лет.

В целом внешние факторы, которые будут оказывать определяющее влияние на качество диалога ЕАЭС со странами Азии в отношении транспортно-логистической повестки, – это темпы экономического роста Китая, местоположение основного центра экономической активности в самом Китае, перспективы торгово-экономического сотрудничества Китая со странами Азии, ЕАЭС и США и, наконец, степень торговой либерализации внутри Азии и с другими странами, в том числе с Россией. Ключевой внутренний фактор – это уровень полномочий ЕАЭС по выработке общей транспортной повестки, о котором было сказано выше.

ЕАЭС пока никак не участвует и в процессе привлечения средств в инфраструктурные проекты из международных институтов развития, включая Азиатский банк инфраструктур-

ных инвестиций и Новый банк развития БРИКС, Фонд Шелкового пути. У ЕЭК нет своих представителей в этих структурах, хотя реализация ряда инфраструктурных проектов в регионе априори потребует наднационального регулирования и, возможно, управления. В будущем при наличии собственных средств ЕЭК в ассоциированных институтах развития (то есть при создании транспортно-инфраструктурного бюджета ЕЭК) можно ожидать качественно новой роли ЕЭК в этих процессах.

В рамках работы ЕЭК на данном этапе для Комиссии представляют интерес только те проекты, которые можно отнести к тематике сопряжения ЕАЭС и ЭПШП. В силу фокуса на сопряжении ЕАЭС и ЭПШП, основной упор делается на центральноевразийские сухопутные переходы, в основном через Казахстан и Россию и с вовлечением Беларуси [Likhacheva 2017, pp. 157–181].

При этом ЕАЭС уже обеспечил уникальные конкурентные преимущества государствам – членам ЕАЭС для их участия в трансконтинентальных инфраструктурных проектах. Теперь это проходит в условиях одного таможенного контроля на пространстве от ЕС до Китая, и это долгосрочное конкурентное преимущество перед любыми альтернативными транспортными проектами «в обход Союза». И – ценный переговорный актив в борьбе за иностранные инвестиции в инфраструктуру.

Если говорить о других странах, то и с Республикой Корея, и с Индией, и с Сингапуром существует почва для диалога между Комиссией и этими странами. При запуске переговоров с Индией и Южной Кореей это является необходимым условием для комплексной интернационализации российской и, в частности, дальневосточной инфраструктуры [Lee 2017, pp. 103–125]. В противном случае ситуации, когда

транспортные проекты будут обсуждаться без оценки связанных с их реализацией прямых торговых эффектов, высоко вероятны.

В отношении *Южной Кореи* ситуация и наиболее перспективна, и наиболее нестабильна в силу кризиса в отношениях Сеула и Пхеньяна. Корея пока никак не вовлечена в транспортную повестку ЕАЭС, и на уровне предварительных исследований о целесообразности ЗСТ транспортная повестка никак не прорабатывалась.

Перспективы сотрудничества ЕАЭС со странами и интеграционными объединениями АТР и настройка компетенций ЕАЭС

Сегодня можно констатировать, что внешний запрос на интеграцию с ЕАЭС значительно превышает возможности Союза – к настоящему времени по разным оценкам подано от 30 до 50 заявок на создание ЗСТ с ЕАЭС, но нынешние семь переговоров – на данном этапе это организационный потолок Комиссии [Порядка 50 стран хотят сотрудничать с ЕАЭС 2017]. Такое большое число свидетельствует о заинтересованности множества субъектов мировой экономики во взаимодействии с ЕАЭС, в т.ч. посредством заключения соглашений о ЗСТ.

Сравнивая сегодняшнюю переговорную активность ЕАЭС с азиатскими партнерами, можно сделать вывод, что ЕАЭС в своих внешних интеграционных инициативах на международном треке пока находится на «догоняющем этапе» проработки возможностей за-

ключения двусторонних ЗСТ («ЕАЭС + страна-партнер»), при этом концентрируясь на торговых переговорах. В то время как Кристофер М. Дэнт в исследовании зон свободной торговли в Восточной Азии констатирует, что с 1990 г., когда соглашения заключались лишь в отмене существующих барьеров в торговле, к началу XXI в. спектр затрагиваемых в соглашениях аспектов значительно расширился [Dent 2005, pp. 287–314]. Например, добавились проблемы регулирования электронной торговли, интеллектуальной собственности, рабочей силы и т.д. Это способствует более комплексной и эффективной интеграции между странами, в чем также нуждаются и страны – члены ЕАЭС. Подтверждает эти идеи и Т. Ястреб в более поздней работе по актуальным трендам в создании региональных торговых соглашений [Yastreba 2016].

В среднесрочной перспективе, при условии наращивания экспорта в Азию из стран ЕАЭС, прежде всего из России как наиболее привлекательной экономики Союза, соглашения о свободной торговле с АСЕАН ей не избежать. И хотя такая цель уже была поставлена (министр экономического развития А.В. Улюкаев в 2015 г. заявил, что создание зоны свободной торговли АСЕАН и ЕАЭС – это перспектива двух-трех лет), в краткосрочном периоде переход к этому формату представляется невозможным².

Причины связаны со сложностью построения консенсусов внутри многосторонних интеграционных объединений и с разрывом в переговорных ресурсах двух объединений. На это есть и фундаментальные причины, и операционные.

2 На декларативном уровне, в качестве первого шага ЕАЭС и АСЕАН в августе 2016 г. договорились образовать исследовательскую группу для изучения перспектив зоны свободной торговли. Однако группа пока не создана, и в самой Комиссии нет готовности ее запускать в ближайшие годы.

Первая причина – это достаточно консервативная торговая политика стран – членов ЕАЭС. Многие годы даже идея о ЗСТ сразу же вызывала у них поток обвинений в подрыве своего рынка.

Во-вторых, вплоть до 2010-х гг. страны – члены ЕАЭС испытывали низкий политический и экономический интерес к странам Азии в сравнении с европейским направлением: так, практически вплоть до введения антироссийских санкций переговоры о ЗСТ Россия от имени Таможенного союза вела только с ЕАСТ и Новой Зеландией [Изотов 2013, с. 41–53].

В-третьих, это происходит в силу крайне юного возраста самого ЕАЭС, который пока в большей степени сконцентрирован на внутренней интеграции. В результате у Комиссии просто недостаточно организационных ресурсов для расширения переговорной повестки. Сегодня в разработке находятся семь двусторонних ЗСТ, и больше человеческих ресурсов у Комиссии для открытия новых аналогичных переговоров или, тем более, ведения переговоров более сложного уровня просто нет (о присоединении к ВРЭП, например, где большинство стран – участниц переговоров уже связаны соглашениями о ЗСТ, и переговоры вокруг ВРЭП затрагивают более глубокие слои регионального сотрудничества), неслучайно В. Никишина отмечала «объективный человеческий фактор», который приводит к замедлению ряда процессов внутри Комиссии [ЕАЭС и «Шелковый путь» – не конкуренты, а партнеры 2017].

В-четвертых, это объективные разногласия между странами – участницами ЕАЭС и порожденные этим трудности при формировании и консолидированной запросной позиции на торговых переговорах (она, как правило, достаточно линейна: «откройте свои рынки и не требуйте открывать наши»), но и

«защитной позиции» (зачастую ее просто нет, что тормозит переговоры). Согласно статье 12 Договора о ЕАЭС, все решения Комиссии принимаются консенсусом, что, безусловно, тормозит переговорный процесс [Договор о Евразийской экономической комиссии 2011].

С другой стороны, АСЕАН – исключительно сложный партнер, с противоречивыми интересами внутри Ассоциации и принципиально разными рынками, с точки зрения как импортеров, так и экспортеров. При этом за десятилетия интеграции в Азии бюрократия, ответственная за торговые переговоры АСЕАН нарабатала серьезные компетенции, заключив соглашения с такими партнерами, как Китай, Республика Корея, Япония и т.д. ЕЭК пока такими компетенциями не обладает, а их наращивание требует не только академической подготовки специалистов, но и наработки релевантного опыта в рамках двусторонних переговоров.

Особняком стоит вопрос недостатка полномочий Комиссии не только в секторальном, но и в функциональном разрезе; прежде всего речь об отсутствии эффективных механизмов контроля.

Во-первых, в процессе формирования Союза на наднациональный уровень были переданы сферы таможенного и технического регулирования, в то время как инвестиции остаются на уровне стран – членов ЕАЭС, что не позволяет эффективно обсуждать идею соглашений смешанного типа, ограничиваясь «устаревшими» форматами преимущественно торговых соглашений о ЗСТ.

Во-вторых, это вопрос не только регуляторных, но и надзорных компетенций, которыми Комиссия не располагает. Так, контрольные функции остались на национальном уровне, что ограничивает возможности по созданию единого правового поля для предпринимателей всех стран ЕАЭС.

Выходом могло бы стать формирование системы, при которой вопросы контроля стали бы частью совместной компетенции стран Союза. Кроме того, ЕЭК настаивает на праве обращаться в Суд ЕАЭС в случае, если страны Союза не исполняют решения или нормы Договора о Союзе (при параллельном расширении полномочий Суда ЕАЭС) [Перед евразийской интеграцией стоят глобальные вызовы 2017]. Пока же Комиссия имеет лишь право уведомить правительство той или иной страны о необходимости их исполнения, а ее функции контроля за общим рынком ограничены мониторингом.

Мнения экспертов и сотрудников Комиссии сходятся в том, что в перспективе 3–5 лет именно двусторонний трек будет оставаться основным. По мере заключения соглашений о ЗСТ с Сингапуром и, возможно, другими странами ЮВА, в перспективе 5–7 лет возможно начало активных переговоров о ЗСТ ЕАЭС – АСЕАН [Lissovolik 2017, pp. 38–45]. О полноценном участии ЕАЭС в мегарегиональных торговых соглашениях и интеграционных проектах можно будет говорить не ранее, чем через 7–10 лет. Тогда ЕАЭС может стать полноценным участником ВРЭП и ядром Большого евразийского партнерства.

Если, несмотря на экономические и институциональные соображения, будет принято политическое решение о необходимости форсированно присоединиться к этим инициативам, то такое участие будет носить преимущественно формальный характер. Оно будет иметь скорее символическое политическое значение, с выхолащиванием по ключевым позициям торговой либерализации, не говоря о регулировании инвестиций и услуг.

Поэтому на данном этапе по странам, с которыми таких активных пе-

реговоров не ведется и не готовится, Комиссия как партнер России в реализации азиатского вектора в российской политике практически бесполезна как визави, несмотря на заявления ряда стран Азии о заинтересованности в ЗСТ с ЕАЭС (в частности, такую заинтересованность выражали Таиланд, Индонезия, Камбоджа, Малайзия, Чили и пр.) и российских чиновников – о готовности к многосторонним соглашениям. Однако при наращивании полномочий Комиссия может стать центральным партнером экономического измерения азиатской политики России и активным проводником в процессы интеграции в АТР.

Список литературы

Договор о Евразийской экономической комиссии (2011) // Евразийская экономическая комиссия. 18 октября 2011 // <http://www.eurasiancommission.org/ru/act/trade/Documents/%D0%94%D0%BE%D0%B3%D0%BE%D0%B2%D0%BE%D1%80%20%D0%BE%20%D0%95%D0%AD%D0%9A.pdf>, дата обращения 31.01.2019.

Договор о Евразийском экономическом союзе (2014) // Министерство экономического развития Российской Федерации. 29 мая 2014 // <http://economy.gov.ru/minrec/about/structure/depSNG/agreement-eurasian-economic-union>, дата обращения 31.01.2019.

ЕАЭС и «Шелковый путь» – не конкуренты, а партнеры (2017) // Евразийская экономическая комиссия. 12 сентября 2017 // <http://www.eurasiancommission.org/ru/nae/news/Pages/12-09-2017-V.aspx>, дата обращения 31.01.2019.

Изотов Д.А. (2013) Зона свободной торговли между Россией и Новой Зеландией: возможные эффекты // Российский внешнеэкономический вестник. № 11. С. 41–53 // <http://www.rfej>.

ru/rvv/id/50046F971, дата обращения 31.01.2019.

Перед евразийской интеграцией стоят глобальные вызовы и главный из них – скорость изменений во всех сферах деятельности (2017) // Евразийская экономическая комиссия. 9 ноября 2017 // <http://www.eurasiancommission.org/ru/nae/news/Pages/9-11-2017-1.aspx>, дата обращения 31.01.2019.

По уровню интеграции ЕАЭС опережает МЕРКОСУР и АСЕАН (2018) // Евразийская экономическая комиссия. 3 марта 2018 // http://www.eurasiancommission.org/ru/nae/news/Pages/06_03_18.aspx, дата обращения 31.01.2019.

Подписано Соглашение о торговом экономическом сотрудничестве между ЕАЭС и КНР (2018) // Евразийская экономическая комиссия. 17 мая 2018 // <http://www.eurasiancommission.org/ru/nae/news/Pages/17-05-2018-5.aspx>, дата обращения 31.01.2019.

Порядка 50 стран хотят сотрудничать с ЕАЭС (2017) // Союзное Вече. 25 января 2017 // <https://souzveche.ru/articles/politics/35309/>, дата обращения 31.01.2019.

Российско-японский форум деловых кругов (2016) // Президент России. 16 декабря 2016 // <http://www.kremlin.ru/events/president/news/53477>, дата обращения 31.01.2019.

Совместное заявление Российской Федерации и Китайской Народной Республики о сотрудничестве по сопряжению строительства Евразийского экономического союза и экономического пояса Шелкового пути (2015) // Президент России. 8 мая 2015 // <http://www.kremlin.ru/supplement/4971>, дата обращения 31.01.2019.

Dent C.M. (2005) Bilateral Free Trade Agreements: Boon or Bane for Regionalism in East Asia and the Asia-Pacific? // *European Journal of East Asian Studies*, vol. 4, no 2, pp. 287–314. DOI: 10.1163/157006105774711468

Fedorov N. (2018) New Policy towards Vietnam? State Administration of the Russian Federation and a Realization of the Free Trade Agreement between the EAEU and Vietnam // *Public Administration Issues*, vol. 5, pp. 68–79. DOI: 10.17323/1999-5431-2018-0-5-68-79

Lee J.Y. (2017) Korea's Eurasia Initiative and the Development of Russia's Far East and Siberia // *The Political Economy of Pacific Russia: Regional Developments in East Asia* (eds. Huang Jing, Korolev A.), Palgrave Macmillan, pp. 103–125.

Lee J.Y., Lee C.W., Min J. (2018) Investment Climate in the EAEU and Korea's Entry Strategy // *Korea Institute for International Economic Policy*, January 8, 2018 // <http://www.kiep.go.kr/sub/view.do?bbsId=worldEcoUdt&nttId=199996>, дата обращения 31.01.2019.

Likhacheva A. (2017) Russia's Siberia and the Far East on the New Infrastructure Map of Eurasia // *The Political Economy of Pacific Russia: Regional Developments in East Asia* (eds. Huang Jing, Korolev A.), Palgrave Macmillan, pp. 157–181.

Likhacheva A., Kalachigin G. (2018) Risk Assessment of Trade Liberalization with Asian Countries in Context of Russian Policy of Pivot to Asia // *International Organisations Research Journal*, vol. 13, no 3, pp. 52–69. DOI: 10.17323/1996-7845-2018-03-03

Lissovnikov Y. (2017) Eurasian Economic Union and ASEAN: Complementarity Appraisal // *International Trends*, vol. 15, no 3, pp. 38–45 // <http://internationaltrends.ru/system/Doc/ArticlePdf/1778/zsLcMrhopu.pdf>, дата обращения 31.01.2019.

Lukin A. (2018) Russia, China, and the Emerging Greater Eurasia // *International Relations and Asia's Northern Tier* (eds. Rozman G., Radchenko S.), Singapore: Palgrave, pp. 75–91.

Mayer M. (2018) China's Rise as Eurasian Power: The Revival of the Silk Road and Its Consequences // *Rethinking the*

Silk Road (ed. Mayer M.), Singapore: Palgrave Macmillan, pp. 1–42.

The Eurasia Initiative (2013) // Ministry of Foreign Affairs of the Republic of Korea // <http://www.mofa.go.kr/ENG/im->

[age/common/title/res/0707_eurasia_bro.pdf](#), дата обращения 31.01.2019.

Yastreba T. (2016) Actual Trends of Regional Trade Agreements Creation, Minsk.

DOI: 10.23932/2542-0240-2019-12-1-69-85

Eurasian Economic Union and Integration Process in the Asia-Pacific

Anastasia B. LIKHACHEVA

PhD in History, Director, Centre for Comprehensive European and International Studies

National Research University Higher School of Economics, 119017, Malaya Ordynka St., 17, Moscow, Russian Federation

E-mail: alikhacheva@hse.ru

ORCID: 0000-0001-6673-3096

CITATION: Likhacheva A.B. (2019) Eurasian Economic Union and Integration Process in the Asia-Pacific. *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*, vol. 12, no 1, pp. 69–85 (in Russian). DOI: 10.23932/2542-0240-2019-12-1-69-85

Received: 16.11.2018.

The article has been supported by a Grant of the Russian Science Foundation. Project no. 17-18-01577 "Creation of Greater Eurasia and the Development of Strategy for Bilateral Cooperation between Russia and Regional Countries".

ABSTRACT. *In 2015, Russia, Kazakhstan and Belarus formed the Eurasian Economic Union (EAEU), later joined by Kyrgyzstan and Armenia. The Eurasian Economic Commission (EAEC), one of the key supranational bodies of the Union, received the mandate to conduct all negotiations on trade liberalization, including negotiations on FTAs with other countries, became the main operator of the conjunction of EAEU and One belt One road Initiative (OBOR), – and, thus, an important agent of promoting the interests of member states in the Asia-Pacific region. Moreover, in the future we can expect the expansion of the Commission's mandate to other areas of international cooperation affecting the economic inter-*

ests of Russia. In the context of the policy of the Turning to the East that Russia has pursued in recent years, such a redistribution of roles between the national and supranational levels requires further study. However, due to the young age of the association, both in the Russian and foreign literature, we can find relatively few studies on the international role of the EAEU and, in particular, of the EAEC. This article analyzes the Commission's international tracks with Asian countries that are currently open and attempts to study other formats of international interaction that might involve the Commission in the future according to its current mandate. The results of the study indicate that bilateral tracks remain the domi-

nant ones for the Commission, and the transition to multilateral negotiations within the EAEU-ASEAN or EAEU-RSEP formats can only occur in the medium term. This conclusion has been confirmed by the analysis of open information about the negotiations of the Commission, and a series of expert interviews conducted during the research.

KEY WORDS: Greater Eurasia, EAEU, EAEC, Eurasian integration, integration processes in the Asia-Pacific, Russian foreign policy, Turn to the East, trade liberalization, FTA

References

- About 50 Countries are Willing to Cooperate with the EEU (2017). *Soyuznoe Veche*, January 25, 2017. Available at: <https://souzveche.ru/articles/politics/35309/>, accessed 31.01.2019 (in Russian).
- An Agreement on Trade and Economic Cooperation between the EAEU and China was Signed (2018). *Eurasian Economic Commission*, May 17, 2018. Available at: <http://www.eurasiancommission.org/ru/nae/news/Pages/17-05-2018-5.aspx>, accessed 31.01.2019 (in Russian).
- Dent C.M. (2005) Bilateral Free Trade Agreements: Boon or Bane for Regionalism in East Asia and the Asia-Pacific? *European Journal of East Asian Studies*, vol. 4, no 2, pp. 287–314. DOI: 10.1163/157006105774711468
- Fedorov N. (2018) New Policy towards Vietnam? State Administration of the Russian Federation and a Realization of the Free Trade Agreement between the EAEU and Vietnam. *Public Administration Issues*, vol. 5, pp. 68–79. DOI: 10.17323/1999-5431-2018-0-5-68-79
- Izotov D.A. (2013) Free Trade Area between Russia and New Zealand: Possible Effects. *Russian Foreign Economic Journal*, no 11, pp. 41–53. Available at: [http://www.rfej.ru/rvv/id/50046F971/\\$file/41-53.pdf](http://www.rfej.ru/rvv/id/50046F971/$file/41-53.pdf), accessed 31.01.2019 (in Russian).
- Joint Statement of the Russian Federation and the People's Republic of China on Cooperation to Link the Construction of the Eurasian Economic Union and the Silk Road Economic Belt (2015). *President of Russia*, May 8, 2015. Available at: <http://www.kremlin.ru/supplement/4971>, accessed 31.01.2019 (in Russian).
- Lee J.Y. (2017) Korea's Eurasia Initiative and the Development of Russia's Far East and Siberia. *The Political Economy of Pacific Russia: Regional Developments in East Asia* (eds. Huang Jing, Korolev A.), Palgrave Macmillan, pp. 103–125.
- Lee J.Y., Lee C.W., Min J. (2018) Investment Climate in the EAEU and Korea's Entry Strategy. *Korea Institute for International Economic Policy*, January 8, 2018. Available at: <http://www.kiep.go.kr/sub/view.do?bbsId=worldEcoUdt&nttId=199996>, accessed 31.01.2019.
- Likhacheva A. (2017) Russia's Siberia and the Far East on the New Infrastructure Map of Eurasia. *The Political Economy of Pacific Russia: Regional Developments in East Asia* (eds. Huang Jing, Korolev A.), Palgrave Macmillan, pp. 157–181.
- Likhacheva A., Kalachigin G. (2018) Risk Assessment of Trade Liberalization with Asian Countries in Context of Russian Policy of Pivot to Asia. *International Organisations Research Journal*, vol. 13, no 3, pp. 52–69. DOI: 10.17323/1996-7845-2018-03-03
- Lissovnikov Y. (2017) Eurasian Economic Union and ASEAN: Complementarity Appraisal. *International Trends*, vol. 15, no 3, pp. 38–45. Available at: <http://intertrends.ru/system/Doc/ArticlePdf/1778/zsLcMrhopu.pdf>, accessed 31.01.2019.
- Lukin A. (2018) Russia, China, and the Emerging Greater Eurasia. *International Relations and Asia's Northern Tier* (eds. Rozman G., Radchenko S.), Singapore: Palgrave, pp. 75–91.

Mayer M. (2018) China's Rise as Eurasian Power: The Revival of the Silk Road and Its Consequences. *Rethinking the Silk Road* (ed. Mayer M.), Singapore: Palgrave Macmillan, pp. 1–42.

Russian-Japanese Business Forum (2016). *President of Russia*, December 16, 2016. Available at: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/53477>, accessed 31.01.2019 (in Russian).

The EAEU and the Silk Road are not Competitors, but Partners (2017). *Eurasian Economic Commission*, September 12, 2017. Available at: <http://www.eurasiancommission.org/ru/nae/news/Pages/12-09-2017-V.aspx>, accessed 31.01.2019 (in Russian).

The Eurasia Initiative (2013). *Ministry of Foreign Affairs of the Republic of Korea*. Available at: http://www.mofa.go.kr/ENG/image/common/title/res/0707_eurasia_bro.pdf, accessed 31.01.2019.

The Eurasian Integration Faces Global Challenges and the Main One is the Speed of Changes in All Spheres of Activity (2017). *Eurasian Economic Commission*, November 9, 2017. Available at: <http://www.eurasiancommission.org/ru/nae/news/Pages/9-11-2017-1.aspx>, accessed 31.01.2019 (in Russian).

The Level of Integration of the EEU ahead of MERCOSUR and ASEAN (2018). *Eurasian Economic Commission*, March 3, 2018. Available at: http://www.eurasiancommission.org/ru/nae/news/Pages/06_03_18.aspx, accessed 31.01.2019 (in Russian).

The Treaty on the Eurasian Economic Union Retrieved (2014). *Ministry of Economic Development of the Russian Federation*, May 29, 2014 Available at: <http://economy.gov.ru/minec/about/structure/depSNG/agreement-urasian-economic-union>, accessed 31.01.2019 (in Russian).

Treaty on the Eurasian Economic Commission (2011). *Eurasian Economic Commission*, October 18, 2011. Available at: <http://www.eurasiancommission.org/ru/act/trade/Documents/%D0%94%D0%BE%D0%B3%D0%BE%D0%B2%D0%BE%D1%80%20%D0%BE%20%D0%95%D0%AD%D0%9A.pdf>, accessed 31.01.2019 (in Russian).

Yastreba T. (2016) *Actual Trends of Regional Trade Agreements Creation*, Minsk.

В национальном разрезе

DOI: 10.23932/2542-0240-2019-12-1-86-101

Будущее Корейского полуострова: актуальные проблемы и возможные решения

Валерий Иосифович ДЕНИСОВ

Чрезвычайный и полномочный посол России, доктор исторических наук, профессор, Центр исследований Восточной Азии и ШОС
Московский государственный институт международных отношений
(Университет) МИД России, 119454, проспект Вернадского, д. 76, Москва,
Российская Федерация
E-mail: v.denisov@inno.mgimo.ru

Анастасия Сергеевна ПЯТАЧКОВА

младший научный сотрудник, Центр комплексных европейских
и международных исследований
Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,
119017, ул. Малая Ордынка, д. 17, Москва, Российская Федерация
E-mail: apyatachkova@hse.ru
ORCID: 0000-0001-7319-2371

ЦИТИРОВАНИЕ: Денисов В.И., Пятачкова А.С. (2019) Будущее Корейского полуострова: актуальные проблемы и возможные решения // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. Т. 12. № 1. С. 86–101. DOI: 10.23932/2542-0240-2019-12-1-86-101

Статья поступила в редакцию 28.09.2018.

Статья подготовлена за счет гранта Российского научного фонда № 17-18-01577 «Формирование Сообщества Большой Евразии и стратегии двустороннего взаимодействия России со странами региона».

АННОТАЦИЯ. КНДР стала источником самых ярких сюжетов 2018 года. Лидер Северной Кореи Ким Чен Ын предпринял решительные шаги по улучшению отношений с Республикой Корея – стороны вели слаженное взаимодействие во время проведения Олимпийских игр в Пхенчхане, а также состоялись три межкорейских саммита – в апреле, мае и сентябре 2018 года. Ким Чен Ын провел три встречи с руководством КНР; не менее широкий

резонанс вызвал и саммит Ким Чен Ына и президента США Д. Трампа в Сингапуре. Президент РФ во время Восточного экономического форума во Владивостоке пригласил Ким Чен Ына в Россию; ранее у лидера Северной Кореи состоялись встречи с С.В. Лавровым и В.И. Матвиенко. Эти шаги смотрятся особенно выгодно на фоне предыдущего периода, когда КНДР позиционировалась США и многими другими странами региона как часть «оси зла».

Однако, несмотря на произошедшие перемены и то, что Ким Чен Ын пытается выстраивать диалог по разным направлениям, до сих пор сохраняется неоднозначная позиция по поводу реальных интересов и намерений КНДР и будущего северокорейского режима. В статье анализируются существующие точки зрения по проблеме межкорейского урегулирования, на основе чего сделаны выводы о перспективах развития ситуации на Корейском полуострове. В начале исследования приводится комплексный анализ проблемы Корейского полуострова: представлены особенности взаимодействия КНДР с ключевыми международными игроками, рассмотрен вопрос санкций в отношении страны, а также особенности внутривосточной линии КНДР. Далее подробное внимание уделяется текущей внешнеполитической линии Ким Чен Ына, рассматриваются результаты основных значимых международных встреч, включая взгляды экспертов и анализ значения конкретных договоренностей для понимания возможных вариантов развития событий. Затем выделяются мнения экспертов о возможных сценариях решения проблемы денуклеаризации Корейского полуострова. Особое внимание уделяется российскому подходу к корейскому урегулированию и потенциальной роли России в нем.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: КНДР, РК, денуклеаризация Корейского полуострова, отношения РФ–КНДР, США–КНДР, КНР–КНДР

Введение

Северная Корея остается одним из ключевых игроков, который влияет на ситуацию в сфере безопасности в Се-

веро-Восточной Азии [Лузянин 2017]. Проблема ядерного разоружения на Корейском полуострове – не чисто северокорейская: она касается Южной Кореи, Японии, США, Китая, России, а также развития системы международных отношений в целом.

В последние годы в КНДР происходят серьезные внутривосточные изменения [Жебин 2016, с. 44–53], которые влияют и на ее внешнеполитический курс. Несмотря на прогресс в развитии ядерной мощи КНДР¹, определенные экономические успехи [Захарова 2016, с. 22–29], а также последние позитивные тренды во внешней политике страны, ситуация остается достаточно сложной. В частности, в докладе, подготовленном под редакцией В.В. Михеева и А.Н. Федоровского, отмечается: «Пхеньян давно уже превращен правящим режимом в город-витрину, призванную продемонстрировать мнимое благополучие рядовых корейцев <...> В противовес этому жизнь в северокорейской провинции рядовых граждан и даже бюрократии низшего звена крайне тяжела и не меняется к лучшему» [Михеев, Федоровский 2018, с. 13]. Часто высказывалась мысль о том, что северокорейский режим наращивает ядерную мощь, пока его население голодает [Cha, Kang 2003, p. 2].

Над Ким Чен Ыном с момента его прихода к власти довелись сложнейшие проблемы внутреннего порядка (резко ослабленная экономика, отсутствие необходимых финансовых средств на модернизацию, низкий уровень жизни населения, жесткие международные санкции и т.д.). Северокорейская политическая элита, судя по всему, не была готова единодушно поддержать молодого вождя – в особенности высокопоставленная военная верхушка. С точки зре-

1 Wit J. (2018) What the North Koreans Told Me about Their Plans // 38north.org, June 5, 2018 // <https://www.38north.org/2018/06/0605jwitprint>, дата обращения 31.01.2019.

ния стратегии и тактики Ким Чен Ын действовал грамотно. Он провел пленум ЦК, который поддержал его идеи сконцентрировать внимание на экономике, повышении уровня жизни народа, переключить средства с дорогостоящих ракетно-ядерных программ на развитие народного хозяйства. Недовольство высокопоставленных военачальников Корейской народной армии было довольно быстро устранено, а на их место назначены люди, которым Ким доверяет; кроме того, они значительно моложе отправленных в отставку².

На партийном форуме была утверждена новая стратегия развития страны. Вместо так называемой линии «сонгун» (приоритет армии во всех сферах жизни) Ким Чен Ын провозгласил политику параллельного экономического строительства и наращивания ядерного потенциала («пёнчжин»), об успешном завершении которой объявлено на апрельском Пленуме 2018 г., а затем последовало постановление «О приложении всех усилий к социалистическому экономическому строительству в соответствии с требованиями нового этапа развития революции»³.

Нельзя забывать, что руководство КНДР действовало в условиях международных санкций. При этом после прихода в Белый дом Трампа американское давление на Пхеньян резко усилилось, в том числе и по причине того, что США пытались использовать Северную Корею как инструмент давления на КНР [Jeong Seog-Gu Kalleom 2016].

Несмотря на произошедшие в начале 2018 г. перемены и то, что Ким Чен Ын предпринимает попытку выстроить диалог по многим направлениям сотрудничества, у мирового экспертно-

го сообщества до сих пор неоднозначная позиция по поводу реальных интересов и намерений КНДР и будущего северокорейского режима в целом. В то время как наиболее критически настроенные эксперты уверены, что обещания авторитарного лидера в любой момент могут быть нарушены, а потепление в отношениях сменится напряженностью, другие делают акцент на том, что Северная Корея выполнила задачу обеспечения выживаемости режима и теперь преследует иные интересы, которые требуют новых подходов.

Ситуация осложняется тем, что данная проблема «не может быть полноценно решена не только ввиду несовместимости позиций вовлеченных сторон, но и потому что «вычленив из общего ряда и решить по отдельности каждую из существующих проблем представляется малореальным», к тому же «политика держав по всему комплексу корейских проблем сейчас носит несколько хаотичный характер и, как правило, является реактивной по отношению к происходящим событиям» [Давыдов 2018, с. 68].

Далее в статье проводится анализ существующих точек зрения по обозначенной проблеме.

Анализ политики основных игроков в отношении Северной Кореи

Большим испытанием для нового северокорейского лидера и его команды стало нарастающее давление международного сообщества. Вашингтон ужесточил санкционный режим в отношении Северной Кореи. Американ-

2 КНДР сменила военную верхушку (2018) // РИА Новости. 4 июня 2018 // <https://ria.ru/world/20180604/1521978553.html>, дата обращения 31.01.2019.

3 Трудовая партия Кореи подвела итоги ядерной программы на пленуме (2018) // Рот Фронт. 28 апреля 2018 // <https://www.rotfront.su/trudovaya-partiya-korei-podvela-itogi-ya/>, дата обращения 31.01.2019.

ский президент использовал оскорбительную риторику применительно персонально к Ким Чен Ёну и его политике в ракетно-ядерной области; от северо-кореической стороны в ответ звучали не менее резкие заявления. Усиление давления ощущалось даже в экспертных кругах: так, в одной из статей *Foreign Affairs* говорилось, что «надежды на денуклеаризацию КНДР могут быть связаны только с убеждением в том, что она должна разоружаться и реформироваться или в противном случае – погибнет»; «проблема американской дипломатии в отношениях с Пхеньяном заключалась не в отсутствии доверия, а в рычагах давления и готовности их использовать. Вашингтон должен угрожать тем, что Пхеньян ценит больше, чем свое ядерное оружие, – выживанием режима» [Стентон, Сун Ион Ли, Клингнер 2017].

К санкциям против КНДР помимо США, Японии и Южной Кореи присоединились также Россия, Китай (традиционно настроенные в дружеском ключе) и некоторые другие игроки (в том числе ЕС и Австралия).

В дополнение к санкциям принимались и другие меры. Так, например, Южная Корея пыталась убедить страны, поддерживающие дипломатические отношения с КНДР, отказаться от дружбы с ней. После визита Пак Кын Хе в Уганду в 2016 г. президент этой страны Йовери Мусевени пообещал прекратить контакты с Пхеньяном в военной области и присоединиться к международным санкциям в отношении КНДР⁴. Намибия объявила о прекращении сотрудничества с Северной Кореей и присоединении к резолюции СБ ООН № 2270 о введении антисевероко-

рейских санкций. Южная Корея налаживает связи с государствами – друзьями КНДР. В июне 2016 г. высокопоставленные чиновники РК посетили Кубу и Лаос и «поработали» с ними в антисеверокорейском ключе.

Ракетно-ядерная проблема Корейского полуострова в тот период продолжала усугубляться. КНДР провела шесть ядерных испытаний (последнее в сентябре 2017 г.). Северокорейское руководство заявляло, что ракетно-ядерные программы будут последовательно выполняться и впредь, поскольку существует реальная угроза независимости КНДР. По оценкам специалистов, Северная Корея имеет до 20 ядерных боеголовок. Через пять лет их может быть уже около сотни⁵.

Такая ситуация негативно отражается на ДНЯО. Южная Корея и Япония очень болезненно реагировали на военную ядерную деятельность Пхеньяна. В связи с продолжающимися в КНДР ядерными испытаниями некоторые южнокорейские политики призывали правительство приступить к созданию собственного атомного оружия, хотя правящие круги РК заявляли, что правительство не рассматривает создание самостоятельного ядерного зонта. США категорически против обладания Сеулом ядерным оружием и подчеркивают, что американский ядерный зонтик надежно защищает Южную Корею. Япония технологически готова к производству ядерного оружия. США рассматривают ракетно-ядерные программы Пхеньяна как угрозу собственной безопасности, а также безопасности своих союзников – Японии и Южной Кореи. Северокорейское руководство высказывало мысль, что у него нет

4 Пашкова Т. (2016) Уганда объявила о разрыве отношений с Северной Кореей // Republic. 30 мая 2016 // <https://republic.ru/posts/68725>, дата обращения 31.01.2019.

5 KBS News, June 6, 2016 // <http://www.kbs.co.kr>, дата обращения 31.01.2019.

иною выхода, кроме как ответить тем же на ядерную угрозу со стороны США.

Попытки наладить диалог с Вашингтоном оказались безрезультатными [Nebenhay 2016]. США категорически не воспринимали предложения Северной Кореи о заключении мирного договора и соглашения о ненападении между Вашингтоном и Пхеньяном. Американские должностные лица заявляли о готовности обсудить северокорейские инициативы лишь в случае отказа КНДР от ракетно-ядерных программ. Иными словами, любой разговор между сторонами возможен при условии, если Пхеньян встанет на путь денуклеаризации. Серьезным средством политического давления на КНДР остается проблема прав человека. В начале июля 2016 г. США включили руководителя КНДР Ким Чен Ына в санкционный список за нарушения прав человека в его стране. В этом списке наряду с вождем оказались 15 официальных деятелей режима и 8 организаций КНДР.

Серьезным нарушением стратегической стабильности в регионе стало размещение на юге Корейского полуострова американских комплексов противоракетной обороны. Сеул и Вашингтон объявили, что стороны достигли договоренности на этот счет, комплекс поставлен на боевое дежурство в конце 2017 г. Сеул и Вашингтон вновь повторили известные аргументы о том, что это – защитная мера от баллистических ракет и оружия массового поражения Пхеньяна. Особая опасность исходит и от многочисленных американо-южнокорейских маневров: так, в октябре 2017 г. США и Южная Корея прове-

ли крупнейшие за последние годы военно-морские маневры⁶.

Осложнилась обстановка и для России, последовательно выступающей за политическое разрешение корейского ядерного кризиса. США и их союзники фактически открыли против Москвы еще один фронт борьбы: к европейскому добавляется дальневосточный. Вашингтон пытался склонить Москву к резким шагам в отношении КНДР⁷.

Публичная реакция России на ракетно-ядерную активность КНДР ужесточилась. Министр иностранных дел С.В. Лавров сделал ряд резких заявлений, назвав действия Пхеньяна безответственными. Вместе с тем он отметил, что они не должны использоваться как повод для наращивания военного потенциала в Северо-Восточной Азии⁸. Москва не раз указывала, что не приемлет ядерный статус КНДР, ее ракетно-ядерные амбиции, так как это противоречит интересам стратегической стабильности, укреплению международного режима ядерного нераспространения. Россия присоединилась к антисеверокорейским санкциям, одобренным Советом безопасности ООН, осуществляет практические шаги по их имплементации. В то же время РФ выступает против односторонних ограничительных мер в отношении КНДР со стороны отдельных государств, считая их контрпродуктивными, наносящими вред поиску политической развязки ракетно-ядерной проблемы Корейского полуострова.

В Китае рассматривают Корейский полуостров зоной особых геополитических интересов. КНР стремится сохра-

6 US and South Korea to Stage Huge Military Exercise despite North Korea Crisis (2017) // The Guardian, August 11, 2017 // <https://www.theguardian.com/world/2017/aug/11/north-korea-us-south-korea-huge-military-exercise>, дата обращения 31.01.2019.

7 Вашингтон ввел санкции против российской компании из-за КНДР (2018) // Москва 24. 15 августа 2018 // <https://www.m24.ru/news/ehkonomika/15082018/42315>, дата обращения 31.01.2019.

8 Лавров С.В. (2016) Россия не даст НАТО втянуть себя в бессмысленное противостояние (2016) // ТАСС. 14 апреля 2016 // <http://tass.ru/politika/3202662>, дата обращения 31.01.2019.

нить его в орбите своего влияния. Пекин поддерживает сбалансированные отношения с обоими корейскими государствами – КНДР и РК, несмотря на то что они находятся в разных военно-политических лагерях: КНДР – формально союзник Китая, РК – союзник США. Пекин подвергался сильному давлению со стороны США, Южной Кореи и их союзников, требующих от него строго придерживаться санкционных мер в отношении Северной Кореи, делать все возможное, чтобы Пхеньян свернул свои ракетно-ядерные программы. КНР поддержала санкции против КНДР, но Китай не позволяет вовлечь себя в процесс слома политического режима КНДР, какое бы разочарование ни внушал ему новый лидер Северной Кореи. Китай остается единственным крупным торгово-экономическим партнером Северной Кореи. Объем товарооборота КНДР–КНР до введения в сентябре 2017 г. запрещающих торговлю с КНДР санкций Совбеза ООН составлял до 90% суммарной торговли Северной Кореи⁹.

Китай пытается реализовать идею одновременных переговоров о ядерном разоружении на Корейском полуострове и заключении мирного соглашения. Однако американцы предлагают в первую очередь решить ядерный вопрос КНДР, а затем уже вести речь о мирном договоре США–КНДР. Пекин предложил также общую формулу поэтапного решения корейского вопроса, которая получила название «двойная заморозка», а именно «отказ КНДР от новых ядерных испытаний и ракетных пусков и отказ США и союзников от проведения крупномасштабных учений в регионе»¹⁰.

Ход переговоров с Республикой Корея и США с начала 2018 г.

После, казалось бы, беспросветного тупика в урегулировании ядерного кризиса на Корейском полуострове появились признаки изменений в подходах к разблокированию северокорейской ядерной проблемы. Начало изменениям положили новогодняя речь Ким Чен Ына¹¹ и дальнейшее сотрудничество в рамках проведения Олимпийских игр в Пхенчхане, которые, в том числе, способствовали проведению встречи на высшем уровне, которая состоялась в Пханмунчжоме 27 апреля 2018 г.¹²

В начале 2018 г. руководитель КНДР Ким Чен Ын выступил с предложением прекратить межкорейское противостояние и выразил намерение направить на зимние Олимпийские игры в Пхенчхан северокорейскую делегацию. Сеул приветствовал инициативу Ким Чен Ына, заявив, что этот шаг может стать началом диалога в целях ядерного разоружения на Корейском полуострове.

Неожиданно как для экспертного, так и для всего мирового сообщества КНДР, США и Южная Корея объявили о резком изменении политического курса – от тотальной конфронтации к переговорам, поиску компромисса по ядерной проблеме КНДР. Как отмечает российский эксперт Г.Д. Толорая, «большинство специалистов не верит, что северокорейцы совершат такую глупость, как сдачу своего единственного козыря в обмен на обещания, а ничего другого американская сторона гарантировать не может. Но пока ситуация настолько непредсказуема, что скептики могут быть посрамлены» [Толорая (2) 2018].

11 Новогодняя речь товарища Ким Чен Ына (2018) // Чучхе Сонгун. 2 января 2018 // http://juche-songun.ru/joomla/index.php?option=com_content&view=article&id=2482:-----2018-&catid=1:latest-news&Itemid=50, дата обращения 31.01.2019.

12 Panmunjom Declaration for Peace, Prosperity and Unification of the Korean Peninsula (2018) // Reuters, April 27, 2018 // <https://uk.reuters.com/article/uk-northkorea-southkorea-summit-statement/panmunjom-declaration-for-peace-prosperity-and-unification-of-the-korean-peninsula-idUKKBN1HY193>, дата обращения 31.01.2019.

Немалая роль в этом принадлежит молодому северокорейскому лидеру, который решил начать сложный переговорный процесс с США по дипломатическому разрешению ядерного кризиса.

Во время встречи в Пханмунчжоме 27 апреля 2018 г.¹³ руководитель КНДР Ким Чен Ын и президент РК Мун Чжэ Ин обсудили три основные темы: денуклеаризацию Корейского полуострова, укрепление мира в регионе, а также двусторонние отношения¹⁴. В принятой по итогам Пханмунчжомского саммита декларации о мире на Корейском полуострове, его процветании и воссоединении сформулированы общие идеи необходимости совместных усилий по снижению военной напряженности на полуострове. Стороны высказались за безъядерный статус Корейского полуострова, возобновление переговоров между военными представителями, за диалог между обществами Красного Креста, обмена между разлученными родственниками. Договорились и о мерах по соединению железных дорог Севера и Юга.

В целом декларация не содержит каких-либо прорывных идей. В той или иной степени содержание Пханмунчжомского документа повторяет основные положения ранее принятых на высшем уровне документов (Соглашение о примирении, ненападении, сотрудничестве и обменах 1991 г., Пхеньянские декларации 2000 г. и 2007 г. и др.), которые не принесли существенных результатов¹⁵. Так, администрация прези-

дентов Ли Мён Бака и Пак Кын Хе свернули выполнение договоренностей, сделав ставку на усиление давления на Пхеньян, который, в свою очередь стал активно осуществлять ракетно-ядерные программы.

Договоренности о нормализации отношений, достигнутые в ходе межкорейского саммита Ким Чен Ын – Мун Чжэ Ин также сталкиваются с немалыми трудностями. Действуют антисеверокорейские санкции, введенные Советом Безопасности ООН санкционные ограничения, принятые в отношении Пхеньяна рядом государств (США, Южная Корея, Япония, страны ЕС).

Южнокорейская администрация с самого начала активно поддерживала идею северокорейско-американского саммита, приложила немалые усилия, чтобы он состоялся и принес позитивные результаты дипломатического разрешения северокорейской ядерной проблемы.

Южная Корея активно лоббировала необходимость срочной встречи Ким Чен Ына с Д. Трампом, имела нескрываемые намерения присоединиться к северокорейско-американскому саммиту, чтобы Ким и Трамп не договорились о чем-то, что могло нанести ущерб Сеулу, ущемить его интересы.

Организация встречи Ким – Трамп складывалась весьма драматически. Велась закулисные переговоры. Госсекретарь США летал в Пхеньян для беседы с Ким Чен Ыном и его коллегами. Одновременно со стороны США делались

13 Panmunjom Declaration for Peace, Prosperity and Unification of the Korean Peninsula (2018) // Reuters, April 27, 2018 // <https://uk.reuters.com/article/uk-northkorea-southkorea-summit-statement/panmunjom-declaration-for-peace-prosperity-and-unification-of-the-korean-peninsula-idUKBN1HY193>, дата обращения 31.01.2019.

14 North-South Joint Declaration (2000) // United States Institute of Peace, June 15, 2000 // https://www.usip.org/sites/default/files/file/resources/collections/peace_agreements/n_skorea06152000.pdf; Declaration on the Advancement of South-North Korean Relations, Peace and Prosperity (2007) // United States Institute of Peace, October 4, 2007 // https://www.usip.org/sites/default/files/file/resources/collections/peace_agreements/n_skorea10042007.pdf, дата обращения 31.01.2019.

15 Agreement on Reconciliation and Non-Aggression and Exchanges and Cooperation between the South and the North (1991) // UN Peacemaker, December 13, 1991 // https://peacemaker.un.org/sites/peacemaker.un.org/files/KR%20KP_911213_Agreement%20on%20reconciliation%20non%20aggression%20and%20exchangespdf.pdf, дата обращения 31.01.2019.

противоречивые заявления. Американские сенаторы высказывали претензии к КНДР и ее лидеру. От Трампа требовали отказаться от саммита, поскольку северокорейский лидер, по мнению конгрессменов, «обведет его вокруг пальца», «опозорит “великую Америку”», и это будет воспринято как дипломатическая победа Северной Кореи и т.п.¹⁶ На каком-то этапе Трамп заявил, что отказывается от встречи с Кимом и переносит ее на неопределенный срок. Дипломатические контакты тем не менее продолжались. Трамп неожиданно объявил, что встреча все-таки состоится в Сингапуре 12 июня 2018 г.: «прагматизм Д. Трампа заключается в признании того, что 1) “скоро раздавить КНДР не получается, придется иметь дело с нынешним режимом и его лидером, а не уходить от общения”; 2) “КНДР – де-факто страна с ядерным потенциалом, и раз ее нельзя уничтожить военным путем (милитаристский блеф 2017 г. хорошо показал, что цена такого решения неприемлема), надо договариваться, искать компромисс”» [Толорая (2) 2018].

Сингапурский саммит состоялся. Ким Чен Ын и Дональд Трамп подписали 12 июня 2018 г. совместное заявление, основу которого составляют четыре пункта:¹⁷

1. КНДР и США обязуются установить новые отношения;
2. КНДР и США намерены объединить усилия для достижения стабильности и мира на Корейском полуострове;
3. КНДР обязуется добиваться полной денуклеаризации Корейского полуострова;

4. КНДР и США обязуются идентифицировать останки американских военнослужащих и обеспечить их немедленную репатриацию.

Очень важные положения документа – обязательство Трампа предоставить гарантии безопасности КНДР и «непоколебимая приверженность» Кима полной денуклеаризации Корейского полуострова. Стороны договорились провести специальные переговоры в целях реализации итогов саммита. Как видно из совместного заявления, Пхеньян и Вашингтон составили документ в весьма осторожных формулировках.

При подготовке встречи с президентом США руководитель КНДР использовал китайский фактор. Отложив в сторону имеющиеся разногласия с Пекином, Ким Чен Ын (до саммита в Сингапуре) посетил КНР, провел переговоры с ее представителем Си Цзиньпином. Было официально заявлено, что стороны будут укреплять стратегические связи, расширять сотрудничество¹⁸. Си Цзиньпин также выдвинул предложения по дальнейшему развитию отношений. Судя по ряду косвенных признаков, Ким Чен Ын получил поддержку своего соперника в усилиях по мирному разрешению ядерного кризиса на Корейском полуострове в диалоге с США. В этих целях Пхеньян и Пекин фактически задействовали двусторонний договор о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи от 1961 г., который предусматривает срочные консультации сторон в случае резкого обострения ситуации в регионе. Хотя формально ни Пекин, ни Пхеньян

16 Скосырев В. (2018) Ким и Трамп обсудят проблему денуклеаризации // Независимая газета. 10 апреля 2018 // http://www.ng.ru/world/2018-04-10/1_7208_kndr.html?id_user=Y, дата обращения 31.01.2019.

17 Трамп и Ким подписали соглашение. О чем в нем говорится? (2018) // BBC News. 12 июня 2018 // <https://www.bbc.com/russian/news-44452269>, дата обращения 31.01.2019

18 Си Цзиньпин встретился с Ким Чен Ыном (2018) // ТАСС. 8 мая 2018 // <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/5184423>, дата обращения 31.01.2019.

не упоминали об этом документе и его значимости для обеих стран.

Россия в сложившихся условиях поддержала межкорейские шаги по нормализации обстановки на полуострове, северокорейско-американский диалог по политическому урегулированию ядерной проблемы. В ходе визита в мае 2018 г. в Пхеньян министра иностранных дел С.В. Лаврова состоялась его встреча с Ким Чен Ыном, которому передано личное послание В.В. Путина. Ким Чен Ын приглашен посетить Россию, с нашей стороны дана позитивная оценка межкорейских договоренностей и выражена готовность всемерно способствовать их реализации. Москва готова к реализации длительное время обсуждаемых проектов трехстороннего (РФ – КНДР – РК) сотрудничества (железные дороги, энергетика, газ и др.). Урегулирование ядерной проблемы Корейского полуострова, снижение напряженности в межкорейских отношениях создают хорошие предпосылки для развития трехстороннего экономического сотрудничества.

Большое значение для процесса урегулирования на Корейском полуострове имеет прошедший в сентябре 2018 г. межкорейский саммит. Эксперты давали ему разные оценки, но в целом сходились на том, что саммит принес определенные практические результаты: «итоги третьего в этом году межкорейского саммита в Пхеньяне с первого взгляда впечатляют. Встреча продемонстрировала небывалый уровень взаимопо-

нимания лидеров Севера и Юга» [Толорая (1) 2018], при этом часть положений «не маниловские» [Асмолов 2018], а могут быть направлены на реальное изменение отношений между странами.

А.Н. Ланьков отмечает, что, помимо прочего, саммит – это шоу, задачей которого было продемонстрировать, что процесс урегулирования на Корейском полуострове движется в правильном направлении (*mood-building exercise*); аудитория – это в первую очередь США, поскольку вслед за коротким периодом оптимизма наступило некоторое разочарование в практической реализации достигнутых договоренностей, и в задачи Президента РК входило убедить США, что процесс денуклеаризации продолжается, и предотвратить их военное вмешательство в отношения с КНДР (вместе с тем иллюзия успеха по Корейскому вопросу может быть полезна Президенту США не только при решении задач внешней политики)¹⁹. Б. Клингнер отметил, что это исторический, но одновременно ничего не значащий, дающий себя хорошо почувствовать жест²⁰ (*historic but meaningless feel-good gesture*). О.В. Давыдов дал этому саммиту еще более категоричную оценку: «складывается впечатление, что восторженные заявления двух лидеров в основном были призваны прикрыть очевидную бессодержательность договоренностей, которые вошли в весьма лапидарное Совместное заявление» [Давыдов 2018, с. 79].

Пхеньянская декларация²¹, которая развивает указанные ранее в работе

19 Power J. (2018) A Trump-Kim Bridge: Has Korean Summit Proved Moon Is a Master Diplomat? // South China Morning Post, September 20, 2018 // <https://www.scmp.com/week-asia/geopolitics/article/2164998/trump-kim-bridge-has-korean-summit-proved-moon-master-diplomat>; Lankov A. (2018) The Fifth inter-Korean Summit: More than Just Useful Political Theater? // NKNEWS.org, September 21, 2018 // <https://www.nknews.org/2018/09/the-fifth-inter-korean-summit-more-than-just-useful-political-theater/>, дата обращения 31.01.2019.

20 Klingner B. (2018) Pyongyang Summit Declaration Strays from Denuclearization Goals (2018) // The Diplomat, September 21, 2018 // <https://thediplomat.com/2018/09/pyongyang-summit-declaration-strays-from-denuclearization-goals/>, дата обращения 31.01.2019.

21 Pyongyang Declaration (2018) // The Korea Times, September 19, 2018 // https://www.koreatimes.co.kr/www/nation/2018/09/103_255848.html, дата обращения 31.01.2019.

положения Пханмунджомской декларации²², подписана 19 сентября 2018 г. В аналитических материалах отмечаются важность заключения реальных договоренностей по развитию железных дорог²³, идеи о совместной подаче заявки на Олимпиаду 2032 г., которая может трактоваться как завуалированное признание дальнейшего сосуществования РК и КНДР взамен идеи о падении северокорейского режима [Толорая (1) 2018]. Что касается вопроса об объединении двух Корей в целом²⁴, в отличие от Ким Ир Сена и Ким Чен Ира, новый северокорейский лидер не выдвигает «эпохальных» инициатив типа предложения КНДР от 1980 г. о создании конфедерации Севера и Юга Корё, напоминающей китайскую формулу «одно государство – две системы»].

Также в Пхеньяне достигнута договоренность о том, что Ким Чен Ын посетит Сеул, что ранее не считалось возможным по соображениям безопасности. Заявленное сотрудничество в сфере культуры и спорта будет способствовать нормализации контактов и может послужить основой для налаживания

взаимодействия в других сферах. КНДР заявила о готовности демонтировать полигон Сохэ с участием иностранных экспертов (что важно с точки зрения верификации); тем не менее это было воспринято неоднозначно, так как демонтаж происходил и ранее и был заморожен в связи с обострением напряженности [Асмолов 2018]. Также решено вернуть совместные проекты РК и КНДР (в первую очередь, Кэсонский промышленный парк), важное соглашение достигнуто по военным вопросам²⁵.

Несмотря на значимые итоги, пока конкретики по денуклеаризации или по окончанию Корейской войны нет, санкции по-прежнему действуют. Кроме того, Ким Чен Ын обещал предпринять действия по денуклеаризации Корейского полуострова еще во время Сингапурского саммита, однако до сих пор нет четкого понимания сроков и конкретных шагов по данному направлению²⁶. Однако само продолжение диалога уже подтверждает значимость достигнутых договоренностей и открывает возможности для дальнейшего урегулирования отношений на Корейском полуострове.

22 Panmunjom Declaration for Peace, Prosperity and Unification of the Korean Peninsula (2018) // Reuters, April 27, 2018 // <https://uk.reuters.com/article/uk-northkorea-southkorea-summit-statement-idUKKBN1HY193>, дата обращения 31.01.2019.

23 Коростиков М. (2018) Корея станет единой на железнодорожном уровне // Коммерсантъ. 19 сентября 2018 // <https://www.kommersant.ru/doc/3745478>, дата обращения 31.01.2019.

24 В Пхеньяне она звучит как «одна нация, одно государство – две системы, два правительства». Ким Ир Сен сформулировал также программу консолидации Севера и Юга. Со своей стороны, и южнокорейские лидеры предлагали различные варианты объединения – «корейское сообщество» (президент Ро Дэ У), трехфазовая концепция объединения (президент Ким Ен Сам). Видный политический деятель РК, лауреат Нобелевской премии мира президент РК Ким Дэ Чжун выступил с новым подходом к КНДР, названным «политикой солнечного тепла». Левый президент Южной Кореи Но Му Хён предложил сформировать «экономическое сообщество» Юга и Севера. Ряд межкорейских документов, подписанных на высшем уровне, отличались намерением продвинуть дело воссоединения Кореи, создать для этого соответствующую атмосферу. Однако в большинстве своем эти намерения остались на бумаге, хотя кое-что претворено в жизнь (туристический проект в Алмазных горах, Кэсонский технопарк и др.). Перманентная напряженность между двумя Кореями хоронила конструктивные идеи. Старались предотвратить примирение корейских сторон и США. Вашингтон неоднократно одергивал президентов РК Ким Дэ Чжуна и Но Му Хёна, чтобы они «не заходили слишком далеко» в отношении Северной Кореи.

25 Sokolovsky R. (2018) North and South Korea Take Important Steps to Demilitarize the Korean Peninsula // 38north.org, September 20, 2018 // <https://www.scmp.com/week-asia/geopolitics/article/2164998/trump-kim-bridge-has-korean-summit-proved-moon-master-diplomat>, дата обращения 31.01.2019.

26 Power J. (2018) A Trump-Kim Bridge: Has Korean Summit Proved Moon Is a Master Diplomat? // South China Morning Post, September 20, 2018 // <https://www.scmp.com/week-asia/geopolitics/article/2164998/trump-kim-bridge-has-korean-summit-proved-moon-master-diplomat>, дата обращения 31.01.2019.

Перспективы развития ситуации на Корейском полуострове

В экспертной среде существует мнение, что внешняя ситуация рождает высокую сплоченность элиты в КНДР, в силу которой ошибочным является вывод об исторической предопределенности и неизбежности краха северокорейского режима. В связи с этим стремление к созданию ядерного оружия обусловлено не намерениями совершить агрессию против Южной Кореи и захватить ее и не желанием шантажировать соседей, а опасениями за собственную безопасность. Таким образом, создание «стратегического уравнителя» – не самоцель, а значит, возможен его обмен на новую модель паритета в области безопасности (хотя такой вывод нуждается в проверке практикой) [Толорая (2) 2018].

Северокорейский ядерный узел Пхеньян и Вашингтон договорились развязывать на основе «полной денуклеаризации». Эта общая формула, которая уже опробована в межкорейских документах, в частности в Декларации о безъядерном статусе Корейского полуострова, подписанной Пхеньяном и Сеулом в далеком 1991 г. В 1992 г. Север и Юг сформировали Совместный Комитет ядерного контроля. К большому сожалению, как сама Декларация, так и Совместный Комитет оказались тогда нежизнеспособными и не смогли внести реальный вклад в разрешение ядерной проблемы Корейского полуострова.

Отдельный вопрос связан с гарантиями безопасности КНДР, в том числе со стороны США. Прагматическая деятельность американских администраций на международной арене в последние десятилетия часто демонстрирует изменение или даже игнорирование договоренностей по актуаль-

ным вопросам современности (безопасность, разоружение и др. – как в случае с Ираном), нежелание учитывать интересы других государств, решения международных организаций и форумов. Поэтому недоверие к США со стороны Пхеньяна трудно преодолимо, и он будет очень внимателен и придирчив к американским предложениям и конкретным мерам по ядерному разоружению КНДР. В Пхеньяне хорошо помнят Женевское рамочное соглашение с США 1994 г., в котором американцами было многое обещано (построить в КНДР два легководных реактора, предоставить Пхеньяну гарантии неприменения силы и ядерного оружия и др.). Тогдашний президент США Б. Клинтон в личном письме Ким Чен Иру подтвердил обязательства США по рамочному соглашению, которые так и не были исполнены.

Необходимо также отрегулировать международно-правовое положение КНДР в связи с ликвидацией ее ядерного арсенала. Как известно, Пхеньян в 1993 г. покинул Договор о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний. Важно полностью восстановить основанные на прочной юридической базе отношения КНДР с МАГАТЭ. Весьма существенным вопросом остается право КНДР на мирное использование атомной энергии. Здесь также предстоит много юридической и практической работы.

Кроме ядерного оружия, КНДР обладает другими видами оружия массового уничтожения – химическим, биологическим оружием, а также средствами доставки – баллистическими ракетами. Эти проблемы также потребуют отдельных переговоров и решений.

В процессе переговоров встанет проблема об американском военном присутствии на юге Корейского полуострова. Трамп обмолвился, что с Юга

надо уходить, поскольку содержать войска США там дорого, а Сеул отказывается увеличить финансовый вклад. РК и США уже объявили, что вопрос о войсках США в РК – не предмет обсуждения на нынешних северокорейско-американских переговорах. Но для КНДР это весьма важно с точки зрения безопасности. В Пхеньяне не могут быть удовлетворены прекращением отдельных американо-южнокорейских маневров. Там требуют, и вполне обосновано, вообще прекратить крупные военные учения войск РК и США, на которых, как известно, ежегодно разворачивают силы (до 200 тыс. и более военнослужащих), отрабатывают наступательные операции на Север.

Вопрос о мирном договоре после окончания Корейской войны 1950–1953 гг. до сих пор остается неурегулированным. Его, как представляется, нужно решать с учетом интересов всех сторон, причастных к конфликту, а также соседей Корейского полуострова.

Несмотря на определенную нормализацию ситуации на Корейском полуострове после саммита Ким Чен Ын – Дональд Трамп настораживают некоторые практические шаги Вашингтона в отношении КНДР. Президент США спустя 10 дней после сингапурской встречи издал указ о продлении односторонних антисеверокорейских санкций еще на один год. В американских СМИ появляются сообщения о том, что Пхеньян якобы продолжает работы на ядерных секретных объектах; в частности, наращивается производство обогащенного урана, топливо для ядерных ракет. Сообщается также о модернизации ядерного центра в Нёнбёне и т.д. Американские аналитики приходят к выводу, что северные корейцы пытаются обмануть США, скрыть от них информацию о работах на секретных объектах, что также вызывает много вопросов к Вашингтону.

Говорить о том, насколько устойчив нынешний северокорейский режим, весьма непросто: многое, конечно, будет зависеть и от политики соседей КНДР. Однако на сегодняшний день рассмотренный негативный сценарий не актуален. Правящий режим контролирует ситуацию в стране, жестко следит за поведением и настроениями людей, пресекая малейшие проявления недовольства. В КНДР продолжается всеобщая индоктринация народа («кимирсенизм-кимчениризм»), в которую вовлечены все слои населения и которой активно руководят партийные комитеты.

Сегодня, как представляется, есть два возможных сценария разрешения ядерного кризиса на Корейском полуострове – силовой и политический. Силовой сценарий при определенных обстоятельствах может быть осуществлен с участием США и Южной Кореи в обход СБ ООН. Вашингтон, как известно, имеет опыт подобных акций. Нельзя исключать его повторения и в отношении КНДР. В условиях роста международной напряженности, наращивания антироссийской риторики, вовлеченности НАТО в этот процесс США могут воспользоваться кризисной ситуацией и осуществить военную операцию по подавлению ракетно-ядерного потенциала КНДР. Вооруженные силы США и РК проводят крупные учения по ликвидации северокорейских ядерных объектов. В этих целях в армиях двух стран созданы специальные подразделения. Эксперты расценивают эти маневры как предупреждение Пхеньяну о том, что «США не намерены больше терпеть провокации Северной Кореи».

Силовой сценарий опасен применением ядерного оружия со стороны КНДР, разрастанием конфликта и угрозой вовлечения в него других ядерных государств. Тем не менее

исключать подобное развитие событий на Корейском полуострове нельзя. России нужно учитывать возможность таких действий США и их союзников и быть готовой к упреждению их в регионе.

Мирный сценарий предусматривает продолжение усилий всех заинтересованных сторон по вовлечению Пхеньяна в диалог, определенные уступки Северной Корее. Во-первых, необходимо начать разговор с КНДР как с государством, обладающим ядерным оружием, но официально не признавая ее ядерный статус. Во-вторых, обязателен диалог о ненаращивании Пхеньяном ракетно-ядерного потенциала. В-третьих, возвращение к шестистороннему формату переговоров, присоединение Пхеньяна к ДНЯО, наделение его правом на мирный атом, постепенное снятие с него санкций, оказание ему экономической помощи, предоставление инвестиций и т.д. В-четвертых, возобновление межкорейских контактов, подтверждение жизненности всех заключенных Севером и Югом соглашений и других документов, начало постепенной реализации достигнутых договоренностей.

Что касается интересов России, то Корейский полуостров в настоящее время занимает во внешнеполитических приоритетах Российской Федерации одно из центральных мест, являясь ключевым элементом безопасности в Северо-Восточной Азии, во всем Азиатско-Тихоокеанском регионе. А с учетом геополитического фактора, наличия ракетно-ядерного арсенала у Северной Кореи, глубокой вовлеченности Китая и США в корейские дела значение Корейского полуострова приобретает глобальное измерение.

Развивая сотрудничество с Пхеньяном, ни в коем случае нельзя отказываться от диалога с Сеулом по всем аспектам корейской проблематики, хо-

тя он и придерживается по некоторым важным вопросам проамериканских взглядов. Нужно стремиться прежде всего к тому, чтобы заинтересовать южнокорейский бизнес выгодностью экономического сотрудничества с Россией, в особенности на Дальнем Востоке (в том числе мелкий и средний). Целесообразно создать здоровую конкуренцию между бизнесменами из Южной Кореи, Китая, Японии и других азиатских и неазиатских государств за право инвестировать в дальневосточные проекты России. При этом необходимо активно бороться с коррупцией в самой России, в том числе и из-за склонности бизнесменов из Азии к коррупционным сделкам. Таким образом, к развитию ситуации нужно быть готовыми и с военной точки зрения, и с политико-дипломатической: продолжать вести системный и серьезный диалог как с двумя Кореями, так и с США и Японией, а главное – не допустить военного сценария.

Список литературы

Асмолов К.В. (2018) Итоги пятого межкорейского саммита: пошаговый анализ итогового документа // Российский совет по международным делам. 24 сентября 2018 // <http://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/itogi-pyatogo-mezhkoreyskogo-sammita-poshagovyy-analiz-itogovogo-dokumenta/>, дата обращения 31.01.2019.

Давыдов О.В. (2018) Проблемы Корейского полуострова и возможные пути их решения // Россия и АТР. № 3. С. 68–83. DOI: 10.24411/1026-8804-2018-10034

Жебин А.З. (2016) VII съезд Трудовой партии Кореи: предварительные итоги // Проблемы Дальнего Востока. № 4. С. 44–53 // https://elibrary.ru/download/elibrary_26700307_79210793.pdf, дата обращения 31.01.2019.

Захарова Л.В. (2016) Экономическая политика Северной Кореи при Ким Чен Ыне // *Азия и Африка сегодня*. № 6. С. 22–29 // https://asaf-today.ru/images/AA_nomers/2016/201606/Zacharova.%20Ekonomika%20S.Korei%20pri%20Kim%20Chen%20Ine%20.pdf, дата обращения 31.01.2019.

Михеев В.В., Федоровский А.Н. (ред.) (2018) Кризис и новая повестка дня для Корейского полуострова и региональных держав. М.: ИМЭМО РАН.

Стентон Д., Сун Ион Ли, Клигнер Б. (2017) Жесткий ответ Северной Кореи // *Россия в глобальной политике*. 23 августа 2017 // <https://www.globalaffairs.ru/global-processes/Zhestkii-otvet-Severnoi-Koree-18924>, дата обращения 31.01.2019.

Толорая Г.Д. (1) (2018) Корейское замирение: что делать России? // *Российский совет по международным делам*. 24 сентября 2018 // <http://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/koreyskoe-zamirenje-cto-delat-rossii/>, дата обращения 31.01.2019.

Толорая Г.Д. (2) (2018) Смена северо-корейской парадигмы: помечтаем о будущем? // *Россия в глобальной политике*. 25 июня 2018 // <https://www.globalaffairs.ru/global-pro->

[cesses/Smena-severokoreiskoi-paradigmy-pomechtaem-o-buduschem-19633](https://www.globalaffairs.ru/global-processes/Smena-severokoreiskoi-paradigmy-pomechtaem-o-buduschem-19633), дата обращения 31.01.2019.

Cha V., Kang D. (2003) *Nuclear North Korea: The Debate over Engaging Strategies*, New York: Columbia University Press.

Jeong Seog-Gu Kalleom (2016) Bughaeg munje-ui bonjil/Hangyeole [The Essence of the North Korean Nuclear Issue in Hankyoreh] // *Hani.co.kr*, January 1, 2016 // <http://www.hani.co.kr/arti/opinion/column/727070.html>, дата обращения 31.01.2019 (на корейском).

Luzyanin S. (2017) Northeast Asia Security Problems: the Korean Dimension // *The Russian International Affairs Council*, November 30, 2017 // <http://russiancouncil.ru/en/analytics-and-comments/comments/northeast-asia-security-problems-the-korean-dimension-2017/>, дата обращения 31.01.2019.

Nebenhay S. (2016) North Korean Envoy Rejects Trump Overture to Meet Leader // *Reuters*, May 23, 2016 // <https://www.reuters.com/article/us-northkorea-trump/north-korean-envoy-rejects-trump-overture-to-meet-leader-idUSKCN0YE2IZ>, дата обращения 31.01.2019.

National Peculiarities

DOI: 10.23932/2542-0240-2019-12-1-86-101

The Future of the Korean Peninsula: Topical Issues and Possible Solutions

Valery I. DENISOV

Ambassador Extraordinary and Plenipotentiary, DSc in History, Professor, Center for East Asian and Shanghai Cooperation Organization Studies
MGIMO of the MFA of Russia, 119454, Vernadsky Av., 76, Moscow, Russian Federation
E-mail: v.denisov@inno.mgimo.ru

Anastasia S. PYATACHKOVA

Junior Research Fellow, Center for Comprehensive European and International Studies
National Research University Higher School of Economics, 119017, Malaya Ordynka St., 17, Moscow, Russian Federation
E-mail: apyatachkova@hse.ru
ORCID: 0000-0001-7319-2371

CITATION: Denisov V.I., Pyatachkova A.S. (2019) The Future of the Korean Peninsula: Topical Issues and Possible Solutions. *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*, vol. 12, no 1, pp. 86–101 (in Russian).
DOI: 10.23932/2542-0240-2019-12-1-86-101

Received: 28.09.2018.

The article has been supported by a Grant of the Russian Science Foundation. Project no. 17-18-01577 “Creation of Greater Eurasia and the Development of Strategy for Bilateral Cooperation between Russia and Regional Countries”.

ABSTRACT. *The DPRK has become one of the most striking news-maker of 2018. Kim Jong-un took decisive steps to establish cooperation with the ROK – the parties had quite coordinated interaction during the Olympic Games in Pyeongchang, and hold three Inter-Korean summits in April, May and September 2018. Kim Jong-un have hold three meetings with Xi Jinping. The summit of Kim Jong-un and Trump in Singapore was equally resonant. The President of the Russian Federation during the WEF invited Kim Jong-un to Russia, earlier the leader of North Korea had a meeting with S.V. Lavrov and V.I. Matvienko. These steps look particularly important against the previous period, when*

the DPRK was mainly presented by the United States and other states as a security threat. However, despite the changes that took place and the fact that Kim Jong-un is attempting to build a dialogue in different areas, the position remains about the real interests and intentions of the DPRK and the future of the North Korean regime remains ambiguous. The article analyzes existing points of view on the issue and identifies the prospects’ of the problem development. At the beginning of the study, a comprehensive analysis of the problem of the Korean Peninsula is presented. It examines the features of the interaction of the DPRK with key international players, the question of sanctions against

the country, and the peculiarities of the internal political line of the DPRK. Further analysis focuses on the current foreign policy line of Kim Jong Yin, assesses the results of major international meetings, including the opinion of experts and the analysis of the significance of specific agreements for understanding possible scenarios. Specific attention is paid to the Russian policy towards the inter-Korean settlement and Russian potential role in this process.

KEY WORDS: North Korea, Republic of Korea, denuclearization of the Korean Peninsula, Russia-North Korea relations, USA-North Korea, China-North Korea

References

- Asmolov K.V. (2018) Results of the Fifth inter-Korean Summit: a Step-by-step Analysis of the Final Document. *The Russian International Affairs Council*, September 24, 2018. Available at: <http://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/itogi-pyatogo-mezhkoreyskogo-sammita-poshagovyy-analiz-itogovogo-dokumenta/>, accessed 31.01.2019 (in Russian).
- Cha V., Kang D. (2003) *Nuclear North Korea: The Debate over Engaging Strategies*, New York: Columbia University Press.
- Davydov O.V. (2018) Problems of the Korean Peninsula and Possible Solutions. *Russia and the Pacific*, no 3, pp. 68–83 (in Russian). DOI: 10.24411/1026-8804-2018-10034
- Jeong Seog-Gu Kalleom (2016) The Essence of the North Korean Nuclear Issue in Hankyoreh. *Hani.co.kr*, January 1, 2016. Available at: <http://www.hani.co.kr/arti/opinion/column/727070.html>, accessed 31.01.2019 (in Korean).
- Mikheev V.V., Fedorovskij A.N. (eds.) (2018) *The Crisis and the New Agenda for the Korean Peninsula and the Regional Powers*, Moscow: IMEMO RAN (in Russian).
- Luzyanin S. (2017) Northeast Asia Security Problems: the Korean Dimension. *The Russian International Affairs Council*, November 30, 2017. Available at: <http://russiancouncil.ru/en/analytics-and-comments/comments/northeast-asia-security-problems-the-korean-dimension-2017/>, accessed 31.01.2019.
- Nebenhay S. (2016) North Korean Envoy Rejects Trump Overture to Meet Leader. *Reuters*, May 23, 2016. Available at: <https://www.reuters.com/article/us-northkorea-trump/north-korean-envoy-rejects-trump-overture-to-meet-leader-idUSKCN0YE2IZ>, accessed 31.01.2019.
- Stenton D., Sun Ion Li, Klingner B. (2017) Tough Response to North Korea. *Russia in Global Affairs*, August 23, 2017. Available at: <https://www.globalaffairs.ru/global-processes/Zhestkii-otvet-Severnoi-Koree-18924>, accessed 31.01.2019 (in Russian).
- Toloraya G.D. (1) (2018) Korean Reconciliation: What Should Russia Do? *The Russian International Affairs Council*, September 24, 2018. Available at: <http://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/koreyskoe-zamirenje-cto-delat-rossii/>, accessed 31.01.2019 (in Russian).
- Toloraya G.D. (2) (2018) Changing the North Korean Paradigm: Dreaming about the Future? *Russia in Global Affairs*, June 25, 2018. Available at: <https://www.globalaffairs.ru/global-processes/Smena-severokoreiskoi-paradigmy-pomechtaem-o-buduschem-19633/>, accessed 31.01.2019 (in Russian).
- Zakharova L.V. (2016) Economic Policy of North Korea under Kim Jong-un. *Asia and Africa Today*, no 6, pp. 22–29. Available at: https://asaf-today.ru/images/AA_nomers/2016/201606/Zakharova.%20Economika%20S.Korei%20pri%20Kim%20Chen%20Ine%20.pdf, accessed 31.01.2019 (in Russian).
- Zhebin A.Z. (2016) VII Congress of the Workers' Party of Korea: Preliminary Results. *The Far Eastern Affairs*, no 4, pp. 44–53. Available at: https://elibrary.ru/download/elibrary_26700307_79210793.pdf, accessed 31.01.2019 (in Russian).

DOI: 10.23932/2542-0240-2019-12-1-102-116

Российско-японский диалог по вопросам безопасности

Олег Геннадьевич ПАРАМОНОВ

кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Центр исследований Восточной Азии и ШОС

Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации, 119454, проспект Вернадского, д. 76, Москва, Российская Федерация;
доцент, Департамент международных отношений факультета мировой экономики и мировой политики

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», 119017, ул. Малая Ордынка, д. 17, Москва, Российская Федерация

E-mail: paramonov_og@rambler.ru

ORCID: 0000-0001-5497-1310

ЦИТИРОВАНИЕ: Парамонов О.Г. (2019) Российско-японский диалог по вопросам безопасности // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. Т. 12. № 1. С. 102–116. DOI: 10.23932/2542-0240-2019-12-1-102-116

Статья поступила в редакцию 30.10.2018.

Статья подготовлена за счет гранта Российского научного фонда № 17-18-01577 «Формирование Сообщества Большой Евразии и стратегии двустороннего взаимодействия России со странами региона».

АННОТАЦИЯ. В условиях ухудшения региональной среды безопасности в Восточной Азии заметный рост оборонных возможностей Японии и отказ Токио от большинства самоограничений в области оборонной политики выглядят вполне ожидаемым и закономерным процессом. При этом Япония продолжает опираться и на союз с США. С другой стороны, отношения Вашингтона и Москвы сейчас находятся в нижней точке со времен холодной войны. У самой Японии сохраняются территориальные претензии к России. Это означает, исходя из конфронтационной логики, которая возвращается в международную повестку, что традиционно сдержанное отношение Японии к России должно сохраняться. Вместе с

тем, сегодня мы наблюдаем иную ситуацию. После начала регулярных личных встреч президента России Владимира Путина и премьер-министра Японии Синдзо Абэ активизируется диалог по широкому кругу вопросов, в том числе связанных с международной безопасностью, в особенности с ее региональным аспектом. Хотя определенные предпосылки к этому отмечались и до встречи В. Путина и С. Абэ в Сочи, этот внешнеполитический поворот, и в частности, его скорость, оказался сюрпризом не только для западных партнеров Токио, но и для многих японских политиков и экспертов. Данная статья посвящена анализу его возможных причин, а также поиску ответа на вопрос: является ли диалог России и Япо-

нии ситуативным политическим маневром или шагом на пути к сотрудничеству по вопросам безопасности?

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: *российско-японские отношения, встречи «два плюс два», противоракетная оборона, японо-американский альянс, военно-техническое сотрудничество*

В марте 2014 г. Токио продемонстрировал поддержку позиции своих западных партнеров в отношении воссоединения Крыма и России. Например, Фумио Кисида, возглавлявший японский МИД, заявил следующее: «Япония никогда не смирится с попытками изменить статус-кво при помощи силы»¹. Был отложен на неопределенное время визит в Японию российского президента В. Путина, в Токио объявили о приостановке российско-японского диалога в формате «два плюс два», консультаций по облегчению визового режима и ряда совместных проектов. Япония приняла персональные ограничительные меры, но конкретные фамилии так и не были названы². Первоначально действия Токио могли вызвать оптимизм у сторонников жесткой линии в отношении России, поскольку Япония всегда с большой осторожностью вводит даже символические санкции в отношении стран, политика которых не угрожает ее безопасности. При этом Токио пытался использовать украинский кризис и в собственных интересах, например, убеждал Париж разорвать договоренности на поставку в Россию вертолетов типа «Мистраль», один из которых предпо-

лагалось включить в состав Тихоокеанского флота³.

Но когда сделались очевидными достаточно высокая устойчивость российской экономики к санкционному давлению и нежелание многих из участвовавших в нем стран жертвовать своими экономическими интересами, Япония все менее заметно стала демонстрировать солидарность по «российскому кейсу». Так, Токио не поддержал Лондон, настаивающий на причастности России к так называемому «делу Скрипалей».

Рассуждая о причинах постепенного отхода Токио от общего с западными партнерами отношения к России, работающий в Японии британский эксперт Джеймс Браун полагает следующее. Хотя С. Абэ, возможно, дает понять партнерам Японии, что заинтересован в хороших отношениях с Россией главным образом для разрешения в выгодную для Японии сторону спора о пограничном размежевании с Россией и подобные объяснения не лишены оснований, для сближения с Россией у С. Абэ могут иметься и более глубокие причины: политика Токио в отношении России обусловлена необходимостью реагировать на самые серьезные вызовы, с которыми Япония столкнулась после завершения холодной войны. Ухудшение региональной обстановки в Восточной Азии, связанное с ракетно-ядерной программой Пхеньяна, возникновением серых зон безопасности в Восточно-Китайском и Южно-Китайском морях, а также активной наступательной политикой Китая в целом, вышло в 2014–2016 гг. на неприемлемый для Токио уровень [Brown 2018].

1 Press Conference by Foreign Minister Fumio Kishida (2014) // Ministry of Foreign Affairs of Japan, March 18, 2014 // https://www.mofa.go.jp/press/kaiken/kaiken4e_000054.html, дата обращения 31.01.2019.

2 Япония ввела новые санкции против России (2014) // LENTA.RU. 29 апреля 2014 // <http://www.lenta.ru/news/2014/04/29/japan>, дата обращения 31.01.2019.

3 Japan, France Agree on Defence Equipment Cooperation (2014) // Pakistan Defence Forum, July 30, 2014 // <https://defence.pk/pdf/threads/japan-france-agree-on-defence-equipment-cooperation.326595/>, дата обращения 31.01.2019.

Что касается военно-политического альянса США и Японии, являющегося, с точки зрения Токио, одним из столпов японской политики безопасности, то здесь также ситуация развивается разнонаправленно. При непосредственном военном сотрудничестве, как отмечал в 2017 г. В. Нелидов, в целом «полет нормальный» [Нелидов 2017]. В совместном заявлении от 17 августа 2018 г., принятом по итогам состоявшейся в Вашингтоне японо-американской встречи в формате «два плюс два», было подтверждено, например, что острова Сэнкаку входят в зону ответственности договора безопасности США и Японии 1960 г.⁴ Американскую сторону на этой встрече представляли Джеймс Мэттис в качестве главы Пентагона и Рекс Тиллерсон в качестве госсекретаря, японскую – министр обороны Ицунори Онодэра и глава МИД Таро Коно. С. Абэ предпринял заметные усилия, чтобы установить хорошие личные отношения с новым американским президентом, став первым главой иностранного государства, который лично встретился с Д. Трампом после его победы на выборах и, как казалось вначале, достиг заметных успехов [Kraus 2018]. В Токио даже давали понять, что Д. Трамп находится под влиянием авторитета С. Абэ в вопросах региональной повестки, особенно по северокорейской проблематике. Действительно, в активной фазе кризиса на Корейском полуострове администрация Д. Трампа была заинтересована в тесной координации своих шагов с Токио и рассчитывала на возможную тыловую или даже военную поддержку Японии в случае дальнейшей эскалации. В Токио, в свою очередь, надеялись, что Д. Трамп будет последователь-

лен при оказании максимального давления на Пхеньян с целью достижения полного прекращения северокорейской ракетно-ядерной программы. Вместе с тем результаты совместной работы оказались для Токио разочаровывающими [Miller 2018].

После снижения напряженности на Корейском полуострове стало явным отсутствие у Д. Трампа заинтересованности в подключении Токио к переговорам с Пхеньяном. Как отмечает А. Габуев, японский премьер-министр оказался единственным проигравшим от этой встречи, поскольку его пожелания при подготовке к саммиту были фактически проигнорированы [Габуев 2018]. Впрочем, можно предположить, что американскую сторону в любом случае не могли устроить ожидаемые попытки Токио включить в повестку переговоров по денуклеаризации полуострова вопрос о похищенных спецслужбами КНДР японцах, как это имело место ранее во время шестисторонних переговоров.

На параллельных треках японо-американских отношений ситуация также развивается не слишком удачно для Токио. Выход Вашингтона из Транстихоокеанского партнерства, усиление протекционистских тенденций во внешней торговой политике создают серьезные риски не только для экономики Японии, но и для принципа «открытого регионализма» [Krauss 2018]. Еще с 1960-х гг. Токио последовательно продвигает применительно к АТР открытый подход к региональной политике, включающий США, Австралию и другие страны [Стрельцов 2012, с. 76].

Неспособность Д. Трампа работать с ключевыми чиновниками своей администрации и вызванные этим

4 Joint Statement of the Consultative Committee (2017) // Ministry of Foreign Affairs of Japan, August 17, 2018 // https://www.mofa.go.jp/na/st/page4e_000649.html, дата обращения 31.01.2019.

регулярные отставки руководства Госдепартамента и Пентагона также не идут на пользу Союзу безопасности США и Японии, поскольку именно формат «два плюс два» по схеме, протестированной еще во времена холодной войны, используется для разработки и принятия ключевых решений по вопросам текущего функционирования и дальнейшего развития альянса.

В этих условиях японское правительство усиливает оборонные возможности Японии и уже пересмотрело ряд соответствующих самоограничений, еще во времена холодной войны фактически превратившихся в один из ключевых элементов регионального статус-кво. К подобным самоограничениям, помимо запрета на экспорт продукции военного назначения, относились отказ от участия в коллективной самообороне и использования космического пространства в военных целях. Правительство Японии стремится и к расширению состава своих партнеров в области безопасности, преимущественно ориентируясь на дружественные государства: Австралию, Индию и др.

Что касается России, то здесь Япония пытается применять более сложную стратегию. В отличие от ряда партнеров по «Большой семерке», Япония не рассматривает Россию в качестве военной угрозы. В Токио полагают, что хотя Россия действует весьма решительно для защиты своих интересов на постсоветском пространстве, в Восточной Азии ее политика в общем нацелена на сохранение существующего статус-кво [Brown 2018]. По этой причине японская сторона могла сделать вывод о целесообразности возобновления шагов по преобразованию диалога по вопросам региональной безопасности, имевших место еще до украинского кризиса, в отдельное направление российско-японской повестки.

Вместе с тем серьезной «головной болью» для Токио является поступательное сближение России и Китая в военной и военно-технической сферах, во многом подпитываемое усилиями Запада по изоляции России. В Японии хорошо известно, что Китай активно пытается привлечь Россию на свою сторону в территориальном споре с Японией и иметь в лице России мощного союзника при оказании давления на Японию по вопросам региональной повестки дня [Стрельцов 2017, с. 28]. Например, в июне 2016 г. российские и китайские военные корабли вошли в прилегающую к островам Сэнкаку акваторию и находились там несколько часов, что могло быть воспринято как косвенная поддержка Россией позиции Китая по вопросу принадлежности островов Сэнкаку. Однако неясно, была ли это действительно координация действий двух флотов. В ходе прошедших в сентябре 2016 г. в Южно-Китайском море совместных военно-морских учений России и Китая «Морское взаимодействие – 2016» отрабатывались не только стрельбы и спасательные операции, но и десантирование с высадкой на острова [Мелихов 2016].

Токио намерен сделать все возможное, чтобы избежать возникновения «Восточной Антанты». Но популярная точка зрения об использовании в этой связи приема «переманивания невесты» в отношении России имеет поверхностный характер, и С. Абэ, в отличие от некоторых своих предшественников на посту премьер-министра, скорее относится к России как к самостоятельному игроку на глобальном и региональном уровнях. В утвержденной в 2012 г. первой в Японии Стратегии национальной безопасности, в основу которой положены личные взгляды С. Абэ на развитие японской внешней и оборонной политики, утверждается, что сотрудничество с Россией является критически важным для поддержания мира и стабильности в

АТР⁵. Бывший российский посол в Японии и заместитель министра иностранных дел А. Панов отмечает, что большое впечатление на японские политические круги и лично на С. Абэ произвела успешная как в политическом, так и в военном отношении операция в Сирии [Панов 2016, с. 35–36]. Продемонстрированные в ходе этой операции логистические и другие возможности российских Вооруженных сил должны способствовать исчезновению возможных сомнений относительно того, что Россия в состоянии противостоять любым вызовам, в том числе по периметру российского Дальнего Востока.

Таким образом, пребывание в мае 2016 г. премьер-министра Японии в Сочи с неофициальным визитом и поездка В. Путина в Японию в декабре того же года не стали неожиданностью для правительств западных стран, с которыми Токио обычно выступает «единым фронтом» по ключевым вопросам международной повестки. Впрочем, в 2016 г. возможности Вашингтона и его европейских союзников для оказания давления на Токио по «российскому кейсу» были сильно ограничены из-за выборов и смены президентских администраций в США, а также других важных событий, например референдума по Брекситу.

Далее, в марте 2017 г. был возобновлен российско-японский диалог по вопросам безопасности в формате «два

плюс два»⁶. Подводя итоги состоявшейся в Токио встречи глав дипломатических и оборонных ведомств России и Японии (Сергей Лавров, Сергей Шойгу, Фумио Кисида, Томоми Инада соответственно), С. Шойгу подчеркнул, что приостановка сотрудничества никому не пошла на пользу, и Россия готова «к конструктивной работе по восстановлению военных связей»⁷. Следующая встреча глав дипломатических и оборонных ведомств России и Японии состоялась 31 июля 2018 г.; впервые в подобном формате она была проведена в Москве. Визит в Россию министра обороны Японии Ицунори Онодэра для участия в ней стал первым со времени поездки в Россию начальника Управления национальной обороны Японии⁸ Фукусиро Нукага в 2006 г. Дипломатическое ведомство Японии представлял его новый глава Таро Коно.

Высокопоставленные представители российского МИДа в своих комментариях подчеркивают, что с точки зрения Токио, формат «два плюс два» – это привилегированная, доверительная форма диалога⁹. Такой формат активно используется Токио еще со времен холодной войны для общения с Вашингтоном по вопросам безопасности и в дальнейшем стал применяться для консультаций с ключевыми западными партнерами – Австралией, Великобританией, Францией. Но, например, в отношениях Япо-

5 National Security Strategy (2013) // Prime Minister of Japan and His Cabinet, December 17, 2013 // http://japan.kantei.go.jp/96_abe/documents/2013/_jcsFiles/afidfile/2013/12/17/NSS.pdf, дата обращения 31.01.2019.

6 Первая российско-японская встреча в данном формате (с участием глав дипломатических и оборонных ведомств) состоялась в ноябре 2013 г. Подробнее см.: Стрельцов Д.В. (2013) Первая российско-японская встреча в формате «два плюс два» // Ассоциация японоведов. 7 ноября 2013 // http://japanstudies.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=349&Itemid=69, дата обращения 31.01.2019.

7 Шойгу заверил Токио в готовности к восстановлению военных связей (2017) // ТАСС. 20 марта 2017 // <https://tass.ru/politika/4108293>, дата обращения: 31.01.2019.

8 В 2007 г. (в период первого кабинета С. Абэ) статус управления национальной обороны Японии был повышен до министерства.

9 Интервью заместителя Министра иностранных дел России И.В. Моргулова «РИА Новости» (2013) // Министерство иностранных дел Российской Федерации. 30 октября 2013 // http://www.mid.ru/ru/maps/jp/-/asset_publisher/zMUqsVU9NDU/content/id/90070, дата обращения 31.01.2019.

нии и Турции, которые активно развивались в последнее время и вышли на уровень стратегического партнерства, он не используется. Вместе с тем, если обычно основные вопросы повестки дня этого формата связаны с военно-политическим или военно-техническим сотрудничеством, то применительно к российско-японским отношениям данная площадка пока используется преимущественно с целью повышения доверия в военной сфере и обсуждения вопросов региональной безопасности: японо-американская система противоракетной обороны (ПРО), модернизация российского оборонного потенциала на Дальнем Востоке, северокаорейское досье, а также международный терроризм. На полях встреч «два плюс два» в Москве и Токио также прошли отдельные консультации глав внешнеполитических ведомств по более широкому кругу вопросов: мирный договор, экономическое сотрудничество, гуманитарные обмены¹⁰.

В сентябре 2017 г. в Токио Секретарь Совета Безопасности РФ Николай Патрушев и генеральный секретарь Совета национальной безопасности Японии Сетаро Яти подписали меморандум о взаимопонимании между аппаратом СБ РФ и секретариатом СНБ Японии. Документ определяет порядок регулярных консультаций с целью обмена мнениями по вопросам, относящимся к национальной, региональной, международной безопасности и представляющим взаимный интерес. Н. Патрушев и С. Яти встречались уже дважды: в дека-

бре 2017 г. в Москве и в октябре 2018 г. в Токио¹¹. Представители японской стороны при этом продемонстрировали заметную настойчивость при внесении в документ вопросов, связанных с «северокаорейской проблемой» [Михеев, Федоровский 2018, с. 49].

Значительный интерес представляет и активизация контактов по линии представителей командования Вооруженных Сил России и Сил самообороны Японии. В ноябре 2017 г. Японию посетил с официальным визитом главнокомандующий Сухопутными войсками генерал-полковник Олег Салюков. Но наиболее заметный резонанс вызвало прибытие в декабре 2017 г. в Токио начальника генерального штаба Вооруженных сил России – первого заместителя министра обороны Российской Федерации генерала армии Валерия Герасимова. Именно В. Герасимову приписывают разработку военной доктрины, предусматривающей, в том числе, ведение информационной войны, элементы которой, как полагают на Западе, могли пройти обкатку во время некоторых зарубежных выборных кампаний. Этот высокопоставленный российский офицер фактически является «персонай нон грата» для США и находится в санкционном списке ЕС [Brown 2017].

В Токио российскому военачальнику был оказан подчеркнуто вежливый прием. Например, он участвовал в церемонии возложения венка к памятнику военным служащим японских Сил самообороны, погибшим в мирное вре-

10 Выступление и ответы на вопросы СМИ Министра иностранных дел России С.В. Лаврова в ходе пресс-конференции по итогам российско-японских консультаций в формате «два плюс два» (2017) // Министерство иностранных дел Российской Федерации. 20 марта 2017 // http://www.mid.ru/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/2697887; Выступление Министра иностранных дел России С.В. Лаврова в ходе совместной пресс-конференции по итогам российско-японских консультаций глав внешнеполитических и оборонных ведомств в формате «два плюс два», Москва (2018) // Министерство иностранных дел Российской Федерации. 31 июля 2018 // http://www.mid.ru/vizity-ministra/-/asset_publisher/ICoYBGcCUgTR/content/id/3310522, дата обращения 31.01.2019.

11 Совбезы РФ и Японии подписали меморандум о взаимопонимании (2017) // ТАСС. 5 сентября 2017 // <https://tass.ru/politika/4533289>; Патрушев 4 октября проведет в Токио консультации по безопасности (2018) // ТАСС. 2 октября 2018 // <https://tass.ru/politika/5628057>, дата обращения 31.01.2019.

мя. Обычно в подобных церемониях участвуют первые лица иностранных государств. В странах с конфуцианской политической культурой на подобные моменты всегда обращают не меньшее внимание, чем на формальные итоги переговоров, которые выглядят относительно скромно. Очевидно, что, помимо желания продемонстрировать особое уважение высокому гостю, здесь имел место и некий сигнал, адресованный третьей стороне.

Источник одного из отечественных СМИ в российских военных кругах накануне визита предположил, что, «помимо ситуации вокруг дестабилизирующих шагов КНДР, с системами ПРО ТНААД, а также остальными раздражающими моментами», наверняка будет поднята тема островов Курильской гряды. Российский генерал намеревался убедить японских коллег, что перевооружение восточных территорий России носит плановый характер, не преследует целей «расшатать обстановку в регионе», а будет использоваться исключительно в оборонительных целях¹².

В ходе встречи (как сообщалось официально) основное внимание было уделено вопросам военно-морского взаимодействия. Был подтвержден интерес к регулярному проведению поисково-спасательных и антипиратских учений САРЕКС (впервые они проводились в 2014 г., повторно – перед визитом В. Герасимова). Российские военные выразили готовность приступить к разработке межправительственного соглашения о сотрудничестве в области розыска аварийных подводных лодок. Вместе с тем планы в сфере спасения на море могут подразумевать и осуществ-

ление военно-технического сотрудничества (ВТС)¹³.

До 2014 г. в Японии формально сохраняло действие самоограничение на экспорт продукции военного назначения и на участие в международной кооперации по ее производству. В настоящее время, после утверждения правительством Японии новой системы экспортного контроля, Токио начинает предлагать свою военную продукцию дружественным государствам, при этом сильно опасается утечек чувствительных технологий в Пекин и в целом исключительно взвешенно подходит к выбору партнеров, ориентируясь преимущественно на страны англосаксонской политической и бюрократической культуры. Пока сложно сказать, является ли упоминание в одном из российских СМИ возможности ВТС между Россией и Японией результатом завышенных ожиданий со стороны прессы, либо подобные планы в той или иной мере обсуждались. С другой стороны, разработка оборудования и снаряжения для спасательных или миротворческих операций является той сферой, где подобное сотрудничество может выглядеть интересным и для Токио. Российским заинтересованным структурам, например Федеральной службе по военно-техническому сотрудничеству, «Рособоронэкспорту», возможно, стоит «вступить в игру». Скромный, даже чисто символический совместный проект с Токио в сфере военно-технической кооперации был бы серьезным шагом на пути от диалога к сотрудничеству по безопасности.

В завершение темы ВТС необходимо отметить, что конкуренция меж-

12 Джорджевич А., Коростиков М., Сафронов И. (2017) Начальник Генштаба вышел на связь с Токио // Коммерсантъ. 11 декабря 2017 // <https://www.kommersant.ru/doc/3493443>, дата обращения 31.01.2019.

13 Петров И. (2017) Море на двоих. Россия и Япония будут вместе спасать затонувшие подлодки // Российская газета. 11 декабря 2017 // <https://rg.ru/2017/12/11/rossiya-i-japoniya-budut-vmeste-spatat-zatonuvshie-podlodki.html>, дата обращения 31.01.2019.

ду продукцией военного назначения российского и японского производства уже имела место в ходе объявления в 2011 г. тендера на поставку патрульно-спасательного самолета для ВМС Индии. Японцы выиграли конкурс, однако до сих пор нет ясности с окончательным контрактом [Пармонов 2016, с. 50].

Важно отметить, что по-прежнему не утрачивают свою значимость и долговременные факторы, ограничивающие сближение Москвы и Токио. Так, на роль наиболее серьезного раздражителя России может претендовать японо-американское сотрудничество в сфере ПРО, о чем подробнее будет рассказано ниже. В российской политической элите также продолжают исходить из того, что Япония сохраняет неравноправное положение в рамках союза безопасности с США, что в целом соответствует действительности по ряду не зависящих от С. Абэ и Д. Трампа причин. Вашингтон внимательно наблюдает за любыми изменениями в российско-японских отношениях. Так, за несколько дней до начала переговоров между Японией и Россией о совместной экономической деятельности на Южных Курилах министерство юстиции США обвинило Россию в причастности к масштабному взлому интернет-компании Yahoo, что вызвало значительный резонанс в Японии, поскольку связанные с этой компанией интернет-ресурсы являются одними из наиболее популярных в Японии. Во время проведения в 2017 г. российско-японской встречи «два плюс два» комитет по разведке Палаты представителей США начал открытые слушания по делу о якобы присутствовавшем вмешательстве Рос-

сии в президентскую кампанию США 2016 г. [Браун 2016].

Как отмечает Д. Стрельцов, директивный стиль во взаимоотношениях Вашингтона и Токио, сохранившийся и после холодной войны, стал вызывать определенное недовольство в политическом руководстве Японии. Часть политического истеблишмента выступает за более активный и независимый внешнеполитический курс этой страны. Подобные настроения могут объективно работать на активизацию связей с Россией, особенно в сфере региональной безопасности. Укрепляя связи с Москвой, Токио дает сигнал и Вашингтону о своих претензиях на равноправные отношения.

В этой связи необходимо отметить, что Япония уже демонстрировала намерение действовать вне рамок альянса с США, например, при обсуждении северокорейской проблематики с Россией до сингапурской встречи Д. Трампа и Ким Чен Ына в июне 2018 г. [Pollmann 2017]. В ходе совместной пресс-конференции, последовавшей за переговорами В. Путина и С. Абэ в Москве в апреле 2017 г., глава японского правительства отметил, что Япония и Россия продолжают требовать от КНДР выполнения резолюций Совбеза ООН о запрещении разработки ядерного оружия¹⁴.

Японские официальные лица и в дальнейшем старались сделать этот вопрос одной из главных тем как в российско-японских переговорах на высшем уровне, так и в двухсторонней повестке в целом: консультаций в формате «два плюс два», межминистерских консультаций в форме «диалога по стратегической стабильности» на уровне заместителей глав внешнеполитических ве-

14 Петров И. (2017) Море на двоих. Россия и Япония будут вместе спасать затонувшие подлодки // Российская газета. 11 декабря 2017 // <https://rg.ru/2017/12/11/rossiia-i-japoniia-budut-vmeste-spasat-zatonuvshie-podlodki.html>, дата обращения 31.01.2019.

домств, и др. Вместе с тем конкретных идей и планов противодействия «исходящей от КНДР ракетно-ядерной угрозе» из Токио пока не поступало. При этом среди японских политиков существовала и продолжает существовать альтернативная точка зрения, в соответствии с которой такое давление, по крайней мере в его нынешней форме, является неэффективным и нецелесообразным [Михеев, Федоровский 2018, с. 49].

Что касается исходящих от российской стороны предложений для повестки диалога с Токио по вопросам безопасности, японо-американская ПРО стала здесь одной из ключевых тем. Новым предметом обсуждения стало решение Токио о размещении в 2025 г. на своей территории системы ПРО Aegis Ashore, что рассматривается Россией в качестве дополнения к глобальной американской ПРО и в контексте выхода США из договора 1972 г. Однако японские партнеры настаивают, что это необходимо для защиты территории страны от северокорейских баллистических ракет. «Никто не верит, что Северная Корея когда-нибудь пойдет на реальное разоружение, поэтому размещение этих систем – одна из наших ключевых задач на ближайшие годы». И далее: «Москва не понимает озабоченности Токио угрозой КНДР и считает, что два небольших противоракетных комплекса действительно могут быть использованы против ядерных арсеналов России и Китая». Такими неофициальными комментариями высokoпоставленных японских бюрократов¹⁵. Японская сторона пытается убедить российских партнеров, что речь идет не о японо-американской, а скорее

о японской ПРО, что размещенные в Японии компоненты системы ПРО (непосредственно на островах и на эсминцах) находятся в подчинении командования воздушных и морских Сил самообороны и формально не контролируются Пентагоном, в отличие от объектов ЕвроПРО или размещенных на территории Республики Корея четырех пусковых установок американского комплекса ПРО THAAD.

Интеграция противоракетных возможностей США и Японии достигла уровня, при котором Токио может фактически утратить контроль над степенью своей вовлеченности в возможный региональный кризис, вызванный, например, неаккуратными действиями администрации Д. Трампа. Так, в ходе Северокорейского ядерного кризиса 2017–2018 гг. стала очевидной готовность США и Японии к более тесному ситуативному взаимодействию в сфере ПРО. Например, в апреле 2017 г. недалеко от Корейского полуострова состоялись внеплановые совместные морские учения США и Японии с участием американского авианосца, а также оснащенных системами ПРО кораблей обоих флотов. По сообщению японского информационного агентства Kyodo, таким образом Япония и США намеревались оказать сдерживающее воздействие на КНДР в свете возможного проведения ядерного испытания или запуска баллистических ракет по случаю годовщины основания Корейской народной армии¹⁶. В случае дальнейшей эскалации кризиса Япония могла оказаться перед нежелательным для себя выбором: вступить в конфликт на стороне Вашингтона либо отказать союзнику в поддержке.

15 Тарасенко П., Коростиков М., Черненко Е. (2018) «Два плюс два» ничего не решают без двоих (2018) // Коммерсантъ. 1 августа 2019 // <https://www.kommersant.ru/doc/3701371>, дата обращения 31.01.2019.

16 Авианосная группа США и японские Силы самообороны приступают к совместным учениям (2017) // ТАСС. 23 апреля 2017 // <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/4204383>, дата обращения 31.01.2019.

Первый из этих сценариев уже выглядит вполне актуальным с учетом принятых в 2015 г. и вступивших в силу в 2016 г. поправок в законодательство Японии в области обеспечения безопасности и мира, допускающих (при определенных условиях) защиту Силами самообороны войск союзника, то есть осуществление коллективной самообороны [Добринская 2016, с. 67]. Учитывая отягощенные историческим бэкграундом отношения Японии с соседями по региону, шансы на разрешение подобного кризиса без участия Токио могли бы быть значительно выше.

С 2008 г. Япония участвует и в совместной с США разработке новой модификации противоракеты SM-3 – SM-3BlockIIA, которая будет использоваться и в наземных системах ЕвроПРО, размещаемых Пентагоном на территории Центральной и Восточной Европы. А значит, сотрудничество с Токио в той или иной степени все же способствует росту противоракетных возможностей и самих США¹⁷. Хотя в настоящее время испытания SM-3BlockIIA проходят с переменным успехом, в будущем нельзя исключать и резкого качественного скачка американской ПРО за счет использования японских технологий. Кроме того, совместные инициативы США и Японии в сфере ПРО уже поспособствовали и региональной гонке вооружений. Во многом с оглядкой на Токио Сеул приступил к созданию собственной ПРО, в дальнейшем допустив на свою территорию и батареи ПРО, обслуживаемые американскими военными.

Вместе с тем В. Кашин в 2016 г. отмечал, что в Азии проблема ПРО не приобрела остроты, свойственной ей в Европе, и осталась за рамками основных

вопросов международных отношений. Несмотря на многолетнюю риторику, направленную против американской ПРО в АТР, нет примеров реального влияния этой проблемы на отношения России с Японией или Республикой Корея. По его мнению, действия и высказывания российской стороны по теме ПРО в Азии согласованы с китайскими партнерами с помощью давно существующего механизма координации позиций обеих стран [Кашин 2016].

Завершая противоракетную проблематику, целесообразно обратиться к выступлению министра иностранных дел России С. Лаврова в Токио по результатам состоявшихся в марте 2017 г. и неоднократно упомянутых в данной статье российско-японских консультаций в формате «два плюс два». Глава МИД России отметил следующее: «Мы подробно рассказали о тех позициях, которые РФ продвигает вместе с Китаем и другими государствами, входящими в механизм восточноазиатских саммитов, для обеспечения безопасности на внеблоковой основе, на основе принципа неделимости безопасности, без вмешательства во внутренние дела и через многосторонние усилия. Обратили внимание на серьезные риски, которыми чревато развертывание в Азиатско-Тихоокеанском регионе элементов глобальной системы противоракетной обороны Соединенных Штатов. Изложили наши оценки, которые показывают, что если речь идет об угрозах, исходящих от КНДР, то создание подобной системы ПРО, равно как и накачивание вооружений в этом регионе, являются ответом совсем не пропорциональным».

Переходя к действиям России в сфере оборонной политики, которые в То-

17 Dodge M., Menkiszak M. (2017) U.S.-Japan Anti-Missile Test a Good Sign for the European Missile Defense Sites // RealClearDefense, February 20, 2017 // https://www.realcleardefense.com/articles/2017/02/21/us-japan_anti-missile_test_a_good_sign_for_europe_110840.html, дата обращения 31.01.2019.

кио рассматриваются как возможные препятствия для установления доверительных отношений в сфере безопасности, можно назвать модернизацию российского оборонного потенциала на Дальнем Востоке, в частности на оспариваемых Японией у России островах Курильской гряды: в ноябре 2016 г. Россия объявила о размещении на Курильских островах новейших береговых ракетных комплексов «Бал» и «Бастион», рассчитанных на отражение атаки авианосной ударной группы.

Во время состоявшихся в сентябре 2018 г. самых крупных с 1981 г. учений российской армии «Восток-2018», в которых также приняли участие китайские и монгольские военнослужащие, территория Курильских островов по просьбе японской стороны задействована не была. С. Шойгу на встрече с начальником объединенного штаба Сил самообороны Японии адмиралом Кацутоси Кавано, состоявшейся в октябре 2018 г. в Москве, заявил следующее: «Мы приглашали ваших наблюдателей, ваших атташе на учения “Восток-2018”. К сожалению, мы не увидели вашего присутствия, вашего участия в этих маневрах. Надеемся, в дальнейшем мы сможем показать весь мирный настрой наших учений, направленных исключительно на оборону рубежей нашей страны»¹⁸.

К. Кавано, в свою очередь, отметил, что в Японии положительно отнеслись к решению России не задействовать Курильские острова в ходе военных учений. «Мы высоко это ценим». И далее: «у меня большие надежды на то, что

мы сможем продвигать оборонные отношения между Японией и Россией»¹⁹. Адмирал пояснил: Япония не направила своих военных на российские учения, так как предполагала, что «Восток-2018» пройдет и на Курилах²⁰.

Однако на Курильских островах российские военные регулярно проводят отдельные учения, которые всегда вызывают протесты Токио. Например, в 2018 г. маневры проводились дважды. В феврале состоялись антитеррористические учения подразделений Минобороны России с высадкой вертолетного десанта на острове Кунашир. В апреле в ходе более масштабных маневров было задействовано 2,5 тыс. чел., около 800 единиц техники и артиллерийских систем, три корабля Тихоокеанского флота.

Вместе с тем территория острова Шикотан и архипелага Хабомаи, которые, в соответствии с советско-японской Декларацией 1956 г., предполагалось передать Японии после заключения мирного договора, в подобных учениях практически не задействуется, что можно рассматривать и как адресованный Токио политический сигнал о границах компромисса, на который может пойти российская сторона по вопросу заключения вышеупомянутого мирного договора.

Кроме того, с апреля 2017 г. по март 2018 г. японские истребители совершили 390 вылетов для сопровождения российских военных самолетов, пролетавших преимущественно над Японским морем, вблизи острова Хоккайдо и северо-восточного побережья остро-

18 Петров И. (2018) Шойгу: Курилы намеренно не были задействованы на учениях «Восток-2018» // Российская газета. 8 октября 2018 // <https://rg.ru/2018/10/08/reg-dfo/shoygu-kurily-namerenno-ne-byli-zadejstvovany-na-ucheniiah-vostok-2018.html>, дата обращения 31.01.2019.

19 Поздеева М. (2018) Шойгу: Россия не проводила учения «Восток-2018» на Курилах по просьбе Японии // Daily Storm. 8 октября 2018 // <https://dailystorm.ru/news/shoygu-rossiya-ne-provodila-ucheniya-vostok-2018-na-kurilah-po-prosbe-yaponii>, дата обращения 31.01.2019.

20 Там же.

21 Япония поднимала самолеты для сопровождения самолетов ВКС России (2018) // ТАСС. 2 сентября 2018 // <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/5514863>, дата обращения 31.01.2019.

ва Хонсю. Это на 89 больше, чем в предыдущий период. При этом количество вылетов на перехват китайских самолетов значительно снизилось: с 851 до 500 за тот же период²¹.

Значимым фактом явилось предложение, сделанное в ходе сочинской встречи В. Путиным японскому премьер-министру о том, чтобы Япония играла более активную роль в решении гуманитарных проблем в Сирии [*Панов* 2016, с. 40].

Япония в настоящее время проявляет интерес к участию в разрешении гуманитарной ситуации в Сирии, при этом опирается преимущественно на свои дружественные отношения с Турцией. В ноябре 2017 г. в южной части Турции на выделенный Японией миллион долларов был открыт лагерь для профессионального и языкового обучения женщин из числа сирийских беженцев. Турецкие спецслужбы, действуя в тесной координации с японскими дипломатами и при посредничестве Катара, в октябре 2018 г. освободили японского волонтера-журналиста из плена сирийских боевиков. Токио взаимодействует с Анкарой и по центральноазиатской повестке, используя, в том числе, собственную «мягкую силу», а также турецкое влияние в уйгурских общинах.

***

Необходимо учитывать, что появление у японской политики в отношении России новых тенденций во многом связано и с личностным фактором Синдзо Абэ. Считается, что на него оказал значительное влияние его отец, Синтаро Абэ, видный японский политик, последовательный сторонник улучшения отношений между нашими странами, успевший поработать на посту министра иностранных дел еще во времена СССР. Но на семейном древе Синдзо Абэ присутствует и еще одна яркая фигура – Нобусукэ Киси, его дед по материнской ли-

нии и премьер-министр Японии, усилиями которого было обеспечено подписание в 1960 г. и вступление в силу актуальной редакции японо-американского договора безопасности. При самом благоприятном для российско-японских отношений сценарии внешняя политика Японии до ухода Синдзо Абэ в отставку будет балансировать между направлениями, которые символизируют эти ставшие знаковыми для послевоенной японской истории личности. Запас времени, имеющийся у Синдзо Абэ для претворения в жизнь его связанных с Россией планов, в которых мирный договор может являться не целью, а инструментом для установления более тесных и взаимовыгодных межгосударственных отношений, весьма ограничен.

Что касается российского вектора японской внешней политики в более длительной перспективе, здесь не стоит забывать, что наиболее влиятельную в Японии Либерально-демократическую партию (основного поставщика кадров на высшие государственные должности) иногда сравнивают с больницей общего профиля, в которой можно встретить самых разных специалистов, от пацифиста до националиста [*Стрельцов* 2013, с. 100].

Список литературы

Браун Дж. (2017) Как Трамп может повлиять на сближение России и Японии // Московский Центр Карнеги. 18 апреля 2018 // <https://carnegie.ru/commentary/68689>, дата обращения 31.01.2019.

Габуев А. (2018) Как Ким Чен Ын вышел победителем из встречи с Трампом. И кто проиграл // Медуза. 12 июня 2018 // <https://meduza.io/feature/2018/06/12/kak-kim-chen-yn-vyshel-pobeditelem-iz-vstrechi-s-trampom-i-kto-proigral-carnegie-ru>, дата обращения 31.01.2019.

Добринская О.А. (2016) Законодательство об обеспечении мира и безопасности: глобальное, региональное и национальное значение // Япония 2016. Ежегодник. М.: АИРО-XXI. С. 61–78.

Кашин В. (2016) Российский подход к проблемам региональной безопасности в АТР // Московский Центр Карнеги. 17 июня 2016 // <https://carnegie.ru/2016/06/17/ru-pub-63832>, дата обращения 31.01.2019.

Меликов В. (2016) ВМФ России назвал цель совместных учений с КНР в Южно-Китайском море // Федеральное агентство новостей. 12 сентября 2016 // <https://riafan.ru/554203-vmf-rossii-nazval-cel-sovmestnyh-ucheni-s-krn-r-v-yuzhno-kitaiskom-more>, дата обращения 31.01.2019.

Михеев В.В., Федоровский А.Н. (ред.) (2018) Доклад: Кризис и новая повестка дня для Корейского полуострова и региональных держав // ИМЭМО РАН // https://www.imemo.ru/files/File/ru/publ/2018/2018_01.pdf, дата обращения 31.01.2019.

Нелидов В.В. (2017) Японо-американский союз: полет нормальный // Российский совет по международным делам. 22 февраля 2017 // <http://beta.russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/yapono-amerikanskiy-soyuz-polet-normalnyy/>, дата обращения 31.01.2019.

Панов А.Н. (2016) Внешнеполитические приоритеты премьер-министра Японии Абэ Синдзо // Япония 2016. Ежегодник. М.: АИРО-XXI. С. 7–42.

Парамонов О.Г. (2016) Выход Японии на мировой рынок вооружений: политический аспект // Японские исследования. № 3. С. 42–56. DOI: 10.24411/2500-2872-2016-00021

Стрельцов Д.В. (2012) Япония между восточноазиатским и транстихоокеанским регионализмом // Вестник Московского университета. Серия 25. Международные отношения

и мировая политика. № 3. С. 72–95 // http://fmp.msu.ru/attachments/article/258/STRELTSOV_3_2012.pdf, дата обращения 31.01.2019.

Стрельцов Д.В. (2013) Япония: политическая модернизация эпохи Хэйсэй. М.: АИРО-XXI.

Стрельцов Д.В. (2017) Российско-японский диалог в военно-политической сфере в 2016–2017 гг. // Япония 2017. Ежегодник. М.: АИРО-XXI. С. 26–44.

Brown J. (2017) Japan Woos Russia for Its Own Security // Nikkei Asian Review, December 11, 2017 // <https://asia.nikkei.com/Politics/Japan-woos-Russia-for-its-own-security>, дата обращения 31.01.2019.

Brown J. (2018) Japan Seeks to Neutralize the Threat of a China-Russia United Front—And It's Not Working // The National Interest, July 8, 2018 // <https://nationalinterest.org/feature/japan-seeks-neutralize-threat-china-russia-united-front%E2%80%94and-its-not-working-25217>, дата обращения 31.01.2019.

Kraus E. (2018) Abe's More Assertive Japan: Will He Defy Expectation Again // GlobalAsia, September 9, 2018 // https://www.globalasia.org/v13no3/cover/abes-more-assertive-japan-will-he-defy-expectations-again_ellis-krauss, дата обращения 31.01.2019.

Miller J.B. (2018) US-Japan Relations in the Coming Year: Alliance Management and Risk Management // The Diplomat, July 27, 2018 // <https://thediplomat.com/2018/07/us-japan-relations-in-the-coming-year-alliance-management-and-risk-management/>, дата обращения 31.01.2019.

Pollmann M. (2017) What's New in Japan-Russia Relations? // The Diplomat, May 4, 2017 // <https://thediplomat.com/2017/05/whats-new-in-japan-russia-relations/>, дата обращения 31.01.2019.

DOI: 10.23932/2542-0240-2019-12-1-102-116

Russia-Japan Security Dialogue

Oleg G. PARAMONOV

PhD in History, Senior Researcher, Center for East Asian Studies and SCO

Moscow State Institute of International Relations, 119454, Vernadskogo Av., 76,
Moscow, Russian Federation;Associate Professor, School of International Relations, Faculty of World Economy and
International AffairsNational Research University Higher School of Economics, 119017, Malaya Ordynka St.,
17, Moscow, Russian Federation

E-mail: paramonov_og@rambler.ru

ORCID: 0000-0001-5497-1310

CITATION: Paramonov O.G. (2019) Russia-Japan Security Dialogue. *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*, vol. 12, no 1, pp. 102–116 (in Russian).

DOI: 10.23932/2542-0240-2019-12-1-102-116

Received: 30.10.2018.

The article has been supported by a Grant of the Russian Science Foundation.

Project no. 17-18-01577 "Creation of Greater Eurasia and the Development of Strategy
for Bilateral Cooperation between Russia and Regional Countries".

ABSTRACT. *In the face of deteriorating the regional security environment in East Asia, a noticeable growth of Japan's defense capabilities and Tokyo's departure from most self-restraints in the field of security policy look quite expected and natural process. At the same time, Japan continues to rely on the alliance with the United States. On the other hand, relations between Washington and Moscow are now at their lowest point since the Cold War. Japan itself has territorial claims to Russia. This means, based on confrontational logic that returns to the international agenda, that Japan's traditionally reserved attitude towards Russia should be maintained. However, today we are witnessing a different situation. After the start of regular personal meetings between Russian President Vladimir Putin and Japanese Prime Minister Shinzo Abe, the dialogue is intensified on a wide range of issues, including those related to international security, and especially its regional aspect. Although certain background for that was noted before the*

Sochi meeting between V. Putin and S. Abe, this foreign policy turn, and, in particular, its speed, came as a surprise not only for Tokyo's Western partners, but also for many Japanese politicians and experts. This article is devoted to the analysis of its possible causes, as well as the search for an answer to the next question. Is the dialogue between Russia and Japan a situational political maneuver or a step towards cooperation on security issues?

KEY WORDS: *Russia-Japan relations, two-plus-two meetings, missile defense, U.S.-Japan alliance, military-technical cooperation*

References

Brown J. (2017) Japan Woos Russia for Its Own Security. *Nikkei Asian Review*, December 11, 2017. Available at: <https://asia.nikkei.com/Politics/Japan-woos-Russia-for-its-own-security>, accessed 31.01.2019.

Brown J. (2017) How Trump Can Affect the Rapprochement between Russia and Japan. *Carnegie Moscow Center*, April 18, 2018. Available at: <https://carnegie.ru/commentary/68689>, accessed 31.01.2019 (in Russian).

Brown J. (2018) Japan Seeks to Neutralize the Threat of a China-Russia United Front—And It's Not Working. *The National Interest*, July 8, 2018. Available at: <https://nationalinterest.org/feature/japan-seeks-neutralize-threat-china-russia-united-front%E2%80%94and-its-not-working-25217>, accessed 31.01.2019.

Dobrinskaya O.A. (2016) Japan's Legislation for Peace and Security: Its Global, Regional and National Significance. *Japan 2016. Yearbook*, Moscow: AIRO-XXI, pp. 61–78 (in Russian).

Gabuev A. (2018) As Kim Jong-UN Came out the Winner of the Meeting with Trump. And who Lost. *Meduza*, June 12, 2018. Available at: <https://meduza.io/feature/2018/06/12/kak-kim-chen-yn-vyshel-pobeditelem-iz-vstrechi-s-trampom-i-kto-proigral-carnegie-ru>, accessed 31.01.2019 (in Russian).

Kashin V. (2016) Russian Approach to Regional Security Problems in the Asia-Pacific Region. *Carnegie Moscow Center*, June 16, 2016. Available at: <https://carnegie.ru/2016/06/17/ru-pub-63832>, accessed 31.01.2019 (in Russian).

Kraus E. (2018) Abe's More Assertive Japan: Will He Defy Expectation Again. *GlobalAsia*, September 9, 2018. Available at: https://www.globalasia.org/v13no3/cover/abes-more-assertive-japan-will-he-defy-expectations-again_ellis-kraus, accessed 31.01.2019.

Mikheev V.V., Fedorovskii A.N. (eds.) (2018) Report: Crisis And New Agenda for the Korean Peninsula and Regional Powers. *MEMO RAN*. Available at: https://www.imemo.ru/files/File/ru/publ/2018/2018_01.pdf, accessed 31.01.2019 (in Russian).

Melikov V. (2016) The Russian Navy Called the Purpose of Joint Exercises with China in the South China Sea. *Federal'noe*

agentstvo novostej, September 12, 2016. Available at: <https://riafan.ru/554203-vmf-rossii-nazval-cel-sovmestnyh-uchenii-s- knr-v-yuzhno-kitaiskom-more>, accessed 31.01.2019 (in Russian).

Miller J.B. (2018) US-Japan Relations in the Coming Year: Alliance Management and Risk Management. *The Diplomat*, July 27, 2018. Available at: <https://thediplomat.com/2018/07/us-japan-relations-in-the-coming-year-alliance-management-and-risk-management/>, accessed 31.01.2019.

Nelidov V.V. (2017) The Japan-US Alliance: the Flight is Normal. *Russian International Affairs Council*, February 22, 2017. Available at: <http://beta.russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/yapo-no-amerikanskiy-soyuz-polet-normalnyy/>, accessed 31.01.2019 (in Russian).

Panov A.N. (2016) The Foreign Policy Priorities of Japan's Prime Minister Shinzo Abe. *Japan 2016. Yearbook*, Moscow: AIRO-XXI, pp. 7–43 (in Russian).

Paramonov O.G. (2016) The Output of Japan to Global Arms Markets: the Political Aspect. *Yaponskie issledovaniya*, no 3, pp. 42–65 (in Russian). DOI: 10.24411/2500-2872-2016-00021

Pollmann M. (2017) What's New in Japan-Russia Relations? *The Diplomat*, May 4, 2017. Available at: <https://thediplomat.com/2017/05/whats-new-in-japan-russia-relations/>, accessed 31.01.2019.

Streltsov D.V. (2012) Japan between East Asian and Trans-Pacific Regionalism. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 25. Mezhdunarodnye otnosheniya i mirovaya politika*, no 3. pp. 72–95. Available at: http://fmp.msu.ru/attachments/article/258/STRELTSOV_3_2012.pdf, accessed 31.01.2019 (in Russian).

Streltsov D.V. (2013) *Japan: Political Modernization of the Heisei Era*, Moscow: AIRO-XXI (in Russian).

Streltsov D.V. (2017) Russian-Japanese Political Dialogue in 2016–2017. *Japan 2017. Yearbook*, Moscow: AIRO-XXI, pp. 26–44 (in Russian).

DOI: 10.23932/2542-0240-2019-12-1-117-132

Подъем Китая и российско-китайское сближение

Александр Игоревич САЛИЦКИЙ

доктор экономических наук, главный научный сотрудник, Центр проблем развития и модернизации

Национальный исследовательский институт мировой экономики

и международных отношений имени Е.М. Примакова РАН, 117997,

Профсоюзная ул., д. 23, Москва, Российская Федерация

E-mail: sal.55@mail.ru

ORCID: 0000-0001-6134-768X

Нелли Кимовна СЕМЕНОВА

кандидат политических наук, старший научный сотрудник, Отдел экономических исследований

Институт востоковедения РАН, 107031, ул. Рождественка, д. 12, Москва, Российская Федерация

E-mail: semenovanelli-2011@mail.ru

ORCID: 0000-0001-7872-8972

ЦИТИРОВАНИЕ: Салицкий А.И., Семенова Н.К. (2019) Подъем Китая и российско-китайское сближение // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. Т. 12. № 1. С. 117–132. DOI: 10.23932/2542-0240-2019-12-1-117-132

Статья поступила в редакцию 09.11.2018.

АННОТАЦИЯ. В середине 2010-х гг. Китай продолжал впечатлять мир высокой динамикой, крупными социальными и научно-техническими достижениями. Страна меняется на глазах: многие ее регионы близки к завершению индустриализации и модернизации, переходя на путь интенсивного развития. Широким фронтом развернуты научно-техническая, потребительская и экологическая революции. Внешнеэкономическая экспансия – составная часть новой реальности.

Внешнеэкономическая экспансия КНР как комплексное явление, включающее кредит и вывоз капитала, была инициирована государством и по-настоящему стартовала после вступления Китая в ВТО. С завершением модернизации она усили-

вается и приобретает свойства естественного процесса. В то же время Пекин сохраняет стремление к самообеспечению, особенно в технологической сфере. Несмотря на то, что в новом веке внешняя экспансия Китая в растущей мере опиралась на экономические и рыночные факторы, да и просто богатее население, она в середине 2010-х гг. столкнулась с противодействием стран Запада, особенно резким в политике США, подтвердив тезис о становлении новой bipolarности в международных отношениях.

Сближаясь с Китаем, Россия спокойно реагировала на китайскую экспансию; более того, на политическом уровне сформировалось представление о возможности значительного расширения взаимно-

го сотрудничества. Оно теперь охватывает многосторонний формат с участием стран Центральной Азии, сопряжение ЕАЭС и проекта «Один пояс, один путь».

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: *Китай, модернизация, опора на собственные силы, внешнеэкономическая экспансия, экспорт капитала, ЕАЭС, «Один пояс, один путь»*

Начало XXI в. стало временем динамичного экономического роста Китая, сопровождаемого крупными структурными сдвигами, социальными достижениями, бурным научно-техническим прогрессом и усилением позиций страны в мировой экономике и политике. Подъем Китая нашел выражение и в неуклонно нарастающей и все более разнообразной внешней экспансии.

Период от начала хозяйственных реформ и старта политики открытости (1978 г.) до вступления Китая в ВТО в 2001 г. был временем осторожной адаптации к мировой экономике. На рубеже тысячелетий Пекин выдвинул курс «выхода в мир» («цзоу чу цюй»). Эта политика перехода к освоению мирового хозяйства, как оказалось, не означала отхода от осуществлявшейся при Мао Цзэдуне доктрины «опоры на собственные силы» («цзы ли гэн шэн») и ее более поздних редакций, в том числе «локализации производства в стране» («гочаньхуа»).

Параметры подъема

За семнадцать лет нового столетия номинальный ВВП Китая вырос более чем в 10 раз. Пик темпов роста пришелся на одиннадцатую пятилетку (2006–2010 гг.), когда хозяйство страны отли-

чали очень высокая норма накопления и огромные масштабы инфраструктурного строительства. В годы двенадцатой пятилетки (2011–2015 гг.) некоторое замедление экономической динамики означало переход к интенсивному развитию и приближение Китая к завершению модернизации как форсированному росту с преимущественной опорой на промышленность.

Так, в этот период снижалась энергоемкость ВВП (на 19% за годы двенадцатой пятилетки и 3,7% в 2017 г.), в хозяйстве происходили крупные структурные сдвиги. Доля промышленности в ВВП с 46,6% в 2010 г. снизилась до 40,6% в 2017 г., удельный вес сферы услуг за тот же период увеличился с 43,6% до 51,2%. Занятость в промышленности сохранилась на одном уровне (примерно 29%), в услугах она возросла с 34,6% до 44% [Key Indicators for Asia and the Pacific 2018, pp. 81–83, 101].

Сокращалась и доля сельского хозяйства в ВВП и занятости, в период с 2000 г. до 2017 г. она снизилась с 15% до 8% и с половины до четверти, соответственно. Это – решающий сдвиг. Для сравнения заметим, что в 1990 г. доля занятых в сельском хозяйстве Республики Корея (которая может служить примером завершенной еще в 80-е гг. прошлого столетия модернизации) составляла 18%, а доля отрасли в ВВП – 8,7%.

Китай стремительно урбанизируется. В 2011 г. городское население в КНР превысило сельское, а в 2017 г. доля горожан достигла 58,5%. Это выше, чем в ряде европейских стран (Словении, Румынии, Сербии, Хорватии)¹.

Об интенсивном характере роста свидетельствует, наконец, и то, что прирост ВВП главным образом дости-

1 Human Development Report 2015. New York: UNDP, pp. 233–234 // http://hdr.undp.org/sites/default/files/2015_human_development_report.pdf, дата обращения 31.01.2019.

гается за счет увеличения производительности труда. В 2015 г. оно составило 6,6%, в 2016 г. – 6,5%, в 2017 г. – 6,7%.

По уровню и особенно динамике роста доходов населения Китай выделяется даже на фоне успешных стран Восточной и Южной Азии (табл. 1). За семнадцать лет КНР увеличила отрыв от Индии, Индонезии и Шри-Ланки, обошла Таиланд и Филиппины, вплотную приблизившись к Малайзии, которой в начале века уступала вчетверо.

В 2015 г. КНР стала ведущей торговой державой мира. Это событие, однако, не означало усиления зависимости Китая от мирохозяйственных связей: увеличение его присутствия в мировой экономике происходило просто пропорционально росту внутреннего продукта. Так, в 2000–2017 гг. экспорт КНР увеличился в 9,1 раза, т.е. практически в той же мере, в какой увеличились подушевые доходы населения. Иными словами, в наши дни Китай втянут в мировую экономику не больше, чем это было в начале века, но при этом оказывает на нее куда более мощное воздействие.

Кроме того, экспорт КНР теперь в значительно большей мере опирается на изготовленные внутри страны компоненты и узлы, доля давальческой торговли в вывозе за семнадцать лет сократилась с 55 до 32%.

Относительно новым явлением стал масштабный вывоз капитала из КНР, причем в 2016 г. объем прямых зарубежных инвестиций впервые превысил объем реализованных в КНР иностранных капиталовложений.

Замедление темпов роста в современном Китае рассматривается как закономерное и даже желательное явление (на официальном уровне принята формула «средневысоких» темпов). Происходит переключение внимания на социальную ситуацию, перераспределение доходов. Увеличивается доля госрасходов в ВВП: с 16,1% в 2000 г. до 24,6% в 2017 г. Рост с усилением равенства известен нам из европейского, а также тайваньского опыта политики модернизации в 70-е гг. прошлого века. Теперь этот опыт повторяет КНР, относительно успешно преодо-

Таблица 1. Показатели дохода и темпы роста в странах Азии
Table 1. Income and growth in Asia

	ВВП на душу населения в 2000 г., долл. США / GDP per capita in 2000, USD	ВВП на душу населения в 2017 г., долл. США / GDP per capita in 2017, USD	Средний прирост ВВП в 2012–2017 гг., % / Average GDP growth in 2012-2017, %
КНР / China	956	8 804	7,3
Индия / India	475	1 957	6,9
Индонезия / Indonesia	800	3 878	5,3
Филиппины / Philippines	1 055	2 989	6,6
Таиланд / Thailand	2 031	6 725	3,5
Малайзия / Malaysia	3 993	9 828	5,2
Казахстан / Kazakhstan	1 229	8 856	3,6
Шри-Ланка / Sri Lanka	863	4 065	5,0
Тайбэй, Китай / Taipei, China	14 943	24 511	2,2

Подчитано по: [Key Indicators for Asia and the Pacific 2018].

левая бедность и нищету. Это в свою очередь становится фактором сохранения средневысоких темпов роста – известно, что рынки с более равномерным распределением доходов являются и более емкими.

Другая важная цель – повышение технологического уровня развития, выведение на передовые позиции обрабатывающей промышленности. Немалая роль отведена выдвинутой в 2015 г. программе «Создано в Китае – 2025», в отличие от привычного «Сделано в Китае», она предполагает преимущественно самостоятельное производство высокотехнологичной продукции. Среди приоритетов программы роботизация промышленности, выпуск оборудования для аэрокосмической отрасли, транспорт на новых источниках энергии и т.п.

Программа начала претворяться в жизнь. Так, в 2017 г. на 690 тыс. единиц (рост на 51,2%) увеличился выпуск автомобилей на новых источниках энергии, на 130 тыс. шт. (рост на 81%) – производство промышленных роботов, на 2,9 млн шт. (67%) – дронов гражданского назначения.

Примерно вдвое более высокими темпами, чем в среднем по промышленности, увеличивается выпуск высокотехнологичной продукции, опережающими темпами растет и производство промышленного оборудования.

В программе «Создано в Китае – 2025» довольно четко просматриваются элементы замещения импорта, а также государственного стимулирования производства, что вызвало немалые нарекания западных партнеров (подробнее ниже). Однако эта программа вполне естественна для привычной китайцам «опоры на собственные силы», же-

лания снизить зависимость от зарубежных поставщиков критически важных технологий и компонентов. Программа имеет и непосредственный выход на внешнюю экспансию, обостряя интерес китайских корпораций к приобретению за рубежом соответствующих активов.

Рост доходов и, в первую очередь, заработной платы способствует теперь вытеснению капиталов за рубеж, в том числе в поисках более дешевой, чем в Китае, рабочей силы. Аналогичную роль играет экологическая революция, широко развернувшаяся в Китае во втором десятилетии текущего века. Старые отрасли промышленности (добывающая индустрия, металлургия, производство стройматериалов и т.п.) начинают выносить мощности за рубеж.

Институционально экспорт капитала в основном осуществлялся государственными корпорациями, ставшими пионерами внешней экспансии в первом десятилетии века (она в основном ориентировалась на обеспечение страны топливом и сырьем). Немаловажно и то, что вывоз капитала опирался на мощную кредитную поддержку китайских госбанков и различных фондов.

Тем не менее в приобретении зарубежных активов в нынешнем десятилетии стремительно нарастает доля частного капитала (порядка 55% в настоящее время), одновременно куда более диверсифицированной по отраслям становится и структура зарубежных инвестиций.

Ширится вывоз средств гражданами КНР. Так, в 2016 г. китайцы приобрели в США жилой недвижимости на сумму 27 млрд долл.² Треть закупок пришлось на Калифорнию, при

2 California Dreamin': How Chinese Investors Are Pumping Billions into the US West Coast (2018) // South China Morning Post, July 20, 2018 // <http://www.scmp.com/news/world/united-states-canada/article/2022425/california-dreamin-how-chinese-investors-are-pumping>, дата обращения 31.01.2019.

этом стоимость одного дома (порядка 1 млн долл.) четверо превышает среднеамериканский показатель.

Специфически китайским институтом внешней экспансии стали конструктивные связи с зарубежной диаспорой. Она быстро обновляется за счет притока из КНР и в целом более желательнее, чем раньше, относится к Пекину. Рубежным событием здесь стали события в Ливии в 2011 г., когда эвакуация мирно трудившихся китайских граждан из подвергшейся агрессии Западной страны получила однозначную оценку хуацяо.

Реакция на китайскую экспансию

Картина международной реакции на внешнеэкономическую экспансию КНР в середине 2010-х гг. выглядела достаточно пестрой. Наиболее благоприятной она была в африканских странах, более сдержанной – в Латинской Америке, относительно нейтральной – в азиатских странах, где наибольшие подозрения по ее поводу питали Индия и Вьетнам. Самыми яркими критиками Пекина оказались западные страны, и прежде всего США, перешедшие в 2018 г. к открытому экономическому и технологическому сдерживанию Китая.

Отдельные исследователи, отмечая топливно-сырьевую привязку значительной части китайской экспансии, упрекают Пекин в «субимпериализме» [Bond 2016]. Здесь, по-видимому, стоит уточнить, что ресурсный вектор китайской экспансии реализуется в условиях, когда основные источники топлива и сырья уже поделены, в том числе между ТНК, и Пекину приходится предлагать странам-владельцам более выгодные условия, чем те, что они имеют.

Часто подвергается необоснованной критике программа экономического содействия Пекина развивающимся странам (с 2011 г. Китай является нетто-донором официальной помощи развитию), в том числе по геополитическим причинам. Еще в 2007 г. британский исследователь Йен Тэйлор отмечал: «Китай пришел в Африку, потому что другие регионы были для него закрыты. На Ближнем Востоке, столь богатым углеводородами, доминируют американцы, поэтому Пекину ничего не оставалось, кроме как искать регион, в котором мало кто был на самом деле заинтересован. Ему пришлось идти в Африку и договариваться как с демократами, так и с диктаторами. И сейчас, когда Китай здесь усилился, это вызывает серьезные опасения в Вашингтоне и в европейских столицах, которые привыкли к тому, что именно они оказывают влияние на дела в Африке. А тут появляется третья сила, из-за которой весь геополитический расклад меняется» [Taylor 2007].

Говоря же в целом, следует заметить, что внешняя экспансия КНР отличается тем, что ориентирована не только на получение прибыли. Не меньшую роль играет стремление восполнить дефициты и лакуны в относительно целостном народном хозяйстве с попутным использованием имеющихся сравнительных преимуществ. Таковыми, например, являются опыт и мощности строительного комплекса, осуществившего гигантский инфраструктурный проект внутри страны.

Китай не особенно скрывает намерение иметь «все свое» – это можно признать естественным для страны с населением почти в 1,4 млрд чел. Вдохновляет на такую политику не только традиция, но и нынешний протекционизм американской администрации. Парадоксально другое – чем более выражено экономическими и рыночными

ми мотивами руководствовались китайские участники внешней экспансии и чем шире становился круг таких участников, тем более негативным становилось отношение к Китаю со стороны Вашингтона. Возможно, дело здесь просто в масштабах китайской экспансии и лишь отчасти – в величине дефицита США в американо-китайской торговле товарами, который продолжал увеличиваться в 2018 г., несмотря на тарифную войну Д. Трампа (табл. 2).

Известно между тем, что особо крупное отрицательное сальдо торговли США с Китаем имеет смешанное происхождение: многие китайские предприятия с иностранным участием представляют собой лишь сборочную площадку, на которой узлы и детали, импортируемые из Восточной Азии, приобретают окончательную товарную форму. Используют эту площадку и корпорации из Европы и США. Как уже отмечалось, давальческая торговля составляет треть экспорта КНР и имеет тенденцию к сокращению.

Обозреватель одного из ведущих гонконгских изданий отмечает, что 12% экспорта Китая в США приходится на базирующиеся в Китае американские компании. Еще 30% этого «пирога» досталось тайваньским производителям [Aidan Yao 2018]. Всего же на долю инофирм приходится около 60% китайского вывоза в США.

Кроме того, американские корпорации продают изготовленные в Китае товары на местном рынке. Общая стоимость этих изделий оценивается в 200 млрд долл., т.е. сумму, вполне сопоставимую с дефицитом США по торговым операциям.

Отметим, что, в отличие от торговли товарами, торговля услугами между двумя странами складывается со значительным и растущим активом у США. В 2017 г. он составил рекордную величину – 40,2 млрд долл., опережающими темпами рос доход от экспорта интеллектуальной собственности.

У КНР в международной торговле услугами складывается значитель-

Таблица 2. Торговля КНР с основными партнерами в 2018 г., млрд долл., %

Table 2. China's trade with major partners in 2018, billion dollars, %

	Экспорт / Export		Импорт / Import		Баланс / Balance Млрд долл. / Billion dollars
	Млрд долл. / Billion dollars	в % к 2017 / in % by 2017	Млрд долл. / Billion dollars	в % к 2017 / in % by 2017	
Всего / Total	2 487	9,9	2 136	15,8	+351
ЕС (28) / EU (28)	409	9,8	274	11,7	+135
США / USA	478	11,3	155	0,7	+323
АСЕАН / ASEAN	319	14,2	269	13,8	+50
Япония / Japan	147	7,2	181	8,9	–34
Южная Корея / South Korea	109	5,9	205	15,3	–96
Гонконг / Hong Kong	302	8,2	8	16,0	+294
Тайбэй, Китай / Taipei, China	49	10,6	178	13,9	–129
Россия / Russian Federation	48	12,0	59	42,7	–11

Данные ГТУ КНР: <http://www.customs.gov.cn/customs/302249/302274/302275/2166513/index.html>

ный дефицит (около 300 млрд долл. в 2018 г.), размер которого приближается к активу в торговле товарами. Иными словами, пропорции торговли товарами и услугами формируются в соответствии с объективными возможностями сторон, на что неизменно указывают многие комментаторы, в т. ч. в США и самом Китае.

Не исключено, что причины торгового конфликта коренятся глубже. На него можно посмотреть как на проявление сложившейся новой биполярности «США – Китай», возникшей, по видимому, после глобального финансового кризиса 2008–2009 гг. [Барский, Салицкий 2012].

Экономическая экспансия Китая не воспринимается как естественное мирохозяйственное явление, закономерное свойство нынешнего этапа развития этой страны. Модернизированный, политически особый, сравнительно обособленный, независимый и все более влиятельный Китай рассматривается политической элитой США как угроза национальным интересам. Подъем Китая, «несомненно, подвергает риску национальную безопасность и экономические интересы США, их союзников и партнеров», – отмечается в докладе комиссии Конгресса³.

Определенную роль в торговом конфликте сыграл и субъективный фактор. Сразу после избрания на пост президента США Дональд Трамп выбрал экономиста Питера Наварро в качестве советника по торговле – он возглавил специально созданный Национальный торговый совет Белого дома. «Еще несколько лет назад я прочитал одну из книг Питера о проблемах американской торгов-

ли и был впечатлен четкостью его аргументов и тщательностью исследований», – сообщил Трамп и подчеркнул, что П. Наварро будет играть в его администрации незаменимую роль⁴.

Перу П. Наварро принадлежат две книги о Китае (их автор не является профессиональным китаеведом), которые вышли в 2006 и 2011 гг. [Наварро 2007; Наварро, Отри 2017]. Обе книги переведены на русский. Авторы обвиняют Китай в манипулировании курсом валюты, субсидировании экспорта и демпинге, промышленном пиратстве, массовом экспорте наркотиков, подделке лекарств и т.п. «Именно из-за этого изобилия экономически обусловленных конфликтов нам и нашим детям предстоит вести с Китаем целую серию взаимосвязанных войн на многих фронтах», – заключает П. Наварро.

Как бы то ни было, но осенью 2018 г. под новыми дополнительными тарифами оказались товары китайского экспорта в США стоимостью 250 млрд долл. – исторически беспрецедентная сумма. Ответные меры Пекина затронули импорт из США на 110 млрд долл., т.е. примерно 70% товарного ввоза из этой страны.

Пока еще рано судить о размере ущерба, который понесет внешняя торговля обоих государств и их экономика от торгового конфликта. Но можно с определенностью сказать, что само его развязывание является своеобразным признанием Китая как нового полюса в мировой экономике и политике, серьезности его притязаний на лидерство в глобализации.

Логика противостояния Пекину давно распространена Вашингтоном на

3 Churchill O. (2018) New Report to US Congress Supports an Increasingly Hawkish View on China // South China Morning Post, November 17, 2018 // <https://www.scmp.com/news/china/diplomacy/article/2173065/new-report-us-congress-supports-increasingly-hawkish-view-china>, дата обращения 31.01.2019.

4 Трамп выбрал советником по торговле автора книги «Смерть от Китая» (2016) // Lenta.ru. 22 декабря 2016 // <https://lenta.ru/news/2016/12/22/navarro/>, дата обращения 31.01.2019.

зарубежные китайские инвестиции – как в сферу энергетики, так и в технологические приобретения. Введение ограничений на технологически значимые приобретения китайских корпораций предлагают и некоторые европейские эксперты [Godement, Vasselier 2017]. Общим фоном для этого служат обвинения в адрес Китая по поводу воровства технических секретов, принуждения работающих в КНР иностранных компаний к передаче технологий, хакерства и т.п.

Китаю, похоже, надолго отказано и в рыночном статусе. Более того, в недавнем соглашении США с Канадой и Мексикой прямо оговаривается возможность фактического вето США на соглашения двух других партнеров о свободной торговле с «нерыночной экономикой», под которой подразумевается Китай.

Дискриминационные и произвольные меры США явно нарушают принципы ВТО, против Китая вводятся и новые, весьма болезненные санкции. Так, уязвимость отдельных китайских компаний с точки зрения импорта необходимых компонентов из США использовалась в случае с введением в 2017 г. санкций против государственной ZTE – якобы сотрудничавшей с Ираном и КНДР. Санкции были сняты в мае 2018 г., однако китайская корпорация оказалась близка к остановке деятельности и понесла значительные убытки. В конце 2018 г. Вашингтон развернул атаку против китайской компании Huawei.

Эти случаи, скорее всего, послужили для Пекина еще одним аргументом в пользу необходимости иметь «все свое». Например, Китай сильно зависит от ввоза интегральных микросхем

(260 млрд долл. в 2017 г., крупнейшая статья импорта), составляющего 70% их суммарного потребления в стране. Попытки же приобретения крупных зарубежных производителей микрочипов успеха пока не имели. В результате программа «Создано в Китае – 2025» предусматривает рост самообеспечения по этой статье до 80%.

Налицо, таким образом, некоторое торможение процесса глобализации: США стремятся ограничить естественную китайскую экспансию, Китай же остается верен доктрине «опоры на собственные силы», хотя и активно ратует теперь за свободу торговли.

Одним из косвенных следствий китайско-американского конфликта уже стало резкое и повсеместное увеличение ограничительных мер торговой политики в 2018 г.⁵

Российско-китайское сближение

Российско-китайское сотрудничество в новом веке развивалось по восходящей. После подписания договора 2001 г., окончательно нормализовавшего отношения, стороны в растущей мере обнаруживали близкие или идентичные подходы к современному мироустройству и прилагали немалые усилия к обогащению диалога новыми направлениями – будь то сотрудничество во вновь созданных международных организациях (ШОС), контакты между силовыми структурами или культурные связи. Общим мнением было признание экономического взаимодействия относительно отставшей частью отношений, хотя и здесь есть достижения: в 2000–2017 гг.

5 Мониторинг актуальных событий в области международной торговли № 21 (2018) // Всероссийская Академия внешней торговли // <http://www.vavt.ru/materials/site/5D00014D>, дата обращения 31.01.2019.

товарооборот вырос более чем в 10 раз (с 8 до 84 млрд долл.), т.е. чуть больше, чем рост внешней торговли Китая в целом. В 2018 г. торговля двух стран заметно выросла и достигла 107 млрд долл.

Заметим, что сближение уровней индивидуальных доходов в Китае и России, а также сам подъем Китая являются потенциально благоприятными факторами для развития взаимовыгодных двусторонних отношений. Однако значительная разница в масштабах хозяйств ставит определенные проблемы с точки зрения реального равноправия сторон и их зависимости друг от друга.

С другой стороны, на мировом рынке Китай предъявляет растущий и устойчивый спрос на традиционные товары российского экспорта (в 2018 г. общий китайский импорт нефти вырос на 10%, а природного газа на 32%), обладает ценным опытом воплощения инноваций в форму промышленной продукции, обладает теперь высоким технологическим потенциалом. Иными словами, подъем Китая открывает для нашей страны немалые дополнительные возможности (в том числе в плане диверсификации и замещения импорта), особенно ценные в условиях кризиса в отношениях с Западом.

Многое зависит от общего климата отношений. В середине 2010-х гг. близость подходов Китая и России к основным проблемам современного мира была усилена ростом давления Вашингтона на Пекин и Москву, вынуждающим их искать противовесы [Салицкий, Семенова (1) 2016]. Среди аналитиков завязалась дискуссия о возможности или необходимости заключения между Пекином и Москвой военного союза. Среди сторонников можно отметить Янь Сюэтуна, связывающего такой альянс с новой биполярностью мира [Yan Xuotong 2013]. Другой китайский аналитик, Фэн Хуэйюнь, считает, что если линия США бу-

дут слишком жесткой в вопросах нефтяных цен, Украины и продвижения НАТО, если перебалансировка против Китая на Тихом океане пойдет слишком далеко, «то все это может привести Россию и Китай к формальному союзу, даже учитывая, что подобный союз и не является их первоочередной целью» [Feng Huiyun 2015]. Фу Ин, наоборот, полагает подобный союз противоположным внеблоковой стратегии Китая [Fu Ying 2016].

Эксперт по вопросам безопасности Ричард Вейц отмечал, что США могут предпринять энергичные попытки введения санкций с целью ограничения российско-китайского военно-технического сотрудничества (такие санкции были введены 20 сентября 2018 г.). «Однако, – пишет Р. Вейц, – такая стратегия содержит риск еще большего сближения России и Китая» [Weitz 2017]. Близкое понимание проблемы у Роберта Саттера, считающего, помимо прочего, что «политика и поведение США являются наименее определенной переменной, оказывающей влияние на российско-китайские отношения» [Sutter 2018].

Многие аналитики считают, что препятствием к созданию российско-китайского альянса служат глубокие противоречия между сторонами в Центральной Азии (ЦА). Представляется, что это некоторое преувеличение конфликтного потенциала между КНР и РФ.

Пекин проводит «политику приспособления к изменяющейся обстановке» и всячески старается подчеркнуть тот факт, что всегда учитывает интерес российской стороны к странам региона. «Мягкое соперничество» стратегических партнеров в ЦА не воспринимается ими как повод для конфронтации.

При этом сферами пересечения интересов стратегических партнеров в регионе являются: доступ к энергоресурсам и участие в создании инфраструк-

туры нефтегазовой сферы; контроль над стратегическими отраслями промышленности; получение максимально благоприятных условий для инвестирования в экономику региона и возможности поставок вооружения центральноазиатским государствам; усиление геополитического влияния в ЦА; создание благоприятного имиджа своей страны в общественном мнении местного населения [Аристова, Семенова 2016].

Геополитический фактор здесь играет ключевую роль. Россия предпринимает попытки возвращения в регион в качестве лидера интеграционных процессов. При этом и Россия, и Китай стремятся к минимизации западного экономического, политического и военного присутствия. Пекин также озабочен вопросами безопасности и развития своих «тылов»: СУАР и других западных провинций. Борьба с наркотрафиком и терроризмом в ЦА является объединяющим фактором для РФ и КНР [Аристова, Семенова 2017].

Очевидно, что Россия, признающая важность региона ЦА для усиления своих международных позиций, не может сегодня рассчитывать только на сохраняющиеся со времен СССР межгосударственные и межкультурные связи.

В этом контексте современный прагматичный подход КНР позволяет Пекину достаточно эффективно заполнять пустоты в экономических и культурных нишах. Политика Китая заключается в последовательном развитии экономического сотрудничества на двустороннем уровне с государствами ЦА и поддержании политической стабильности в регионе [Семенова 2018].

Взаимное дополнение есть и в транспортной сфере. Россия и страны

ЦА заинтересованы в развитии транспортного направления на Иран, Ближний Восток, в перспективе – на Индию и развивают меридиональные коридоры по направлению Север – Юг. Китайская инициатива «Один пояс – один путь» направлена на продвижение широтных транспортных коридоров с востока на запад [Байкинова 2015].

Транссибирский маршрут, проходящий по территории РФ на 84%, является основой евразийского транзитного потенциала России. На текущий момент, по оценкам экспертов, магистраль находится на пороге предела пропускной способности. На модернизацию Транссиба и БАМа запланировано выделить 560 млрд руб. Реконструкция смогла бы увеличить пропускную способность обоих маршрутов к 2020 г. до 124,4 млн тонн в год⁶. Даже при этом взаимовыгодные условия транзита через территорию РФ ставятся под сомнение зарубежными партнерами: сказывается тарифная конкуренция с морскими перевозками, отсутствие электронной таможни, а также правовой базы международного грузового транзита.

Для России экономически выгодно на диверсификация маршрутов через ЦА в рамках китайской инициативы Экономического пояса Шелкового пути. Некоторые эксперты считают, что центральноазиатские маршруты могут стать основным конкурентом для Транссиба в транзитных перевозках уже в краткосрочной перспективе. Но надо иметь в виду, что северный коридор экономического пояса на протяжении 2,7 тыс. км проходит по российской территории и составляет 25% от длины маршрута (49% с учетом тер-

6 Злобин Д. (2016) Реконструкция Транссиба может не оправдать потраченных на нее миллиардов // Наша версия. 3 октября 2016 // <https://versia.ru/rekonstrukciya-transsiba-mozhet-ne-opravdat-potrachennykh-na-neyo-milliardov>, дата обращения 31.01.2019.

ритории ЕАЭС). Активное участие в маршруте может сделать Россию ключевым партнером Китая [Аристова, Семенова 2017].

У Китая есть явный интерес к стабилизации региона и его успешному экономическому развитию, ведь, помимо прочего, регион превратился в стратегически важного поставщика энергоресурсов в КНР. Можно согласиться с мнением, что это не повлияло на российско-китайское сближение и привело к образованию в ЦА «китайско-российского кондоминиума, который обеспечивает интересы Москвы и дополняет структуру двусторонних отношений» [Rumer 2017].

С разворотом России на Восток растет число проектов, в которых сотрудничество двух наших стран выглядит современным, технологически насыщенным и соответствующим лучшим возможностям сторон. Есть и относительно простые возможности диверсификации кооперации, связанные с достижениями и перестройкой китайского хозяйства, в том числе под воздействием торгового конфликта с США. В частности, обратим внимание на то, что КНР становится крупным импортером продовольствия и зерна. Восполнение нехватки продовольствия, которая вбирает в себя два фундаментальных дефицита азиатского хозяйства – пашни и воды, представляется естественным направлением специализации российского хозяйства.

Одно из ключевых слов в китайском опыте развития в нынешнем веке – инфраструктура (жесткая и мягкая), и именно вокруг этого понятия выстроен проект пояса и пути. Идея прида-

ния новых импульсов экономическому развитию за счет инфраструктурного толчка в принципе не нова, но для внутриконтинентальных районов Евразии она неизменно актуальна. Внове инженерная, строительная и финансовая мощь Китая – сообразная сложности инфраструктурного освоения гигантского пространства со сложнейшим рельефом.

Мартовский (2018 г.) меморандум Д. Трампа о борьбе с экономической агрессией Китая⁷, дополненный июньским докладом Бюро по торговле и промышленности Белого дома [How China's Economic Aggression 2018], означал прямо противоположное – развязывание торгово-экономической войны против КНР. Реагируя на китайскую экспансию ограничительными мерами, Вашингтон одновременно фактически уступает Пекину лидерство в экономической глобализации в Евразии. Эта новая роль Китая ему непривычна и нуждается в тщательном анализе, но уже очевидно, что она к выгоде России, имеющей с Китаем особые, доверительные отношения. К выгоде России и усиление геополитических мотивов в международном курсе Пекина. Наконец, высокий инвестиционно-финансовый тонус КНР в ходе начавшейся материализации концепции пояса и пути способен сдвинуть и инвестиционный настрой российского бизнеса.

Список литературы

Аристова Л.Б., Семенова Н.К. (2016) Сводный аналитический доклад при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского про-

7 Remarks by President Trump at Signing of a Presidential Memorandum Targeting China's Economic Aggression (2018) // White House, March 22, 2018 // <https://www.whitehouse.gov/briefings-statements/remarks-president-trump-signing-presidential-memorandum-targeting-chinas-economic-aggression/>, дата обращения 31.01.2019.

екта № 15-07-00038 // Институт Востоковедения // <https://book.ivran.ru/f/aristova-lb-semenova-nk-2-ya-chast-geo-politicheskij-shans-rossii--transportnaya-sistema-v-formate-rf.pdf>, дата обращения 31.01.2019.

Аристова Л.Б., Семенова Н.К. (2017) Геополитический шанс России: транспортная система в формате РФ-КНР-Центральная Азия. М.: Белый ветер.

Байкинова А. (2015) Китайское чудо. Поднебесная теснит Россию в ЦА // Капитал-Казахстан. 29 октября 2015 // <http://kapital.kz/world/44984/kitajskoe-chudo.html>, дата обращения 31.01.2019.

Барский К.М., Салицкий А.И. (2012) Полицентризм современного мира и новая биполярность как возможный сценарий глобального развития // Мир и политика. № 7(70).

Ван Цзикуань (1988) Предисловие к монографии Лу Линьшу «Вай сяньсин цзинцзи юй Чжунго цзинцзи фачжань» (Открытая экономика и развитие хозяйства Китая). Пекин (на китайском языке).

Виноградов А.О., Салицкий А.И. (2017) БРИКС: на пути к партнерству // Перспективы. 2 ноября 2017 // http://www.perspektivy.info/oikumena/ekdom/briks_na_puti_k_partnerstvu_2017-11-02.htm, дата обращения 31.01.2019.

Лапин Н.И. (2012) Измерение модернизации российских регионов и социокультурные факторы ее стратегии // Социологические исследования. № 2. С. 4–23 // http://www.isras.ru/files/File/Socis/2012_9/Lapin.pdf, дата обращения 31.01.2019.

Михеев В., Луконин С., Чже С. (2015) Многовариантность: большой стратегический ответ Си Цзиньпина // Мировая экономика и международные отношения. Т. 59. № 12. С. 5–14 // https://www.imemo.ru/jour/meimo/index.php?page_id=685&id=7103, дата обращения 31.01.2019.

Наварро П.У. (2007) Грядущие войны Китая. Поле битвы и цена победы. М.: Вершина.

Наварро П.У., Отри Г.У. (2017) Смерть от Китая. Лицом к лицу с драконом. М.: Синосфера.

Салицкий А.И., Потапов М.А., Чжао Синь (2016) Китай: новая фаза развития // Перспективы. 22 февраля 2016 // http://www.perspektivy.info/oikumena/azia/kitaj_novaja_faza_razvitiya_2016-02-22.htm, дата обращения 31.01.2019.

Салицкий А.И., Семенова Н.К. (1) (2016) Россия и евроазиатский проект Китая // Азия и Африка сегодня. № 7. С. 2–10 // https://asaf-today.ru/images/AA_nomers/2016/201607/Salickiy%20Rossiya%20i%20kitaiskiy%20proekt.pdf, дата обращения 31.01.2019.

Салицкий А.И., Семенова Н.К. (2) (2016) Шелковое наступление Китая // Перспективы. 11 января 2016 // http://www.perspektivy.info/book/shelkovoje_nastuplenije_kitaja_2016-01-11.htm, дата обращения 31.01.2019.

Семенова Н.К. (2018) Российско-китайское взаимодействие в Центральной Азии: нефтегазовые аспекты. М.: ИВ РАН.

Хэ Чуаньци и др. (2011) Обзорный доклад о модернизации в мире и Китае (2001–2010). М.: Весь мир.

Шлезингер-младший А.М. (1992) Циклы американской истории. М: Прогресс-Академия.

Aidan Yao (2018) Retaliate, Reform, Liberalise: the Three Ways China Will Respond to New US Tariffs // South China Morning Post, July 18, 2018 // <https://www.scmp.com/business/article/2155691/retaliate-reform-liberalise-three-ways-china-will-respond-new-us-tariffs>, дата обращения 31.01.2019.

Bond P. (2016) BRICS Banking and the Debate over Sub-imperialism // Third World Quarterly, vol. 37, no 4, pp. 611–629. DOI: 10.1080/01436597.2015.1128816

Feng Huiyun (2015) Will China and Russia Form an Alliance Against the United States? Copenhagen: Danish Institute for International Studies // http://www.diis.dk/files/media/publications/publikationer_2015/diis_report_07_the_new_geostrategic_game_web.pdf, дата обращения 31.01.2019.

Fu Ying (2016) How China Sees Russia // Foreign Affairs, vol. 95, no 1, pp. 96–105 // <https://www.foreignaffairs.com/articles/china/2015-12-14/how-china-sees-russia>, дата обращения 31.01.2019.

Godement F., Vasselier A. (2017) China at the Gates: a New Power Audit of EU-China Relations, The European Council on Foreign Relations.

How China's Economic Aggression Threatens the Technologies and Intellectual Property of the United States and the World (2018) // White House Office of Trade and Manufacturing Policy, June 2018 // <https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2018/06/FINAL-China-Technology-Report-6.18.18-PDF.pdf>, дата обращения 31.01.2019.

Key Indicators for Asia and the Pacific (2018) // Asian Development Bank, September 2018 // <https://www.adb.org/publications/key-indicators-asia-and-pacific-2018>, дата обращения 31.01.2019.

Rumer E.B. (2017) Russia's China Policy: This Bear Hug Is Real // Russia-China Relations: Assessing Common Ground and Strategic Fault Lines. The National Bureau of Asian Research (NBR). Special Report, no 66, pp. 13–25 // https://carnegieendowment.org/files/SR66_Russia-ChinaRelations_July2017.pdf, дата обращения 31.01.2019.

Sutter R. (2018) China-Russia Relations. Strategic Implications and U.S. Policy Options // The National Bureau of Asian Research (NBR). Special Report, no 73 // https://www.nbr.org/wp-content/uploads/pdfs/publications/special_report_73_china-russia_cooperation_sep2018.pdf, дата обращения 31.01.2019.

Taylor I. (2007) China and Africa: Engagement and Compromise, New York.

Weitz R. (2017) Sino-Russian Security Ties // Russia-China Relations: Assessing Common Ground and Strategic Fault Lines. The National Bureau of Asian Research (NBR). Special Report, no 66, pp. 27–36 // https://carnegieendowment.org/files/SR66_Russia-ChinaRelations_July2017.pdf, дата обращения 31.01.2019.

Yan Xuetong (2013) Inertia of History: China and the World in the Next Ten Years, Beijing: China CITIC Press.

DOI: 10.23932/2542-0240-2019-12-1-117-132

Rise of China and Russian-Chinese Rapprochement

Alexander I. SALITSKY

DSc in Economics, Chief Researcher, Center for Development and Modernization Problems

Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences, 117997, Profsoyuznaya St., 23, Moscow, Russian Federation

E-mail: sal.55@mail.ru

ORCID: 0000-0001-6134-768X

Nelli K. SEMENOVA

PhD in Politics, Senior Researcher, Economic Research Department

Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, 107031, Rozhdestvenka St., 12, Moscow, Russian Federation

E-mail: semenovanelli-2011@mail.ru

ORCID: 0000-0001-7872-8972

CITATION: Salitsky A.I., Semenova N.K. (2019) Rise of China and Russian-Chinese Rapprochement. *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*, vol. 12, no 1, pp. 117–132 (in Russian). DOI: 10.23932/2542-0240-2019-12-1-117-132

Received: 09.11.2018.

ABSTRACT. *By the mid-2010's China has continued to impress the world with high economic dynamics, major achievements in social transformation, development of science and technology. The fifth generation of Chinese leaders is determined to offer the country a serious update that signifies, as authors believe, a transition to a new stage of evolution. This stage is characterized by accomplishment of modernization and transition to intensive development, consumer, techno-scientific and ecological revolution. Global economic expansion is an integral part of the new reality.*

China's global expansion is of complex nature including credit and overseas investment. Initially it was started by the state after accession to WTO and becomes both more intensive and natural with accomplishment of modernization. At the same time, Beijing stresses

the need of self-reliance, particularly in technology.

Although in new century China's expansion to the growing extent was based on economic and market forces including prospering population, by the mid-2010's it met sharp opposition in the West, notably, the US. That confirmed the notion of emerging new bipolarity in international relations.

Moving closer to China, Russia reacted peacefully to Chinese expansion, moreover, a vision of deepening mutual interaction has formed at the political level. This interaction includes multilateral format including countries of Central Asia, interconnection of Eurasian Economic Union with the "Belt and Road" Initiative.

KEY WORDS: *China, modernization, foreign economic expansion, export of capital, EAEU, Silk Belt*

References

- Aidan Yao (2018) Retaliate, Reform, Liberalise: the Three Ways China Will Respond to New US Tariffs. *South China Morning Post*, July 18, 2018. Available at: <https://www.scmp.com/business/article/2155691/retaliate-reform-liberalise-three-ways-china-will-respond-new-us-tariffs>, accessed 31.01.2019.
- Aristova L.B., Semenova N.K. (2016) *Consolidated Analytical Report with the Financial Support of the Russian Humanitarian Science Foundation in the Framework of the Research Project No. 15-07-00038*. Available at: <https://book.ivran.ru/f/aristova-lb-semenova-nk-2-ya-chast-geopoliticheskij-shans-rossii--transportnaya-sistema-v-formate-rf.pdf>, accessed 31.01.2019 (in Russian).
- Aristova L.B., Semenova N.K. (2017) *Russia's Geopolitical Chance: a Transport System in the Format of the Russian Federation – the People's Republic of China – Central Asia*, Moscow: Belij veter (in Russian).
- Bajkinova A. (2015) Chinese Miracle. China Is Pushing Russia in Central Asia. *Kapital. Kazakhstan*, October 29, 2015. Available at: <http://kapital.kz/world/44984/kitajskoe-chudo.html>, accessed 31.01.2019 (in Russian).
- Barsky K.M., Salitsky A.I. (2016) The Polycentrism of the Modern World and the New Bipolarity as a Possible Scenario for Global Development. *World and Politics*, no 7(70) (in Russian).
- Bond P. (2016) BRICS Banking and the Debate over Sub-imperialism. *Third World Quarterly*, vol. 37, no 4, pp. 611–629. DOI: 10.1080/01436597.2015.1128816
- Feng Huiyun (2015) *Will China and Russia Form an Alliance Against the United States?* Copenhagen: Danish Institute for International Studies. Available at: http://www.diis.dk/files/media/publications/publikationer_2015/diis_report_07_the_new_geostrategic_game_web.pdf, accessed 31.01.2019.
- Fu Ying (2016) How China Sees Russia. *Foreign Affairs*, vol. 95, no 1, pp. 96–105. Available at: <https://www.foreignaffairs.com/articles/china/2015-12-14/how-china-sees-russia>, accessed 31.01.2019.
- Godement F., Vasselier A. (2017) *China at the Gates: a New Power Audit of EU-China Relations*, The European Council on Foreign Relations.
- He Chuanqi & al. (2011) *Overview Report on Modernization in the World and China (2001–2010)*, Moscow: Ves' mir (in Russian).
- How China's Economic Aggression Threatens the Technologies and Intellectual Property of the United States and the World (2018). *White House Office of Trade and Manufacturing Policy*, June 2018. Available at: <https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2018/06/FINAL-China-Technology-Report-6.18.18-PDF.pdf>, accessed 31.01.2019.
- Key Indicators for Asia and the Pacific (2018). *Asian Development Bank*, September 2018. Available at: <https://www.adb.org/publications/key-indicators-asia-and-pacific-2018>, accessed 31.01.2019.
- Lapin N.I. (2012) Measurement of the Modernization of the Russian Regions and the Socio-cultural Factors of Its Strategy. *Sociological Studies*, no 2, pp. 4–23. Available at: http://www.isras.ru/files/File/Socis/2012_9/Lapin.pdf, accessed 31.01.2019 (in Russian).
- Mikheev V., Lukonin S., Chzhe S. (2015) Multivariance: Xi Jinping's Big Strategic Answer. *World Economy and International Relations*, vol. 59, no 12, pp. 5–14. Available at: https://www.imemo.ru/jour/meimo/index.php?page_id=685&id=7103, accessed 31.01.2019 (in Russian).
- Navarro P. (2007) *The Coming China Wars. Where They Will Be Fought and How They Can Be Won*, Moscow: Vershina (in Russian).

Navarro P., Autry G. (2017) *Death by China: Confronting the Dragon – A Global Call to Action*, Moscow: Sinosphere (in Russian).

Rumer E.B. (2017) Russia's China Policy: This Bear Hug Is Real. *Russia-China Relations: Assessing Common Ground and Strategic Fault Lines. The National Bureau of Asian Research (NBR)*. Special Report, no 66, pp. 13–25. Available at: https://carnegieendowment.org/files/SR66_Russia-ChinaRelations_July2017.pdf, accessed 31.01.2019.

Salitsky A.I., Potapov M.A., Zhao Xin (2016) China: a New Phase of Development. *Perspektivy*, February 22, 2016. Available at: http://www.perspektivy.info/oykumena/azia/kitaj_novaja_faza_razvitiya_2016-02-22.htm, accessed 31.01.2019 (in Russian).

Salitsky A.I., Semenova N.K. (1) (2016) Russia and the Eurasian Project of China. *Asia and Africa Today*, no 7, pp. 2–10. Available at: https://asaf-today.ru/images/AA_nomers/2016/201607/Salickiy%20Rossiya%20i%20kitaiskiy%20proekt.pdf, accessed 31.01.2019 (in Russian).

Salitsky A.I., Semenova N.K. (2) (2016) China's Silk Offensive. *Perspektivy*, January 11, 2016. Available at: http://www.perspektivy.info/book/shelkovoje_nastuplenije_kitaja_2016-01-11.htm, accessed 31.01.2019 (in Russian).

Schlesinger-Jr. A.M. (1992) *The Cycles of American History*, Moscow: Progress-Academy (in Russian).

Semenova N.K. (2018) *Russian-Chinese Interaction in Central Asia: Oil and Gas Aspects*, Moscow: Institute of Oriental Studies (in Russian).

Sutter R. (2018) China-Russia Relations. Strategic Implications and U.S. Policy Options. *The National Bureau of Asian Research (NBR)*. Special Report, no 73. Available at: https://www.nbr.org/wp-content/uploads/pdfs/publications/special_report_73_china-russia_cooperation_sep2018.pdf, accessed 31.01.2019.

Taylor I. (2007) *China and Africa: Engagement and Compromise*, New York.

Vinogradov A.O., Salitsky A.I. (2017) BRICS: on the Road to Partnership. *Perspektivy*, November 2, 2017. Available at: http://www.perspektivy.info/oykumena/ekdom/briks_na_puti_k_partnerstvu_2017-11-02.htm, accessed 31.01.2019 (in Russian).

Wang Jikuan (1988) *The Preface to the Monograph by Lu Linshu «Wai Xiangxing Jingji Yu Zhongguo Jingji Fazhan»* [Open Economy and Development of the Chinese Economy], Beijing (in Chinese).

Weitz R. (2017) Sino-Russian Security Ties. *Russia-China Relations: Assessing Common Ground and Strategic Fault Lines. The National Bureau of Asian Research (NBR)*. Special Report, no 66, pp. 27–36. Available at: https://carnegieendowment.org/files/SR66_Russia-ChinaRelations_July2017.pdf, accessed 31.01.2019.

Yan Xuotong (2013) *Inertia of History: China and the World in the Next Ten Years*, Beijing: China CITIC Press.

DOI: 10.23932/2542-0240-2019-12-1-133-158

Российско-австралийские отношения до и после украинского кризиса

Иван Владимирович КРИВУШИН

доктор исторических наук, профессор, заместитель руководителя Департамента международных отношений

Национальный исследовательский университет Высшая школа экономики, 119017, ул. Малая Ордынка, д. 17, Москва, Российская Федерация; ведущий научный сотрудник

Институт всеобщей истории РАН, 119334, Ленинский проспект, д. 32а, Москва, Российская Федерация

E-mail: ivankrivushin@gmail.com

ORCID: 0000-0002-3987-8860

ЦИТИРОВАНИЕ: Кривушин И.В. (2019) Российско-австралийские отношения до и после украинского кризиса // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. Т. 12. № 1. С. 133–158. DOI: 10.23932/2542-0240-2019-12-1-133-158

Статья поступила в редакцию 24.10.2018.

АННОТАЦИЯ. В статье рассматривается кризис в российско-австралийских отношениях после присоединения Крыма к России в марте 2014 г. с точки зрения как Москвы, так и Канберры. Автор заключает, что в 2014–2015 гг. Кремль не принял во внимание ряд факторов, таких как очень ограниченная заинтересованность Австралии в торговле с Россией, растущее недоверие официальной Канберры к внешнеполитическим намерениям Москвы и восприятие России как ревизионистской державы (особенно после российско-грузинской войны 2008 г.), сильное чувство солидарности со странами Запада у австралийской политической элиты и постепенно ухудшавшийся образ России в австралийском общественном мнении, которые негативно влияли на отношение Канберры к Кремлю еще до 2014 г. и которые сделали неизбежным резкое ухудшение двусторонних отношений в связи с украинским кризисом. В будущем эти отношения могут еще больше осложнить растущая кон-

курентия Австралии и России на азиатских газовых рынках и слишком тесное сближение Москвы с Пекином.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Россия, Австралия, российско-грузинская война, украинский кризис, политические отношения, торговля, общественное мнение

Украинский кризис и включение Крыма в состав России в 2014 г. привели к значительному ухудшению взаимоотношений Москвы со странами Запада. Одной из них была Австралия, не связанная с Россией и тем более с Украиной тесными политическими и экономическими узами. Анализ истории отношений двух стран позволяет лучше понять, насколько это ухудшение было подготовлено предшествующим развитием, какие факторы сыграли здесь определяющую роль и насколько реакция России на действия стран Запада, прежде всего на экономические и политические санкции, оказалась релевантной и эффек-

тивной. Он также показывает, как важно при выработке внешнеполитической стратегии и тактики правильно оценивать национальные интересы своего партнера, понимать, как он тебя воспринимает, прогнозировать его реакцию, а также последствия своих действий не только в краткосрочной, но и в средне- и долгосрочной перспективах.

Российско-австралийские отношения до украинского кризиса 2014 года

История отношений Австралии и России (СССР) в первые два столетия после их «знакомства» в 1807 г. оказалась очень непростой¹. Период дружеских контактов в 1810–1820-х гг. сменился эпохой нарастающего напряжения, исходной точкой которой стала негативная реакция австралийских колонистов на жестокое подавление русскими войсками Польского восстания 1831 г. Это напряжение усилилось из-за общего ухудшения российско-британских отношений с конца 1830 гг. и достигло кульминации в период Крымской войны и трех последующих десятилетий, когда австралийские колонии серьезно опасались российского военного вторжения. Антироссийские настроения стали ослабевать в конце 1880-х – 1890-х гг. и особенно в начале XX в. в условиях британо-русского сближения. В 1893 г. в Мельбурне появилось официальное русское консульство, которое вскоре после создания Австралийского Союза было преобразовано в генеральное консульство (1903). Во время Первой мировой вой-

ны Россия и Австралия как британский доминион были союзниками.

После захвата власти большевиками и выхода России из войны официальные отношения между государствами прервались. Они были восстановлены только в годы Второй мировой войны, в 1942 г., когда страны вновь оказались союзниками. В период холодной войны отношения между СССР и Австралией, принадлежавшими к противостоящим военно-политическим блокам, снова осложнились, а в 1954 г. были полностью прерваны. Несмотря на их восстановление в 1959 г. общее недоверие на политическом уровне сохранилось, если не считать «потепления» при лейбористском правительстве Г. Уитлема (1972–1975). Торговля между двумя странами была более чем скромной. Так, в стоимостном объеме советской внешней торговли товарный обмен с Австралией не превышал 1% (в 1950 г. – 0,91%, в 1960 г. – 0,31%, в 1970 г. – 0,28%, в 1980 г. – 0,83%). К тому же он был крайне несбалансированным. Экспорт в СССР из Австралии многократно превышал советский импорт в нее: в 1950 г. более чем в 15, в 1960 г. – в 78, в 1970 г. – в 40, в 1980 г. – более чем в 129 раз. СССР являлся для Австралии не поставщиком товаров, а только рынком сбыта, прежде всего овечьей шерсти и пшеницы в те периоды, когда СССР испытывал трудности с обеспечением продовольствием (1932, 1934, 1938–1939, 1964–1965, 1975–1986)².

Только крах СССР и возникновение Российской Федерации позволили изменить характер отношений между двумя странами как на политическом, так и на торгово-экономическом уровне. Од-

1 Этот период двусторонних отношений, в отличие от постсоветского, удостоился гораздо большего внимания со стороны исследователей. Отметим прежде всего две коллективные работы российских и австралийских ученых: [McNair, Pool 1992; Massov, McNair, Poole 2007]; см. также: [Авдулов 1997; Говор 2007; Barratt 1988; Govor 1997]; о постсоветском периоде см. в первую очередь: [Маргарян 2012].

2 Статистические данные по советскому периоду взяты из ежегодных публикаций Министерства внешней торговли СССР за 1959–1991 гг.

нако Австралия и РФ воспользовались этой возможностью далеко не сразу. После фактического прекращения двусторонней товарной торговли в 1990–1991 гг. она восстанавливалась довольно медленными темпами. Уровень 1989 г. (1,069 млн А\$) был достигнут только в 2008 г. Она оставалась весьма скромной на протяжении всех 1990-х и первой половины 2000-х гг. и стала демонстрировать значительный прирост только в 2004–2005 гг., достигнув в 2014 г. исторического пика – 1,837 млн А\$.

При этом российско-австралийский товарный обмен долго не мог избавиться от прежнего проклятия – крайней несбалансированности, хотя она все же была не столь резкой, как в советский период: если в 1994 г. австралийский импорт в РФ превышал экспорт из России в 13 раз, то в 2000 г. – почти в 10. Эту тенденцию удалось переломить только в 2000-е гг.: в 2002 г. разрыв сократился до 3,75 : 1, в 2004 г. – до 3,15 : 1. Правда, в 2006 г. вновь было зафиксировано более чем десятикратное превышение стоимостного объема импорта над экспортом, однако затем соотношение вновь стало меняться: в 2007 г. – 5,2 : 1, в 2008 г. – 1,86 : 1, в 2009 г. – 1,63 : 1, в 2010 г. – 2,37 : 1, а в 2011 г. произошло невероятное – впервые товарный экспорт из РФ в Австралию превзошел по стоимостному объему австралийский импорт в Россию. В 2014 г. российский экспорт в Австралию превысил импорт почти в 2,5 раза (соответственно 1307 и 530 млн А\$)³.

Расширение торгово-экономических отношений между РФ и Австралией шло параллельно с политическим сближением двух стран. В 1993 г. Россия вступила в Азиатско-Тихоокеанский парламентский форум, в 1998 г. в

Азиатско-Тихоокеанское экономическое сотрудничество, во второй половине 2000-х гг. интенсифицировался российско-австралийский диалог на высшем уровне (визит президента В. Путина в Австралию в сентябре 2007 г., встречи президента Д. Медведева с премьер-министром К. Раддом в ноябре 2008 г. и в апреле 2009 г.). Россия активно использовала площадку G20 для установления контактов с руководством Австралии. В октябре 2008 г. возобновила деятельность российско-австралийская межправительственная комиссия по торгово-экономическому сотрудничеству.

Это сближение оказалось возможным благодаря кардинальному изменению восприятия сторонами друг друга. «Внешнее внимание России, – заявляло правительство Австралии в 1997 г., – будет и в будущем обращено в основном в западном направлении... Эта западная ориентация и продолжающаяся сконцентрированность на внутренних проблемах указывает на то, что Россия едва ли будет иметь значительное влияние в Азиатско-Тихоокеанском регионе в краткосрочной перспективе. Однако в среднесрочной и долгосрочной Россию следует рассматривать как важную страну в АТР. Когда Россия приведет свой экономический дом в порядок, ее интерес к тихоокеанскому побережью возрастет к потенциальной выгоде австралийской торговли и инвестиций. Правительство будет побуждать Россию играть конструктивную роль в делах АТР. <...> Установление Россией долгосрочных отношений не только с КНР, но и с КНР, Японией и Индией будет важным для безопасности в АТР» [Australia's Foreign and Trade Policy White Paper 1997, p. 31].

3 Данные о российско-австралийской торговле в постсоветский период взяты из статистических ежегодников МИДТ Австралии и с сайта: <http://russian-trade.com/>

В 2003 г. официальная Канберра демонстрировала еще больший оптимизм: «Общее сближение России с Западом, вероятно, будет продолжаться...»; «Россия могла бы стать для нас более важным партнером... зависимость от внешних рынков, капитала и технологии и стремление вступить в ВТО будут способствовать расширению ее участия в международных экономических отношениях. Австралия является потенциально ценным экономическим партнером для России, поскольку та нуждается в помощи для разработки своих обширных природных ресурсов» [Australia's Foreign and Trade Policy White Paper 2003, pp. 22, 99, 101].

Со своей стороны, российский посол в Австралии А. Блохин заявил в июне 2009 г., что «уровень отношений между двумя странами, достигнутый в течение прошедших трех лет, никогда не был столь высоким» [Празднование Дня России 2009]. А в 2013 г. «пятый континент» впервые был упомянут в Концепции внешней политики РФ: «Россия <...> будет продолжать укреплять свои отношения с Австралией» [Концепция внешней политики 2013].

Однако не все было так безоблачно. Товарооборот хотя и рос, но оставался и для России, и для Австралии незначительным. В 2012–2014 гг. доля России во внешней торговле Австралии составляла 0,3% (в экспорте 0,2–0,3%, в импорте 0,3–0,4%), а доля Австралии в товарных обменах России была еще меньше: 0,1% (в экспорте 0,01–0,025%, в импорте 0,23–0,28%). В 2014 г. Австралия занимала 74-е место среди торговых партнеров РФ (в 2012 г. – 67-е, в 2013 г. – 71-е).

Австралия продолжала рассматривать Россию как «страну с переходной экономикой». В 2001 г. она ввела антидемпинговую пошлину на ввоз российского нитрата аммония. Со своей стороны, Россия, главный покупатель мяса кенгуру (ок. 70% от объема производ-

ства), в августе 2009 г. наложила временный запрет на его импорт, ссылаясь на то, что в нем обнаружена сальмонелла и бактерии группы кишечной палочки. Это больно ударило по австралийским фермерам. Как признал представитель австралийского Министерства иностранных дел и торговли (МИДТ) Б. Госпер на заседании парламентского Комитета по иностранным делам, обороне и торговому законодательству (КИДОТЗ), «это очень важно для нашей промышленности... это важный рынок для нее» [Estimates 2011, p. 99].

В 2011–2012 гг. объем российских инвестиций в австралийскую экономику подскочил почти в 4 раза (с 1,420 до 5,564 млн А\$); в 2013 г. он составил уже 4,844 млн А\$. Объем австралийских инвестиций в Россию увеличился в 2012–2014 гг. с 1,480 до 2,352 млн А\$. Основными австралийскими инвесторами в России стали горнодобывающие компании «Би-Эйч-Пи Биллитон» и «Рио Тинто», главными российскими инвесторами в Австралии – «РУСАЛ», «Норильский никель», «Магнитогорский металлургический комбинат», «Металлоинвест», «Сбербанк», «ВТБ», «Пивоваренная компания “Балтика”». Особых успехов на австралийском рынке добилась компания «РУСАЛ», которая в 2005 г. инвестировала в австралийскую промышленность 401 млн US\$, приобретя 20% акций крупнейшего в мире глиноземного завода «Квинсленд эльюмине». В 2006 г. «Норильский никель» заключил соглашения с корпорациями «Рио Тинто» и «Биллитон» о совместных разработках полезных ископаемых. Объем российских накопленных инвестиций в австралийскую экономику достиг к 2014 г. более 2 млрд US\$. Тем не менее инвестиции из России составляли в 2013 г. только 0,2% всех иностранных вложений в экономику «пятого континента», а инвестиции в Россию –

лишь 0,1% всех зарубежных инвестиций Австралии.

В целом, двусторонние торгово-экономические отношения не достигли такого уровня, чтобы стать «амортиizaционной подушкой» в случае серьезного внешнеполитического разлада между двумя странами.

Что касается политической сферы, то в конце 2000-х гг. обозначились признаки ухудшения отношений или, по крайней мере, определенной напряженности Австралии по поводу российской внешней политики. Это хорошо показывают события, связанные с ратификацией урановой сделки между Москвой и Канберрой. 7 сентября 2007 г. Россия и Австралия подписали Соглашение о сотрудничестве в использовании ядерной энергии в мирных целях. Это соглашение позволяло России производить обогащение австралийского урана, чтобы использовать его в своей гражданской атомной промышленности. Россия гарантировала, что не будет использовать австралийский уран в военных целях и что соглашение носит чисто экономический характер. Сумма сделки составила 1 млрд US\$, и Австралия была в ней весьма заинтересована. Однако обсуждение соглашения в парламенте пришлось на август 2008 г., когда произошел российско-грузинский конфликт. 26 августа Россия признала независимость двух отколовшихся частей Грузии – Абхазии и Южной Осетии. Уже на следующий день министр иностранных дел С. Смит заявил: «Австралия не поддерживает такое признание. <...> Решение Российской Федерации не является полезным вкладом в международные отношения... Оно вредит <ее> репутации <...> Действия Российской Федерации в отношении <Грузии> были явно непропорциональными. <...> Российская Федерация – важный и влиятельный игрок

в мировых делах. Очень важно, чтобы она вступала в диалог и вела себя мирно» [Parliamentary Debates 2008, pp. 6385–6386]. Тем не менее правительство Австралии было явно не готово осложнять из-за грузинской проблемы отношения с Россией. На встрече с российским послом Смит повторил официальную позицию Канберры в достаточно мягкой форме: по словам Блохина, «это был обычный дипломатический диалог, без критики и протестов, и он прошел в очень конструктивном духе; мы просто обменялись мнениями по поводу данной ситуации» (цит. по: [Smith, Russian Ambassador 2014]). Однако 1 сентября в ходе обсуждения в Постоянном комитете парламента по договорам (ПКПД) ядерного соглашения 2007 г. ряд его членов высказали сомнения в надежности России как партнера и в возможности эффективного контроля за использованием австралийского урана. Председатель ПКПД лейборист К. Томсон заявил: «Если вы посмотрите на то, что произошло в последнее время, то он [Путин] отобрал Южную Осетию и другую провинцию у Грузии, и не видно никакого реального возврата к прежнему положению. Никто не хочет холодной войны; никто не хочет горячей войны; и энергетическая мощь России такова, что серьезные международные санкции маловероятны». Он предложил отложить ратификацию на два года, чтобы посмотреть, «что делает Россия в сфере ядерного разоружения и что происходит в ее отношениях с соседями». В ответ представители МИДТ попытались доказать, что соглашение принесет выгоду Австралии и что Россия является надежным партнером по урановой сделке, обещая, что при принятии финального решения о ратификации правительство учтет грузинский фактор. «Австралийский уран, – уве-

рял Д. Карлсон, генеральный директор австралийского Управления по гарантиям и нераспространению, – не будет использоваться в военных целях, потому что Россия имеет такой огромный избыток его, что у нее нет никаких причин даже думать об этом» [Joint Standing Committee on Treaties 2008, pp. 3, 10].

Со своей стороны, Россия фактически предъявила ультиматум правительству Радда. 1 сентября 2008 г. Блохин заявил: «Если соглашение не будет ратифицировано, в этом случае мы будем рассматривать это как явно политически предвзятое решение, которое может повредить экономическим интересам Австралии. Мы не видим никакой связи между событиями на Кавказе и урановой сделкой. Это совершенно разные вещи» [Aust-Russian Uranium Deal 2008]. Тем не менее 18 сентября ПКПД рекомендовал правительству воздержаться от ратификации соглашения. Однако в ноябре на саммите АТЭС в Лиме Радд и Смит заверили своих российских коллег, что приложат все усилия для его ратификации. В интервью «Скай ньюс» Смит попытался исправить впечатление, что правительство действует вопреки мнению парламента, пообещав «отслеживать состояние наших двусторонних отношений с Россией и ее недавнее поведение в Грузии, Абхазии и Южной Осетии» [Smith 2008].

Правительство Радда отреагировало на рекомендации ПКПД только 18 марта 2010 г., когда страсти уже улеглись. Выразив «глубокую озабоченность по поводу военной акции России в Грузии и последующего признания ею независимости Абхазии и Южной Осетии» и напомнив о выделении 1 млн А\$ «для восстановления Грузии после интер-

венции», оно в то же время утверждало: «Был достигнут значительный прогресс при осуществлении соглашения о прекращении огня, заключенного при посредничестве ЕС <...> Российские войска были выведены с позиций в глубине Грузии в спорные районы. <...> Правительство приветствует такое развитие событий. Правительство отмечает также, что члены международного сообщества – в двустороннем или многостороннем порядке – снова привлекают Россию к решению вопросов, вызывающих взаимную заинтересованность и обеспокоенность» [Parliamentary Debates 2010, pp. 2277–2278]. На этом основании правительство приняло решение ратифицировать соглашение. Тем не менее тема эта не ушла из австралийской политической жизни. Непримируемыми противниками продажи урана России остались зеленые, которые в августе 2013 г. обвинили либералов и лейбористов в том, что те «превратили уран в разменную монету, планируя продавать уран даже Индии и России, ядерным державам», «с плачевными заслугами в сфере ядерной безопасности»⁴.

Российско-грузинский конфликт имел еще одно неожиданное последствие для двусторонних отношений – впервые за постсоветский период Австралии пришлось посмотреть на Россию как на угрозу ее собственным национальным интересам. Не получив широкой международной поддержки (Абхазию и Южную Осетию признали только Никарагуа и Венесуэла), РФ попыталась добиться их признания хотя бы небольшими государствами, не имеющими особого веса в международных отношениях. В декабре 2009 г. независимость Абхазии и Южной Осетии признало Науру, которое в следую-

4 Данные о российско-австралийской торговле в постсоветский период взяты из статистических ежегодников МИДТ Австралии и с сайта: <http://russian-trade.com/>

щем году получило от России финансовую помощь в размере 50 млн US\$. В июне 2011 г. его примеру последовало Вануату (признав, правда, только Абхазию), в сентябре того же года – Тувалу. С этими странами Австралия имеет тесные политические и финансово-экономические отношения, и неудивительно, что действия Москвы вызвали раздражение официальной Канберры. В начале октября 2011 г. правительство Радда официально выразило России недовольство по поводу «так называемой дипломатии чековой книжки» (цит. по: [Flitton 2011]). 20 октября представитель МИДТ Д. Ньюмен заявил в парламенте, что «определенно были [российские] финансовые вливания с этой целью» и что дипломатические усилия России в Тихом океане не ограничились только этими тремя государствами [Estimates 2011, p. 68].

Визит С. Лаврова на Фиджи в начале февраля 2012 г. вызвал новое недовольство Канберры. Когда российский министр прибыл перед этим в Австралию, Радд уже в качестве министра иностранных дел на встрече с ним 31 января подчеркнул «важность прозрачности в отношении помощи развитию в этом регионе» (цит. по: [Gartrell 2012]). 30 мая 2012 г. сенатор А. Эгглстон на заседании КИДОТЗ высказал обеспокоенность, что южная часть Тихого океана превратилась в поле дипломатической битвы между Грузией и Россией. Представитель МИДТ П. Майлер (будущий посол в Москве) признал: «Действительно, Россия сейчас разбрасывает очень широкую сеть, чтобы попытаться... <получить официальное международное признание Абхазии и Южной Осетии>. На самом деле Тихий океан стал объектом такого рода борьбы за признание уже некоторое время тому назад. Это прискорбно». Его коллега Д. Ричардсон был еще более резок:

«Это просто вопиющая, грубая попытка купить признание. Нам не нравится, что это делает Россия, и мы не думаем, что для стран южной части Тихого океана хорошо торговать признанием» [Estimates 2012, pp. 112–113].

На заседании того же комитета 5 июня 2013 г. представитель МИДТ Л. Строн сообщил: «Неожиданно (!) <...> мы обнаружили, что Россия вызывает небольшое беспокойство в этом отношении. Они [русские] пытаются убедить некоторые малые островные государства признать две отколовшиеся от Грузии республики, Южную Осетию и Абхазию. Не секрет, что они предлагали деньги в обмен на это признание. <...> Мы говорили России, что это не очень хорошая практика». Когда же сенатор-либерал Д. Фосет поинтересовался, какова была реакция русских на протесты австралийцев, тот ответил: «Я должен сказать, что мы не получили вразумительного ответа» [Estimates 2013, p. 160].

После событий 2008 г. Канберра стала рассматривать Россию как одного из потенциальных конкурентов США наряду с КНР, Индией, Японией и ЕС, которые, как говорилось в «Белой книге обороны» 2009 г., «будут оказывать глобальное влияние в различной степени и достигнут разного уровня военного могущества для продвижения своих интересов», и как одного из главных акторов в Азиатско-Тихоокеанском регионе [Defence White Paper 2009, pp. 32–33]. Еще более определенно идея эта выражена в «Белой книге обороны» 2013 г.: «Основываясь на уже глубоких и обширных отношениях с Индией и Китаем, Россия стремится расширить свое влияние в Индо-Тихоокеанском регионе за пределы традиционных партнеров, как политически, путем укрепления и потенциального расширения <...> БРИКС, так и в соответствии со своим экономическим потенциалом в качестве поставщика неф-

ти и газа, ядерных технологий и обычных вооружений» [Defence White Paper 2013, p. 13].

Ряд других факторов также способствовал усилению критического отношения австралийского политического класса к России еще до 2014 г. Одним из них стала поддержка Россией репрессивного режима Б. Асада в Сирии, правда сирийская тема не была тогда в фокусе австралийских политических дебатов и вызывала озабоченность преимущественно у зеленых. Можно сказать, что именно зеленые были в тот период главными критиками России. Они развернули шумную кампанию по освобождению австралийского активиста К. Рассела, арестованного российскими властями 18 сентября 2013 г. вместе с другими участниками акции «Гринпис» в Печорском море, обвиняя либеральное правительство в бездействии. 14 ноября их лидер К. Милн внесла в сенат резолюцию с осуждением действий России. Другим объектом критики зеленых стал российский закон о гей-пропаганде. 12 февраля 2014 г. по их инициативе сенат принял резолюцию о поддержке австралийских спортсменов, которые во время Олимпийских игр в Сочи высказались против ущемления прав ЛГБТ-сообщества в России. В ноябре 2014 г. представитель зеленых Т. Фрэнкс приравнивал Россию к Уганде из-за ее отношения к сексуальным меньшинствам.

Стало постепенно меняться и общественное мнение. В 2003–2008 г. уровень доверия австралийцев к внешней политике В. Путина снизился с 53 до 38%, а уровень недоверия возрос с 37 до 44%. Весной 2008 г., еще до российско-грузинского конфликта, только 24% респондентов ответили «да» на вопрос: «Считаете ли вы, что прави-

тельство России уважает свободы своих граждан, или вы так не думаете?» («нет» – 57%). Правда, в 2008–2009 гг. доверие австралийцев к внешней политике Москвы, несмотря на российско-грузинский конфликт, несколько увеличилось (с 53 до 59%), однако к 2011 г. оно вернулось к прежним показателям. В 2012–2013 гг. доля позитивных оценок российской внешней политики сократилась с 34 до 29%, а негативных возросла с 38 до 53%⁵.

Однако Москва не замечала все эти признаки растущего недоверия со стороны Австралии. Комментарии российских официальных лиц по поводу состояния двусторонних отношений отличались подчеркнутым оптимизмом:

«Политический диалог с Канберрой носит устойчивый и конструктивный характер, повышается степень его доверительности. Важнейшим фактором обеспечения поступательной направленности российско-австралийских отношений и укрепления их позитивной атмосферы являются регулярные контакты между руководителями двух стран. <...> Определенных успехов удалось достичь в сфере торгово-экономического взаимодействия. В частности, дальнейшее развитие получило сотрудничество в таких областях, как горнодобывающая промышленность, сельское хозяйство и энергетика. Наблюдается положительная динамика в инвестиционном сотрудничестве. <...> Налажены прямые регулярные обмены в области образования и культуры» [Нестеренко 2010].

«Как представляется, [в Австралии] сложился устойчивый межпартийный консенсус относительно необходимости укрепления и развития связей с Россией, и в этом смысле никаких разногласий не наблюдается» [Лавров 2012].

5 Эти данные получены в результате опросов, проведенных Институтом публичной политики Лауи, Би-би-си и Исследовательским центром Пью в 2003–2017 гг.

Крымский кризис и российско-австралийские отношения

Сразу после установления российского контроля над Крымом в конце февраля – начале марта 2014 г. либеральное правительство Т. Эббота высказало решительное неприятие новой ситуации. 2 марта МИДТ заявило о полной поддержке территориальной целостности Украины и неприемлемости действий России, 3 марта эта позиция была официально доведена до сведения российского посла, а премьер-министр сообщил об отмене планировавшихся визитов на «пятый континент» российских официальных лиц. Австралия активно участвовала в обсуждении украинского кризиса в Совете Безопасности ООН [Parliamentary Debates (1) 2014, p. 1996]. 17 марта в Палате представителей состоялись дебаты по поводу Крымского референдума 16 марта; представитель правящей партии Т. Гамбаро внесла проект резолюции с его осуждением. В ходе последовавших дебатов ее поддержала лейбористская оппозиция, один из представителей которой Н. Чемпиэн заявил: «Россия не должна аннексировать территории, в том числе и Крым. <...> Ей не следует стремиться использовать русский язык или этническую принадлежность в качестве повода для нарушения территориальной целостности национальных государств. Это было бы катастрофой, если было бы признано в качестве принципа. Это было бы столь же катастрофично, как и тогда, когда на такое уже ссылались как на принцип – в случае с Судетской областью. <...> Мы не должны позволять России поддерживать сепаратизм в автономных областях Украины как метод расширения границ России. <...> это давно уже вышедший из употребления способ ведения внешней политики» [Parliamentary Debates (1) 2014, p. 2001].

Заместитель лидера оппозиции Т. Плиберсек выразила мнение, что «поведение России свидетельствует об опасности ориентации стран на игру с нулевой суммой» и призвала «поддерживать международные усилия по применению экономических мер для мирного разрешения кризиса» [Parliamentary Debates (1) 2014, pp. 1998–1999].

Эти «экономические меры» были задействованы уже два дня спустя. 19 марта сразу после официального включения Крыма в состав РФ глава МИДТ Д. Бишоп объявила в парламенте о введении «целевых финансовых санкций и запретов на поездки против тех лиц, которые сыграли определяющую роль в нарушении Россией суверенитета Украины» (8 российских и 4 украинских чиновника), подчеркнув, что эти «меры были приняты в тесной координации с нашими друзьями и союзниками, включая США, Великобританию, Канаду и Японию» [Parliamentary Debates (2) 2014, p. 2447]. Решение правительства было безоговорочно одобрено оппозицией [Parliamentary Debates (2) 2014, p. 2448].

Поддержка Киева в австралийских политических кругах усилилась после возникновения двух сепаратистских республик в Донбассе и развертывания вооруженного конфликта на востоке Украины. 15 мая 2014 г. в парламенте Австралии возникла группа «В поддержку демократии в Украине». 21 мая правительство распространило санкции на 38 чел. и 11 компаний, 19 июня – еще на 50 чел. и 11 компаний, в том числе банк «Россия», «Стройтрансгаз» и «Трансойл».

Кульминационной точкой в процессе ухудшения двусторонних отношений стало уничтожение МН17 в небе восточной Украины 17 июля 2014 г. Среди погибших было 38 австралийцев. В тот же день Т. Эббот, выступая в парламенте, возложил вероятную от-

ветственность за трагедию на «повстанцев, поддерживаемых Россией», и потребовал от нее «в полной мере сотрудничать в расследовании» [Parliamentary Debates (3) 2014, pp. 8471–8472]. Лидер лейбористов Б. Шортен полностью поддержал премьер-министра [Parliamentary Debates (3) 2014, p. 8473]. Австралия возглавила дипломатическое давление на Россию, прежде всего в Совете Безопасности ООН. Правительство даже рассматривало вопрос о совместной операции с голландцами на востоке Украины и отправке туда 1000 австралийских военнослужащих [Parliamentary Debates 2015, pp. 875–876; Estimates 2015, pp. 27–28].

Трагедия 17 июля привела к углублению антироссийских настроений у всех основных политических сил страны и усилению политического давления на правительство. 11 августа и.о. лидера зеленых Э. Бэндт призвал премьер-министра «занять более жесткую линию по отношению к Владимиру Путину <...> Тони Эбботу нужно сказать господину Путину очень ясно, что он должен обеспечить спасателям доступ на место катастрофы, иначе он не будет желанным гостем на саммите G20 <в Брисбене>». 26 августа Эббот сделал в парламенте заявление, которое свидетельствовало, что правительство уже не сомневается в том, кто был истинным виновником трагедии: «Борт МН17 был сбит повстанцами, поддерживаемыми Россией, над восточной Украиной. Это не просто трагедия, это преступление» [Parliamentary Debates (4) 2014, p. 8549]. 1 сентября Эббот объявил о введении новых санкций против России на том основании, что она ведет необъявленную войну против Украины: «Австралия поднимет санкции против России до уровня Европейского Союза. Не будет никакого экспорта оружия; не будет никакого доступа российских государственных банков к австралий-

скому рынку капитала; не будет никакого экспорта для использования в нефтяной и газовой промышленности; не будет никакой торговли или инвестиций в Крыму, а будут еще большие целевые финансовые санкции и запреты на поездки в отношении конкретных лиц. <...> Я хочу абсолютно ясно дать понять, что издевательства над малыми государствами со стороны больших и вера в то, что сила – это право, не должны иметь места в нашем мире» [Parliamentary Debates (5) 2014, p. 9152]. Австралия ввела запрет и на продажу России урана (при горячем одобрении зеленых), приостановив таким образом действие соглашения 2007 г., которое так активно в свое время продвигало правительство лейбористов. 3 сентября 2014 г. премьер-министр сообщил: «Украина продолжает подвергаться активной дестабилизации и, по сути, прямому вторжению со стороны России – страны, которой она никогда, никогда не пыталась навредить. Итак, сегодня я объявляю об открытии Австралией посольства в Киеве. <...> Вместе с нашими европейскими партнерами и союзниками мы также рассматриваем вопрос о краткосрочной гуманитарной и логистической военной помощи Украине, а в среднесрочной перспективе – о предоставлении ей помощи по наращиванию ее гражданского и военного потенциала» [Parliamentary Debates (6) 2014, p. 9578].

Напряженность в двусторонних отношениях перешла в октябре на персональный уровень. 12 октября Эббот пообещал «прижать к стенке» В. Путина во время их встречи на саммите G20 в Брисбене [Chan, Alcorn 2014]. Он даже попытался помешать участию Путина в этом саммите, однако не получил поддержки всех его участников. 11 ноября в Пекине Эббот лично заявил российскому президенту, что МН17 был сбит установкой, которая прибыла, а затем

вернулась в Россию, и предложил ему принести извинения. В Брисбене австралийские официальные лица оказали Путину подчеркнуто холодный прием. Так, 14 ноября его встречали в аэропорту не премьер-министр и генерал-губернатор, а только заместитель министра обороны и губернатор Квинсленда [Piotrowski, Noble 2014].

В результате к концу 2014 г. отношения между двумя странами опустились до исторически низкой точки. Важно отметить, что австралийская политическая элита заняла единую позицию по отношению к России с самого начала украинского кризиса, в отличие от событий 2008 г. Это объясняется рядом факторов, в том числе и давлением украинской общины в Австралии. Обсуждения в парламенте событий в Крыму в марте 2014 г. нередко инициировали депутаты из округов, где имелось украинское меньшинство, например либералы А. Хоук и Д. Вуд, который открыто заявил 19 марта в парламенте: «Положение в Украине вызывает глубокое беспокойство у моего электората» [Parliamentary Debates (2) 2014, p. 2447]. Свою роль сыграло и усиливавшееся в течение предыдущих шести лет недоверие к российской внешней политике. Не менее важным фактором явилась солидарность с западными державами, прежде всего с Великобританией и США. В частности, в марте 2014 г. Бишоп проводила интенсивные консультации с британским министром иностранных дел У. Хейгом и Британским советом национальной безопасности [Parliamentary Debates (1) 2014, p. 1996]. Причем позиция Австралии на первых порах оказалась даже более жесткой, чем реакция ЕС. Так, Австралия раньше, чем европейские страны, распространила свои санкции на ряд российских банков и нефтяных и газовых компаний. МИДТ в отчете за 2013–2014 гг. призвало «тщательно пе-

ресмотреть наши отношения с Россией, исходя из событий в Украине» и включило «аннексию Россией Крыма» в список основных угроз, которые «повлияли на ландшафт глобальной безопасности» [Annual Report 2014, pp. 56, 101].

С точки зрения Канберры, ее меры против России носили исключительно реактивный характер: «Когда Россия незаконно аннексировала Крым, мы ввели санкции в ответ на это. Когда она начала дестабилизировать ситуацию на востоке Украины, мы также ввели санкции в ответ. Когда Москва направила войска и вооружение через границу на восток Украины, мы вновь ввели санкции, а когда это вооружение было использовано, чтобы сбить малайзийский “Боинг” МН17 с 38 австралийцами на борту, мы в очередной раз ввели ответные меры. Так что санкции были введены в ответ на каждое действие, предпринятое российским правительством» [Посол Австралии в Москве 2014].

Как же реагировала Россия на недружественные шаги Канберры? На первом этапе Москва попыталась использовать в качестве средства давления экономические инструменты. 7 апреля 2014 г. Россия ввела временные ограничения на экспорт из Австралии замороженной и охлажденной говядины из-за обнаруженного в ней стимулятора роста (треболон ацетат). На тот момент Австралия обеспечивала 5–10% всей импортируемой в Россию говядины. Это была предупредительная мера, призванная продемонстрировать Канберре, что занятая ей позиция по Крыму может стать причиной того, что она лишится российского рынка.

На расширение санкционного списка 21 мая 2014 г. Россия отреагировала резким заявлением: «Этот шаг, явно предпринятый под внешним давлением, свидетельствует об искаженном понимании Канберрой причин внутри-

политического кризиса на Украине. Мы уже не раз заявляли, что Россия не примет попытки разговаривать с собой языком санкций. Разумеется, без ответа они не останутся. Избрав откровенно антироссийскую линию и тиражируя оторванные от реальности обвинения, правительство Эббота должно осознавать, что берет на себя всю полноту ответственности за нанесение ущерба российско-австралийским отношениям» [Комментарий Департамента информации и печати МИД России 2014].

Когда Эббот возложил на Россию косвенную ответственность за гибель МН17, Кремль выступил с новым резким заявлением, назвав слова премьер-министра «неприемлемыми» [Лукашевич 2014]. 7 августа Москва использовала последнее остававшееся в ее руках экономическое средство давления, включив Австралию в список стран, потерявших право импортировать в Россию сельскохозяйственные продукты, в том числе говядину, свинину, овощи, фрукты, мясо птицы, рыбу, сыры, молоко и молочные продукты. Поскольку импорт говядины с «пятого континента» уже был запрещен, то главной жертвой этих санкций оказалось австралийское масло. Ущерб для австралийских фермеров составил 400 млн US\$, сравнительно небольшая сумма, однако эта политическая мера еще больше накалила атмосферу в отношениях двух стран.

Попытки Москвы использовать инструменты экономического давления не оказали никакого эффекта, прежде всего потому, что торговые отношения с Россией не имели существенного значения для Австралии, как бы ни были болезненны санкции для отдельных секторов ее экономики. Когда же экономические способы были исчерпаны, у Кремля остался очень ограниченный набор инструментов воздействия.

В ответ на угрожающие заявления Эббота в адрес Путина корабли Тихоокеанского и Черноморского флотов во время встречи G20 в Брисбене, на которой главной темой стал украинский кризис, провели в Филиппинском море совместные маневры и артиллерийские стрельбы по надводным мишеням, а в воды Кораллового моря вошла группа российских военных кораблей во главе с ракетным крейсером «Варяг». По словам аналитика П. Коатса, «этот флот напомнил, что дипломатия канонерок все еще существует» [Coates 2014]. Казалось, что вернулись давние времена, когда австралийцы всерьез опасались появления русского флота в южной и западной части Тихого океана. Демонстрация эта, однако, лишь еще более дискредитировала образ России в глазах австралийцев.

Причину «антироссийского курса» Канберры Москва объясняла отсутствием прагматизма в политике правительства Эббота, которое неразумно пожертвовало всеми достижениями в двусторонних отношениях последнего десятилетия. Как признался российский посол В. Морозов в феврале 2015 г., эти отношения «по сути, обнулились». «К сожалению, – заявил он, – по инициативе австралийской стороны были приостановлены политические контакты, заморожены консультации по актуальным проблемам современных международных отношений между министерствами иностранных дел, отменены переговоры по вопросам безопасности... введены санкции в отношении ряда российских юридических и физических лиц. Таким образом, перечеркнут весь наработанный в последние годы позитивный потенциал. В этом году, думаю, хуже уже не будет». Посол винил в этом австралийскую «политическую верхушку», которая «придерживается достаточно консервативных взглядов, позиционируя себя

в системе координат западного мира. К сожалению, это не самым благоприятным образом проецируется на взаимодействие с Россией. В австралийских СМИ (не без подачи политического руководства) все еще живы фобии времен холодной войны» [Посол РФ в Австралии 2015].

Кризис в политических отношениях между двумя странами сопровождался обвалом рейтинга России в Австралии. В 2015 г. хуже, чем к России, жители «пятого континента» относились только к Сирии и КНДР. Доля австралийцев, имевших о России благоприятное мнение, уменьшилось с 42% в 2013 г. до 24% в 2015 г., а неблагоприятное увеличилось с 39% до 62%. Доверие к внешней политике президента Путина упало с 38% в 2008 г. до 15% в 2015 г., а недоверие возросло с 44% до 81%. Хотя в 2016–2017 гг. отношение к РФ и ее лидерам несколько улучшилось, тем не менее оно осталось негативным. В 2017 г. 55% австралийцев имели о ней неблагоприятное мнение (против 37%), 70% имели мало доверия к Путину, лишь 17% считали, что Россия не является угрозой их стране.

Кризис в политических отношениях между двумя странами стал причиной настоящей катастрофы в торгово-экономической сфере. Уже в 2014 г. австралийский экспорт товаров и услуг в Россию упал на 24% (экспорт товаров на 28%). Из-за санкций и резкого сокращения продажи мяса, пищевых мясных субпродуктов и живых животных в структуре экспорта значительно уменьшилась доля продовольственных товаров и сельскохозяйственного сырья, хотя они и удержалось на втором месте (29,8%). Осенью 2014 г. прекратилась продажа в РФ оборудования для атомных станций (общее падение с 9,9 до 5,4% экспорта). А в 2015 г. рухнул российский импорт в Австралию, уменьшившись в 3,4 раза (товарный

импорт в 3,9 раза). В целом за 2014–2016 гг. он упал в 4,9 раза (товарный импорт почти в 6 раз). Общий объем обмена товарами и услугами между двумя странами в 2014–2016 гг. уменьшился в 2,4 раза, а товарооборот – в 2,65 раза, опустившись ниже уровня 2006 г.

По инициативе Австралии приостановила свою работу Смешанная российско-австралийская комиссия по торгово-экономическому сотрудничеству. Крупные российские компании, в частности «Норильский никель», постепенно сворачивали свою деятельность. Посол Морозов объяснил это «не всегда комфортными условиями ведения бизнеса в Австралии» [Посол РФ в Австралии 2015]. Что же касается австралийского бизнеса, то, согласно послу Майлеру, «многие бизнесмены предпочитают для своих капиталов другие рынки из-за рисков, связанных с Россией в настоящее время. Россия была, действительно, хорошим рынком с большим потенциалом. У России огромные залежи полезных ископаемых, и ожидалось, что сотрудничество будет действительно хорошим. Сейчас, я считаю, риски, связанные с Россией, начинают оказывать большее давление на тему того, инвестировать в Россию или нет» [Посол Австралии в Москве 2014].

В 2015 г. российско-австралийские отношения находились в состоянии «холодной войны». Австралия приняла участие в бойкоте западными правительствами празднования 70-летия Победы в Великой Отечественной войне в Москве в мае 2015 г. 29 июля 2015 г. Россия в Совете Безопасности ООН наложила вето на проект резолюции о создании международного трибунала по расследованию преступлений, связанных с уничтожением МН17. Реакция на это нового либерального правительства М. Тернбула была очень жесткой. В своем заявлении Бишоп назвала российское вето «оскорблением па-

мяти 298 жертв МН17, их семей и друзей» [Bishop 2015]. В ноябре Австралия не выразила соболезнований России после взрыва российского самолета на Синае 31 октября 2015 г. и гибели 250 российских гражданских лиц. В Ежегодном отчете МИДТ за 2014–2015 гг. говорилось: «Правительство еще более расширило автономные санкции против России в ответ на продолжающееся ее участие в конфликте на востоке Украины <...> ...двусторонние контакты Австралии с Россией очень сократились»; «они останутся трудными до тех пор, пока Россия не прекратит вмешательство на юго-востоке Украины и полностью не выполнит свои обязательства по соглашению о прекращении огня Минск-2» [Annual Report 2015, pp. 83, 87]. В феврале 2016 г. австралийская политическая элита была взбуждена слухами о поставках российского оружия на Фиджи [Estimates 2016, p. 135]. Во время осады и обстрелов сирийскими правительственными войсками Алеппо усилилось недовольство поддержкой Россией режима Асада (см., напр.: [Parliamentary Debates (2) 2016, p. 2699]). В австралийском политическом дискурсе появились такие выражения, как «все более агрессивная политика России» и «российская “бордеризация” соседних государств» [Parliamentary Debates (1) 2016]. Слова «путинская Россия» стали использоваться для обозначения типичного репрессивного политического режима.

Тон российских официальных лиц в адрес австралийских руководителей также становился все более жестким: «Министр иностранных дел Австралии Д. Бишоп, – сообщал российский МИД, – на днях разразилась очередной порцией нападок на российскую сторону в связи с украинским кризисом <...> Подобные высказывания австралийского министра подтверждают, что в оценках происходящего на Украине

чувство реальности так и не вернулось к канберрским политикам, следующим в кильватере своих заокеанских менторов. <...> Тиражирование антироссийских клише в духе “холодной войны”, к которым продолжают прибегать в Канберре, – путь в никуда. Подобными пассажами г-жа Д. Бишоп лишь загоняет в тупик российско-австралийские отношения» [Комментарий Департамента информации и печати МИД России 2015].

Однако в 2016 г. появились признаки некоторых перемен в двусторонних отношениях. В Ежегодном отчете МИДТ за 2015–2016 гг. говорилось: «Россия продолжала идти по пути конфронтации с НАТО, и украинский конфликт оставался неразрешенным. Крым все еще оккупирован Россией. Австралийские санкции, введенные министерством после российской акции против Украины в 2014 г., остаются в силе. <...> [Однако] Россия сохраняет статус важного международного игрока, и мы будем продолжать сотрудничество там, где существует взаимный интерес и выгода»; «мы провели консультации с Россией по Сирии и Ближнему Востоку и начали переговоры об отложенном меморандуме о взаимопонимании в сфере борьбы с терроризмом» [Annual Report 2016, pp. 72, 74]. Со своей стороны, Россия в мае 2016 г. сняла продовольственное эмбарго, разрешив поставки замороженной говядины, мяса птицы и овощей, предназначенных для производства детского питания [Постановление от 27 мая 2016]. На встрече Тернбула с Путиным на полях саммита G20 в китайском Ханчжоу в сентябре 2016 г. российский президент сконцентрировал обсуждение на сирийском кризисе и борьбе с терроризмом, особенно с ИГИЛ [Turnbull 2016]; когда же Тернбул заявил о решимости Австралии добиться наказания виновных в гибели МН17, Путин

«признал, что это важно для Австралии» [Probyn 2016]. Российский лидер явно пытался вычленить сферу, в которой Россия и Австралия (как и другие западные страны) могли бы плодотворно сотрудничать, и не заострять внимание на «болевых точках». В Концепции внешней политики России 2016 г. об Австралии также говорилось в примирительном тоне: «Россия продолжит развивать взаимодействие с Австралией <...> по вопросам, представляющим взаимный интерес» [Концепция внешней политики 2016].

Тем не менее кардинального перелома к лучшему в отношениях двух стран в 2016–2018 гг. не произошло, да и не могло произойти. Остается много острых проблем, их осложняющих, прежде всего вопрос об ответственности и наказании виновных в уничтожении МН17, противоположные позиции по Крыму и продолжающемуся конфликту на востоке Украины, поддержка Россией режима Асада или вопрос о соблюдении прав сексуальных меньшинств в России, особенно в Чечне, который обсуждался в австралийском сенате 10 мая и 15 июня 2017 г. [Parliamentary Debates (1) 2017; Parliamentary Debates (2) 2017]. В сентябре 2017 г. правительство продолжило введенные ранее санкции еще на 3 года и расширило санкционный список. В настоящее время в нем 153 чел. и 48 компаний, в том числе такие гиганты, как «Сбербанк», «ВТБ», «Газпромбанк», «Внешэкономбанк», «Россельхозбанк», «Роснефть», «Транснефть», «Газпромнефть», «Оборонпром», «Объединенная авиастроительная корпорация». В последней «Белой книге» австралийского правительства говорится о российском «отказе действовать в соответствии с международным правом и <согласованными> нормами <поведения>», о «насилованных и агрессивных действиях в Украине», «неприемлемом вмешательстве в демократиче-

ские процессы <...> действиях российских хакеров во время президентских выборов в США 2016 г.» и об особой озабоченности по поводу «гибели борта МН17, российской аннексии Крыма и интервенции в восточной Украине». Тем не менее общая позиция Канберры по отношению к РФ выглядит вполне прагматично: «Учитывая международную роль России и ее размеры, российская политика влияет на Австралию как прямо, так и непрямо. Мы будем осторожно контактировать с ней для продвижения наших интересов там, где мы считаем возможным. Одновременно Австралия будет работать вместе с партнерами для противодействия России в тех случаях, когда она будет угрожать международной безопасности» [Australia's Foreign and Trade Policy White Paper 2017, pp. 24, 31, 81].

***

Кризис в российско-австралийских отношениях, спровоцированный аннексией Крыма в марте 2014 г., весьма показателен, поскольку сама по себе Украина как политический или экономический партнер не имела для Канберры никакого значения. Объем украино-австралийского товарооборота в 2013 г. был ничтожен даже по сравнению с российско-австралийским: меньше в 79 раз (!). Австралию в этом плане нельзя сравнить ни с ЕС, естественно озабоченным происходящим на его восточных рубежах, ни с США, учитывая их статус сверхдержавы. В конце 2000-х – начале 2010-х гг. Москва на фоне расширения российско-австралийских торгово-экономических связей и активизации контактов на политическом уровне не придавала значения тем «болевым точкам», которые стали появляться в двусторонних отношениях, и не обратила внимания на ухудшение образа России и ее внешней политики в австралийском обществе. Уже

попытки добиться признания Абхазии и Южной Осетии небольшими государствами Океании, тесно связанными с Австралией, в определенной степени скомпрометировали в глазах Канберры внешнеполитический курс Москвы, что безусловно наложило на общее охлаждение между Россией и Западом. Совершенно ясно, что, предпринимая такие попытки, российское внешнеполитическое руководство не учло возможную реакцию Австралии. Демонстрация силы в Коралловом море в период наибольшего обострения российско-австралийских отношений имела совершенно не тот эффект, на который рассчитывала Россия: в момент, когда в Брисбене находились лидеры ведущих стран Запада, это могло лишь укрепить у австралийского руководства чувство принадлежности к семье западных государств. Использование торговых ограничений как средства политического воздействия оказалось безрезультатным даже по отношению к европейским государствам, несмотря на важность для них товарных обменов с Россией, и оно тем более не могло оказать влияния на позицию Австралии, чья заинтересованность в сохранении торговых отношений с Россией была неизмеримо меньше. Во-первых, санкции не смогли нанести австралийской экономике значительного ущерба⁶. Во-вторых, Россия сама закрыла путь к сближению «через кошелек», т.е. через расширение торговли и усиление заинтересованности австралийского бизнеса во взаимовыгодном экономическом сотрудничестве. Вместо этого она показала себя ненадежным партнером, чья внешнеэкономическая деятельность определяется исключительно политическими целями и мотивами.

Политика санкций западных стран против России оказалась для Кремля полной неожиданностью, как и присоединение к этой политике Австралии. Но имела ли Россия возможность удержаться от участия в ней Канберру? Конечно, нет. Ухудшение российско-австралийских не было следствием, как утверждает директор Международного института новейших государств А. Мартынов, только «личной позиции Эббота» (цит. по: [Алексеева 2018]). Это была позиция австралийского политического класса, которую лучше всего выразил в августе 2016 г. эксперт по внешней политике П. Дибб из Австралийского национального университета: «Мы живем в чрезвычайно опасном мире, который бросает вызов основным ценностям нашей западной цивилизации. Дело в том, что Россия и Китай, две авторитарные державы, бросают вызов западному либеральному порядку посредством применения военной силы и принуждения. Они объединены в своей враждебности по отношению к Соединенным Штатам и их демократическим союзникам, стремясь изменить международные границы и расширить свои территории. <...> Цель возрождающейся России – утвердить себя как великую державу и вернуть утраченные территории. “Новая модель России” Владимира Путина – Россия как одна из независимых великих держав, восстанавливающая свое геополитическое положение на собственных условиях» [Dibb 2016].

Вот почему нет оснований надеяться, что австралийская политическая элита вдруг осознает «неразумность» своего поведения по отношению к России после аннексии Крыма, как и на то, что «здравый смысл восторжествует» и

6 Например, по свидетельству П. Майлера, в 2014 г. «экспорт австралийской говядины достиг рекордного уровня <...> – похоже, рост на 17% по сравнению с прошлым годом по всему миру» [Посол Австралии в Москве 2014].

«они [западные правительства] вскоре устанут от этого [политики санкций]» (слова В. Путина цит. по: [Съезд Российского союза промышленников и предпринимателей 2018]). И тем более нет оснований надеяться, что удастся вбить клин между Канберрой и Вашингтоном. Австралийский политический класс убежден, что Австралия является неотъемлемой частью западного мира, и для него отношения с США для сих пор остаются стратегическим приоритетом. В этом вопросе существует консенсус между основными политическими силами страны, о чем свидетельствуют программы и Либеральной, и Лейбористской партий.

Есть ли необходимость для России восстановить отношения с Австралией? Безусловно, особенно в контексте переориентации российской внешней политики на Азиатско-Тихоокеанский регион и роста его важности в системе мировых экономических и политических связей. Но это нелегкая задача. По словам аналитика Мэттью Сассекса, «в российско-австралийских отношениях нет подлинной взаимозависимости; многое определяется политическим климатом и поведением России» [Sussex 2015, p. 15]. Правда, есть позитивный фактор – реальная военная или политическая угроза Австралии со стороны России крайне мала, хотя Россия все больше позиционирует себя в регионе как военная держава, прилагая после 2014 г. значительные усилия по укреплению Тихоокеанского флота, главной ударной силой которого являются пять подводных стратегических ракетноносцев, организуя визиты военных кораблей, проводя совместные военно-морские учения в Тихом океане с Японией, странами АСЕАН, Индией и особенно с КНР, поставляя военную технику странам АТР. С другой стороны, существуют два серьезных вызова. В экономической сфере рост энерге-

тических потребностей КНР и Индии делает Россию и Австралию, заявившую о намерении стать в 2020 г. главным мировым экспортером сжиженного природного газа («газовой Саудовской Аравией»), естественными конкурентами на азиатских рынках. В сфере безопасности слишком сильное политическое сближение с Пекином в условиях напряженности в Южно-Китайском море и опасений Канберры по поводу внешнеполитических амбиций своего главного торгового партнера, КНР, может привести к тому, что обострение австралийско-китайских отношений отразится и на отношениях Австралии с Россией, втянет последнюю в сеть конфликтов в Тихоокеанском регионе. Поэтому РФ следует сделать акцент на стратегию постепенного экономического проникновения в страны АТР и диверсификации своего экспорта, активно использовать инструменты мягкой силы и механизмы многостороннего взаимодействия и выступать в роли гаранта региональной стабильности и безопасности, избегая брать на себя особые политические и тем более военные обязательства.

Список литературы

Авдулов Н.Н. (1997) Россия и Австралия: особенности развития двусторонних отношений в условиях окончания «Холодной войны» (1985–95 гг.): дис... канд. ист. наук. М.: Дипломатическая академия МИД РФ.

Алексеева Н. (2018) У нас другая точка зрения // Russia Today. 29 января 2018 // <https://russian.rt.com/world/article/475311-australia-knr-rossia-sotrudnichestvo-ugroza>, дата обращения 31.01.2019.

Говор Е. (2007) Российские моряки и путешественники в Австралии. М.: Восточная литература.

Комментарий Департамента информации и печати МИД России в связи с предстоящим рабочим визитом Министра иностранных дел России С.В. Лаврова в Австралию (2012) // Министерство иностранных дел РФ. 11 января 2012 // www.mid.ru/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/172650, дата обращения 31.01.2019.

Комментарий Департамента информации и печати МИД России в связи с введением Австралией дополнительных санкций «в поддержку Украины» (2014) // Министерство иностранных дел РФ. 22 мая 2014 // http://www.mid.ru/en_GB/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/59178?p_p_id=101_INSTANCE_cKNonkJE02Bw&_101_INSTANCE_cKNonkJE02Bw_languageId=ru_RU, дата обращения 31.01.2019.

Комментарий Департамента информации и печати МИД России в связи с высказываниями мининдел Австралии Дж. Бишоп (2015) // Министерство иностранных дел РФ. 16 июня 2015 // http://www.mid.ru/en/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/1445303?p_p_id=101_INSTANCE_cKNonkJE02Bw&_101_INSTANCE_cKNonkJE02Bw_languageId=ru_RU, дата обращения 31.01.2019.

Концепция внешней политики Российской Федерации (2013) // Министерство иностранных дел РФ. 18 февраля 2013 // http://www.mid.ru/foreign_policy/official_documents/-/asset_publisher/CptICkB6BZ29/content/id/122186?p_p_id=101_INSTANCE_CptICkB6BZ29&_101_INSTANCE_CptICkB6BZ29_languageId=ru_RU, дата обращения 31.01.2019.

Концепция внешней политики Российской Федерации (2016) // Министерство иностранных дел РФ. 1 декабря 2016 // http://www.mid.ru/en/foreign_policy/official_documents/-/as

[set_publisher/CptICkB6BZ29/content/id/2542248?p_p_id=101_INSTANCE_CptICkB6BZ29&_101_INSTANCE_CptICkB6BZ29_languageId=ru_RU](http://www.mid.ru/en/foreign_policy/official_documents/-/asset_publisher/CptICkB6BZ29/content/id/2542248?p_p_id=101_INSTANCE_CptICkB6BZ29&_101_INSTANCE_CptICkB6BZ29_languageId=ru_RU), дата обращения 31.01.2019.

Лукашевич А.К. (2014) Ответ на вопрос российских СМИ // Министерство иностранных дел РФ. 18 июля 2014 // http://www.mid.ru/en_GB/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/677396?p_p_id=101_INSTANCE_cKNonkJE02Bw&_101_INSTANCE_cKNonkJE02Bw_languageId=ru_RU, дата обращения 31.01.2019.

Маргарян Т.Д. (2012) Становление и развитие российско-австралийских отношений в 1991–2011 годы: дис. ... канд. ист. наук. М.: РУДН.

Нестеренко А.А. (2010) Интервью РИА «Новости» // Министерство иностранных дел РФ. 19 апреля 2010 // www.mid.ru/en_GB/press_service/spokesman/answers/-/asset_publisher/OyrhusXGz9Lz/content/id/254638?p_p_id=101_INSTANCE_OyrhusXGz9Lz&_101_INSTANCE_OyrhusXGz9Lz_languageId=ru_RU, дата обращения 31.01.2019.

Посол Австралии в Москве: Россия будет испытывать проблемы с продовольствием к февралю-марту 2015 года (2014) // Интерфакс. 14 ноября 2014 // www.interfax.ru/interview/407075, дата обращения 31.01.2019.

Постановление от 27 мая 2016 г. № 472 (2016) // Кодификация РФ // <http://rulings.ru/government/Postanovlenie-Pravitelstva-RF-ot-27.05.2016-N-472/>, дата обращения 31.01.2019.

Посол РФ в Австралии: мы готовы обсуждать возобновление сотрудничества (2015) // РИА Новости. 5 февраля 2015 // <https://ria.ru/interview/20150205/1046028585.html>, дата обращения 31.01.2019.

Празднование Дня России в Брисбене (2009) // Единение. 6 июля 2009

// <http://www.unification.com.au/articles/203/>, дата обращения 31.01.2019.

Съезд Российского союза промышленников и предпринимателей (2018) // Президент России. 9 февраля 2018 // <http://kremlin.ru/events/president/news/56837>, дата обращения 31.01.2019.

Annual Report (2014, 2015, 2016) // Australian Government. Department of Foreign Affairs and Trade // <https://dfat.gov.au/about-us/publications/corporate/annual-reports/Pages/annual-reports.aspx>, дата обращения 31.01.2019.

Aust-Russian Uranium Deal under Scrutiny (2008) // ABCNews, September 2, 2008 // <http://www.abc.net.au/news/2008-09-02/aust-russian-uranium-deal-under-scrutiny/497130>, дата обращения 31.01.2019.

Australia's Foreign and Trade Policy White Paper (1997) // Australian Government // http://repository.jeffmalone.org/files/foreign/In_the_National_Interest.pdf, дата обращения 31.01.2019.

Australia's Foreign and Trade Policy White Paper (2003) // Australian Government // <http://unpan1.un.org/intradoc/groups/public/documents/apcity/unpan012801.pdf>, дата обращения 31.01.2019.

Australia's Foreign and Trade Policy White Paper (2017) // Australian Government // <https://www.fpwhitepaper.gov.au/foreign-policy-white-paper>, дата обращения 31.01.2019.

Barratt G. (1988) *The Russians and Australia*, Vancouver: University of British Columbia Press.

Bishop J. (2015) MH17 Tribunal: Statement after the Vote // Australian Government. Department of Foreign Affairs and Trade // https://foreignminister.gov.au/speeches/Pages/2015/jb_sp_150729.aspx?w=tb1CaGpkPX%2FIS0K%2Bg9ZKEg%3D%3D, дата обращения 31.01.2019.

Chan G., Alcorn G. (2014) Tony Abbott Says He Will "Shirtfront" Vladimir Putin over Downing of MH17 // *The Guardian*,

October 13, 2014 // <https://www.theguardian.com/world/2014/oct/13/tony-abbott-says-he-will-shirtfront-vladimir-putin-over-downing-of-mh17>, дата обращения 31.01.2019.

Coates P. (2014) Russian Cruiser Varyag's Gunboat Diplomacy in Australia's Region // *Submarine Matters*, November 24, 2014 // <http://gentleseas.blogspot.com/2014/11/russian-cruiser-varyags-gunboat.html>, дата обращения 31.01.2019.

Defence White Paper (2009) // Australian Government. Department of Defence // <http://www.defence.gov.au/white-paper/2009/>, дата обращения 31.01.2019.

Defence White Paper (2013) // Australian Government. Department of Defence // <http://www.defence.gov.au/white-paper/2013/>, дата обращения 31.01.2019.

Dibb P. (2016) Wedged West Faces Geopolitical, Death Threats on Emerging Fronts // *The Australian National University*, August 10, 2016 // <http://sdsc.bellschool.anu.edu.au/news-events/news/4329/wedged-west-faces-geopolitical-death-threats-emerging-fronts>, дата обращения 31.01.2019.

Estimates, Foreign Affairs, Defence and Trade Legislation Committee (2011, 2012, 2013, 2015, 2016) // Parliament of Australia // https://www.aph.gov.au/Parliamentary_Business/Senate_Estimates/fadtcte/estimates/index, дата обращения 31.01.2019.

Flitton D. (2011) Australia Lashes Russia over Aid // *The Sydney Morning Herald*, October 17, 2011 // <https://www.smh.com.au/national/australia-lashes-russia-over-aid-20111016-1lrjv.html>, дата обращения 31.01.2019.

Gartrell A. (2012) Russian Aid to Pacific Must Be Open: Rudd // *The Sydney Morning Herald*, January 31, 2012 // <https://www.smh.com.au/national/russian-aid-to-pacific-must-be-open-rudd-20120131-1qrdt.html>, дата обращения 31.01.2019.

Govor E. (1997) *Australia in the Russian Mirror: Changing Perceptions, 1770–1919*, Melbourne: Melbourne University Press.

Joint Standing Committee on Treaties (2008) // Official Committee Hansard. House of Representatives.

Massov A., McNair J., Poole Th. (eds.) (2007) *Encounters under the Southern Cross: Two Centuries of Russian–Australian Relations 1807–2007*, Adelaide: Crawford House Publishing.

McNair J., Pool Th. (eds.) (1992) *Russia and the Fifth Continent*, Brisbane: University of Queensland Press.

Parliamentary Debates (2008) // House of Representatives. Official Hansard. No. 10, August, 27, 2010 // https://parlinfo.aph.gov.au/parlInfo/download/chamber/hansardr/2008-08-27/toc_pdf/6092-4.pdf;fileType=application%2Fpdf#search=%22chamber/hansardr/2008-08-27/0000%22, дата обращения 31.01.2019.

Parliamentary Debates (2010) // Senate. Official Hansard. No. 4, March 18, 2010 // https://parlinfo.aph.gov.au/parlInfo/download/chamber/hansards/2010-03-18/toc_pdf/7489-3.pdf;fileType=application%2Fpdf#search=%22chamber/hansards/2010-03-18/0000%22, дата обращения 31.01.2019.

Parliamentary Debates (1) (2014) // House of Representatives. Official Hansard. No. 4, March 17, 2014 // https://parlinfo.aph.gov.au/parlInfo/download/chamber/hansardr/19c32232-832c-45aa-8efa-783c9a3446a4/toc_pdf/House%20of%20Representatives_2014_03_17_2298_Official.pdf;fileType=application%2Fpdf#search=%22chamber/hansardr/19c32232-832c-45aa-8efa-783c9a3446a4/0000%22, дата обращения 31.01.2019.

Parliamentary Debates (2) (2014) // House of Representatives. Official Hansard. No. 4, March 19, 2014 // https://parlinfo.aph.gov.au/parlInfo/download/chamber/hansardr/fc34435e-5f7a-4507-bac8-a38614e5fd1e/toc_pdf/House%20of%20Representatives_2014_03_19_2302_Official.pdf;fileType=application%2Fpdf#search=%22chamber/hansardr/fc34435e-5f7a-4507-bac8-a38614e5fd1e/0000%22, дата обращения 31.01.2019.

Parliamentary Debates (3) (2014) // House of Representatives. Official Hansard. No. 12, July 17, 2014 // https://parlinfo.aph.gov.au/parlInfo/download/chamber/hansardr/9c18a223-4397-465e-bb44-fdddfbae3cf2/toc_pdf/House%20of%20Representatives_2014_07_17_2672_Official.pdf;fileType=application%2Fpdf#search=%22chamber/hansardr/9c18a223-4397-465e-bb44-fdddfbae3cf2/0000%22, дата обращения 31.01.2019.

Parliamentary Debates (4) (2014) // House of Representatives. Official Hansard. No. 13, August 26, 2014 // https://parlinfo.aph.gov.au/parlInfo/download/chamber/hansardr/3d1f8712-ae58-466e-97e3-7d91fe79d4e8/toc_pdf/House%20of%20Representatives_2014_08_26_2762_Official.pdf;fileType=application%2Fpdf#search=%22chamber/hansardr/3d1f8712-ae58-466e-97e3-7d91fe79d4e8/0000%22, дата обращения 31.01.2019.

Parliamentary Debates (5) (2014) // House of Representatives. Official Hansard. No. 14, September 1, 2014 // https://parlinfo.aph.gov.au/parlInfo/download/chamber/hansardr/8fd8920a-0076-4086-896a-7402223f6f5d/toc_pdf/House%20of%20Representatives_2014_09_01_2793_Official.pdf;fileType=application%2Fpdf#search=%22chamber/hansardr/8fd8920a-0076-4086-896a-7402223f6f5d/0000%22, дата обращения 31.01.2019.

Parliamentary Debates (6) (2014) // Senate. Official Hansard. No. 11, September 3, 2014 // https://parlinfo.aph.gov.au/parlInfo/download/chamber/hansards/7e859186-6514-413a-8355-cf978ef167f4/toc_pdf/Senate_2014_09_03_2801_Official.pdf;fileType=application%2Fpdf#search=%22chamber/hansards/7e859186-6514-413a-8355-cf978ef167f4/0000%22, дата обращения 31.01.2019.

Parliamentary Debates (2015) // House of Representatives. Official Hansard. No. 2, February 23, 2015 // https://parlinfo.aph.gov.au/parlInfo/download/chamber/hansardr/42b54043-1776-4bc5-87c1-aeb0955beccd/toc_pdf/House%20of%20Representatives_2015_02_23_3194_Official.pdf;fileType=application%2Fpdf#search=%22chamber/hansardr/42b54043-1776-4bc5-87c1-aeb0955beccd/0000%22, дата обращения 31.01.2019.

Parliamentary Debates (1) (2016) // Senate. Official Hansard. No. 1, February 2, 2016 // https://parlinfo.aph.gov.au/parlInfo/download/chamber/hansards/6b734b2a-e113-486c-bacc-822e11cbf7e6/toc_pdf/Senate_2016_02_02_4081_Official.pdf;fileType=application%2Fpdf#search=%22chamber/hansards/6b734b2a-e113-486c-bacc-822e11cbf7e6/0000%22, дата обращения 31.01.2019.

Parliamentary Debates (2) (2016) // Senate. Official Hansard. No. 5, March 17, 2016 // https://parlinfo.aph.gov.au/parlInfo/download/chamber/hansards/1ea904ea-ae93-4f0c-bb20-3d8c33e83f81/toc_pdf/Senate_2016_03_17_4198_Official.pdf;fileType=application%2Fpdf#search=%22chamber/hansards/1ea904ea-ae93-4f0c-bb20-3d8c33e83f81/0000%22, дата обращения 31.01.2019.

Parliamentary Debates (1) (2017) // House of Representatives. Official Hansard. No. 6, May 10, 2017 // https://parlinfo.aph.gov.au/parlInfo/download/chamber/hansardr/d2bc0c63-7655-40cd-abda-b573f7b63d0d/toc_pdf/House%20of%20Representatives_2017_05_10_5021_Official.pdf;fileType=application%2Fpdf, дата обращения 31.01.2019.

Parliamentary Debates (2) (2017) // House of Representatives. Official Han-

sard. No. 9, June 15, 2017 // https://parlinfo.aph.gov.au/parlInfo/download/chamber/hansardr/3219af20-da22-4762-b08e-ad4cf9b7009e/toc_pdf/House%20of%20Representatives_2017_06_15_5167_Official.pdf;fileType=application%2Fpdf, дата обращения 31.01.2019.

Piotrowski D., Noble F. (2014) The President Has Landed // Daily Mail (Australia), November 15, 2014 // <https://www.dailymail.co.uk/news/article-2834506/Was-not-welcome-party-Russian-President-Vladimir-Putin-touches-Brisbane-ahead-G20-summit.html>, дата обращения 31.01.2019.

Probyn A. (2016) Turnbull, Putin Meet on Syria Solution, MH17 Answers // The West Australian, September 5, 2016 // <https://thewest.com.au/news/australia/turnbull-putin-meet-on-syria-solution-mh17-answers-ng-ya-265167>, дата обращения 31.01.2019.

Smith, Russian Ambassador Meet over Rebel Provinces (2008) // ABC News, August 28, 2008 // <http://www.abc.net.au/news/2008-08-28/smith-russian-ambassador-meet-over-rebel-provinces/492328>, дата обращения 31.01.2019.

Smith S. (2008) Interview with Kieran Gilbert // Australian Government. Department of Foreign Affairs and Trade, November 25, 2008 // https://foreignminister.gov.au/transcripts/2008/081125_sky.html, дата обращения 31.01.2019.

Sussex M. (2015) Russia's Asian Rebalance, Sydney.

Turnbull M. (2016) Doorstop in Vientiane, Laos // Malcolm Turnbull, September 7, 2016 // <https://www.malcolmturnbull.com.au/media/doorstop-in-vientiane-laos>, дата обращения 31.01.2019.

DOI: 10.23932/2542-0240-2019-12-1-133-158

Russia-Australia Relations before and after the Ukrainian Crisis

Ivan V. KRIVUSHIN

DSc in History, Professor, Deputy Head, Department of International Relations
National Research University Higher School of Economics, 119017, Malaya Ordynka St.,
17, Moscow, Russian Federation;
Leading Researcher,
Institute of World History of the Russian Academy of Sciences, 119334, Leninsky Av.,
32a, Moscow, Russian Federation
E-mail: ivankrivushin@gmail.com
ORCID: 0000-0002-3987-8860

CITATION: Krivushin I.V. (2019) Russia-Australia Relations before and after the Ukrainian Crisis. *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*, vol. 12, no 1, pp. 133–158 (in Russian). DOI: 10.23932/2542-0240-2019-12-1-133-158

Received: 24.10. 2018.

ABSTRACT. *The crisis of Australian-Russian relations after Russia's annexation of Crimea in March 2014 and the set of factors that caused it have received little attention from scholars of international affairs. The article contributes to addressing this research lacuna. It examines the 2014–2015 crisis in bilateral relations from the point of view of both Moscow and of Canberra. The author analyses the evolution of these relations before 2014 to understand whether the Ukrainian crisis was the cause of their sharp deterioration in 2014–2015, or it only accelerated the process that began much earlier. He demonstrates that Australia had no close political and economic ties with Russia, and the two countries did not consider each other as priority partners. The article finds that in 2014–2015 the Kremlin did not take into account a number of factors, such as very limited interest of Australia in commercial exchanges with Russia, Canberra's growing suspicions about Moscow's foreign policy intentions and view of Russia as a revisionist power (especially after the 2008 Russia-Georgia war), a strong sense of solidarity with the West among Australia's*

political elites, and Russia's increasingly worsening public image in Australia, that negatively affected Canberra's stance towards the Kremlin even before 2014, and which greatly contributed to the crisis in bilateral relations. As for future development, the author identifies two factors that may have a negative impact on Russian-Australian relations: 1) rising energy demand in China and India, making Russia and Australia potential competitors in Asia's gas markets; 2) a too close rapprochement of Moscow with Beijing, fraught with the risk of embroiling Russia in a web of conflicts in the Western Pacific.

KEY WORDS: *Russia, Australia, Russian-Georgian war, Ukrainian crisis, political relations, trade, public opinion*

References

Alekseeva N. (2018) We Have Another Point of View. *Russia Today*, January 29, 2018. Available at: <https://russian.rt.com/world/article/475311-australia-knr-ros->

sia-sotrudnichestvo-ugroza, accessed 31.01.2019 (in Russian).

Ambassador of Australia to the RF: We Are Going to See Some Changes in Russia's Food Policy by February-March 2015 (2014). *Interfax*, November 14, 2014. Available at: <http://www.interfax.com/inter-view.asp?id=550848>, accessed 31.01.2019.

Ambassador of the RF to Australia: We Are Ready to Discuss the Resumption of Relations (2015). *RIA Novosti*, February 5, 2015. Available at: <https://ria.ru/interview/20150205/1046028585.html>, accessed 31.01.2019 (in Russian).

Annual Report (2014, 2015, 2016). *Australian Government. Department of Foreign Affairs and Trade*. Available at: <https://dfat.gov.au/about-us/publications/corporate/annual-reports/Pages/annual-reports.aspx>, accessed 31.01.2019.

Aust-Russian Uranium Deal under Scrutiny (2008). *ABCNews*, September 2, 2008. Available at: <http://www.abc.net.au/news/2008-09-02/aust-russian-uranium-deal-under-scrutiny/497130>, accessed 31.01.2019.

Australia's Foreign and Trade Policy White Paper (1997). *Australian Government*. Available at: http://repository.jeffmalone.org/files/foreign/In_the_National_Interest.pdf, accessed 31.01.2019.

Australia's Foreign and Trade Policy White Paper (2003). *Australian Government*. Available at: <http://unpan1.un.org/intradoc/groups/public/documents/apcity/unpan012801.pdf>, accessed 31.01.2019.

Australia's Foreign and Trade Policy White Paper (2017). *Australian Government*. Available at: <https://www.fpwhitepaper.gov.au/foreign-policy-white-paper>, accessed 31.01.2019.

Avdulov N.N. (1997) *Russia and Australia: the Specificity of Bilateral Relations at the End of the Cold War (1985–95)*. Dissertation, Moscow: MFA Diplomatic Academy (in Russian).

Barratt G. (1988) *The Russians and Australia*, Vancouver: University of British Columbia Press.

Bishop J. (2015) MH17 Tribunal: Statement after the Vote. *Australian Government. Department of Foreign Affairs and Trade*. Available at: https://foreign-minister.gov.au/speeches/Pages/2015/jb_sp_150729.aspx?w=tb1CaGpkPX%2FIS0K%2Bg9ZKEg%3D%3D, accessed 31.01.2019.

Chan G., Alcorn G. (2014) Tony Abbott Says He Will "Shirtfront" Vladimir Putin over Downing of MH17. *The Guardian*, October 13, 2014. Available at: <https://www.theguardian.com/world/2014/oct/13/tony-abbott-says-he-will-shirtfront-vladimir-putin-over-downing-of-mh17>, accessed 31.01.2019.

Coates P. (2014) RussianC Varyag's Gunboat Diplomacy in Australia's Region. *Submarine Matters*, November 24, 2014. Available at: <http://gentle seas.blogspot.com/2014/11/russian-cruiser-varyags-gunboat.html>, accessed 31.01.2019.

Concept of the Foreign Policy of the Russian Federation (2013). *The Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation*, February 18, 2013. Available at: http://www.mid.ru/foreign_policy/official_documents/-/asset_publisher/CptICk-B6BZ29/content/id/122186?p_p_id=101_INSTANCE_CptICk-B6BZ29&_101_INSTANCE_CptICk-B6BZ29_languageId=ru_RU, accessed 31.01.2019 (in Russian).

Concept of the Foreign Policy of the Russian Federation (2016). *The Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation*, December 1, 2016. Available at: http://www.mid.ru/en/foreign_policy/official_documents/-/asset_publisher/CptICk-B6BZ29/content/id/2542248?p_p_id=101_INSTANCE_CptICk-B6BZ29&_101_INSTANCE_CptICk-B6BZ29_languageId=ru_RU, accessed 31.01.2019 (in Russian).

Congress of Russian Union of Industrialists and Entrepreneurs (2018). *President of Russia*, February 9, 2018. Available at: <http://en.kremlin.ru/events/president/>

news/56837, accessed 31.01.2019 (in Russian).

Defence White Paper (2009). *Australian Government. Department of Defence*. Available at: <http://www.defence.gov.au/whitepaper/2009/>, accessed 31.01.2019.

Defence White Paper (2013). *Australian Government. Department of Defence*. Available at: <http://www.defence.gov.au/whitepaper/2013/>, accessed 31.01.2019.

Dibb P. (2016) Wedged West Faces Geopolitical, Death Threats on Emerging Fronts. *The Australian National University*, August 10, 2016. Available at: <http://sdsc.bellschool.anu.edu.au/news-events/news/4329/wedged-west-faces-geopolitical-death-threats-emerging-fronts>, accessed 31.01.2019.

Estimates, Foreign Affairs, Defence and Trade Legislation Committee (2011, 2012, 2013, 2015, 2016). *Parliament of Australia*. Available at: https://www.aph.gov.au/Parliamentary_Business/Senate_Estimates/fadtctte/estimates/index, accessed 31.01.2019.

Flitton D. (2011) Australia Lashes Russia over Aid. *The Sydney Morning Herald*, October 17, 2011. Available at: <https://www.smh.com.au/national/australia-lashes-russia-over-aid-20111016-1lrjv.html>, accessed 31.01.2019.

Gartrell A. (2012) Russian Aid to Pacific Must Be Open: Rudd. *The Sydney Morning Herald*, January 31, 2012. Available at: <https://www.smh.com.au/national/russian-aid-to-pacific-must-be-open-rudd-20120131-1qrdt.html>, accessed 31.01.2019.

Govor E. (1997) *Australia in the Russian Mirror: Changing Perceptions, 1770–1919*, Melbourne: Melbourne University Press.

Govor E. (2007) *Russian Sailors and Travelers in Australia*, Moscow: Oriental Literature (in Russian).

Joint Standing Committee on Treaties (2008). *Official Committee Hansard. House of Representatives*.

Lukashevich A. (2014) Answer to the Question from the Russian Mass Me-

dia. *The Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation*, July 18, 2014. Available at: http://www.mid.ru/en_GB/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/677396?p_p_id=101_INSTANCE_cKNonkJE02Bw&_101_INSTANCE_cKNonkJE02Bw_languageId=ru_RU, accessed 31.01.2019 (in Russian).

Margaryan T.D. (2012) *Development of Russian-Australian Relations in 1991–2011*. Dissertation, Moscow: RUDN (in Russian).

Massov A., McNair J., Poole Th. (eds.) (2007) *Encounters under the Southern Cross: Two Centuries of Russian–Australian Relations 1807–2007*, Adelaide: Crawford House Publishing.

McNair J., Pool Th. (eds.) (1992) *Russia and the Fifth Continent*, Brisbane: University of Queensland Press.

MFA Information and Press Department. Comment (2012). *The Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation*, January 11, 2012. Available at: www.mid.ru/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/172650, accessed 31.01.2019 (in Russian).

MFA Information and Press Department. Comment (2014). *The Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation*, May 22, 2014. Available at: http://www.mid.ru/en_GB/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/59178?p_p_id=101_INSTANCE_cKNonkJE02Bw&_101_INSTANCE_cKNonkJE02Bw_languageId=ru_RU, accessed 31.01.2019 (in Russian).

MFA Information and Press Department. Comment (2015). *The Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation*, May 16, 2015. Available at: http://www.mid.ru/en/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/1445303?p_p_id=101_INSTANCE_cKNonkJE02Bw&_101_INSTANCE_cKNonkJE02Bw_languageId=ru_RU, accessed 31.01.2019 (in Russian).

Nesterenko A. (2010) Interview to RIA Novosti. *The Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation*, April 19, 2010. Available at: www.mid.ru/en_GB/press_service/spokesman/answers/-/asset_publisher/OyrhusXGz9Lz/content/id/254638?p_p_id=101_INSTANCE_OyrhusXGz9Lz&_101_INSTANCE_OyrhusXGz9Lz_languageId=ru_RU, accessed 31.01.2019 (in Russian).

Parliamentary Debates (2008). *House of Representatives. Official Hansard*. No. 10, August, 27, 2010. Available at: https://parlinfo.aph.gov.au/parlInfo/download/chamber/hansardr/2008-08-27/toc_pdf/6092-4.pdf;fileType=application%2Fpdf#search=%22chamber/hansardr/2008-08-27/0000%22, accessed 31.01.2019.

Parliamentary Debates (2010). *Senate. Official Hansard*. No. 4, March 18, 2010. Available at: https://parlinfo.aph.gov.au/parlInfo/download/chamber/hansards/2010-03-18/toc_pdf/7489-3.pdf;fileType=application%2Fpdf#search=%22chamber/hansards/2010-03-18/0000%22, accessed 31.01.2019.

Parliamentary Debates (1) (2014). *House of Representatives. Official Hansard*. No. 4, March 17, 2014. Available at: https://parlinfo.aph.gov.au/parlInfo/download/chamber/hansardr/19c32232-832c-45aa-8efa-783c9a3446a4/toc_pdf/House%20of%20Representatives_2014_03_17_2298_Official.pdf;fileType=application%2Fpdf#search=%22chamber/hansardr/19c32232-832c-45aa-8efa-783c9a3446a4/0000%22, accessed 31.01.2019.

Parliamentary Debates (2) (2014). *House of Representatives. Official Hansard*. No. 4, March 19, 2014. Available at: https://parlinfo.aph.gov.au/parlInfo/download/chamber/hansardr/fc34435e-5f7a-4507-bac8-a38614e5fd1e/toc_pdf/House%20of%20Representatives_2014_03_19_2302_Official.pdf;fileType=application%2Fpdf#search=%22

chamber/hansardr/fc34435e-5f7a-4507-bac8-a38614e5fd1e/0000%22, accessed 31.01.2019.

Parliamentary Debates (3) (2014). *House of Representatives. Official Hansard*. No. 12, July 17, 2014. Available at: https://parlinfo.aph.gov.au/parlInfo/download/chamber/hansardr/9c18a223-4397-465e-bb44-fdddfbae3cf2/toc_pdf/House%20of%20Representatives_2014_07_17_2672_Official.pdf;fileType=application%2Fpdf#search=%22chamber/hansardr/9c18a223-4397-465e-bb44-fdddfbae3cf2/0000%22, accessed 31.01.2019.

Parliamentary Debates (4) (2014). *House of Representatives. Official Hansard*. No. 13, August 26, 2014. Available at: https://parlinfo.aph.gov.au/parlInfo/download/chamber/hansardr/3d1f8712-ae58-466e-97e3-7d91fe79d4e8/toc_pdf/House%20of%20Representatives_2014_08_26_2762_Official.pdf;fileType=application%2Fpdf#search=%22chamber/hansardr/3d1f8712-ae58-466e-97e3-7d91fe79d4e8/0000%22, accessed 31.01.2019.

Parliamentary Debates (5) (2014). *House of Representatives. Official Hansard*. No. 14, September 1, 2014. Available at: https://parlinfo.aph.gov.au/parlInfo/download/chamber/hansardr/8fd8920a-0076-4086-896a-7402223f6f5d/toc_pdf/House%20of%20Representatives_2014_09_01_2793_Official.pdf;fileType=application%2Fpdf#search=%22chamber/hansardr/8fd8920a-0076-4086-896a-7402223f6f5d/0000%22, accessed 31.01.2019.

Parliamentary Debates (6) (2014). *Senate. Official Hansard*. No. 11, September 3, 2014. Available at: https://parlinfo.aph.gov.au/parlInfo/download/chamber/hansards/7e859186-6514-413a-8355-cf978ef167f4/toc_pdf/Senate_2014_09_03_2801_Official.pdf;fileType=application%2Fpdf#search=%22chamber/hansards/7e859186-6514-413a-

8355-cf978ef167f4/0000%22, accessed 31.01.2019.

Parliamentary Debates (2015). *House of Representatives. Official Hansard*. No. 2, February 23, 2015. Available at: https://parlinfo.aph.gov.au/parlInfo/download/chamber/hansardr/42b54043-1776-4bc5-87c1-aeb0955beccd/toc_pdf/House%20of%20Representatives_2015_02_23_3194_Official.pdf;fileType=application%2Fpdf#search=%22chamber/hansardr/42b54043-1776-4bc5-87c1-aeb0955beccd/0000%22, accessed 31.01.2019.

Parliamentary Debates (1) (2016). *Senate. Official Hansard*. No. 1, February 2, 2016. Available at: https://parlinfo.aph.gov.au/parlInfo/download/chamber/hansards/6b734b2a-e113-486c-bacc-822e11cbf7e6/toc_pdf/Senate_2016_02_02_4081_Official.pdf;fileType=application%2Fpdf#search=%22chamber/hansards/6b734b2a-e113-486c-bacc-822e11cbf7e6/0000%22, accessed 31.01.2019.

Parliamentary Debates (2) (2016). *Senate. Official Hansard*. No. 5, March 17, 2016. Available at: https://parlinfo.aph.gov.au/parlInfo/download/chamber/hansards/1ea904ea-ae93-4f0c-bb20-3d8c33e83f81/toc_pdf/Senate_2016_03_17_4198_Official.pdf;fileType=application%2Fpdf#search=%22chamber/hansards/1ea904ea-ae93-4f0c-bb20-3d8c33e83f81/0000%22, accessed 31.01.2019.

Parliamentary Debates (1) (2017). *House of Representatives. Official Hansard*. No. 6, May 10, 2017. Available at: https://parlinfo.aph.gov.au/parlInfo/download/chamber/hansardr/d2bc0c63-7655-40cd-abda-b573f7b63d0d/toc_pdf/House%20of%20Representatives_2017_05_10_5021_Official.pdf;fileType=application%2Fpdf, accessed 31.01.2019.

Parliamentary Debates (2) (2017). *House of Representatives. Official Hansard*. No. 9, June 15, 2017. Available at: <https://parlinfo.aph.gov.au/parlInfo/download/chamber/hansardr/3219af20-da22-4762-b08e-ad>

[4cf9b7009e/toc_pdf/House%20of%20Representatives_2017_06_15_5167_Official.pdf;fileType=application%2Fpdf](https://parlinfo.aph.gov.au/parlInfo/download/chamber/hansardr/3219af20-da22-4762-b08e-ad-4cf9b7009e/toc_pdf/House%20of%20Representatives_2017_06_15_5167_Official.pdf;fileType=application%2Fpdf), accessed 31.01.2019.

Piotrowski D., Noble F. (2014) The President Has Landed. *Daily Mail (Australia)*, November 15, 2014. Available at: <https://www.dailymail.co.uk/news/article-2834506/Was-not-welcome-party-Russian-President-Vladimir-Putin-touches-Brisbane-ahead-G20-summit.html>, accessed 31.01.2019.

Probyn A. (2016) Turnbull, Putin Meet on Syria Solution, MH17 Answers. *The West Australian*, September 5, 2016. Available at: <https://thewest.com.au/news/australia/turnbull-putin-meet-on-syria-solution-mh17-answers-ng-ya-265167>, accessed 31.01.2019.

Resolution No. 472 (2016). *Government of the Russian Federation*, May 27, 2016. Available at: https://ec.europa.eu/food/sites/food/files/safety/docs/ia_eu-russia_ru-eu-import-ban_20160527_unoff-trans-en.pdf, accessed 31.01.2019.

Russia Day Celebration in Brisbane (2009). *Edinenie*, July 9, 2009. Available at: <http://www.unification.com.au/articles/203/>, accessed 31.01.2019 (in Russian).

Smith, Russian Ambassador Meet over Rebel Provinces (2008). *ABC News*, August 28, 2008. Available at: <http://www.abc.net.au/news/2008-08-28/smith-russian-ambassador-meet-over-rebel-provinces/492328>, accessed 31.01.2019.

Smith S. (2008) Interview with Kieran Gilbert. *Australian Government. Department of Foreign Affairs and Trade*, November 25, 2008. Available at: https://foreignminister.gov.au/transcripts/2008/081125_sky.html, accessed 31.01.2019.

Sussex M. (2015) *Russia's Asian Rebalance*, Sydney.

Turnbull M. (2016) Doorstop in Vientiane, Laos. *Malcolm Turnbull*, September 7, 2016. Available at: <https://www.malcolmturnbull.com.au/media/doorstop-in-vientiane-laos>, accessed 31.01.2019.

В рамках дискуссии

DOI: 10.23932/2542-0240-2019-12-1-159-184

Упущенное партнерство: Россия и США на Тихом океане

Дмитрий Вячеславович СУСЛОВ

заместитель директора, Центр комплексных европейских и международных исследований факультета мировой экономики и мировой политики

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», 119017, ул. Малая Ордынка, д. 17, Москва, Российская Федерация

E-mail: dvsuslov@hse.ru

ORCID: 0000-0001-9353-8798

ЦИТИРОВАНИЕ: Суслов Д.В. (2019) Упущенное партнерство: Россия и США на Тихом океане // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. Т. 12. № 1. С. 159–184. DOI: 10.23932/2542-0240-2019-12-1-159-184

Статья поступила в редакцию 29.12.2018.

АННОТАЦИЯ. И Россия, и США рассматривают Азиатско-Тихоокеанский регион как центр мировой экономики и политики и считают активное присутствие в нем важным для своего международного положения и экономического развития. Они не имели там таких острых противоречий, как в Европе или на постсоветском пространстве. Более того, некоторые интересы России и США в АТР совпадают – как, например, предотвращение китайской гегемонии. В этой связи российско-американский диалог и сотрудничество в АТР могли бы стать важной опорой позитивной повестки дня их отношений и фактором их устойчивости, способным предотвратить или по крайней мере смягчить то ухудшение, которое началось между ними с 2011 г. (война в Ливии) и особенно начиная с 2014 г. (кризис на Украине, военная операция России в Сирии и обвинения Москвы во вмешательстве в президентские выборы в США 2016 г.). Из-за внешнеполитической инерции, негибкости повестки дня российско-американских отношений и неспособности сторон выйти за рамки привычного ша-

блона подобный диалог даже не начался. Обе стороны продемонстрировали стратегическую близорукость. Это ослабило устойчивость американо-российских отношений перед новыми вызовами и ускорило их ухудшение и срыв в новую конфронтацию. АТР же стал еще одним театром американо-российской системной конфронтации. Однако в интересах и России, и США все же свести их конфронтацию в регионе к минимуму и рассматривать отношения в АТР отдельно от других театров взаимодействия. Это создаст благоприятные условия для выстраивания Россией сбалансированной системы партнерств в АТР, что необходимо для консолидации ее роли независимой глобальной великой державы. Кроме того, российско-американский диалог по АТР или по крайней мере ослабление их конфронтации в этом регионе сократит его поляризацию и предотвратит напряженность между США и их азиатскими союзниками и партнерами.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: отношения России и США, АТР, Китай, международная безопасность, внешняя политика России

Американский «поворот к АТР» и роль России

США несколько десятилетий были неотъемлемой частью экономики региона и центральным элементом его системы безопасности. Они обладают системой военных союзов (Япония, Южная Корея, Австралия, Филиппины, Таиланд и Пакистан, а также договор о военном сотрудничестве с Тайванем), выстраивают партнерство с другими странами региона, участвуют в региональных форумах безопасности (Восточноазиатский саммит) и имеют глубокую экономическую взаимозависимость с Китаем.

В этой связи задачей американского «поворота» была не столько интеграция в АТР, сколько укрепление там экономического и международно-политического порядка с центральной ролью США и предотвращение того, чтобы эти порядки сформировал Китай. Госсекретарь Х. Клинтон сформулировала шесть приоритетов новой стратегии США в АТР: «укрепление двусторонних оборонных альянсов; углубление отношений с динамично развивающимися державами, включая Китай; взаимодействие с региональными многосторонними институтами; расширение торговли и инвестиций; обеспечение широкомасштабного военного присутствия; продвижение демократии и прав человека» [Clinton 2011]. С самого начала эта стратегия имела два основных аспекта – безопасность и экономику.

По вопросам безопасности эта стратегия состояла, во-первых, в укреплении военных альянсов с Японией, Южной Кореей, Филиппинами и Австралией, доверия к США как к надежному союзнику и впечатления, что Вашингтон намерен и способен уравновесить китайскую мощь в регионе. США договорились о создании новой военной базы в австралийском Дарвине, а также зая-

вили, что их оборонные обязательства в отношении Японии распространяются на спорные с Китаем острова Сенкаку, и попытались оживить сотрудничество по вопросам безопасности с Филиппинами.

Во-вторых, США активизировали формирование новых партнерств, особенно со странами, обеспокоенными усилением и наступательной политикой Китая: Вьетнамом, Индией, Индонезией и Сингапуром.

В-третьих, США нарастили военное присутствие и активность в Восточной и Юго-Восточной Азии и зримо повысили значение ЮВА в своей азиатской стратегии [Charap, Drennan, Kanaev, Lukonin, Mikheev, Shvydko, Voda, Voitovsky 2016]. Уже в 2011 г. США начали отмечать растущее значение Индийского океана и самой Индии для геополитики в АТР [Clinton 2011].

В-четвертых, США нарастили взаимодействие с региональными многосторонними институтами, прежде всего АСЕАН и связанными с ней диалогами по вопросам безопасности, такими как Региональный форум АСЕАН, совещание министров обороны АСЕАН+ и Восточноазиатский саммит. Это позволило США представить свою вовлеченность в процессы ЮВА в более гармоничном для региона виде и позиционироваться как органичный компонент региональной архитектуры: АСЕАНОцентризм традиционно считается основой инклюзивной архитектуры безопасности региона.

Пятым компонентом были отношения с Китаем. Описанные выше меры, безусловно, означали усиление сдерживания КНР. С 2011–2012 гг. администрация Обамы начала рассматривать именно китайскую военную политику в качестве основной детерминанты оборонной стратегии США. Этот подход, в частности, проявился в документе Strategic Defense Guidance, опубликованном

в январе 2012 г. в качестве концептуальной основы для предстоявшего снижения военных расходов и корректировки приоритетов оборонной политики¹.

Вместе с тем администрация Обамы не отказалась от вовлечения Китая и фактически продолжила традиционный двуединый подход США – к некоторому разочарованию отдельных союзников, прежде всего Японии. Большой упор на военное и дипломатическое сдерживание (прежде всего в отношении китайских амбиций в Южно-Китайском море) сопрягался с более энергичными попытками вовлечь Пекин в диалог по безопасности и решать связанные с его военной политикой вопросы посредством сотрудничества. В соответствии с преобладавшей в администрации Обамы парадигмой, политика, основанная только на сдерживании, неприемлема и контрпродуктивна. В конце концов, намерением Вашингтона в то время было вовлечь Китай в американоцентричный порядок в регионе, а не изолировать его.

Экономическая составляющая американской стратегии «ребалансирования» базировалась на проекте Транстихоокеанского партнерства (далее – ТТП), углублении экономических диалогов с АСЕАН и асеаноцентричными форматами, а также на развитии экономического диалога с Китаем.

Администрация Обамы рассматривала ТТП как центральную составляющую желательного экономического порядка в АТР. Проект касался не только либерализации торговли, но и, главным образом, экономического управления: регулирования, интеллектуальной собственности, инвестиций и производ-

ственных цепочек. С помощью правил ТТП США стремились создать выгодный для себя экономический порядок и перераспределить относительные экономические выгоды снова в свою пользу (существовавшие на тот момент правила больше благоприятствовали Китаю). Исключение Пекина из переговоров не преследовало цель навсегда отрезать его от ориентированного на США порядка, создать в регионе линии разлома. Напротив, США ожидали, что ТТП, на 12 первоначальных членов которого приходилось порядка 40% мирового ВВП, станет настолько доминирующим и привлекательным с точки зрения регулирования экономических отношений в АТР, что у Китая не будет иного выбора, кроме как присоединиться – но уже «к правилам, написанным в Вашингтоне»², а не им или совместно с ним.

Россия в той американской стратегии отсутствовала вообще. Это не было связано с намерением исключить ее или изолировать. Скорее, она просто не воспринималась как значимый игрок в АТР.

Хотя такое восприятие было очевидно, учитывая скромные объемы вовлеченности России в экономические и политические процессы в АТР на 2011 г., оно представляется недальновидным. Уже в 2001 г. Россия установила прочное стратегическое партнерство с Китаем, и к 2011 г. их двусторонние отношения были одними из самых лучших для как Москвы, так и для Пекина. Более того, к 2011 г. стремление России играть более активную роль в АТР было уже очевидным: она присоединилась к Восточноазиатскому саммиту одновременно с США в 2011 г.

1 Sustaining US Global Leadership: Priorities for 21st Century Defense (2012) // U.S. Department of Defense, January 2012 // http://archive.defense.gov/news/Defense_Strategic_Guidance.pdf, дата обращения 31.01.2019.

2 President Obama: The TPP Would Let America, not China, Lead the Way on Global Trade (2016) // Washington Post, May 2, 2016 // https://www.washingtonpost.com/opinions/president-obama-the-tpp-would-let-america-not-china-lead-the-way-on-global-trade/2016/05/02/680540e4-0fd0-11e6-93ae-50921721165d_story.html?utm_term=.fff84238aedc, дата обращения 31.01.2019.

(при этом заявляла о стремлении стать его членом с самого основания форума в 2005 г.), все более активно участвовала в работе АТЭС и собиралась провести саммит этой организации во Владивостоке в 2012 г.

Одна из главных причин, по которой США не захотели видеть в России существенного игрока на Тихом океане, – глубокая вера большинства американской внешнеполитической элиты, что Россия и Китай являются естественными соперниками и рано или поздно их столкновение неизбежно произойдет. По их мнению, российско-китайское сближение 2000–2010-х гг. было временным «браком по расчету», вызванным внешними причинами (желание ослабить роль США в Центральной Азии и противостоять их гегемонистской политике в целом), и неизбежно обрушится. Хотя в американской науке есть и более сбалансированный и глубокий взгляд на российско-китайские отношения [Bolt, Cross 2018], подход, описанный выше, все же превалирует, особенно в экспертно-публицистических работах [Lo 2008; Lo 2015; Lo, Hill 2013; Shapiro 2017; Putz 2016].

Этот подход разделяют ведущие политики и государственные деятели США. Так, выступая на Диалоге Шангри-Ла в 2018 г., тогдашний министр обороны США Джеймс Мэттис охарактеризовал российско-китайские отношения как «естественное несовпадение интересов». По его словам, «объективный факт, что у России боль-

ше общего с Западной Европой и США, чем с Китаем. Китай же, я считаю, имеет больше общего с тихоокеанскими странами, Соединенными Штатами и Индией, чем с Россией»³.

Эта парадигма базируется на нескольких факторах. Прежде всего, это растущая асимметрия между Россией и Китаем в экономике и демографии, которая, по мнению западных политиков и экспертов, должна заставить Россию бояться восточного гиганта. Причем по мнению ряда западных наблюдателей, Москва уже пыталась ограничить китайскую экономическую «экспансию» на российском рынке, особенно на Дальнем Востоке, и намеренно затягивала создание специальных экономических зон вдоль российско-китайской границы [Rousseau 2013].

Второй фактор – это небесконфликтная история отношений России и КНР. За исключением 1950-х гг., на протяжении большей части холодной войны (с 1960-х до конца 1980-х гг.) советско-китайские отношения были враждебными, и даже имело место прямое военное столкновение на о. Даманский в 1969 г.

Третий фактор – это общее соседство России и Китая и быстрый рост китайского экономического проникновения в Центральную Азию, традиционно рассматриваемую Россией как ее «задний двор». По данным за 2017 г., Китай опередил Россию в качестве основного торгового партнера Туркменистана⁴, Узбекистана⁵ и Киргизии⁶. Это, по мнению США, должно вести за со-

3 Remarks by Secretary Mattis at Plenary Session of the 2018 Shangri-La Dialogue (2018) // U.S. Department of Defense, June 2, 2018 // <https://www.defense.gov/News/Transcripts/Transcript-View/Article/1538599/remarks-by-secretary-mattis-at-plenary-session-of-the-2018-shangri-la-dialogue/>, дата обращения 31.01.2019.

4 Внешняя торговля Туркменистана показала позитивные тенденции – эксперт (2018) // СНГ. Сегодня. 9 февраля 2018 // <https://sng.today/ashkhabad/6035-vneshnyaya-torgovlya-turkmenistana-pokazala-pozitivnye-tendencii-ekspert.html>, дата обращения 31.01.2019.

5 По итогам 2017 года Узбекистан нарастил объем внешней торговли (2018) // ИА Фергана. 15 января 2018 // <https://www.fergananews.com/news/27890>, дата обращения 31.01.2019.

6 Kyrgyz Republic Trade at a Glance: Most Recent Values // World Integrated Trade Solution // <https://wits.worldbank.org/CountrySnapshot/en/KGZ>, дата обращения 31.01.2019.

бой рост китайского политического влияния, а потому неизбежно спровоцировать его геополитическое соперничество с Россией, весьма похожее на то, что имеет место между Россией и Западом вокруг Украины и других западных регионов бывшего СССР.

Все это контрастирует с интенсивностью и глубиной американо-китайских отношений, которые обе стороны считают более важными, чем их связи с Россией. Американо-китайский товарооборот составляет 635 млрд долл., и обе стороны традиционно рассматривали свои экономические отношения как жизненно важные для развития и процветания. В политическом плане США и Китай традиционно считали их ключевыми для решения таких глобальных вопросов, как мировое экономическое регулирование, борьба с изменением климата, обеспечение морского судоходства в Тихом океане. Несмотря на то что Китай требует большей роли в ключевых институтах глобального экономического управления, он по-прежнему заинтересован в сохранении либерального экономического порядка, прежде всего системы свободной торговли, созданной США и в значительной степени базирующейся на контролируемых ими режимах и институтах.

В результате в США возобладало мнение, что учитывать российский фактор при разработке и реализации их политики в отношении Китая и АТР не обязательно, а российско-китайское соперничество глобальному лидерству, гегемонии и региональному присутствию Америки не стоит рассматривать как стратегическую угрозу. Пекин, согласно этой логике, не станет рисковать отношениями с Вашингтоном ради некой глобальной «антиамериканской» коалиции с Москвой.

Хотя некоторые из этих аргументов могут быть правильными сами по се-

бе, такой нарратив в целом ошибочен. Он переоценивает негативные последствия нарастающей российско-китайской асимметрии и игнорирует способность управлять ею. Это управление вызывает восхищение и, возможно, даже уникально в современных международных отношениях: в официальном диалоге России и КНР нет ни намека на нее, и обе стороны строго придерживаются принципов равноправия и учета интересов друг друга. Указанный нарратив игнорирует многие общие интересы Москвы и Пекина.

Так, тезис о российско-китайском соперничестве в Центральной Азии упускает из виду важнейший фактор: расширение китайской торговли со странами региона и их задолженность перед КНР не подрывают основные столпы российского влияния – Евразийский экономический союз (на момент провозглашения «поворота» США к АТР – Таможенный союз), Организацию Договора о коллективной безопасности и зависимость центральноазиатских государств от российского рынка труда. Китай никогда не требовал от стран Центральной Азии выбирать между собой и Россией и не ставил под сомнение их участие в ориентированных на РФ структурах. Напротив, и Россия, и Китай заинтересованы в политической стабильности, экономическом развитии этих стран и в сокращении присутствия и влияния США в регионе и рассматривают политику друг друга как содействующую реализации этого интереса и взаимодополняющую.

Наконец, аргументы скептиков не учитывают, что стратегическая зависимость России от Китая ничуть не меньше, чем зависимость Китая от России. Россия для Китая – единственная по-настоящему дружественная великая держава и сосед. Если Москва вернется к западнцентричной политике или просто ухудшит отношения с Пекином,

Китай окажется окруженным недружественными государствами, что станет для него геополитическим кошмаром. С этой точки зрения Пекин, вероятно, продолжит «обхаживать» Москву даже при дальнейшем усилении асимметрии между ними [Krickovic 2017].

Следует отметить, что в американском дискурсе существует и противоположное мнение – рассматривать российско-китайское партнерство как системно и идеологически антизападный альянс [Rozman 2014; Schoen, Kaylan 2014]. Оно также некорректно: игнорируется масштаб зависимости Китая от США и управляемого ими экономического порядка и его нежелание формировать системную оппозицию этому порядку; не учитывается приверженность России и Китая стратегической независимости, не ограниченной какими-либо великодержавными альянсами.

Российский «поворот на Восток» и роль США

На Западе широко распространено мнение, что «поворот России на Восток» был лишь реакцией на ухудшение ее отношений с США и ЕС, произошедшее в 2014 г. и оказавшееся гораздо более глубоким и долгим, чем некоторые изначально предполагали в Москве. С этой точки зрения, Россия легко откажется от «поворота», как только ее отношения с Западом вновь улучшатся. Однако подобное вряд ли произойдет. Москва начала смещать баланс своей внешней политики в сторону Азии еще за два года до украинского кризиса, реагируя на превращение АТР в эпицентр мировой экономики и политики.

Также как и США, Россия понимала, что в новых глобальных условиях сохранение и укрепление статуса и роли независимого глобального центра силы зависит от участия в АТР, тогда как изо-

ляция от него создаст риск глобальной маргинализации. Поскольку же Россия изначально была гораздо менее интегрирована в экономические и политические процессы в регионе, чем США, стратегия ее «поворота» была скромнее американской.

В целом эта стратегия состояла из трех компонентов: дальнейшее укрепление стратегического партнерства с Китаем; балансирование этого партнерства интенсификацией отношений с другими азиатскими странами и международными институтами и тем самым позиционирование себя как независимого тихоокеанского игрока; и, самое главное, развитие российского Дальнего Востока.

Стремление России к укреплению стратегического партнерства с Китаем абсолютно естественно и связано с несколькими факторами. Во-первых, географический: российско-китайская граница – вторая по протяженности для России после границы с Казахстаном. Во-вторых, экономический: подъем Китая как главный фактор становления АТР эпицентром мировой экономики и политики и превращение КНР в главного экономического партнера большинства азиатских стран и узла экономических и политических процессов в регионе. Уже в 2010 г. Китай обогнал Германию в качестве крупнейшего торгового партнера России среди национальных государств.

Третий фактор стал результатом первых двух: как региональной экономической сверхдержаве и соседу Китаю было естественно играть ключевую роль в развитии российского Дальнего Востока, большую, чем любой другой стране АТР.

В-четвертых, Москва с помощью дружественных отношений стремилась управлять растущей российско-китайской асимметрией и была заинтересована зафиксировать новый уровень и

правила стратегического партнерства до того, как Китай усилится в еще большей степени. Враждебные отношения с могучим соседом стали бы, пожалуй, самым масштабным вызовом безопасности России.

Наконец, пятый фактор – большое количество общих интересов РФ и КНР как на глобальном (сотрудничество в СБ ООН, реформирование институтов глобального управления, противодействие гегемонистской политике США), так и на региональном (политическая стабильность и экономическое развитие Центральной Азии, ослабление там американского влияния) уровнях.

Вместе с тем Россия с самого начала давала понять, что ее «поворот к Азии» не является лишь поворотом к Китаю. Последнее обрекло бы ее на положение младшего партнера, что противоречит одной из основополагающих внешнеполитических традиций и принципов России: положение независимой великой державы, не участвующей в чужих порядках безопасности и интеграционных проектах и выстраивающей отношения с другими центрами силы на основе равноправия. Позиционирование России как независимой державы на Тихом океане требовало интенсификации сотрудничества с другими азиатскими странами (Япония, Индия, Южная Корея, страны АСЕАН), а также организациями и форумами, прежде всего асеаноцентричными [Lukin 2018].

Главным экономическим обоснованием российского «поворота на Восток» было развитие Дальнего Востока посредством интенсивной интеграции в региональные процессы. Росло понимание, что эта обширная, но экономически слаборазвитая и малонаселенная территория, исторически рассматриваемая как глубокая периферия, станет либо огромной обузой России, а со временем, возможно, даже источником конфликтов в отношениях с со-

седями (например, Китаем), либо мощным драйвером экономического развития и фактором силы России в XXI в. Поскольку разрыв в уровне развития с большинством других регионов Азии становился все больше, медлить было нельзя. Ускоренное развитие Дальнего Востока становилось вопросом не просто статуса России, но и ее территориальной целостности. Вместе с тем было ясно, что внутренних российских ресурсов для обеспечения этого развития не хватает, и выходом будет интеграция в региональные процессы, вовлечение тихоокеанских государств и использование их капитала, технологий и рынков.

Во внешней политике это предполагало очень активное взаимодействие со странами АТР – чем больше, тем лучше. Это и двусторонние и многосторонние соглашения по вопросам торговли, инвестиций и экономических связей в целом, активное участие в продвигаемой АТЭС и АСЕАН повестке дня по вопросам взаимосвязанности и экономического сотрудничества в регионе, а также поддержание баланса между Китаем и другими азиатскими странами по части их вовлеченности в проекты развития Дальнего Востока.

Однако вплоть до украинского кризиса 2014 г. практическая реализация данной стратегии шла медленно и неорганизованно. Как только саммит АТЭС во Владивостоке закончился, внимание Москвы к региону заметно пошло на спад. Россия долгое время не могла назначить постоянного посла при штаб-квартире АСЕАН, а российский президент систематически пропускал Восточноазиатский саммит, направляя вместо себя либо премьер-министра, либо, чаще, министра иностранных дел. Довольно медленно шло продвижение проектов развития Дальнего Востока и привлечение инвестиций из азиатских стран и компаний – из-за от-

сутствия опыта, культурных различий и преобладающей европейской ориентации российской бизнес-элиты. Министерство по развитию Дальнего Востока создано в мае 2012 г., но на старте его деятельность была малоэффективной: утвержденная в марте 2013 г. государственная программа социально-экономического развития Дальнего Востока и Байкальского региона уже через полгода было признана устаревшей [Караганов 2014].

Что касается российского экспорта в АТР, то основной упор делался на энергетику. Российское правительство, конечно, пыталось продвигать экспорт продукции сельского хозяйства и позиционировать Дальний Восток как сельскохозяйственный резервуар для региона, но, несмотря на растущий спрос на продовольствие и водоемкую продукцию в Китае и других азиатских странах, эти усилия не приносили большого успеха.

Урегулирование территориального спора с Японией стояло на месте, ограничивая перспективы сотрудничества России с одним из ключевых игроков региона. Среди государств Юго-Восточной Азии России удалось активизировать экономическое и военно-техническое сотрудничество с Вьетнамом. Это было особенно важным как демонстрация автономии Москвы от Пекина, который не скрывал своего разочарования растущим российско-вьетнамским взаимодействием, в том числе в Южно-Китайском море. С другими же странами ЮВА отношения развивались куда медленнее, хотя Россия прилагала усилия, чтобы активизировать поставки оружия в Таиланд, Лаос, Индонезию и Малайзию, – несмотря на явное недовольство со стороны Китая. Отношения с Индией развивались достаточно успешно и последовательно, но были большей частью оторваны от более широкого азиатского контекста и

носили преимущественно двусторонний характер.

В результате многие азиатские страны просто не воспринимали российский «поворот на Восток» всерьез и не рассматривали Москву как надежного и заслуживающего доверия партнера. Более того, поскольку значительная часть ее реального взаимодействия с Азией приходилась на двусторонние связи с КНР, некоторые страны региона (прежде всего в Юго-Восточной Азии) стали рассматривать Россию как своего рода младшего партнера или в лучшем случае участника тандема с КНР, а не как независимый центр силы. Действительно, товарооборот России с Китаем более чем в два раза превосходил ее торговлю с остальными странами Азии вместе взятыми; Китай был основным партнером в проектах развития Дальнего Востока; политический диалог Москвы и Пекина был куда более интенсивным, а внешнеполитическая координация более тесной, чем с любым другим государством в АТР.

Наконец, дисбаланс в российской политике в сторону Китая и отсутствие реального наполнения остальных компонентов стратегии «поворота на Восток», особенно на начальных этапах, способствовали восприятию России Соединенными Штатами как сугубо европейской державы, имеющей к АТР мало отношения. США попросту не обращали внимания на российскую риторику о «повороте», расценивая ее как нечто несерьезное. Как отмечали специалисты по России Бобо Ло и Фиона Хилл, «К сожалению для Путина, возможности Москвы воплотить мечты о повороте в жизнь ограничены», и «Вкратце, российский поворот – не столько политика, сколько разговоры» [Lo, Hill 2013].

Если отказ США отвести какое-либо место России в их политике «поворота» к АТР еще можно хотя бы отчас-

ти оправдать объективно маргинальной ролью Москвы в регионе, особенно за пределами отношений с Китаем, на момент провозглашения этой политики, то неспособность России уделить важное внимание США в ее собственном «повороте» представляется непростительной ошибкой. Место, которое Москва определила Вашингтону в ее новой политике в АТР, поразительно не соответствовало тому положению, которое США занимали в региональной экономической системе и системе безопасности. Даже если Россия не поддерживала значительную часть американской политики, она все равно была обречена сталкиваться с американским фактором и присутствием почти в каждом значимом тихоокеанском вопросе или процессе.

В стратегическом плане неспособность наладить диалог с США по АТР ослабляла потенциал России как независимой державы региона и перспективы признать ее таковой остальными тихоокеанскими странами. Это уменьшало и потенциал сотрудничества с союзниками и партнерами США, коими являются большинство стран АТР. Тем самым Москва усилила одностороннюю зависимость от Китая (который, кстати, вел очень интенсивный диалог с США) и усилила подозрения других, что она не является по-настоящему самостоятельной в своей тихоокеанской политике.

Тактически отсутствие американского направления в российском «повороте» лишило Москву некоторых важных выгод, которые она могла бы получить через сотрудничество с Вашингтоном. Наиболее серьезными из них являются американские инвестиции в развитие Дальнего Востока и поощрение союзников и партнеров США к более активному участию в российских проектах, что, в свою очередь, могло бы сильно помочь в поддержа-

нии баланса иностранных инвесторов в дальневосточных проектах.

Представляется, что этот недостаток азиатско-тихоокеанской политики России возник из-за некоторой инертности ее внешнеполитического мышления, особенно в отношении США, а также из-за недостатка воображения или недостаточной настойчивости в продвижении тихоокеанской повестки дня в отношениях с Вашингтоном. Диалог России и США по Тихому океану, действительно, был бы весьма нетрадиционным с точки зрения привычной повестки дня их отношений, сосредоточенной на стратегической стабильности, международной безопасности, европейских и постсоветских делах. Люди, принимающие решения в Москве, – как отвечающие за азиатский вектор ее внешней политики, так и отвечающие за США – не рассматривали АТР как перспективную повестку для российско-американских отношений и не смогли представить диалог с США по региону в качестве важного внешнеполитического интереса и приоритета.

Это яркая иллюстрация того, что и российско-американские отношения, и политика России в отношении США были на тот момент серьезно больны, оторваны от важных тенденций мирового развития и даже внешней политики сторон в целом. Если бы эти отношения были здоровыми, они несомненно последовали бы за глобальной тенденцией превращения АТР в эпицентр мировой экономики и политики, а также за внешнеполитической эволюцией обеих стран – их «поворотом на Восток».

Итак, американский и российский «повороты» к АТР, хотя и отличались по амбициям и масштабам, имели три общие черты: они основывались на восприятии региона как центра мировой экономики и политики, происходили в одно и то же время и эти стра-

ны не считали диалог между собой по АТР приоритетным. Ни США, ни Россия не рассматривали друг друга в этом регионе в качестве потенциальных и тем более преференциальных партнеров и не видели диалог по Тихоокеанскому региону частью новой конструктивной повестки дня российско-американских отношений – именно в то время, когда эта повестка была крайне востребована.

Интересы России и США в АТР

Мог ли гипотетический диалог России и США по АТР, если бы он был начат в период улучшения их отношений, стать их стабилизатором? Для ответа необходимо проанализировать совпадающие и сталкивающиеся интересы Москвы и Вашингтона в регионе и вывести общий знаменатель. Итоговая картина неоднозначна: как совпадающие, так и конфликтующие интересы есть, и они важны. Причем такие факторы, как роль Китая, являются одновременно и объединительными, и разделительными [Mankoff, Barabanov 2013]. И все же общие интересы преобладают.

Во-первых, и Россия, и США заинтересованы в том, чтобы экономический порядок и порядок безопасности в АТР носили инклюзивный характер и были открытыми для неазиатских стран – таких, как сами Россия, и США. Строго азиатский или азиатский порядок, в котором доминировал бы или один Китай, или треугольник Китай – Япония – Индия, был бы неблагоприятным и для Москвы, и для Вашингтона: оба игрока были бы обречены на второстепенное положение. Для России, как изначально нецентрального игрока в АТР, такой расклад был бы еще более драматичен, чем для Америки.

Во-вторых, общим интересом России и США является предотвращение китайской гегемонии в регионе. Для США Азия, в которой доминирует Китай, представляла бы самую масштабную стратегическую угрозу – подобно доминированию СССР в Европе после Второй мировой войны. Предотвращение доминирования неподконтрольных им держав в ключевых регионах мира, не говоря уже о враждебных, было основным приоритетом «Большой стратегии» США за последние сто лет и причиной их участия в мировых войнах, включая Первую мировую, Вторую мировую и холодную войны.

Для России, как более слабой державы, предотвращение китайской гегемонии важно еще больше. Во-первых, доминирование КНР в Азии помешало бы России стать независимой державой в этом регионе и обрекло бы ее на положение второстепенного игрока. Во-вторых, формирование в Азии китаеццентричного порядка создало бы для Пекина соблазн начать проводить гегемонистскую политику в отношении самой России, что создало бы наибольшую угрозу их отношениям: Россия была бы вынуждена обратиться к политике контрбалансирования и сдерживания Китая. На сегодняшний день одной из главных предпосылок позитивного состояния и прочности российско-китайского партнерства является то, что Пекин избегает любых намеков на превосходство над Москвой: подчеркивает равноправие в отношениях, не пытается ослабить ориентированные на Россию институты в Центральной Азии и соглашается на равных развивать совместные с Россией экономический порядок и порядок безопасности в Евразии (посредством ШОС и «сопряжения» ЕАЭС и ОПОП). Если такое положение дел изменится, российско-китайские отношения столкнутся с реальными трудностями, вплоть до откоро-

венной вражды, которую предсказывают многие американские эксперты.

Другое дело, что для России ослабление и демонтаж американской гегемонии в АТР не менее важно, чем предотвращение китайской, и пока этот приоритет создает богатое поле для российско-китайского сотрудничества.

В-третьих, и Россия, и США стороны заинтересованы в предотвращении обострения конфликтов в АТР, в том числе в Южно-Китайском море. Это обострение, не говоря уже о войне, замедлило бы экономический рост Азии, нарушило бы жизненно важные маршруты мировой торговли и спровоцировало бы глубокий мировой экономический кризис, от которого пострадали бы и Россия, и США.

В-четвертых, Москва и Вашингтон заинтересованы в урегулировании северокорейской ядерной проблемы, и ни одна из сторон не стремится к эскалации. Для России нерешенный северокорейский вопрос влечет за собой увеличение американского военного присутствия в Северо-Восточной Азии, которое Москва не поддерживает. Эскалация же может привести к еще большему американскому военному присутствию и в конечном итоге к ликвидации северокорейского государства, что может еще больше приблизить военную инфраструктуру США к Китаю и России. Для США развитие северокорейской ядерной программы является вызовом авторитету: их затянувшаяся неспособность решить этот вопрос ослабляет их претензии на мировое лидерство и положение хаба системы безопасности в Тихом океане. В то время как обострение может даже разрушить американоцентричную систему в Северо-Восточной Азии, ведь и Япония, и Южная Корея в этом случае сильно пострадают и могут обвинить США в том, что те пожертвовали интересами и безо-

пасностью союзников ради собственных амбиций.

В-пятых, Россия и США поддерживают многосторонние асеаноцентричные форумы и ценят их важную роль в региональной архитектуре безопасности и экономических процессах. Для России центральное положение асеаноцентричных форумов в АТР выгодно, так как повышает ее шансы играть в регионе заметную роль. Вашингтон, хотя и заинтересован в продвижении в первую очередь американоцентричных структур, также поддерживает и асеаноцентричные, по крайней мере на словах. Во-первых, чтобы не отталкивать большинство региональных игроков, для которых эти форумы крайне важны. Во-вторых, чтобы предотвратить постепенное превращение Китая в регионального гегемона. Последнее характерно и для России. Ни Москва, ни Вашингтон не заинтересованы в маргинализации этих многосторонних механизмов или их попадании под власть Пекина.

Расходящиеся интересы России и США в АТР большей частью касаются роли и места Америки в регионе, его архитектуры безопасности и экономического порядка. Американоцентричный порядок в АТР столь же неблагоприятен для России, как и китаеццентричный (или даже более – если учесть проблемность российско-американских отношений): оба обрекают Москву на маргинальное положение. Поэтому Россия критически подходит к американской системе оборонных альянсов в Азии, попыткам США расширить сеть партнерств на другие азиатские страны, а также выразила негативное отношение к ТТП.

Москва и Вашингтон явно по-разному представляют архитектуру безопасности в Азии. Россия воспринимала сохранение системы американских альянсов после окончания холод-

ной войны как инструмент, с помощью которого США пытались, во-первых, консолидировать однополярность и свое глобальное лидерство, что резко контрастировало с российской версией желательного мироустройства, и во-вторых, предотвратить или замедлить подъем новых центров силы, прежде всего Китая, и общего перераспределения силы от Запада к не-Западу. Единственным исключением можно считать альянс с Южной Кореей, который с российской точки зрения в большей степени связан с северокорейским фактором. Альянс же США с Японией, напротив, воспринимается с подозрением – как элемент их политики сдерживания Китая и утверждения гегемонии в Азии [Charap, Drennan, Kanaev, Lukonin, Mikheev, Shvydko, Voda, Voitlovsky 2016].

Если ориентированная на США система двусторонних оборонных союзов будет преобладать в тихоокеанском порядке безопасности, то Россия будет от него автоматически изолирована – точно так же, как и в случае с НАТОценричным порядком безопасности в Европе. Последствия отношений американоцентричных союзов с Китаем рассматриваются как неоднозначные. С одной стороны, существование этих союзов, безусловно, препятствует китайской гегемонии в регионе, но с другой, они способствуют продолжающейся поляризации Тихого океана на ориентированные на США и Китай части, что также маргинализирует Россию, которая в этом раскладе вынуждена быть либо аутсайдером, либо младшим партнером Китая.

Еще больше Россия озабочена попытками США расширить их систему союзов и партнерств в АТР и включить в нее такие страны, как Индия, Вьетнам и Индонезия. Во-первых, это означает расширение американоцентричного порядка безопасности в регио-

не, что автоматически маргинализирует Россию. Во-вторых, это расширение обостряет американо-китайское соперничество и усиливает общую поляризацию Тихоокеанского региона в сфере безопасности, превращает его в арену острой конкуренции, что также обрекает Россию на маргинальную роль. В-третьих, это осложняет отношения России и самих этих стран, традиционно являющихся важными экономическими партнерами, в том числе крупными импортерами российского вооружения и военной техники. С большей вовлеченностью США конкуренция за их рынки усиливается, а общая значимость экономических и политических отношений для этих стран с Москвой снижается.

Вместе с тем интенсивность и значимость американо-российских противоречий по порядку безопасности в АТР значительно меньше, чем в Европе и тем более на постсоветском пространстве. Формирование внеблоковой архитектуры безопасности в Евроатлантике с полноценным участием России и борьба с расширением НАТО были одними из высших внешнеполитических приоритетов Москвы с начала 1990-х гг. Расширение возглавляемого США порядка безопасности в Европе было причиной каждого крупного кризиса американо-российских отношений на протяжении всего периода после холодной войны. В Азии подобные противоречия куда менее остры. Отчасти это объясняется историческими причинами и тем, что Европа традиционно занимала более высокое место в российских приоритетах безопасности и отношениях с США, нежели Азия. Отчасти – тем, что в Европе возглавляемая США система безопасности консолидирована в рамках НАТО, тогда как в Азии существует менее сплоченная система двусторонних альянсов. Наконец, в отличие от Европы, американоцентричная сис-

тема безопасности в АТР не расширялась после окончания холодной войны, особенно в регионы, имеющие жизненно важное значение для России.

Россия также не заинтересована в ориентированном на США экономическом порядке в Тихоокеанском регионе, основывается ли он на ТТП или его аналоге или же на совокупности двусторонних соглашений США со странами Азии. Несмотря на то что некоторые положения ТТП могли бы сыграть позитивную роль в российской экономической модернизации, сам факт, что они разрабатывались исключительно, а Москва и Пекин были отстранены от переговоров, гарантировал негативное отношение России ко всему проекту. К тому же, создание многосторонних экономических проектов под руководством США без участия Китая способствует экономической поляризации АТР, что также противоречит российским интересам, так как усиливает ее зависимость от КНР. Как и в сфере безопасности, Россия выступает за укрепление инклюзивного экономического порядка в Тихоокеанском регионе (как в АТЭС), который поддерживал бы баланс между несколькими центрами силы и препятствовал бы гегемонии одного из них. Естественно, по мере того, как США активизировали усилия по консолидации собственного экономического порядка и порядка безопасности в АТР, российская критика усиливалась.

Хотя Дональд Трамп отозвал американскую подпись под соглашением о ТТП уже в первые дни президентства, общее несовпадением интере-

сов России и США в отношении экономического порядка в АТР не исчезло. Администрация Трампа резко усилила политику сдерживания Китая, в том числе в экономическом отношении, и стала даже более активно, чем предшественница, противодействовать китайским политико-экономическим инициативам в регионе, прежде всего стратегии «Один пояс – один путь». В рамках этой политики Вашингтон инициировал торговую войну против Китая, ввел жесткие ограничения и по сути репрессивные меры в отношении его ключевых технологических гигантов, прежде всего компаний ZTE и Huawei, а также заявил о намерении создать в сотрудничестве с союзниками (прежде всего с Японией) прямую альтернативу проекту «Один пояс – один путь», которая позволила бы странам региона получать кредиты, модернизировать инфраструктуру и наращивать взаимосвязанность, минуя Пекин. Контурь этой стратегии изложены в программном выступлении госсекретаря США Р. Тиллерсона в CSIS об их Индо-Тихоокеанской стратегии 18 октября 2017 г.⁷ и в еще более концентрированном виде – в программном выступлении вице-президента США М. Пенса об их политике в отношении Китая в Гуздоновском институте 4 октября 2018 г.⁸

Тем самым США существенно усиливают поляризацию АТР и стремятся создать ситуацию, когда доминирующий в регионе экономический порядок не только не включал бы в себя Китай в качестве одного из столпов, но носил бы откровенно антикитайский

7 Defining Our Relationship with India for the Next Century: An Address by U.S. Secretary of State Rex Tillerson (2017) // CSIS, October 18, 2017 // <https://www.csis.org/events/defining-our-relationship-india-next-century-address-us-secretary-state-rex-tillerson>, дата обращения 31.01.2019.

8 Remarks by Vice President Pence on the Administration's Policy toward China (2018) // White House, October 4, 2018 // <https://www.whitehouse.gov/briefings-statements/remarks-vice-president-pence-administrations-policy-toward-china/>, дата обращения 31.01.2019.

характер, а большинство союзников и партнеров США в регионе минимизировали бы сотрудничество с КНР в областях, которые подстегивали бы его технологическое развитие и усиливали бы его влияние в регионе. Причем Россия, которая вместе с Китаем объявлена противником США и действия которой практически в любой точке мира также рассматриваются как негативный фактор, или не берется в расчет вовсе, или в лучшем случае рассматривается как де-факто союзник Китая в АТР, находящийся по другую сторону подстегиваемого США геэкономического раскола региона.

Еще одно важное американско-российское противоречие в регионе касается противоракетной обороны. Россия критически относится к размещению американской ПРО в Японии и в Южной Корее. С одной стороны, это следствие общего давнего спора России и США по этой теме. После одностороннего выхода США из договора по ПРО в 2002 г. Россия рассматривала их политику в этой сфере как долгосрочную угрозу стратегической стабильности.

Несмотря на глубокую модернизацию российских стратегических ядерных сил за последние годы и успешное создание систем, способных, как утверждается, преодолевать любые гипотетические системы ПРО (как то гиперзвуковые ракеты с ядерными боеголовками), Россия продолжает критиковать всю инфраструктуру ПРО США, особенно вблизи своих границ, и считать ее дестабилизирующей и представляющей угрозу безопасности. Кроме того, размещение инфраструктуры ПРО США является частью общего расширения американского военного при-

сутствия и укрепления возглавляемых США порядков в области безопасности в ключевых регионах, что воспринимается Россией негативно. Наконец, это размещение является региональной частью единой глобальной системы ПРО США, централизованно контролируемой Вашингтоном и управляемой только американскими военными.

С другой стороны, большое влияние на позицию России по политике США в сфере ПРО в Азии оказывает китайский фактор. И это не только солидарность с основным стратегическим партнером. Размещение ПРО США в Японии и Южной Корее провоцирует гонку вооружений, в частности, подталкивает Китай к еще большему увеличению расходов на оборону и ускорению и совершенствованию ядерной программы. Это уменьшает военное превосходство России над Китаем и, в конечном итоге, будет вынуждать Москву предпринимать шаги, которых она предпочла бы избежать.

Наконец, Россия и США расходятся во мнениях относительно путей решения северокорейской ядерной проблемы. Россия полностью понимает позицию КНДР, что после атак США на Ирак и Ливию односторонняя денуклеаризация была бы актом безумия и смертным приговором. Поэтому Москва считает, что решение этого вопроса не будет быстрым и потребует сбалансированных компромиссов с обеих сторон.

В среднесрочной перспективе Москва, похоже, готова пойти на вариант, когда КНДР ограничила бы, а не ликвидировала свои ядерную и ракетную программы в обмен на уступки со стороны США, такие как дипломатическое признание, гарантия ненападения

9 National Security Strategy of the United States of America (2017) // White House, December 2017 // <https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2017/12/NSS-Final-12-18-2017-0905.pdf>, дата обращения 31.01.2019.

и отказ от политики смены режима, частичная отмена санкций и сокращение американского военного присутствия вблизи Северной Кореи. Этот вариант, хотя и приемлем для Пхеньяна, нежелателен для Вашингтона, так как будет выглядеть как односторонняя уступка и подрыв авторитета Америки в глазах ее союзников, прежде всего Японии и Южной Кореи. В этой связи администрация Трампа настаивает на полной ликвидации северокорейских ядерной и ракетной программ в обмен не на материальные уступки (сокращение военного присутствия США в Северо-Восточной Азии), а на прямой двусторонний диалог.

В долгосрочной перспективе для России предпочтителен сценарий, когда КНДР осуществит полную и необратимую денуклеаризацию, но останется независимым игроком с существующим политическим режимом, и когда США реализуют практические шаги, чтобы убедить Пхеньян и других заинтересованных игроков (Китай и Россию), что атака на КНДР не просто не планируется, но трудно осуществима на практике. Последнее означает фундаментальное изменение военно-политической ситуации в Северо-Восточной Азии: существенное сокращение американского военного присутствия и создание инклюзивной системы коллективной безопасности с участием Китая, России и самой Северной Кореи.

Такое развитие событий может подтолкнуть Японию и Южную Корею к созданию собственного ядерного потенциала. Сокращение военного присутствия США и их гарантии безопасности и признание Северной Кореи сделали бы Токио и Сеул уязвимыми не только перед КНДР, но и (и в первую очередь) перед Китаем. На фоне отступления США Китай может усилить наступательную и гегемонистскую поли-

тику в регионе, и в этом случае Японии и Южной Кореи придется создавать ей контрбалансы самостоятельно.

Есть основания полагать, что даже такой вариант мог бы быть приемлем для России. Независимое японское и южнокорейское ядерное оружие не только ослабило бы систему альянсов США в Азии, к которой Москва относится без симпатии, но и создало бы мощные ограничители гегемонистских амбиций Китая и сформировало бы поистине многополярный баланс великих держав в Северо-Восточной Азии – ситуацию, которую Россия считает наиболее желательной. Такой баланс великих держав существенно упростил бы задачу России стать одной из них и даже создал бы спрос на ее участие в качестве балансира.

Для США эти сценарии неприемлемы и выглядят целенаправленно антиамериканскими. Вашингтон предпочитает решение, которое бы сохранило его альянсы с Токио и Сеулом и укрепило американское лидерство, а потому требует денуклеаризации Северной Кореи без каких-либо уязвок со своим военным присутствием в регионе. Поскольку же Вашингтон не поддерживает замену своих альянсов системой коллективной безопасности в Северо-Восточной Азии, он и не воспринимает Россию в качестве предпочтительного партнера в решении северокорейской проблемы. Особенно после того, как администрация Трампа перешла к прямым переговорам с Пхеньяном.

Эти переговоры, одним из главных этапов которых стал состоявшийся 12 июня 2018 г. в Сингапуре первый в истории саммит США и КНДР, безусловно, деэскалировали ситуацию вокруг Северной Кореи и снизили вероятность военной эскалации, которая к концу 2017 г. достигла опасной черты. Однако они не принесли больших ре-

зультатов по части денуклеаризации Северной Кореи. Последняя лишь заморозила свою ядерную программу и программу производства межконтинентальных баллистических ракет и заявила о готовности закрыть ядерный полигон в Йонбене (который в силу уже накопленного КНДР ядерного и ракетного потенциала в данный момент не является для нее критичным), но отказывается сокращать и тем более ликвидировать имеющийся арсенал ракет и ядерного оружия. Сокращение и ликвидация северокорейского ядерного и ракетного потенциала требует со стороны США уступок, к которым они явно не готовы.

Несостоявшаяся повестка дня диалога России и США по АТР

Приведенный анализ показывает сложный баланс совпадающих и сталкивающихся интересов России и США в Тихоокеанском регионе. Несмотря на то что несовпадающие интересы весьма серьезны, общий баланс все еще склоняется в пользу совпадающих, которые представляются более фундаментальными и долгосрочными. При этом общая картина российских и американских интересов резко отличается от той, что касается Европы, постсоветского пространства или Ближнего Востока, где явно преобладают несовпадающие интересы. Это означает, что при наличии большей изобретательности и политической воли Москва и Вашингтон могли бы превратить диалог по АТР в ключевой компонент повестки дня их отношений и опору их позитивного сотрудничества, повышая тем самым устойчивость отношений в целом.

Прежде всего, стороны могли бы сотрудничать по продвижению экономических и политических отношений России с союзниками и партнерами США

в АТР, уменьшая тем самым и ее зависимость от Китая и возможность проведения им гегемонистской политики. Это очевидный общий интерес для России и США. Одним из важных направлений этого сотрудничества могло бы стать разрешение российско-японского территориального спора и углубление их отношений в целом – тем более что это активно поддерживалось (и поддерживается до сих пор) официальным Токио, особенно премьер-министром С. Абэ. Выстраивание трехсторонних российско-американо-японского и российско-американо-южнокорейского диалогов позволило бы снизить экономическую и политическую зависимость России от Китая, повысить роль Японии и Кореи в развитии Сибири и Дальнего Востока и укрепить роль России в АТР независимо от Китая.

Москва и Вашингтон могли бы активизировать диалог по вопросам безопасности в АТР и, в частности, интенсифицировать участие России в таких американоцентричных проектах в регионе, как военные учения RIMPAC. Россия приняла в них участие только один раз в 2012 г. (участие в 2014 г. не состоялось из-за украинского кризиса и начала новой американо-российской конфронтации), и на тот момент стороны еще могли договориться о том, чтобы российское участие стало постоянным. Разумеется, более тесное подключение Москвы к американской системе союзов и партнерств было невозможным (и неприемлемым для самой России) до начала новой российско-американской конфронтации и тем более стало невозможным после перехода отношений двух стран к новой конфронтации в 2014 г. Однако Россия и США могли бы более тесно взаимодействовать в асеаноцентричных форматах по вопросам безопасности, ведь обе страны заинтересованы в их выживании и

укреплении и на словах поддерживают их центральную роль в региональном порядке безопасности.

Кроме того, стороны могли бы запустить двусторонние и многосторонние (с участием региональных союзников и партнеров США) диалоги по порядку безопасности в АТР в широком смысле, включая фактор Китая. Это ни в коем случае не означало бы вхождение Москвы в антикитайскую коалицию. Напротив, такие диалоги должны были бы существовать параллельно с сохранением прочного российско-китайского партнерства по вопросам безопасности, тем самым уменьшая общую поляризацию АТР на американоцентричный и китаоцентричный субпорядки. Более заметная роль России и российско-американский диалог по АТР могли бы даже смягчить растущее американо-китайское соперничество. Со временем стороны могли бы наладить трехсторонний диалог Россия – США – Китай по безопасности в АТР, который качественно улучшил бы ситуацию в регионе, предотвращая его поляризацию и смягчая американо-китайское стратегическое соперничество.

Создание сети интенсивных диалогов России с США и их союзниками и партнерами в АТР в сочетании с сохранением российско-китайского стратегического партнерства, а также развитие в дальнейшем более инклюзивных американо-российско-китайских и многосторонних форматов безопасности могли бы смягчить самое фундаментальное противоречие между Москвой и Вашингтоном в Тихом океане: негативное отношение России к сети американских союзов и американоцентричной системе безопасности в АТР в целом.

Вместе с тем активное сотрудничество по вопросам безопасности между Россией и теми странами Азии, что в наибольшей степени опасаются ки-

тайского гегемонизма, как Индия и Япония, позволило бы США уменьшить свой собственный вклад в контрбалансирование КНР и сделать больший акцент на усилиях, предпринимаемых их союзниками и партнерами, сокращая тем самым затраты на военное присутствие в регионе и делая его более сбалансированным – во многом в соответствии со стратегией «удаленного балансирования», продвигаемой ведущими американскими реалистами [Mearsheimer, Walt 2016]. Хотя в реальности способность региональных акторов сдерживать и уравнивать Китай весьма высока, она, как правило, недооценивается в США [Beckley 2017]. Более активное сотрудничество России с союзниками и партнерами США усилило бы их собственные потенциалы в еще большей степени.

Сами США могли бы сыграть важную роль в экономическом развитии Сибири и Дальнего Востока как поставщик инвестиций, ноу-хау и технологий и извлечь коммерческую выгоду от освоения этого последнего Тихоокеанского фронта [Караганов, Суслов 2011]. Американское участие сбалансировало бы роль Китая в развитии региона, обеспечило бы его более высокими стандартами и эффективными правилами управления, а также побудило бы американских союзников и партнеров наращивать собственное участие в развитии Сибири и Дальнего Востока.

Наконец, Москва и Вашингтон могли бы укрепить сотрудничество по северокорейской ядерной проблеме: Россия в координации с США могла бы предоставить важные экономические стимулы и гарантии безопасности КНДР для ее постепенной денуклеаризации. Это упростило бы переговоры по ограничению и постепенному сокращению ее ядерного и ракетного арсеналов.

Заключение

Если бы России и США удалось выстроить диалог по Тихоокеанскому региону в 2011–2013 гг., их восприятие важности двусторонних отношений, выгод от их сохранения в позитивном ключе и издержек от их ухудшения было бы другим. Вполне вероятно, что этот диалог и сотрудничество создали бы взаимное понимание того, насколько важно предотвратить глубокую деградацию американско-российских отношений для национальных интересов обеих сторон, и реакция США на связанный с Евромайданом кризис на Украине была бы иной. Имея, что терять в АТР, и осознавая поэтому недопустимость глубокой конфронтации, Москва и Вашингтон могли бы попытаться разрешить украинский кризис 2013 г. на основе сотрудничества, компромисса и понимания более широкой картины отношений Россия – США и их важности, а не предпринимать односторонние шаги с тем, чтобы нанести друг другу на Украине поражение.

В этом случае кризис 2014 г. в российско-американских отношениях (однозначная поддержка США Евромайдана против правительства Виктора Януковича, моментальное признание Вашингтоном нового прозападного и антироссийского «правительства победителей» в Киеве и его действий во внутренней и внешней политике, в том числе резкой переориентации Киева на Запад, и реакция на это со стороны России – поддержка восстания в Крыму и на Донбассе со всеми последствиями) просто не случился бы. Столкновение двух стран на Украине и дальнейший обвал их отношений произошел именно потому, что Вашингтон, а затем и Москва не видели причин не доводить ситуацию в их отношениях до открытой конфронтации, а потому предпринимали такие действия по Украине, ко-

торые делали эту конфронтацию неизбежной.

Возможность предотвратить все это, выстроив прочный диалог Россия – США по АТР, была упущена, и украинский кризис положил начало нового периода американско-российских отношений – системной конфронтации. С российским вовлечением в сирийский конфликт на стороне правительства Башара Асада и обвинениями со стороны США в ее вмешательстве в президентские выборы 2016 г. эта конфронтация обострилась и углубилась еще больше, становясь весьма похожей на новую холодную войну. В результате США стали воспринимать Россию как явного противника, пытающегося подорвать их позиции и политику в ключевых регионах мира, бросить вызов их лидерству, разрушить американоцентричный миропорядок и даже расшатать демократические устои в самой Америке, и проводить соответствующую конфронтационную политику – политику сдерживания и конфронтации.

Начало новой конфронтации повлияло и на российско-американское взаимодействие в АТР. Хотя регион и не был источником этого противостояния, он стал еще одной его площадкой (хотя здесь оно менее ожесточенное, чем на Украине, в Европе или на Ближнем Востоке). Политика сторон и восприятие ими роли друг друга в регионе стали определяться не столько объективными долгосрочными интересами, сколько логикой конфронтации.

Вашингтон, как при Обаме, так и при Трампе, начал противодействовать сотрудничеству России с его союзниками и партнерами в АТР – или оказывая политическое давление (администрация Обамы вынудила Японию ввести антироссийские санкции и давила на премьер-министра Абэ, чтобы тот воздержался от активного диалога с Владимиром Путиным), или угрожая вве-

сти односторонние (вторичные) санкции за импорт российского вооружения и военно-технического сотрудничества с Москвой (это прописано принятом Конгрессом США в августе 2017 г. Акте «О противодействии противникам Америки посредством санкций»), пытаясь тем самым изолировать Россию в регионе и ослабить ее международное положение. Принятая администрацией Трампа в конце 2017 г. Стратегия национальной безопасности официально провозгласила Россию и Китай глобальными противниками¹⁰.

В соответствии с логикой конфронтации Вашингтон рассматривает присутствие и действия России во всех ключевых регионах мира, включая АТР, в негативном ключе и стремится минимизировать ее взаимодействие со странами, которых США рассматривают как перспективных партнеров, прежде всего по вопросам безопасности. В частности, США не скрывают, что стремятся ослабить военно-техническое сотрудничество России с ее ключевыми азиатскими партнерами в этой сфере, помимо Китая – с Индией и Вьетнамом. Администрация Трампа не стала вводить против этих стран вторичные санкции в соответствии с CAATSA (к явному неудовольствию демократов в Конгрессе), но не потому, что содействует их сотрудничеству с Москвой, а потому, что подобные меры сильно ударили бы по отношениям США с этими странами и ослабили бы американское влияние в регионе.

Москва, в свою очередь, еще в конце президентства Б. Обамы заняла весьма критическую позицию в отноше-

нии проекта Транстихоокеанского партнерства¹¹, а в начале президентства Д. Трампа стала критиковать политику США по Северной Корее и Южно-Китайскому морю. Она весьма негативно настроена и в отношении флагманского проекта администрации Трампа в регионе – «Индо-Тихоокеанской стратегии». Политика «поворота на Восток», изначально бывшая рациональной реакцией на смещение глобального центра тяжести в АТР, стала восприниматься и преподноситься как альтернатива отношениям России с Западом и способ компенсировать их резкое ухудшение с США и ЕС. И хотя Москва всеми силами пытается сохранить баланс между отношениями с Китаем и другими азиатскими странами и пытается в этой связи углублять сотрудничество с Индией, Японией, Южной Кореей, Вьетнамом, другими странами АСЕАН или, по крайней мере, не допускать их деградации, начиная с 2014 г. интенсивность и динамика ее партнерства с КНР явно преобладают над отношениями с другими странами Азии.

Существенным фактором, осложняющим отношения России и США в АТР на долгосрочную перспективу, является отказ Вашингтона от политики «вовлечения» Китая и переход к однозначной и жесткой политике сдерживания, которая включает в себя и военные, и экономические, и политико-дипломатические, и пропагандистские элементы [Campbell, Ratner 2018]. Представленная администрацией Трампа еще в 2017 г. «Индо-Тихоокеанская стратегия»¹² является по сути попыткой соз-

10 National Security Strategy of the United States of America (2017) // White House, December 2017 // <https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2017/12/NSS-Final-12-18-2017-0905.pdf>, дата обращения 31.01.2019.

11 Нарышкин С. (2015) Инстинкты колонизаторов, или Подоплека глобального лидерства // Ведомости. 13 апреля 2015 // <https://www.vedomosti.ru/opinion/articles/2015/04/14/instinki-kolonizatorov-ili-podopleka-globalnogo-liderstva>, дата обращения 31.01.2019.

12 Defining Our Relationship with India for the Next Century: An Address by U.S. Secretary of State Rex Tillerson (2017) // CSIS, October 18, 2017 // <https://www.csis.org/events/defining-our-relationship-india-next-century-address-us-secretary-state-rex-tillerson>, дата обращения 31.01.2019.

дать в регионе широкую коалицию по сдерживанию Китая и ориентированный на США экономический и международно-политический порядок, противостоящий КНР в духе блокового подхода.

Хотя на первый взгляд может показаться, что главным инструментом экономического сдерживания Китая является развязанная администрацией Трампа торговая война, на деле главный приоритет Вашингтона, как недвусмысленно отметил вице-президент Пенс в программной речи о политике США в отношении Китая 4 октября 2018 г., это ослабление технологического развития КНР и предотвращение того, чтобы Китай смог бросить США технологический и военно-технологический вызов¹³. Это означает, что ограничительные меры против китайских технологических гигантов будут вводиться вне зависимости от того, уменьшится дефицит торгового баланса США с Китаем или нет. Администрация Трампа не скрывает, что ее стратегическая цель в торговых переговорах с КНР – добиться изменения модели экономического развития Китая в целом и к тому же получить фактический контроль над китайским экономическим и особенно технологическим развитием. Поскольку для Китая это совершенно неприемлемо, противостояние продлится весьма долго и, скорее всего, будет главным структурным фактором международных отношений в первой половине XXI в.

Россия, которая тоже рассматривается Соединенными Штатами в качестве противника, оказывается в этом раскладе априори на стороне Китая. Учитывая ее собственную конфронта-

цию с США, заинтересованность в сохранении и укреплении стратегического партнерства с Пекином и понимание, что в основе «двойной конфронтации» США с Китаем и Россией лежит их стремление сохранить глобальное лидерство, против которого Москва решительно выступает, Россия не может не относиться негативно к конфронтационному курсу США к Китаю и полностью отделять его от конфронтации США с самой собой. В результате происходит дальнейшее сближение России и Китая, в том числе в военной сфере, на антикитайской основе, и Россия воспринимает те действия США в АТР, которые на деле нацелены против КНР, весьма критически.

Такая ситуация будет сохраняться до тех пор, пока США не пересмотрят политику «двойного сдерживания» России и Китая одновременно и не начнут, например, искать пути сближения с Россией, чтобы избежать еще большей консолидации «Большой Евразии» против самих себя и укрепить свои позиции в стратегическом соперничестве с Китаем, – как уже предлагают американские исследователи реалистской школы [Simes, Graham 2019]. Это может произойти лишь тогда, когда Вашингтон убедится, что Россия более устойчива, чем в США склонны полагать сегодня, и ждать фундаментального изменения ее внешней и внутренней политики в кратко- и среднесрочной перспективе ошибочно. Пока же Вашингтон исходит из того, что Москва не сможет выдержать относительно длительную конфронтацию и сама инициирует сближение с Западом на условиях последнего, политика «двойного сдерживания» будет сохраняться.

13 Remarks by Vice President Pence on the Administration's Policy Toward China (2018) // White House, October 4, 2018 // <https://www.whitehouse.gov/briefings-statements/remarks-vice-president-pence-administrations-policy-toward-china/>, дата обращения 31.01.2019.

Перетекание новой российско-американской конфронтации на АТР противоречит стратегическим интересам обеих сторон. Оно способствует общей поляризации региона в духе холодной войны, которая может поставить под угрозу экономическое развитие государств АТР и противоречит интересам почти всех стран в регионе. Эта конфронтация негативно влияет на отношения России как с союзниками США (Япония, Южная Корея, Австралия), так и со странами, с которыми Вашингтон стремится выстроить партнерские отношения (Индия, Вьетнам, Индонезия и некоторые другие). Сегодня эти отношения развиваются вопреки американскому давлению, но если противостояние Москвы и Вашингтона обострится еще больше, они неизбежно пострадают. Это может подорвать способность России играть роль независимой великой державы в АТР и усилить ее зависимость от Китая, что со временем может стать серьезным раздражителем в российско-китайских отношениях.

Хотя новая американско-российская конфронтация надолго [Суслов 2014], а вызов, который Москва бросает глобальному лидерству США начиная с 2014 г., объективен и чувствителен, распространение этой конфронтации на АТР не соответствует и американским интересам. Попытки США ограничить сотрудничество России со странами региона и «изолировать» ее лишь подрывают американское влияние. Положение России как независимой великой державы в АТР полностью сочетается с интересами союзников и партнеров США, которые опасаются гипотетического российско-китайского альянса и предпочитают, чтобы Москва играла автономную от Пекина роль.

Наконец, США не заинтересованы в дальнейшем углублении российско-китайского партнерства в условиях, ког-

да они рассматривают Китай как основного стратегического конкурента и готовятся наращивать его политическое, экономическое и военное сдерживание в течение как минимум нескольких ближайших лет. Вера в то, что Россия обречена на столкновение с Китаем в Центральной Азии, что она будет все более опасаться его подъема и усиливающейся асимметрии в российско-китайских отношениях, а потому будет вынуждена в конце концов вернуться к прозападной политике, себя не оправдывает. Этого не произойдет. Напротив, чем острее будет американско-российская конфронтация, включая АТР, тем сильнее будет консолидация евразийского пространства под китайским и российским руководством против США, и тем более активным будет противодействие американской политике со стороны большинства их союзников и партнеров в регионе.

Таким образом, обе стороны выиграли бы, если бы им удалось отделить свои отношения в АТР от российско-американской конфронтации в целом, которую вряд ли удастся преодолеть до середины следующего десятилетия. Для этого им необходимо выстроить в АТР невраждебные отношения – без активного сотрудничества (оно в обозримом будущем маловероятно), но и без открытой конфронтации. Обе стороны должны воздерживаться от того, чтобы воспринимать действия друг друга как априорно негативные и формулировать собственные интересы как зеркальное противоположное отражение интересов другой стороны.

Отношение США к сотрудничеству России с их союзниками и партнерами в АТР, включая Индию, Японию и Южную Корею, должно стать позитивно нейтральным (без публичной поддержки, но и без активного противодействия). Общий объективный интерес Москвы и Вашингтона в усилении

сотрудничества между Россией и союзниками и партнерами США в АТР по вопросам безопасности, внешней политики и экономики, создавая тем самым более действенные препятствия гегемонистским амбициям Китая в регионе, все еще существует, и его надо воплотить в жизнь.

России, со своей стороны, следует максимально дистанцироваться от американо-китайских трений по Южно-Китайскому морю и поддерживать отдельные диалоги со странами региона по вопросам безопасности. Наконец, России и США следует участвовать в одних и тех же многосторонних и многосторонних стратегических дискуссиях о безопасности и экономическом порядке в регионе.

Подобное развитие событий создаст более благоприятные условия для того, чтобы Россия закрепила за собой роль независимого центра силы в Тихоокеанском регионе, выстроив сбалансированные отношения с ключевыми региональными акторами, при этом не ставя под угрозу свое стратегическое партнерство с Китаем. И главное, оно уменьшит поляризацию АТР и его движение в сторону биполярной системы, в которой доминировали бы США и Китай, и создаст предпосылки для постепенной конвергенции и взаимодополняемости двух самых масштабных и стратегических проектов развития региона – «Индо-Тихоокеанского региона» и «Большой Евразии».

Список литературы

Караганов С.А. (ред.) (2014) К Великому океану – 2, или российский рынок к Азии. Доклад международного дискуссионного клуба «Валдай» // http://vid-1.rian.ru/ig/valdai/Twd_Great_Ocean_2_Rus.pdf, дата обращения 31.01.2019.

Караганов С.А., Суслов Д.В. (2011) Отношения Россия – США после «перезагрузки»: на пути к новой повестке дня. Взгляд из России. Доклад российских участников Рабочей группы по будущему российско-американских отношений Международного дискуссионного клуба «Валдай». Гарвардский университет и Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» // https://we.hse.ru/data/2011/04/04/1211654787/valdai_2011.pdf, дата обращения 31.01.2019.

Суслов Д.В. (2014) Всерьез и надолго. Глобальные аспекты новой конфронтации России и США // Россия в глобальной политике. 11 ноябрь 2014 // <https://www.globalaffairs.ru/number/Vserez-i-nadolgo-17102>, дата обращения 31.01.2019.

Beckley M. (2017) The Emerging Military Balance in East Asia: How China's Neighbors Can Check Chinese Naval Expansion // *International Security*, vol. 42, no 2, pp. 78–119. DOI: 0.1162/ISEC_a_00294

Bolt P.J., Cross S. N. (2018) *China, Russia, and Twenty-First Century Global Geopolitics*, Oxford University Press.

Campbell K.M., Ratner E. (2018) The China Reckoning. How Beijing Defied American Expectations // *Foreign Affairs*, vol. 97, no 2, pp. 60–70 // <https://www.foreignaffairs.com/articles/united-states/2018-02-13/china-reckoning>, дата обращения 31.01.2019.

Charap S., Drennan J., Kanaev Y., Lukonin S., Mikheev V., Shvydko V., Voda K., Voitlovsky F. (2016) The US and Russia in the Asia-Pacific // *The International Institute for Strategic Studies*, March 31, 2016 // <https://www.iiss.org/-/media/documents/events/events%20calendar/march%202016/us%20russia%20report%202016%20final.pdf>, дата обращения 31.01.2019.

Clinton H. (2011) *America's Pacific Century* // *Foreign Policy*, October 11, 2011 // <http://foreignpolicy.com/2011/10/11/>

americas-pacific-century/, дата обращения 31.01.2019.

Kaplan R.D. (2017) The Quiet Rivalry between China and Russia // *New York Times*, November 3, 2017 // <https://www.nytimes.com/2017/11/03/opinion/china-russia-rivalry.html>, дата обращения 31.01.2019.

Krickovic A. (2017) The Symbiotic China-Russia Partnership: Cautious Riser and Desperate Challenger // *The Chinese Journal of International Politics*, vol. 10, no 3, pp. 299–329. DOI: 10.1093/cjip/pox011

Lo B. (2008) *Axis of Convenience: Moscow, Beijing, and the New Geopolitics*, Brookings Institution Press.

Lo B. (2015) *A Turn to the East* // Lo B. *Russia and the New World Disorder*, Brookings Institution Press, pp. 132–164.

Lo B., Hill F. (2013) Putin's Pivot: Why Russia is Looking East // *Brookings*, July 31, 2013 // <https://www.brookings.edu/opinions/putins-pivot-why-russia-is-looking-east/>, дата обращения 31.01.2019.

Lukin A. (2018) *China and Russia: The New Rapprochement*, Cambridge: Polity Press.

Mankoff J., Barabanov O. (2013) Prospects for U.S.-Russia Cooperation in the Asia-Pacific Region: The United States and Russia in the Pacific Century // Working Group on the Future of U.S.-Russia Relations. Working Group Paper 3 // <https://us-russiafuture.org/publications/working-group-papers/prospects-for-u-s-russia-cooperation-in-the-asia-pacific-region/>, дата обращения 31.01.2019.

Mearsheimer J.J., Walt S.M. (2016) The Case for Offshore Balancing // *For-*

ign Affairs, vol. 95, no 4, pp. 70–83 // <https://www.foreignaffairs.com/articles/united-states/2016-06-13/case-offshore-balancing>, дата обращения 31.01.2019.

Putz C. (2016) What Is China and Russia's 'Eternal Friendship' Worth? // *The Diplomat*, June 27, 2016 // <https://thediplomat.com/2016/06/what-is-china-and-russias-eternal-friendship-worth/>, дата обращения 31.01.2019.

Rousseau R. (2013) The Russia-China Relationship and the Russian Far East // *The Diplomatic Courier*, February 20, 2013 // <https://www.diplomaticcourier.com/2013/02/20/the-russia-china-relationship-and-the-russian-far-east/>, дата обращения 31.01.2019.

Rozman G. (2014) *The Sino-Russian Challenge to the World Order: National Identities, Bilateral Relations, and East vs. West in the 2010s*, Washington: Woodrow Wilson Center Press and Stanford University Press.

Schoen D.E., Kaylan M. (2014) *The Russia-China Axis: The New Cold War and America's Crisis of Leadership*, Encounter Books.

Shapiro J.L. (2017) Russia and China's Alliance of Convenience // *Geopolitical Futures*, December 26, 2017 // <https://geopoliticalfutures.com/russia-chinas-alliance-convenience-1/>, дата обращения 31.01.2019.

Simes D., Graham A. (2019). A Sino-Russian Entente Again Threatens America // *The Wall Street Journal*, January 29, 2019 // <https://www.wsj.com/articles/a-sino-russian-entente-again-threatens-america-11548806978>, дата обращения 31.01.2019.

Under Discussion

DOI: 10.23932/2542-0240-2019-12-1-159-184

A Missed Partnership: Russia and the US at the Pacific

Dmitry V. SUSLOV

Deputy Director, Center for Comprehensive European and International Studies,
Faculty of World Economy and International Affairs
National Research University Higher School of Economics, 119017, Malaya Ordynka St.,
17, Moscow, Russian Federation
E-mail: dsuslov@hse.ru
ORCID: 0000-0001-9353-8798

CITATION: Suslov D.V. (2019) A Missed Partnership: Russia and the US at the Pacific. *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*, vol. 12, no 1, pp. 159–184 (in Russian). DOI: 10.23932/2542-0240-2019-12-1-159-184

Received: 29.12.2018.

ABSTRACT. *Both Russia and the United States consider the Asia-Pacific as the center of the world economy and politics and assume the active presence in the region crucial for their security and economic development. They did not have such sharp contradictions there as in Europe or in the post-Soviet space. Moreover, some of their interests in the Asia-Pacific Region coincide – such as preventing Chinese hegemony. In this regard, the Russian-American dialogue and cooperation in the Asia-Pacific could be an important pillar of the positive agenda of their relations and a factor in their sustainability.*

Due to foreign policy inertia, the inflexibility of the agenda of Russian-American relations and the inability of the parties to go beyond the usual pattern, such a dialogue has not even begun. Both sides demonstrated strategic myopia. This weakened the resilience of US-Russian relations in the face of new challenges and accelerated their deterioration and disruption to a new confrontation. The Asia-Pacific has become another theater of the US-Russian systemic confront-

tation. However, it is in the interest of both Russia and the United States to separate relations in this region from their general confrontation. This will create favorable conditions for Russia to build a balanced partnership system in the Asia-Pacific, which is necessary to consolidate its role as an independent global great power. In addition, the Russian-American dialogue on the Asia-Pacific, or at least the weakening of their confrontation in this region, will reduce its polarization and prevent tensions between the US and its Asian allies and partners.

KEY WORDS: *US-Russia relations, international security, Asia-Pacific, foreign policy of Russia, USA*

References

Beckley M. (2017) The Emerging Military Balance in East Asia: How China's Neighbors Can Check Chinese Naval Expansion. *International Security*, vol. 42, no 2, pp. 78–119. DOI: 0.1162/ISEC_a_00294

Bolt P.J., Cross S. N. (2018) *China, Russia, and Twenty-First Century Global Geopolitics*, Oxford University Press.

Campbell K.M., Ratner E. (2018) The China Reckoning. How Beijing Defied American Expectations. *Foreign Affairs*, vol. 97, no 2, pp. 60–70. Available at: <https://www.foreignaffairs.com/articles/united-states/2018-02-13/china-reckoning>, accessed 31.01.2019.

Charap S., Drennan J., Kanaev Y., Lukonin S., Mikheev V., Shvydko V., Voda K., Voitovsky F. (2016) The US and Russia in the Asia-Pacific. *The International Institute for Strategic Studies*, March 31, 2016. Available at: <https://www.iiss.org/-/media/documents/events/events%20calendar/march%202016/us%20russia%20report%202016%20final.pdf>, accessed 31.01.2019.

Clinton H. (2011) America's Pacific Century. *Foreign Policy*, October 11, 2011. Available at: <http://foreignpolicy.com/2011/10/11/americas-pacific-century/>, accessed 31.01.2019.

Kaplan R.D. (2017) The Quiet Rivalry between China and Russia. *New York Times*, November 3, 2017. Available at: <https://www.nytimes.com/2017/11/03/opinion/china-russia-rivalry.html>, accessed 31.01.2019.

Karaganov S.A. (ed.) (2014) *To the Great Ocean-2, or Russian Breakthrough to Asia. Report of the Valdai International Discussion Club*. Available at: http://vid-1.rian.ru/ig/valdai/Twd_Great_Ocean_2_Rus.pdf, accessed 31.01.2019 (in Russian).

Karaganov S.A., Suslov D.V. (2011) *Russia-US Relations after the "Reset": on the Way to a New Agenda. View from Russia. Report of the Russian Participants of the Working Group on the Future of Russian-American Relations of the Valdai International Discussion Club. Harvard University and National Research University Higher School of Economics*. Available at: https://we.hse.ru/data/2011/04/04/1211654787/valdai_2011.pdf, accessed 31.01.2019 (in Russian).

Krickovic A. (2017) The Symbiotic China-Russia Partnership: Cautious Riser and Desperate Challenger. *The Chinese Journal of International Politics*, vol. 10, no 3, pp. 299–329. DOI: 10.1093/cjip/pox011

Lo B. (2008) *Axis of Convenience: Moscow, Beijing, and the New Geopolitics*, Brookings Institution Press.

Lo B. (2015) A Turn to the East. *Lo B. Russia and the New World Disorder*, Brookings Institution Press, pp. 132–164.

Lo B., Hill F. (2013) Putin's Pivot: Why Russia is Looking East. *Brookings*, July 31, 2013. Available at: <https://www.brookings.edu/opinions/putins-pivot-why-russia-is-looking-east/>, accessed 31.01.2019.

Lukin A. (2018) *China and Russia: The New Rapprochement*, Cambridge: Polity Press.

Mankoff J., Barabanov O. (2013) Prospects for U.S.-Russia Cooperation in the Asia-Pacific Region: The United States and Russia in the Pacific Century. *Working Group on the Future of U.S.-Russia Relations*. Working Group Paper 3. Available at: <https://us-russiafuture.org/publications/working-group-papers/prospects-for-u-s-russia-cooperation-in-the-asia-pacific-region/>, accessed 31.01.2019.

Mearsheimer J.J., Walt S.M. (2016) The Case for Offshore Balancing. *Foreign Affairs*, vol. 95, no 4, pp. 70–83. Available at: <https://www.foreignaffairs.com/articles/united-states/2016-06-13/case-offshore-balancing>, accessed 31.01.2019.

Putz C. (2016) What Is China and Russia's 'Eternal Friendship' Worth? *The Diplomat*, June 27, 2016. Available at: <https://thediplomat.com/2016/06/what-is-china-and-russias-eternal-friendship-worth/>, accessed 31.01.2019.

Rousseau R. (2013) The Russia-China Relationship and the Russian Far East. *The Diplomatic Courier*, February 20, 2013. Available at: <https://www.diplomaticcourier.com/2013/02/20/the-russia-china-relationship-and-the-russian-far-east/>, accessed 31.01.2019.

Rozman G. (2014) *The Sino-Russian Challenge to the World Order: National Identities, Bilateral Relations, and East vs. West in the 2010s*, Washington: Woodrow Wilson Center Press and Stanford University Press.

Schoen D.E., Kaylan M. (2014) *The Russia-China Axis: The New Cold War and America's Crisis of Leadership*, Encounter Books.

Shapiro J.L. (2017) Russia and China's Alliance of Convenience. *Geopolitical Futures*, December 26, 2017. Available at: <https://geopoliticalfutures.com/russia-chinas-alliance-convenience-1/>, accessed 31.01.2019.

Simes D., Graham A. (2019) A Sino-Russian Entente Again Threatens America. *The Wall Street Journal*, January 29, 2019. Available at: <https://www.wsj.com/articles/a-sino-russian-entente-again-threatens-america-11548806978>, accessed 31.01.2019.

Suslov D.V. (2014) For the Long Haul. Global Aspects of the New Confrontation Between Russia and the United States. *Russia in Global Affairs*, November 11, 2014. Available at: <https://www.globalaffairs.ru/number/Vserez-i-nadolgo-17102>, accessed 31.01.2019 (in Russian).

DOI: 10.23932/2542-0240-2019-12-1-185-203

Юго-Восточная Азия в приоритетах российской политики «поворота к Азии»

Александр Александрович РОГОЖИН

кандидат экономических наук, руководитель группы, ведущий научный сотрудник
Национальный исследовательский институт мировой экономики и
международных отношений имени Е.М. Примакова РАН, 117997, Профсоюзная ул.,
д. 23, Москва, Российская Федерация
E-mail: rogojine@mail.ru
ORCID: 0000-0002-0736-3184

Наталья Григорьевна РОГОЖИНА

доктор политических наук, главный научный сотрудник
Национальный исследовательский институт мировой экономики и
международных отношений имени Е.М. Примакова РАН, 117997, Профсоюзная
ул., д. 23, Москва, Российская Федерация
E-mail: ngrogozhina@mail.ru
ORCID: 0000-0002-9924-2493

ЦИТИРОВАНИЕ: Рогожин А.А., Рогожина Н.Г. (2019) Юго-Восточная Азия в приоритетах российской политики «поворота к Азии» // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. Т. 12. № 1. С. 185–203.
DOI: 10.23932/2542-0240-2019-12-1-185-203

Статья поступила в редакцию 25.12.2018.

АННОТАЦИЯ. Взятый Россией в начале 2000-х гг. внешнеполитический курс «Поворота к Азии» не сопровождался, однако, расширением взаимодействия со странами Юго-Восточной Азии. Несмотря на создание определенного фундамента для развития двухстороннего и многостороннего сотрудничества, его потенциал раскрыт далеко не полностью. Наличие объективных факторов тормозило его расширение и ограничивало активное включение России в региональные интеграционные процессы. В статье оцениваются перспективы развития отношений со странами ЮВА в контексте стратегических и экономических интересов России в регионе и складывающихся условий для их реализации. Авторы отмечают, что регион стал приобретать стратегическое значение для

России, во-первых, по экономическим соображениям, учитывая динамику его роста и возможности его вовлечения в российские интеграционные проекты, во-вторых, по геополитическим соображениям, исходя из оценки его вклада в формирование архитектуры безопасности в АТР, принципы построения которой в целом согласуются с российскими стратегическими интересами, реализующимися в рамках дипломатического и военнополитического сближения со странами ЮВА. В выстраивании своих отношений с ними Россия исходит из того, что ее более активное участие в региональных делах может стать фактором, препятствующим установлению гегемонии одной из великих держав в регионе, что в целом отвечает интересам и самих стран ЮВА. Вместе с тем авто-

ры приходят к выводу, что в поисках силы, способной обеспечить стабильность в регионе, выбор стран ЮВА вряд ли остановится только на России, реальный уровень политического влияния которой в регионе остается по-прежнему невысоким. Что же касается экономического сотрудничества России со странами ЮВА, то в последние годы взаимодействия между ними в рамках двусторонних отношений укрепилось, прежде всего в торговле. При этом Россия имеет положительное сальдо в товарообороте со странами региона. Однако инвестиционное сотрудничество между ними невелико по объему и не играет заметной роли в экономиках стран-контрагентов. В статье дается подробный анализ проблем, осложняющих экономическое сотрудничество России со странами ЮВА, и предлагаются рекомендации по их решению с учетом специфики российского бизнеса и особенностей развития местного рынка. Авторы приходят к выводу, что успех экономических отношений России со странами ЮВА будет во много зависеть от того, признает ли она их не менее важными партнерами, чем Китай или Индия. Никакие политические шаги России в ЮВА не приведут к усилению ее позиций в регионе, если не будут сопровождаться ее экономической экспансией.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: *Россия, страны Юго-Восточной Азии, АТР, безопасность, стратегические интересы, экономическое сотрудничество*

Российское экспертное сообщество очень чутко реагирует на изменения, происходящие во внешней политике страны. К таковым относится и взятый Россией в последнее десятилетие курс на сближение со странами Юго-Восточной Азии. Закономерен поэтому и возросший исследовательский интерес к изучению этой проблемы. Оценивая сложившуюся ситуацию в сфере взаимодей-

ствия России со странами ЮВА, большинство авторов различного рода публикаций – научных статей, комментариев, докладов – признают, что, несмотря на создание определенного фундамента для развития двухстороннего и многостороннего сотрудничества, его потенциал раскрыт далеко не полностью [Астафьева 2017; Рогожин 2011; Рогожин 2016; Мазырин 2016, с. 413–428]. Они отмечают наличие объективных препятствий, тормозящих его расширение и ограничивающих активное включение России в региональные процессы – интеграционные и геополитические.

К их числу относятся: географическая отдаленность региона Юго-Восточной Азии от России, неконкурентоспособность нашей экономики, отсутствие делового опыта взаимодействия с местным бизнесом, слабая обоюдная информированность и, наконец, относительно низкий статус региона в иерархии приоритетов российской внешнеэкономической и внешней политики.

Обращает на себя внимание то обстоятельство, что вопреки логике реализации российской политики «поворота к Азии» и признанию за Россией статуса диалогового партнера АСЕАН еще в 1996 г., что положило начало многоформатному сотрудничеству со странами региона, набор вышеперечисленных факторов по-прежнему оказывает сдерживающее воздействие на процессы сближения с ними.

И хотя с высоких трибун звучат заявления о достигнутых успехах в сфере экономического и дипломатического взаимодействия со странами ЮВА, однако заметного прорыва не обнаруживается. Россия по-прежнему занимает крайне скромное место во внешней торговле стран ЮВА. Доля России в совокупном обороте внешней торговли за период с 2010 по 2017 гг. увеличилась лишь с 0,6 до 0,7%. Соответствующий показатель в совокупном

экспорте стран Ассоциации увеличился с 0,3 до 0,4%, а в импорте сократился с 1 до 0,9%¹. Аналогичная ситуация складывается и в сфере инвестиций. Приток российских инвестиций в ЮВА в период 2010–2016 гг. составил всего 786 млн долл. (0,1% от всего объема прямых иностранных инвестиций, размещенных в странах региона в этот период). С экономической позицией России в ЮВА коррелирует и низкий уровень включения ее в интеграционные процессы, развивающиеся в регионе.

Выйти на уровень стратегического партнерства со странами АСЕАН – цель, поставленная В.В. Путиным в 2016 г. на третьем саммите Россия – АСЕАН, но пока не достигнутая. По мнению эксперта Российского совета по международным делам А. Цветова, связи России и членов АСЕАН сегодня можно охарактеризовать как фрагментарные и незначительные по объему, широте и глубине². Той же точки зрения придерживается известный российский востоковед Г.М. Локшин, считающий, что «20 лет диалогового партнерства Россия – АСЕАН – 20 лет фактического топтания на месте» [Астафьева 2017, с. 161].

И тем не менее значение ЮВА для России в выстраивании ее дипломатии в мире (и в частности в АТР) и укреплении экономических позиций на новых развивающихся рынках возрастает. По крайней мере, такова была тональность всех комментариев (как российских, так и зарубежных), предшествовавших визиту президента России В.В. Путина в Сингапур для участия в работе 13-го Восточноазиатского саммита (ВАС) в ноябре

2018 г., впервые с момента принятия России в эту организацию (2011 г.)³. Это мероприятие вызвало общественный резонанс по одной причине – традиционное отсутствие на Восточноазиатском саммите главного лица страны расценивалось как доказательство слабой заинтересованности России в развитии отношений со странами ЮВА⁴.

В самой Юго-Восточной Азии приезде президента России на форум ВАС также придали большое значение, видя в нем подтверждение того, что В.В. Путин «намерен убедить своих коллег в АСЕАН в том, что Россия, во-первых, относится серьезно к развитию отношений со странами региона, во-вторых, является страной, на которую можно положиться и с которой следует считаться». И наконец, его участие в саммите рассматривалось как некий сигнал, поданный Китаю и США, что им следует ожидать от России более активной политики в регионе в намерении усилить здесь свое влияние [Cheang (1) 2018, pp. 2–3; Cheang (2) 2018].

В связи с этим будет правомерным задаться вопросами: почему именно сейчас интерес России переключился на страны ЮВА и повлечет ли это за собой изменение характера взаимодействия с ними?

Стратегические интересы России в Юго-Восточной Азии

После распада СССР Россия практически полностью утратила свои позиции в Юго-Восточной Азии, где советская держава ранее имела стратегиче-

1 Подсчитано по данным ASEAN StatsData Portal // <https://data.aseanstats.org/>, дата обращения 31.01.2019.

2 Цветов А. (2016) Россия и Юго-Восточная Азия: с кем, в чем и зачем сотрудничать // Московский Центр Карнеги. 17 мая 2016 // <https://carnegie.ru/commentary/63595>, дата обращения 31.01.2019.

3 ВАС создан в 2005 г. как платформа для диалога лидеров стран АТР по широкому кругу стратегических, политических и экономических вопросов. Встречи проводятся ежегодно и их участниками являются 18 государств: страны АСЕАН и их диалоговые партнеры: Россия, Австралия, Индия, Китай, Республика Корея, Новая Зеландия, США и Япония.

4 Storey I. (2016) Russia's Pivot East Ignores South-east Asia // The Straits Times, September 12, 2016 // <https://www.straitstimes.com/opinion/russias-pivot-east-ignores-south-east-asia>, дата обращения 31.01.2019.

ских партнеров в лице ряда государств (Вьетнам, Лаос, Камбоджа), что давало ей возможность влиять на архитектуру безопасности в регионе и отстаивать свои национальные интересы, воспринимаемые в контексте более широкого идеологического противостояния с Западом. Когда это потеряло свою актуальность, значение региона для России резко снизилось, и он перестал быть зоной национального интереса, а соответственно и влияния. Это и объясняет достаточно низкий уровень взаимодействия России со странами ЮВА по сравнению с другими государствами АТР.

В Указе Президента Российской Федерации от 7 мая 2012 г. № 605 «О мерах по реализации внешнеполитического курса Российской Федерации» регион АТР оказался на пятом месте в приоритетах внешней политики нашей страны (даже после Республики Абхазия и Республики Южная Осетия), а из всех стран ЮВА был выделен лишь Вьетнам как перспективный стратегический партнер.

Судя по тексту данного документа, интерес к АТР, и в частности странам ЮВА, мотивировался прежде всего экономическими соображениями. Регион рассматривался как источник роста для Дальнего Востока и Восточной Сибири. А участие в «формировании в Азиатско-Тихоокеанском регионе новой архитектуры безопасности и сотрудничества, основанной на коллективных внеблоковых началах, нормах международного права и принципе равной и неделимой безопасности»⁵ виделось лишь в контексте создания благоприятного внешнеполитического климата для продвижения российских экономических интересов.

Политика России в отношении стран ЮВА осуществлялась в отсутствии разработанной стратегии действий и в тактическом плане реализовывалась в рамках двухстороннего сотрудничества с государствами региона в ограниченных областях [Цветов 2016; Ключанская 2011, с. 55–85].

Попытки продвинуть отношения на новый уровень взаимодействия были предприняты лишь в 2016 г., когда в Сочи состоялся третий саммит Россия – АСЕАН с участием глав государств. По его итогам была принята Сочинская декларация «На пути к взаимовыгодному стратегическому партнерству» и утвержден Комплексный план действий по развитию сотрудничества Российской Федерации и АСЕАН на период 2016–2020 гг. Но ожидания существенного прорыва во взаимоотношениях не оправдались. Юго-Восточная Азия по-прежнему оставалась на периферии внешней политики России.

Произошли ли какие-либо сдвиги в российской позиции по отношению к странам ЮВА за последние два года? Есть основания полагать, что да. Показательна в этом плане изменившаяся оценка ВАС. Ранее Россия чисто номинально участвовала в работе этой структуры, считая ее подверженной доминирующему влиянию США и Китая [Storey 2015, p. 8]. Отсюда и низкая политическая оценка этого международного форума как не обеспечивающего благоприятные условия для продвижения российских интересов, в отличие, например, от БРИКС или ШОС.

При определении факторов, оказывающих влияние на формирование новых подходов России к странам ЮВА,

⁵ Указ Президента Российской Федерации от 7 мая 2012 г. N 605 «О мерах по реализации внешнеполитического курса Российской Федерации» // Российская газета. 9 мая 2012 // <https://rg.ru/2012/05/09/vn-polit-dok.html>, дата обращения 31.01.2019.

можно назвать следующие. Поставленная Россией задача по диверсификации своей внешней политики в условиях кризиса во взаимоотношениях с Западом требует включения в орбиту ее притяжения новых государств. Страны ЮВА не только могут стать новой точкой опоры для России в АТР, но и помочь ей избежать уваливающейся зависимости от КНР – неизбежное следствие несбалансированности политики «Поворота к Азии».

Российская власть отдает себе отчет в том, что в подобной ситуации она вынуждена принимать не всегда благоприятные для себя условия при заключении экономических соглашений с КНР. Как считает Дж. Браун из университета Temple в Токио, Россия опасается оказаться на положении младшего зависимого партнера КНР и, чтобы усилить свои позиции в переговорном процессе, должна продемонстрировать Китаю, что у нее есть другие возможности в Азии, и прежде всего в Юго-Восточной Азии⁶.

Регион стал вновь приобретать стратегическое значение для нашей страны, во-первых, по экономическим соображениям, с учетом динамики его роста (страны ЮВА, в которых проживают ныне свыше 640 млн чел., к 2050 г. по совокупности могут стать четвертой экономикой мира), а также возможностей его вовлечения в российские интеграционные проекты; во-вторых, по геополитическим соображениям, исходя из оценки его вклада в формирование такой архитектуры безопасности в АТР, принципы построения которой в целом согласуются с российскими стратегическими интересами.

Выступая на четвертом совещании министров обороны стран – членов АСЕАН и диалоговых партнеров «СМОА плюс» в 2017 г., глава российского военного ведомства С. Шойгу обозначил принципы, на которых предлагается выстраивать межгосударственные отношения. Это внеблочность, равенство и неделимость безопасности, невмешательство во внутренние дела, мирное урегулирование споров и неукоснительное соблюдение норм международного права⁷. Эти принципы определяют и позицию стран ЮВА в построении архитектуры безопасности в регионе [Михеев, Швыдко 2016, с. 98].

В отличие от других регионов развивающегося мира, в ЮВА имеется достаточно прочная институциональная основа для регионального взаимодействия – АСЕАН. Ее наличие повышает шансы России на включение в общерегиональный дискурс по проблемам безопасности и на выстраивание отношений с партнерами АСЕАН по диалогу, давая возможность принимать участие в работе многосторонних механизмов, аффилированных с ее деятельностью [Стрельцов 2014, с. 206–213]. При этом АСЕАН в этих институтах видит себя законодателем ценностей и принципов, которые должны принять все присутствующие в регионе державы и на основе которых они должны решать возникающие вопросы [Цветов 2016].

Россия осознает важность этих переговорных площадок для продвижения своих национальных интересов и повышения своего авторитета в решении общих для региона задач по сохранению мира и безопасности. Нагляд-

6 Brown J. (2017) Moscow's 'Look East' Policies Could Add Muscle to Southeast Asia // Nikkei Asian Review, June 8, 2017 // <https://asia.nikkei.com/Politics/Moscow-s-look-east-policies-could-add-muscle-to-Southeast-Asia2>, дата обращения 31.01.2019.

7 Молчанов В. (2017) Сообща против новых угроз // Красная звезда. 24 октября 2017 // <http://archive.redstar.ru/index.php/siriya/item/34896-soobshcha-protiv-novykh-ugroz>, дата обращения 31.01.2019.

ный пример – привлечение внимания общественности к активной роли России в борьбе с терроризмом на Ближнем Востоке. Разыгрывая «сирийскую карту» на площадках СМОА+ и АРФ, Россия добивается сразу нескольких результатов – демонстрирует способность достичь впечатляющих успехов в борьбе с международным терроризмом, а заодно и мощь своего оружия, что повышает к ней кредит доверия со стороны стран ЮВА, которые сталкиваются с угрозой активизации исламского радикализма, и усиливает их заинтересованность в расширении сотрудничества в военной области.

К числу других перспективных направлений сотрудничества в сфере безопасности, по мнению министра иностранных дел России С. Лаврова, относится борьба с киберпреступностью и со стихийными бедствиями⁸.

Дипломатическое и военно-политическое сближение со странами ЮВА рассматривается сегодня Россией как необходимое условие ее непосредственного участия в создании архитектуры безопасности в АТР. Утверждение России в этом регионе, где доминируют Китай и США, требует создания более прочной основы для расширения контактов со странами ЮВА как на институциональном уровне в рамках АСЕАН, так и на двухсторонней основе. Чем большим авторитетом будет пользоваться Россия у стран ЮВА, тем выше будет ее мировой рейтинг как великой державы, каковой она себя представляет и каковой должны ее воспринимать другие страны.

До 2010-х гг. Россия поддерживала прочные и всесторонние связи практически только с Вьетнамом

[Лузянин 2007]. Расширению ее сотрудничества с рядом государств ЮВА в последнее время благоприятствовала происшедшая в них смена власти. После военного переворота в мае 2014 г. отношения Таиланда с его главным стратегическим партнером США ухудшились. В первую очередь это проявилось в военной сфере. США ввели мораторий на поставки вооружения в Таиланд, что поставило военных перед необходимостью искать новые рынки его закупки. Россия оказалась в поле возросшего интереса Таиланда. В мае 2016 г. во время приезда премьер-министра Прают Чян-Оча в Россию было подписано соглашение о военном сотрудничестве между министерствами обороны двух стран [Рогожина 2016].

Аналогичная ситуация сложилась и в отношении другого стратегического союзника США – Филиппин. Победивший на выборах президента в 2016 г. Р. Дутерте стал объектом резкой критики со стороны мирового сообщества и прежде всего США за нарушение прав человека в ходе проводимой им кампании по борьбе с наркоманией в стране. США приняли решение отложить поставки стрелкового оружия, предназначенного филиппинской национальной полиции, а также задержать предоставление экономической помощи в объеме 434 млн долл. Филиппины нашли выход из этой ситуации в подписании соглашения о военно-техническом сотрудничестве с Россией.

Ответной реакцией попавших в немилость к Западу стран ЮВА стал поиск новых партнеров, прежде всего по военному сотрудничеству. К числу последних относится и Россия, у которой

8 Выступление и ответы на вопросы СМИ Министра иностранных дел России С.В. Лаврова в ходе пресс-конференции по итогам Совещания министров иностранных дел Россия – АСЕАН, Сингапур (2018) // Министерство иностранных дел РФ. 2 августа 2018 // http://www.mid.ru/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/3313736, дата обращения 31.01.2019.

нет политических разногласий со всеми странами ЮВА независимо от существующих в них политических режимов. Россия пытается поддерживать ровные отношения как с авторитарными, так и с демократическими режимами, не придавая значения чувствительным для них вопросам, как то защита прав человека или проведение свободных выборов [Le Hong Hiep 2013].

То, что Россия придерживается принципа невмешательства во внутренние дела стран ЮВА, дает ей определенные политические преимущества в сравнении с западными странами, оказывающими давление на них. Отношения многих государств региона к России по-прежнему основываются на исторически сложившемся ее образе как антипода Запада или, скорее, как альтернативы западному влиянию. При этом Россия выглядит особенно привлекательной для малых государств, которые стремятся к поддержке более сбалансированной архитектуры безопасности и ощущают дискомфорт от навязанного им «покровительства» США [Kucera, Pejsova 2012]. Сегодня на их самоощущение как независимых государств оказывает влияние также и экспансионистская политика Китая. Россия же, в отличие от этих государств, не представляет для них никакой угрозы.

В выстраивании своих отношений с Россией страны ЮВА исходят из того, что ее более активное участие в региональных делах может стать фактором, препятствующим установлению гегемонии одной из великих держав в регионе. У России нет подобных амбиций. В этом смысле ее включение в региональные процессы отвечает взаимным интересам [Martynova 2011, р. 408]. Страны ЮВА нуждаются во влиятельной России для поддержания международного порядка, а целью

России является сохранение АСЕАН как независимой силы в полицентричном мире. Такой статус организации выгоден России. Она может свободно развивать коммерческие связи со странами ЮВА, не опасаясь колебаний их внешнеполитического курса и возникновения риска их втягивания в военные союзы.

Вопрос, однако, в том, сможет ли Россия стать «контрбалансом» в соперничестве между США и Китаем за влияние на страны ЮВА. И готова ли она взять на себя эту роль.

Изменение внешних условий обеспечения национальных интересов России в Юго-Восточной Азии

Повышению статуса России в регионе как самостоятельного политического актора благоприятствует изменившийся внешний контекст. Невнятная политика США в отношении стран ЮВА после прихода к власти Д. Трампа и выхода страны из ТТП порождает в местном обществе опасения по поводу укрепления позиций Китая с последствиями для изменения баланса сил в регионе. А продолжающаяся между двумя великими державами «торговая война» расшатывает и так непрочный каркас поддержания стабильности в АТР.

Усиливающаяся конкуренция между ними (в экономической и стратегической сферах) создает большие трудности для стран ЮВА, которые традиционно придерживаются принципа равноудаленности, балансируя между соперничающими сторонами, а сегодня, как заметил премьер-министр Сингапура Ли Сяньлун в своем выступлении на саммите АСЕАН в ноябре 2018 г., могут оказаться в ситуации, когда вынуждены будут выбирать между

Китаем и США¹⁰. Складывается весьма опасная для стран ЮВА ситуация, когда «внешние вызовы деформируют концепцию центральности АСЕАН и подрывают единство блока»¹⁰.

Эти опасения нашли отражение и в их крайне осторожной позиции относительно выдвинутого США проекта «Индо-Тихоокеанского региона», имеющего целью формирование новой системы безопасности в Азии. С одной стороны, их привлекает идея открытости, сотрудничества, отсутствия дискриминации в отношениях между странами, с другой стороны, они не хотят быть втянутыми в противоборство между великими державами. И что не менее важно для них – утратить свою особую роль в системе международных отношений в этом регионе мира.

И хотя в теории провозглашенная Д. Трампом стратегия создания «свободного и открытого Индо-Тихоокеанского региона» предполагает соблюдение всеми странами национального суверенитета, верховенства закона, обеспечение свободной и честной торговли, однако в реальности направлена на перегруппировку и изменение баланса сил в регионе и имеет четко выраженную антикитайскую направленность. Задача одна – противодействовать укреплению позиций Китая в Азии в рамках реализации его долгосрочных и амбициозных программ «Один пояс, один путь» и «нового морского пути» в Тихом и Индийском океанах путем создания нового альянса сил.

Но если об Индо-Тихоокеанском проекте можно говорить лишь в будущем времени, то китайский проект «Один пояс, один путь» – это уже насто-

ящее. И включение в него стран ЮВА значительно повышает шансы Китая на усиление влияния на них, что вызывает неоднозначную реакцию стран региона, усматривающих в политике КНР определенную угрозу своей национальной безопасности.

Страны ЮВА оказались невольно втянутыми в конфликт интересов великих держав, поскольку каждая из них пытается заручиться их поддержкой для продвижения своих экономических и стратегических интересов, оказывая помощь близким им режимам, предлагая многообещающие инвестиционные проекты и военное сотрудничество. Это осознание раздвоенности своего положения усиливает традиционный для стран ЮВА прагматизм в защите национальных интересов и стремление отстоять свою центральную роль в АТР.

Может ли Россия воспользоваться этой ситуацией для продвижения своих стратегических интересов? По мнению некоторых западных обозревателей, российская дипломатия в регионе, с одной стороны, проявляется в жесткой критике «провокационной политики» США в Южно-Китайском море, а с другой – в нежелании допустить доминирование Китая. Установление его гегемонии в регионе ограничит пространство для маневра для самой России и приведет к резкой дестабилизации ситуации, если вызовет ответную реакцию США¹¹.

Действительно, несмотря на внешне благоприятный политический климат в ЮВА для усиления стратегических позиций России, ее реальные возможности по реализации своих наме-

10 Tobin M. (2018) ASEAN in Singapore, APEC in Papua New Guinea: All You Need to Know about Asia's Summit Season // South China Morning Post, February 16, 2018 // <https://www.scmp.com/news/asia/southeast-asia/article/2172832/asean-singapore-apec-papua-new-guinea-all-you-need-know>, дата обращения 28.02.2019.

11 Brown J. (2017) How Moscow's 'Look East' Policy Can Help Southeast Asia // Nikkei Asian Review, June 22, 2017 // <https://asia.nikkei.com/Politics/James-DJ-Brown-How-Moscow-s-look-east-policy-can-help-Southeast-Asia>, дата обращения 31.01.2019.

рений ограничены. Она не способна предложить сколько-нибудь конкурентоспособный проект развития региона, а поэтому уступает по своей «привлекательности» другим региональным лидерам. В нынешней геополитической ситуации, складывающейся вокруг стран ЮВА, Россия может извлечь для себя стратегические преимущества в одном – расширить военное сотрудничество и тем самым заявить о себе как о новом влиятельном игроке на пространстве ЮВА.

По западным оценкам, с 2010 по 2016 г. объемы продаж российского вооружения в страны ЮВА выросли в два раза и составили 5 млрд долл.: 15% российского экспорта вооружения¹². Десять лет назад этот показатель не превышал 6,2%. Согласно данным Стокгольмского института исследования проблем мира (SIPRI), Юго-Восточная Азия стала главным рынком продаж российского вооружения¹³. На Россию в период с 2000 по 2016 г. приходилось 80% закупок вооружения Вьетнамом, 60% – Мьянмой и 80% – Лаосом¹⁴.

2018 г. стал прорывным в расширении военно-технического взаимодействия со странами ЮВА. Увеличились поставки вооружения в Лаос и было принято решение о подготовке лаосских военнослужащих в России. За последние годы были подписаны военные контракты с Вьетнамом общей стоимостью более 4,5 млрд долл. Стороны также договорились о проведении совместных военных учений. Филиппины выразили готовность закупить рос-

сийское вооружение, несмотря на угрозу санкций со стороны США. Мьянма предоставила России разрешение входить в свои военные порты.

Заинтересованность стран ЮВА в закупках российского вооружения мотивируется прежде всего опасениями по поводу угрозы терроризма. Но нельзя исключать и фактор Китая, имея в виду сохраняющуюся напряженность между ним и странами ЮВА по территориальным спорам в Южно-Китайском море. Россия традиционно придерживается нейтралитета в этом вопросе, и тем не менее тот факт, что она продает оружие обеим сторонам конфликта, ставит ее в достаточно щекотливое положение и создает определенные сложности во взаимоотношениях со странами региона.

Это подтверждает и опыт ее взаимодействия с Индонезией, самой крупной и влиятельной страной ЮВА, с которой Россия стремится установить стратегическое партнерство. Это планировалось достичь во время встречи В.В. Путина с президентом Индонезии Джоко Видодо на форуме ВАС в ноябре 2018 г. Почему этого не произошло, остается вопросом открытым. Оценивая трудности, возникающие при расширении сотрудничества России с Индонезией, российский эксперт А. Цветов указывает на фактор тесных связей России с Китаем [Tsvetov 2018]. Учитывая рост антикитайских настроений в Индонезии, восприятие России как союзника Китая подрывает к ней доверие со стороны индонезийских властей. Имен-

12 Abbey M. (2018) Russia Finds Ready Friends in a Southeast Asia Battling Terrorism // South China Morning Post, July 20, 2018 // <https://www.scmp.com/comment/insight-opinion/article/2106361/russia-finds-ready-friends-southeast-asia-battling-terrorism>, дата обращения 31.01.2019.

13 Jun Suzuki, Tomoyo Ogawa (2018) Russia Draws Closer to Southeast Asia with Arms and Energy Trade // Nikkei Asian Review, November 14, 2018 // <https://asia.nikkei.com/Politics/International-relations/Russia-draws-closer-to-Southeast-Asia-with-arms-and-energy-trade>, дата обращения 31.01.2019.

14 Putin Uses Arms Sales to ASEAN to Increase Russian Standing in Southeast Asia (2018) // ASEAN Today, March 14, 2018 // <https://www.aseantoday.com/2018/03/putin-uses-arms-sales-to-asean-to-increase-russian-standing-in-southeast-asia/>, дата обращения 31.01.2019.

но поэтому укрепление позиций России в ЮВА во многом будет зависеть от ее политической дистанцированности от Китая, что ставит новые задачи перед российской дипломатией, которая должна сбалансировать интересы разных сторон при проведении внешнеполитического курса нашей страны.

Расширению военно-технического сотрудничества России со странами ЮВА угрожает и другой момент – возможность использования США санкций в отношении своих партнеров по региону в случае закупки ими российского оружия.

Ни США, ни Китай не заинтересованы в появлении контрсилы в регионе в лице России и в усилении ее влияния. Учитывая нынешний режим взаимоотношений между США и Китаем, неудивительно, что любые действия России в ЮВА расцениваются США как благоприятствующие экспансии Китая. В качестве косвенных доказательств этому приводятся следующие факты: проведение Россией совместно с Китаем военных учений, ее поддержка позиции Пекина по непризнанию решения Постоянной палаты третейского суда в Гааге в 2016 г. по Южно-Китайскому морю, а также российские поставки современного оружия в Китай. В свою очередь, и Китай, относящийся к странам ЮВА как к зоне своего исключительного влияния, будет проявлять настороженность к усилению позиций России в регионе.

Однако в целом ни США, ни Китай не воспринимают Россию как своего конкурента в регионе и как влиятельного актора, способного подействовать на расклад сил и архитектуру безопасности в регионе. И тем не менее присутствие России в ЮВА имеет для обе-

их стран демонстрационное значение [Цветов 2016]. И как представляется, участие В.В. Путина в саммите ВАС эту цель и преследовало.

При проведении своей внешней политики в Юго-Восточной Азии Россия не стремится к лидерству в регионе, осознавая ограниченность своих возможностей – как экономических, так и политических. Местные аналитики ставят под большое сомнение готовность России инвестировать необходимые ресурсы для реального укрепления своих позиций в регионе [Cheang (1, 2) 2018]. Поэтому в поисках силы, способной обеспечить стабильность в регионе, выбор стран ЮВА вряд ли остановится только на России. На пространстве АТР имеются более влиятельные игроки, включая Японию, Южную Корею и Индию, с которыми страны ЮВА активно взаимодействуют и в чьей поддержке нуждаются для сохранения своей центральной позиции.

Однако это не исключает роста взаимной заинтересованности в укреплении сотрудничества в тех сферах, которые отвечают их национальным интересам. Именно с этой точки зрения следует рассматривать подписание меморандума о взаимопонимании по сотрудничеству между АСЕАН и Евразийской экономической комиссией. Но если для стран ЮВА это соглашение имеет чисто экономическое содержание, то Россия привносит в него и политический смысл – повысить политический статус ЕАЭС и тем самым дать понять всему миру, что в России как в лидере влиятельной группировки заинтересованы многие страны¹⁵.

Предложенный В.В. Путиным на встрече АСЕАН – Россия проект Большого Евразийского партнерства (рос-

15 Jonathan E. (2017) Russia's Asean Moves Part of Putin's Power Play // The Straits Times, August 14, 2017 // <https://www.straitstimes.com/opinion/russias-asean-moves-part-of-putins-power-play>, дата обращения 31.01.2019.

сийская идея некоего пространства с более или менее общими правилами игры в торговле и инвестициях от Евросоюза до АСЕАН) – попытка оказаться в русле тех новых трендов мирового развития, которые связаны с интеграционными процессами. Преследуя в основном амбициозную геоэкономическую цель, этот проект, как представляется, мог бы помочь России повысить международный статус и укрепить политическое влияние в Юго-Восточной Азии, реальный уровень которого остается по-прежнему невысоким. Однако идея Большого Евразийского партнерства, предполагающая в идеале соединение разных организаций – БРИКС, Евразийского экономического союза, ШОС и АСЕАН, была встречена странами ЮВА пассивно и не вызвала у них ответной реакции. Этот проект имеет пока чисто гипотетический характер, экономически не прописан и в определенной мере даже политически рискован для АСЕАН, стремящейся сохранить свою центральную и независимую роль в регионе.

Экономические отношения

Очевидно, что никакие политические шаги России в ЮВА не приведут к усилению влияния нашей страны в регионе в сколько-нибудь отчетливой перспективе, если они не будут сопровождаться ее экономической экспансией. Что же касается экономических позиций России в ЮВА, то на практике такого рода укрепление по-прежнему может происходить и фактически происходит только в рамках двусторонних отношений со странами региона.

Торговые отношения России со странами ЮВА в 2010–2017 гг. развиваются для нее вполне благополучно (см. таблицу 1), что отразилось в первую очередь на постоянном положительном сальдо в пользу России. В упомянутый период заметно возрос экспорт стран региона в нашу страну, но еще более увеличились закупки этими странами российских товаров.

При этом нельзя не отметить, что номенклатура взаимной торговли стран

Таблица 1. Состояние торговых операций стран АСЕАН с Россией в 2010–2017 гг., отдельные годы, млн долл.

Table 1. The state of trade operations of ASEAN countries with Russia in 2010–2017, from-good years, million dollars.

	Экспорт / Export	Импорт / Import	Оборот / Turnover	Сальдо / Balance
2010	3 418	9 276	12 694	–5 858
2011	4 706	12 145	16 851	–7 439
2012	4 878	13 264	18 142	–8 386
2013	5 248	14 736	19 984	–9 488
2014	5 414	17 157	22 571	–11 743
2015	4 269	9 700	13 969	–5 431
2016	4 782	7 175	11 957	–2 393
2017	5 861	10 930	16 791	–5 069
Всего в 2010–2017 гг. / Total in 2010–2017	38 576	94 383	132 959	–55 807

Источник: ASEAN StatsData Portal // <https://data.aseanstats.org/trade-annually>, дата обращения 31.01.2019.

ЮВА и России оставалась традиционно слабо диверсифицированной. Страны региона поставляли в РФ преимущественно товары машинотехнической группы, на долю которых приходилось свыше 48% их экспорта в Россию (преимущественно бытовая электроника), почти 23% составляли продовольственные и технические сельскохозяйственные культуры (в основном натуральный каучук, пальмовое масло, чай, кофе); свыше 6% приходилось на продукцию швейной и обувной промышленности.

Еще более узкой была номенклатура импорта стран ЮВА из России: 62% приходилось на нефть и нефтепродукты, 13% составляли чугун, сталь, алюминий и медь, 9% – удобрения. Данные об импорте из России военной техники и боеприпасов, к сожалению, ограничены или вообще недоступны.

Инвестиционное сотрудничество между Россией и странами ЮВА невелико по объему и не играет заметной роли в экономиках стран-контрагентов (см. таблицу 2). Так, в период с 2010 по

2017 г. приток прямых российских инвестиций в страны ЮВА составил всего 831 млн долл. – это примерно 0,1% объема совокупных прямых иностранных инвестиций, поступивших в государства региона за тот же период. Примечательно, что более 92% российских инвестиций приходится всего лишь на две страны ЮВА: Вьетнам и Таиланд.

Невелики и прямые инвестиции стран ЮВА в Россию. Достоверные сведения о них малодоступны, однако, по имеющимся оценкам, на начало 2017 г. накопленные прямые инвестиции упомянутых стран составляли не более 1,5–2 млрд долл. (минимум 3/4 этих средств приходилось также на две страны: Сингапур и Вьетнам)¹⁶.

В последние годы интерес стран ЮВА к экономическому сотрудничеству с Россией заметно повысился. Основными причинами этого интереса являются, во-первых, заметное расширение платежеспособного спроса на товары из стран региона на российском внутреннем рынке. Во-вторых, страны

Таблица 2. Приток российских прямых инвестиций в страны ЮВА в 2010–2017 гг., млн долл.

Table 2. Inflow of Russian direct investment in Southeast Asian countries in 2010–2017, million dollars.

	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	Всего в 2010-2017 / Total in 2010-2017
Страны АСЕАН / ASEAN countries	50	5	189	607	-114	-26	63	59	831
Вьетнам / Vietnam	31	20	73	420	5	6	29	17	601
Таиланд / Thailand	16	-50	61	167	-98	-8	37	41	166
Камбоджа / Cambodia	10	11	11	11	2	0	0	0	45
Мьянма / Myanmar	0	28	0	0	0	0	0	0	28
Малайзия / Malaysia	-7	-4	44	9	-23	-24	-5	1	-9

Источник: ASEAN StatsData Portal // <https://data.aseanstats.org/fdi-by-hosts-and-sources>, дата обращения 31.01.2019.

¹⁶ ЕАЭС и страны Евразийского континента: мониторинг и анализ прямых инвестиций (2017) // Евразийский Банк Развития. Доклад № 47. СПб.: ЦИИ ЕАБР. С. 52–54 // <https://eabr.org/analytics/integration-research/cii-reports/eaes-i-strany-evraziyskogo-kontinenta-monitoring-i-analiz-priamykh-investitsiy-2017-/>, дата обращения 31.01.2019.

ЮВА стали в большей мере рассматривать Россию как альтернативный источник импорта энергоносителей и вооружений, особенно на перспективу в 5–10 лет. При этом следует признать, что российской стороне становится все сложнее удовлетворять упомянутый выше интерес и сопровождать сближение со странами ЮВА в политической сфере адекватным развитием экономических отношений с ними.

В первую очередь это связано с институциональными особенностями экономического сотрудничества России со странами ЮВА, сложившимися еще в советские времена. Оно изначально велось преимущественно в рамках межгосударственных соглашений и государственных контрактов, и эта тенденция сохраняется в значительной мере и поныне. Однако в современных условиях, особенно после возникновения в России частного предпринимательства, равными – если не главными – акторами в развитии взаимовыгодных двусторонних экономических отношений должны становиться российские частные компании. Пока этого не происходит: частный бизнес в экономических отношениях со странами ЮВА остается на вторых ролях.

Второй причиной вялой торговой экспансии России в страны ЮВА следует признать нехватку экспортных ресурсов, достаточно конкурентоспособных на рынках стран ЮВА. Если с вооружениями и сырьевыми товарами пока особых проблем нет, то в сегменте машин и оборудования российские экспортеры стремительно теряют конкурентоспособность не только по сравнению с аналогичной продукцией стран Запада и Китая, но и товарами, произведенными на местной промышленной базе.

Третья причина – полное отсутствие у российских предприятий государственного и частного сектора собственных производственных цепочек на ба-

зе инвестиционных объектов, расположенных в нескольких странах региона, а также их неучастие в многочисленных глобальных цепочках, уже не одно десятилетие действующих в странах ЮВА.

Уже в ближайшей перспективе торговые интересы России в ЮВА будут ущемлены в связи с неучастием нашей страны в региональных интеграционных соглашениях и проектах. Попытки же создания неких «евразийских» мегапроектов с привлечением стран АСЕАН обречены, на наш взгляд, на неудачу – по крайней мере в ближайшие годы. Эти проекты не имеют сколько-нибудь существенной экономической базы: не случайно в 2012 г. реализация инициативы создания зоны свободной торговли Россия – АСЕАН была отложена на неопределенное время.

Нередко проблемы, имеющиеся у российских экспортеров на рынках стран ЮВА, объясняются чрезмерной транспортной составляющей в экспортно-импортных операциях и избыточным использованием Сингапура в качестве посредника в этих операциях. Такого рода объяснения представляются малоубедительными, учитывая, что наши конкуренты, работающие на рынках стран ЮВА, порой испытывают никак не меньшие транспортные проблемы и нередко используют Сингапур в качестве традиционного посреднического центра региона. При этом они достигают несравненно больших успехов в своей торговой экспансии на рынках стран ЮВА.

Что касается сотрудничества России со странами региона в инвестиционной сфере, то оно тормозится, с одной стороны, неблагоприятным инвестиционным климатом в России (особенно на Дальнем Востоке), а с другой – отсутствием у предпринимателей стран ЮВА (за исключением, пожалуй, Вьетнама) опыта работы на российском рынке, а также достаточной финансовой базы

для операций в России, что свойственно в первую очередь для среднего и малого бизнеса. Разумеется, и у российского частного бизнеса опыт работы на весьма специфических рынках стран ЮВА невелик, и они редко побеждают в ожесточенной конкурентной борьбе, ведущейся на них. Поэтому на практике львиная доля инвестиционных операций, осуществляемых Россией в ЮВА, – это операции компаний государственного сектора. Однако и они не решаются на открытую, реальную конкурентную борьбу в инвестиционной сфере без опоры на официальные межгосударственные договоренности.

В целом успех экономических отношений России со странами ЮВА будет во многом зависеть от того, насколько твердо мы будем следовать курсу на признание их стратегического значения для России – не менее важными партнерами, чем Китай или Индия.

***

Опрос общественного мнения, проведенный среди студентов престижных вузов в Таиланде, Вьетнаме и Лаосе в 2013 г., показал, что большинство респондентов относятся к России положительно и считают ее великой державой и евроазиатской страной, играющей важную и позитивную роль в АТР и в мире в целом [Bukh 2017]. По мнению части вьетнамских и лаосских студентов, Россия оказывает позитивное влияние на их страны. В Таиланде Россию таковой не воспринимают [Bukh 2016], что, однако, не исключает общего благожелательного отношения к ней. Учитывая то, что эта фокус-группа состояла из представителей той части образованной элиты, которая будет участвовать в формировании национальной политики в ближайшем будущем, их ответы на вопросы важны для оценки перспектив развития отношений между Россией и странами ЮВА. И эти от-

веты подводят к следующему выводу: расширение экономических и культурных связей с Россией будет приветствоваться следующим поколением элит в ЮВА. Совершенно иная реакция будет на попытки России заявить о себе как о политическом лидере в регионе.

***

Сможет ли Россия наверстать упущенное время во взаимоотношениях со странами Юго-Восточной Азии? Однозначного ответа нет. С одной стороны, да, учитывая рост взаимозаинтересованности в расширении сотрудничества и складывающуюся благоприятную геополитическую ситуацию для реализации стратегических и экономических интересов России в регионе. В условиях обостряющегося соперничества между США и Китаем за влияние в АТР, и в частности в ЮВА, страны этого региона стремятся найти новые точки опоры в мире, чтобы сохранить свой независимый внешнеэкономический и политический курс. Россия, несмотря на желание завоевать стратегические позиции в ЮВА, не проявляет намерения к лидерству, что импонирует странам региона. Как и то, что Россия, выступая с позиций мультирализма, поддерживает институт АСЕАН. Все это создает благоприятные политические условия для включения России в создание прочной архитектуры безопасности в регионе. Страны ЮВА сегодня избегают использовать в политическом лексиконе термин «сбалансированный» в отношении миропорядка в регионе, предпочитая вместо этого термин «инклюзивный», отражающий их восприятие формирующейся системы безопасности, исключающей диктат какой-либо одной великой державы, будь то США, Китай или какая-либо иная.

Последний год отмечен и расширением экономического сотрудничества России со странами ЮВА на двухсто-

ронней основе. Вырос товарооборот с положительным сальдо для России. Определены приоритетные направления развития экономических отношений. Заинтересованность стран ЮВА в их реализации нашла отражение в подписании в 2018 г. меморандума о взаимопонимании между ними и Евразийской экономической комиссией.

Однако несмотря на эти позитивные тенденции во взаимоотношениях России со странами ЮВА, проявившиеся в последнее время, возможности для упрочения политических и экономических позиций нашей страны в регионе остаются весьма ограниченными. Россия не способна конкурировать ни с Китаем, ни с США в стратегическом плане за влияние в регионе, имея в своем распоряжении лишь один, хотя и существенный ресурс – продажу вооружений, объем которой значительно вырос за последние годы.

Усиление военно-стратегического направления в сотрудничестве России со странами ЮВА можно оценить не иначе как подтверждение ее заявки на роль регионального лидера. Бесспорно, развитие военных связей со странами ЮВА повышает шансы России на позиционирование себя как влиятельной силы в регионе. Однако ее попытки расширить здесь свое политическое присутствие будут наталкиваться на ряд объективных препятствий. Это невыгодно ни США, ни Китаю и вызовет их негативную реакцию. А учитывая заинтересованность России в упрочении отношений с Китаем, в том числе и на геополитическом пространстве, вряд ли стоит ожидать от нее совершения действий, которые смогут повлиять на их характер. Да и сами страны ЮВА придерживаются курса на диверсификацию своей внешней политики, в том числе и в сфере военных связей. К тому же близость России к Китаю зачастую также играет против продвиже-

ния ее стратегических интересов в регионе в условиях сохраняющегося конфликта по Южно-Китайскому морю.

Поэтому вряд ли в ближайшем будущем можно рассчитывать на укрепление политических позиций России в регионе. И ставка на продажу вооружений как ресурс политического влияния имеет смысл в том случае, если стратегические интересы России будут отражены и воплощены в ее экономической политике в ЮВА.

Список литературы

Астафьева Е.М. (2017) Интересы России в АТР и перспективы отношений Россия-АСЕАН // ВОСТОК (ORIENTS). № 1. С. 160–167 // http://www.ivran.ru/sites/28/files/160__167_Astafeva.pdf, дата обращения 31.01.2019.

Ключанская С. (2011) Перспективы сотрудничества России и стран Юго-Восточной Азии в стратегических областях // Индекс Безопасности. Т. 17. № 2. С. 55–85 // <https://pircenter.org/media/content/files/0/13406399760.pdf>, дата обращения 31.01.2019.

Лузянин С.Г. (2007) Восточная политика Владимира Путина. М.: Восток-Запад, АСТ.

Мазырин В.М (ред.) (2016) Новые вызовы и механизмы безопасности в Восточной Азии. М.: Форум.

Михеев В.В., Швыдко В.Г. (ред.) (2016) Транстихоокеанская безопасность: иерархия силы и ответственности. М.: ИМЭМО РАН.

Рогожин А.А. (2011) Российские интересы в Юго-Восточной Азии // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. Выпуск 17. С. 32–38 // <http://sea.ivran.ru/f/17644352.pdf>, дата обращения 31.01.2019.

Рогожин А.А. (2016) Россия – страны АСЕАН: проблемы и перспекти-

вы экономического сотрудничества // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. Выпуск 31. С. 12–18 // <http://sea.ivran.ru/f/SEA2016n31p12-18.pdf>, дата обращения 31.01.2019.

Рогожина Н.Г. (2016) Визит таиландского премьер-министра в Россию – что дальше? // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. Выпуск 31. С. 42–52 // <http://sea.ivran.ru/f/26607053.pdf>, дата обращения 31.01.2019.

Стрельцов Д.В. (ред.) (2014) Россия и страны Востока в постбиполярный период. М.: Аспект Пресс.

Цветов А. (2016) Россия и АСЕАН: поиски экономической синергии и политического единomyслия // Московский Центр Карнеги. 19 мая 2016 // <https://carnegie.ru/2016/05/19/rupub-63618>, дата обращения 31.01.2019.

Bukh A. (2016) Russia's Image and Soft Power Resources in Southeast Asia: Perceptions among Young Elites in Laos, Thailand and Vietnam // *Contemporary Southeast Asia*, vol. 38, no 3, pp. 445–475. DOI: 10.1355/cs38-3d

Bukh A. (2017) Can Russia Win Friends and Influence People in Southeast Asia? // East Asia Forum, February 17, 2017 // <http://www.eastasiaforum.org/2017/02/17/can-russia-win-friends-and-influence-people-in-southeast-asia/>, дата обращения 31.01.2019.

Cheang C. (1) (2018) Russia's Pivot to the East: Putin's Broadening Move // RSIS Commentary, No 190. November 15, 2018 // <https://www.rsis.edu.sg/wp-content/uploads/2018/11/CO18190.pdf>, дата обращения 31.01.2019.

Cheang C. (2) (2018) Russia Looks Further East // East Asia Forum, November 23, 2018 // <http://www.eastasiaforum.org/2018/11/23/russia-looks-further-east/>, дата обращения 31.01.2019.

Kucera W., Pejsova E. (2012) Russia's Quiet Partnerships in Southeast Asia. Russia-Malaysia Strategic Partnership through Sabah Case Study // *Irasec's Discussion Papers*. No 13. April 2012 // <http://www.irasec.com/documents/fichiers/45.pdf>, дата обращения 31.01.2019.

Le Hong Hiep (2013) Defence Cooperation Underpins Vietnam-Russia Push for Renewed Economic Cooperation // East Asia Forum, November 13, 2013 // <http://www.eastasiaforum.org/2013/11/13/defence-cooperation-underpins-vietnam-russia-push-for-renewed-economic-cooperation/>, дата обращения 31.01.2019.

Martynova E.S. (2011) Strengthening of Cooperation Between Russia and ASEAN: Rhetoric or Reality? // *Asian Politics & Policy*, vol. 6, no 3, pp. 397–412. DOI: 10.1111/aspp.12117

Storey I. (2015) What Russia's "Turn to the East" Means for Southeast Asia // ISEAS Perspective. No 67. December 3, 2015 // https://www.iseas.edu.sg/images/pdf/ISEAS_Perspective_2015_67.pdf, дата обращения 31.01.2019.

Tsvetov A. (2018) What Stands between Russia and Close Ties with Indonesia? // East Asia Forum, June 2, 2018 // <http://www.eastasiaforum.org/2018/06/03/what-stands-between-russia-and-close-ties-with-indonesia/>, дата обращения 31.01.2019.

DOI: 10.23932/2542-0240-2019-12-1-185-203

South East Asia – In the Priorities of Russian Policy “Pivot to Asia”

Alexander A. ROGOZHIN

PhD in Economics, Leading Researcher, Head of the Group

Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations,
Russian Academy of Sciences, 117997, Profsoyuznaya St., 23, Moscow, Russian
Federation

E-mail: rogojine@mail.ru

ORCID: 0000-0002-0736-3184

Natalia G. ROGOZHINA

DSc in Politics, Chief Researcher

Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations,
Russian Academy of Sciences, 117997, 23, Profsoyuznaya St., Moscow, Russian
Federation

E-mail: ngrogozhina@mail.ru

ORCID: 0000-0002-9924-2493

CITATION: Rogozhin A.A., Rogozhina N.G. (2019) South East Asia – In the Priorities of Russian Policy “Pivot to Asia”. *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*, vol. 12, no 1, pp. 185–203 (in Russian). DOI: 10.23932/2542-0240-2019-12-1-185-203

Received: 25.12.2018.

ABSTRACT. *The foreign policy course “Turn to Asia”, taken by Russia in the early 2000s, was not accompanied, however, by the expansion of interaction with the countries of South East Asia. Despite creating a certain foundation for the development of bilateral and multilateral cooperation, its potential is far from being fully explored. The presence of objective factors hampered its expansion and limited the active involvement of Russia in regional integration processes. The article assesses the prospects for the development of relations with Southeast Asian countries in the context of Russia’s strategic and economic interests in the region and the emerging conditions for their implementation. The authors note that the region has begun to acquire strategic importance for Russia, firstly, for economic reasons, given the dynam-*

ics of its growth and the possibility of its involvement in Russian integration projects, secondly, for geopolitical reasons, based on an assessment of its contribution to the formation of a security architecture in the Asia-Pacific region, the principles of which are generally consistent with Russia’s strategic interests, which are realized within the framework of diplomatic and military-political rapprochement with the countries of South East Asia. The article notes that in building their relations with them, Russia proceeds from the fact that its more active participation in regional affairs may become a factor hindering the establishment of hegemony by one of the great powers in the region, which generally meets the interests of the Southeast Asian countries themselves. At the same time, the authors come to the conclusion that in search of a force

capable of ensuring stability in the region, the choice of Southeast Asian countries is unlikely to stop only on Russia, whose real level of political influence in the region is still low. As for economic cooperation Russia with the countries of South East Asia, in recent years, the interaction between them in the framework of bilateral relations has strengthened, primarily in trade. Russia has a positive balance in trade with the countries of the region. However, investment cooperation between them is small in scope and does not play a significant role in the economies of the counterparty countries. The article provides a detailed analysis of the problems that complicate Russia's economic cooperation with the countries of South East Asia and offers recommendations for solving them, taking into account the specifics of Russian business and the particularities of the local market development. The authors come to the conclusion that the success of Russia's economic relations with the countries of South East Asia will largely depend on whether we recognize them as equally important partners as China or India. No political steps taken by Russia in South East Asia will lead to a strengthening of its position in the region, if they are not accompanied by its economic expansion.

KEY WORDS: Russia, countries of South-East Asia, Asia Pacific Region, security, strategic interests, economic cooperation

References

- Astaf'eva E.M. (2017) Russia's Interests in the Asia-Pacific Region and Prospects for Russia-ASEAN Relations. *VOSTOK (ORIENS)*, no 1, pp. 160–167. Available at: http://www.ivran.ru/sites/28/files/160__167_Astafeva.pdf, accessed 31.01.2019 (in Russian).
- Bukh A. (2016) Russia's Image and Soft Power Resources in Southeast Asia: Perceptions among Young Elites in Laos, Thailand and Vietnam. *Contemporary Southeast Asia*, vol. 38, no 3, pp. 445–475. DOI: 10.1355/cs38-3d
- Bukh A. (2017) Can Russia Win Friends and Influence People in Southeast Asia? *East Asia Forum*, February 17, 2017. Available at: <http://www.eastasiaforum.org/2017/02/17/can-russia-win-friends-and-influence-people-in-southeast-asia/>, accessed 31.01.2019.
- Cheang C. (1) (2018) Russia's Pivot to the East: Putin's Broadening Move. *RSIS Commentary*. No 190. November 15, 2018. Available at: <https://www.rsis.edu.sg/wp-content/uploads/2018/11/CO18190.pdf>, accessed 31.01.2019.
- Cheang C. (2) (2018) Russia Looks Further East. *East Asia Forum*, November 23, 2018. Available at: <http://www.eastasiaforum.org/2018/11/23/russia-looks-further-east/>, accessed 31.01.2019.
- Klyuchanskaya S. (2011) Prospects for Cooperation between Russia and South-East Asian Countries in Strategic Areas. *Security Index Journal*, vol. 17, no 2, pp. 55–85. Available at: <https://pircenter.org/media/content/files/0/13406399760.pdf>, accessed 31.01.2019 (in Russian).
- Kucera W., Pejsova E. (2012) Russia's Quiet Partnerships in Southeast Asia. Russia-Malaysia Strategic Partnership through Sabah Case Study. *Irasec's Discussion Papers*. No 13. April 2012. Available at: <http://www.irasec.com/documents/fichiers/45.pdf>, accessed 31.01.2019.
- Le Hong Hiep (2013) Defence Cooperation Underpins Vietnam-Russia Push for Renewed Economic Cooperation. *East Asia Forum*, November 13, 2013. Available at: <http://www.eastasiaforum.org/2013/11/13/defence-cooperation-underpins-vietnam-russia-push-for-renewed-economic-cooperation/>, accessed 31.01.2019.
- Luzyanin S.G. (2007) *Vladimir Putin's Eastern Policy*, Moscow: Vostok-Zapad, AST (in Russian).

Mazyrin V.M. (ed.) (2016) *New Challenges and Security Arrangements in East Asia*, Moscow: Forum (in Russian).

Martynova E.S. (2011) Strengthening of Cooperation Between Russia and ASEAN: Rhetoric or Reality? *Asian Politics & Policy*, vol. 6, no 3, pp. 397–412. DOI: 10.1111/aspp.12117

Mikheev V.V., Schvydko W.G. (eds.) (2016) *Trans-Pacific Security: a Hierarchy of Power and Responsibility*, Moscow: IMEMO RAN (in Russian).

Rogozhin A.A. (2011) Russia's Interests in Southeast Asia. *South East Asia: Actual Problems of Development*. Issue 17, pp. 32–38. Available at: <http://sea.ivran.ru/f/17644352.pdf>, accessed 31.01.2019 (in Russian).

Rogozhin A.A. (2016) Russia-ASEAN: Problems and Prospect of Economic Cooperation. *South East Asia: Actual Problems of Development*. Issue 31, pp. 12–18. Available at: <http://sea.ivran.ru/f/SEA2016n31p12-18.pdf>, accessed 31.01.2019 (in Russian).

Rogozhina N.G. (2016) The Visit of Thai Prime Minister to Russia – What Comes

Next? *South East Asia: Actual Problems of Development*. Issue 31, pp. 42–52. Available at: <http://sea.ivran.ru/f/26607053.pdf>, accessed 31.01.2019 (in Russian).

Storey I. (2015) What Russia's “Turn to the East” Means for Southeast Asia. *ISEAS Perspective*. No 67. December 3, 2015. Available at: https://www.iseas.edu.sg/images/pdf/ISEAS_Perspective_2015_67.pdf, accessed 31.01.2019.

Strel'zov D.V. (ed.) (2014) *Russia and the East in the Post-Bipolar Period*, Moscow: Aspekt Press (in Russian).

Tsvetov A. (2016) ASEAN and Russia: the Search for Economic Synergies and Political Like-Mindedness. *Carnegie Moscow Center*, May 19, 2016. Available at: <https://carnegie.ru/2016/05/19/rupub-63618>, accessed 31.01.2019 (in Russian).

Tsvetov A. (2018) What Stands between Russia and Close Ties with Indonesia? *East Asia Forum*, June 2, 2018. Available at: <http://www.eastasiaforum.org/2018/06/03/what-stands-between-russia-and-close-ties-with-indonesia/>, accessed 31.01.2019.

DOI: 10.23932/2542-0240-2019-12-1-204-219

Индийский океан как зона мира: устаревшая концепция или формат будущего?

Алексей Владимирович КУПРИЯНОВ

кандидат исторических наук, научный сотрудник сектора международных организаций и глобального политического регулирования
Национальный исследовательский Институт мировой экономики и международных отношений имени Е.М. Примакова РАН, 117997, Профсоюзная ул., д. 23, Москва, Российская Федерация
E-mail: a.kupriyanov@imemo.ru
ORCID: 0000-0002-9041-6514

ЦИТИРОВАНИЕ: Куприянов А.В. (2019) Индийский океан как зона мира: устаревшая концепция или формат будущего? // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. Т. 12. № 1. С. 204–219.
DOI: 10.23932/2542-0240-2019-12-1-204-219

Статья поступила в редакцию 10.07.2018.

АННОТАЦИЯ. В статье рассматриваются истоки и современные перспективы концепции «Индийский океан как зона мира» (IOZOP). Она зародилась в рамках Движения неприсоединения в 1960-х – начале 1970-х гг. и была поддержана странами региона, увидевшими в ней возможность избежать превращения Индийского океана в зону столкновения интересов великих держав. Изначально сформулированная крайне расплывчато, в конце концов концепция IOZOP свелась в основном к требованию от нерегиональных держав прекратить испытания оружия и размещение военных сил и средств на островах Индийского океана. Несмотря на то что в 1971 г. Генассамблея ООН объявила Индийский океан зоной мира, западные державы проигнорировали это решение, отказавшись выводить из региона свои военные силы и базы. Начавшиеся затем разногласия между региональными акторами, часть которых опасалась усиления влияния Индии, и позднее изменение

политической ситуации в мире привели к тому, что интерес к идее создания зоны мира в Индийском океане был, казалось, окончательно утерян. Однако в 2014 г. сначала Индия, а затем Шри-Ланка выразили готовность вновь поставить этот вопрос на повестку дня. Автор анализирует историю зарождения и попытки реализовать концепцию зоны мира в Индийском океане, причины ее провала, выделяет позиции основных заинтересованных стран, ключевые моменты, мешающие и способствующие формированию зоны мира. Делается вывод, что в нынешних условиях концепция IOZOP может быть реализована в обновленном виде как часть потенциальной структуры океанского управления, которую возможно было бы сформировать на основе таких региональных механизмов, как IORA и IONS.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Индия, Индийский океан, IOZOP, безъядерная зона, Пакистан, США

Зарождение концепции

Термин «зона мира» в политическом дискурсе Индоокеанского региона появился в середине 1950-х гг.: Джавахарлал Неру использовал его в одной из речей для обозначения стран, поддерживающих дружественные отношения как с Западом, так и с СССР и его союзниками [Braun 1983, p. 172].

Концепция «Индийского океана как зоны мира (Indian Ocean – a Zone of Peace, IOZOP)¹ начала формироваться в 1960-х гг. в рамках Движения неприсоединения, в состав которого входило большинство стран бассейна Индийского океана. Нарастающее соперничество великих держав в регионе вызывало беспокойство в первую очередь у малых стран, озабоченных возможностью превращения океанской акватории в зону боевых действий.

В ходе третьего саммита Движения неприсоединения, прошедшего в Лусаке (Замбия) 8–10 сентября 1970 г., премьер-министр Шри-Ланки Сиримаво Бандаранаике выступила с инициативой о формировании IOZOP. Это предложение было принято и закреплено в итоговой декларации саммита. В тексте содержалось предложение вывести из части зон в акватории Индийского океана оборонительные и наступательные вооружения, а также запретить проход боевых кораблей и транзит военных материалов через Индийский океан за исключением случаев, когда он вызван чрезвычайными обстоятельствами. Предлагалось также запретить использование морского дна в военных целях, ввести запрет на морские учения, разведывательные операции на море и испытания вооружений, размещение военных баз в регионе.

Ключевую роль в принятии декларации сыграла Индия – один из лидеров Движения неприсоединения. Незадолго до проведения Лусакской конференции она оказалась перед необходимостью серьезно скорректировать свою внешнюю политику. В 1968 г. к власти в Британии пришло лейбористское правительство Гарольда Вильсона, которое объявило о скором выводе британских ВМС с большей части баз «к востоку от Суэца»; отныне основная роль в поддержании британского присутствия отводилась ВВС, следовательно, необходимость в большинстве военно-морских баз отпадала, зато особое значение приобретал контроль над стратегически важными аэродромами на островах Альдобра, Ган, Диего-Гарсия и Кокосовых [Kaushik 1972, pp. 19–20].

После ухода из Индийского океана британского флота, воспринимавшегося как гарант стабильности, у Нью-Дели оставалось три варианта действий: либо экстренно наращивать и модернизировать военный потенциал, либо искать союза и защиты у какой-либо великой державы, либо поддерживать инициативу Шри-Ланки по созданию региональной IOZOP [Sidhu 1983, pp. 72–73]. Первый вариант требовал от Индии серьезного увеличения расходов на оборону, второй противоречил идее неприсоединения и ставил крест на потенциальных индийских великодержавных амбициях.

Пакистан, хотя и являлся членом СЕНТО и союзником США, также поддерживал идею IOZOP. При этом Исламабад в первую очередь отстаивал идею создания в Южной Азии безъядерной зоны. Впервые она была выдвинута в 1964 г. на втором саммите Движения неприсоединения в Каире. Созда-

1 Aviral Mishra (2014) Peaceful Indian Ocean a Must for Regional Economic Prosperity: India's NSA // The Sunday Times, December 7, 2014 // <http://www.sundaytimes.lk/141207/news/peaceful-indian-ocean-a-must-for-regional-economic-prosperity-indias-nsa-131627.html>, дата обращения 31.01.2019

ние безъядерной зоны шло в русле основных внешнеполитических тенденций того времени: с 1950-х гг. активно обсуждалось создание безъядерных зон в Европе (план Рапацкого) и Азии, в 1964 г. на сессии Ассамблеи глав государств и правительств Организации африканского единства (ОАЕ) в Каире принято Заявление о денуклеаризации Африки, год спустя одобренное резолюцией 2033(XX) ГА ООН, в 1967 г. подписан договор Тлателолько о создании безъядерной зоны в Латинской Америке.

Однако ситуация в Южной Азии существенно отличалась от латиноамериканской и африканской: к началу 1970-х гг. Индия вела активную работу по созданию собственного ядерного взрывного устройства. Хотя программа была засекречена, сама возможность создания ядерного оружия активно обсуждалась в индийских СМИ, что не могло не беспокоить соседей, в первую очередь Пакистан. В итоге на Лусакской конференции положение о безъядерном статусе региона было поддержано рядом стран-участниц, включая Шри-Ланку, и включено в концепцию IOZOP.

Итоговая декларация Лусакской конференции легла в основу проекта резолюции, внесенной на рассмотрение 26-й Генассамблеи ООН в 1971 г. Инициатором вновь выступила Шри-Ланка, однако позиция Индии оказала существенное влияние на содержание документа, которое в итоге было существенно сужено до борьбы против милитаризации региона внешними силами [Brewster 2014, p. 38]. В итоговом тексте содержался призыв ко всем странам воспринимать Индийский океан как зону мира, к великим державам – воздерживаться от соперничества в регионе, что позволило бы вывести военные базы, избежать размещения ядерного оружия и ликвидировать другие проявления межблоко-

вого противостояния. Добиться взаимопонимания между великими державами и прибрежными государствами предполагалось путем консультаций. Резолюция 2832 (XXVI) принята 61 голосом (включая КНР), против не голосовал никто. 55 государств, в том числе Британия, Франция, СССР и США, воздержались.

Страны региона в целом поддержали резолюцию, хотя и не без оговорок. Воздержались лишь Австралия, ЮАР, Мадагаскар, Таиланд и Сингапур [Misra 1977, pp. 70–72], в основном придерживавшиеся прозападной ориентации. Впоследствии их позиция неоднократно менялась: так, уже в следующем году пришедшее к власти в Австралии правительство Уитлэма поддержало идею IOZOP, а сменившее его правительство Фрейзера вновь изменило позицию по этому вопросу [Ahmed 1982, pp. 74–78].

Эволюция и провал

В дальнейшем резолюции о признании Индийского океана зоной мира вносились ежегодно, с каждым разом набирая все больше голосов. Так, в декабре 1972 г. воздержались всего 33 государства. В том же году был создан Специальный комитет (Ad Hoc Committee) по Индийскому океану, в состав которого вошли представители 15 стран; перед ними ставилась задача изучить практические меры, необходимые для достижения целей резолюции. В 1974-м резолюцию по IOZOP поддержали 103 государства, 27 воздержались, в 1975-м – 106 поддержали, 25 воздержались. Против не был отдан ни один голос. В июле 1979 г. состоялось совещание прибрежных и материковых государств бассейна Индийского океана с участием 44 стран, на котором была выражена поддержка идее IOZOP [Bouchard, Crumplin 2013, pp. 151–152].

Со стороны казалось, что работа над превращением Индийского океана в зону мира идет полным ходом. На самом же деле она была коренным образом подорвана разногласиями между великими державами с одной стороны и странами региона – с другой.

Вопреки заявленным целям резолюции, ни одна из великих держав не спешила отказаться от своих баз в регионе: наоборот, США постоянно наращивали свое присутствие, стремясь заполнить образовавшийся «вакуум силы» и обеспечить доступ к нефти Персидского залива и полезным ископаемым Австралии и Африки [Jaramu 1982, p. 239]. Вашингтон предпочитал решать вопрос о контроле за вооружениями в регионе при помощи двусторонних советско-американских переговоров (NALT), а после их провала занял принципиальную позицию, фактически заблокировав работу Специального комитета до окончания афганской войны. СССР, в свою очередь, отстаивал право на проход военных судов, оправдывая его необходимостью поддерживать связь с восточными регионами страны. После провала NALT Москва выступила в поддержку IOZOP [Rais 1986, pp. 178–179], отстаивая при этом право на проход военных кораблей через Индийский океан [Doctor 1990, p. 369], а также выступала с собственными инициативами: так, в 1980 г. на встрече с премьер-министром Индии Индирой Ганди генеральный секретарь ЦК КПСС Леонид Ильич Брежнев предложил создать локальную зону мира в Персидском заливе, что было положительно воспринято индийской стороной [Andersen 1984, p. 917]. Китай, формально также поддерживавший IOZOP и денуклеаризацию Южной Азии в надежде на уход СССР и США из региона, что позволило бы КНР получить больший вес, критиковал NALT и при этом вел тайные переговоры с США о сохра-

нении американского присутствия [Tahir-Kheli 1978, p. 1000].

Внутри группы стран бассейна Индийского океана также наметился раскол, связанный прежде всего с изменением курса Индии. С конца 1960-х гг. Индия начала активнее вмешиваться в политику региона и претендовать на доминирование в нем, что подразумевало стремление уменьшить роль внешних акторов [Pande 2017, p. 105]. Эта политика, направленная на структурирование региона вокруг Индии, получила в западной историографии название «доктрины Индиры» по аналогии с «доктриной Монро». Популярную на Западе концепцию «вакуума силы», якобы возникшего в Индийском океане после ухода британцев, в индийском политическом сообществе восприняли неоднозначно [Lal 1995, pp. 41–42], а официальная позиция Нью-Дели ей прямо противоречила: в соответствии с ней любое присутствие крупных внешних игроков в Индийском океане вело к нарастанию напряженности, а их уход – к стабилизации обстановки [Brewster 2015, p. 223].

В 1974 г. Индия провела ядерное испытание. Это стало серьезным ударом по самой концепции IOZOP: при ее формулировании подразумевалось, что ядерного оружия у стран региона нет. В частности, в 1971 г. ланкийский премьер Барданаике, выступая на ГА ООН, заявила: «Среди прибрежных государств Индийского океана нет ни ядерных, ни великих держав. Они фактически географически удалены от этой территории и не имеют причины рассматривать Индийский океан как зону, критическую или жизненно важную для их безопасности и стратегических интересов» [Lal 1995, p. 84]. Испытание индийского ядерного устройства, хотя и заявленное как мирное, серьезно усилило позицию Пакистана, не заинтересованного в том, чтобы втягиваться в гонку во-

оружий и последовательно выступавшего за денуклеаризацию Южной Азии. Позиция Пакистана и поддерживавших его стран (в том числе Китая) была обозначена на 29-й сессии ГА ООН в 1974 г., когда Исламабад внес резолюцию о превращении региона в безъядерную зону. Индия выступила резко против, указав, что программа не имеет смысла до тех пор, пока в регионе остаются иностранные военные базы, а в АТР находится ядерное оружие [Pande 1998].

Рост военной мощи Индии, обретение ею ядерного оружия вызвали беспокойство у Шри-Ланки и других региональных держав, не заинтересованных в превращении Индийского океана в «Индийское озеро». По замыслу Коломбо, страны региона сначала должны были отказаться от создания ядерного оружия, затем дать обязательство не использовать силу против соседей, а затем уже в ходе консультаций достичь договоренности о выводе иностранных баз из региона. При этом денуклеаризация предполагалась в качестве обязательного шага, что Шри-Ланка как страна – инициатор концепции IOZOP в очередной раз подтвердила в 1974 г. [Lal 1995, p. 102].

Опасения Шри-Ланки разделяли другие страны Индоокеанского региона, включая Непал и Бангладеш, все больше склонявшиеся к поддержке пакистанского предложения [Ahmed 1979, pp. 126–127]. В том же ключе выступали африканские страны, опасавшиеся, что уход великих держав оставит их наедине с ЮАР и Индией как основными морскими державами региона, причем Индия при необходимости сможет использовать свои ВМС в качестве средства обеспечения интересов азиатского населения африканских стран [Copson 1977, pp. 341–342]. Индонезия, изначально поддерживавшая IOZOP, в конце 1970-х гг. также изменила свою позицию, решив, что ограниченное присутствие американцев необходимо, чтобы

сдерживать рост советского влияния [Brewster 2011, pp. 224–225].

Решающим, однако, оказалось изменение позиции Шри-Ланки. Еще в середине 1970-х гг., опасаясь роста индийского влияния, она начала развивать отношения с КНР и Пакистаном [Indian Ocean as Zone of Peace 1985, p. 38]. После прихода к власти в 1977 г. премьер-министра Дж.Р. Джаявардены Шри-Ланка изменила политику на проамериканскую, по сути прекратив поддержку IOZOP. Это выразилось в том числе и в саботировании ранее принятых решений Генеральной Ассамблеи: согласно резолюции ГА ООН 34/80B от 11 декабря 1979 г., в Коломбо планировалось провести конференцию по Индийскому океану [Kumar 1984, p. 242]. Конференция оказалась сорвана, во-первых, благодаря позиции западных стран в Специальном комитете, не позволявшей достичь консенсуса [Bouchard, Crumplin 2010, p. 38], а во-вторых, из-за саботажа мероприятия Шри-Ланкой, которая, «получив от ООН соответствующий мандат на созыв конференции, не выполнила своих обязанностей» [Kodikara 1995, p. 174].

Все попытки Индии оживить IOZOP в начале 1980-х гг. окончились ничем [Brewster 2014, p. 168], хотя в дальнейшем Нью-Дели продолжал использовать соответствующую риторику в качестве средства морального давления на великие державы. В 1989 г. ряд западных стран (США, Британия, Франция) вышел из состава Спецкомитета, заявив, что американо-советское соперничество в Индийском океане больше не является существенной угрозой и не представляет основной причины нестабильности в регионе [Afzal 2017]. После этого существование Спецкомитета, по сути, лишилось смысла: достаточно упомянуть, что к 2009 г. он провел 453 встречи, и все они окончились безрезультатно [Brewster 2014, p. 38].

В начале 1990-х гг. отношение к IOZOP изменилось и в Нью-Дели. Как отметил во время одной из конференций в 1992 г. заместитель директора ведущего индийского аналитического центра IDSA генерал-майор Д. Банерджи, в новых условиях эта идея потеряла смысл: с окончанием холодной войны исчезла необходимость предотвращать негативные последствия соперничества сверхдержав, а война в Заливе рассеяла иллюзии о возможности создать систему региональной безопасности [Kumar 2000, р. 334]. В 2011 г. американский эксперт профессор Дональд Берлин резюмировал: «Нью-Дели отбросил свою принадлежащую уже истории риторику в отношении ИО как “зоны мира”. Эта риторика, вкупе с “неприсоединением” и прошлым дипломатическим подходом, который включал проповеди и “моральное” измерение, являлись позицией слабой Индии, – той Индии, которая теперь принадлежит истории. Индия перестала надеяться на “силу аргумента”, перейдя к “аргументу силы”» [Berlin 2011, р. 6].

Новая жизнь

В значительной степени такая оценка была оправдана. Окончание холодной войны привело к кардинальному изменению в расстановке сил в регионе: СССР исчез с карты мира, его преемница Россия отказалась от попыток утвердиться в Индийском океане. Но вскоре претензии на статус сверхдержавы заявила КНР, все активнее вмешивавшаяся в дела региона. Китай развивает связи со странами бассейна Индийского океана, включая Мальдивскую респуб-

лику, Шри-Ланку, Бангладеш, Мьянму, Непал, Пакистан, которым он предлагает финансовую помощь в рамках экономической инициативы по созданию «Морского шелкового пути XXI века». Китайская политическая и экономическая активность не может не тревожить Индию, которая рассматривает ее как угрозу своим интересам в регионе.

США, в свою очередь, лишь нарастили с 1990-х гг. свое присутствие в бассейне Индийского океана. В этот раз, однако, Вашингтон избрал иную тактику: США пытаются превратить Индию в своего младшего партнера, убедив ее взять на себя основную роль в противостоянии китайской экспансии на южном направлении, причем сама Индия стремится избежать вступления в формальный альянс с США. Возвращение к ситуации противостояния двух держав в бассейне Индийского океана вновь поставило на повестку дня вопрос о том, как избежать милитаризации и роста напряженности в регионе.

В декабре 2014 г., выступая на форуме «Диалог Галле» на Шри-Ланке, советник премьер-министра Индии по национальной безопасности Аджит Довал неожиданно для присутствующих предложил возродить концепцию IOZOP. Довал заявил, что Индийский океан должен оставаться зоной мира, что поможет наладить эффективное взаимодействие между странами, и напомнил о содержании резолюции Генассамблеи ООН от 1971 г. По словам Довала, ее содержание по-прежнему актуально, и великим державам следует отказаться от «эскалации напряженности и расширения военного присутствия в океане»². Советник по национальной безопасности также напом-

2 Srinivasan M. (2012) Indian Ocean Has to Remain a Zone of Peace: Ajit Doval // The Hindu, December 1, 2014 // <http://www.thehindu.com/news/international/south-asia/indian-ocean-has-to-remain-a-zone-of-peace-ajit-doval/article6651325.есе>, дата обращения 31.01.2019.

нил, что через воды Индийского океана проходят основные торговые пути, и заявил: «Индия, будучи неагрессивным государством, использовала доселе этот океан для развития страны. Военно-морские силы нужны ей исключительно для обороны и не имеют планов или причин доминировать над остальными странами»³.

Высказывания Довала находились в русле внешнеполитической концепции первых годов премьерства Нарендры Моды, которые характеризуются налаживанием связей с соседями, включая Китай и Пакистан. По состоянию на декабрь 2014 г. у индийского руководства сохранялась надежда на развитие перспективного диалога Индия – Мальдивская республика – Шри-Ланка, к которому в будущем должны были присоединиться Сейшелы и Маврикий. Лидирующую роль в новом формате, заранее получившем название IO5, должна была играть Индия. Помимо всего прочего, идея Индийского океана как зоны мира в индийской трактовке в принципе удачно вписывалась в концепцию Индо-Тихоокеанского региона (ИТР), так как предполагала заведомое ослабление влияния внешних игроков в его западной части, тем самым способствуя превращению Индии в регионального гегемона.

Такие планы сохранялись у Нью-Дели минимум до марта 2015 г., когда Аджит Довал на международной конференции The Growth Net заявил: «В 1971 г. регион Индийского океана был объявлен зоной мира. Индия заинтересована в поддержании мира в регио-

не и свободы мореплавания»⁴. В том же 2015 г. Нарендра Моды совершил турне по островам Индийского океана – Маврикию, Сейшела и Шри-Ланке, наглядно продемонстрировав намерение расширять региональные связи.

Однако уже в следующем году отношения Индии с КНР и Пакистаном испортились, мальдивский президент Абдулла Ямин и ланкийский президент Махиндра Раджапакса все активнее сближались с КНР. Это привело к тому, что Индия, осознав невозможность при помощи своих относительно скромных средств противодействовать наращиванию влияния Китая в регионе, сделала ставку на укрепление сотрудничества с США, поддерживая формирование IOZOP на словах и саботируя его на деле [Singh 2018].

Очевидно, свою роль в произошедшем сыграла т.наз. «ядерная ловушка» – перспектива того, что при дальнейшей разработке темы IOZOP Пакистан может поднять тему превращения Индийского океана в безъядерную зону. Для Индии этот вопрос является принципиальным, поскольку страна обладает морским компонентом ядерной триады. Пакистан, в отличие от Индии декларирующий право на нанесение ядерного удара первым, не нуждается в оружии ответного удара, стремясь при этом ограничить ядерные возможности Индии. Несмотря на то что Пакистан успешно испытал ракету Babur-III, которая может запускаться с ПЛ и оснащаться ядерной боеголовкой⁵, по экономическим причинам Исламабад предпочел бы не втягиваться в подводную гонку

3 Aviral Mishra (2014) Peaceful Indian Ocean a Must for Regional Economic Prosperity: India's NSA // The Sunday Times, December 7, 2014 // <http://www.sundaytimes.lk/141207/news/peaceful-indian-ocean-a-must-for-regional-economic-prosperity-indias-nsa-131627.html>, дата обращения 31.01.2019.

4 Dipanjan Roy Chaudhury (2015) Chinese Base in Indian Ocean Threat to Peace: Ajit Kumar Doval, National Security Adviser // The Economic Times, March 3, 2015 // <https://economictimes.indiatimes.com/news/politics-and-nation/chinese-base-in-indian-ocean-threat-to-peace-ajit-kumar-doval-national-security-adviser/articleshow/46720771.cms>, дата обращения 31.01.2019.

5 Pakistan Attains 'Second Strike Capability' with Test-fire of Submarine-launched Cruise Missile (2017) // Dawn, January 9, 2017 // <https://www.dawn.com/news/1307384>, дата обращения 31.01.2019.

вооружений, вынудив Индию отказаться от морского компонента СЯС. Как полагают отдельные индийские эксперты, «поддержка Нью-Дели ЗОР в регионе Индийского океана оставит Индию без каких-либо моральных или политических оснований для оправдания противодействия безъядерному Индийскому океану» [Singh 2014]. Эта идея, казалось, получила подтверждение в 2016 г., когда Пакистан не исключил возможности внести соответствующую резолюцию на рассмотрение ГА ООН⁶.

Перспективы

Для того, чтобы оценить перспективы реализации ИОЗОР в нынешних условиях, необходимо рассмотреть позиции по вопросам безопасности основных нерегиональных игроков в Индийском океане (США и КНР), а также малых стран региона, имеющих ключевое значение для определения дальнейшей политики Индии как державы, чья позиция является критической для успеха любой региональной инициативы.

США продолжают экспансию в регион, начатую в 1974 г., сохраняя контроль над ключевыми объектами: базой Диего-Гарсия и аэродромом на оманском острове Масира, при помощи которых обеспечивается стратегический мост для всех операций США в Афганистане и на Ближнем Востоке. Основной проблемой для реализации любой региональной инициативы в сфере безопасности является то, что круг интересов США в Индийском океане весьма широк – от обеспечения нефтяно-

го транзита до сдерживания КНР – и лишь частично совпадает с интересами Индии. Вашингтон пытается институционализировать слишком общий конструкт Индо-Тихоокеанского региона при помощи Четырехстороннего диалога по безопасности (Quad), но Индия де факто саботирует этот процесс, который может потенциально привести к потере ей стратегической автономии.

Китай, который с 1962 г. индийское руководство рассматривает в качестве наиболее серьезной угрозы, в первую очередь заинтересован в обеспечении безопасности основного маршрута доставки нефти. С этой целью КНР проводит активную политику в регионе, включая отправку в Индийский океан своих подводных лодок (по сведениям Пентагона, в Индийском океане с 2014 г. на постоянной основе ведут патрулирование АПЛ пр. 093 и 039⁷) и создание базы в Джибути, что, в свою очередь, вызывает беспокойство индийских политических кругов, подталкивая их к сотрудничеству с США⁸. Кроме того, через Индийский океан проходит западный маршрут «Морского Шелкового пути XXI века», в котором малым островным государствам региона и странам Восточной Африки отведена важная роль. Как следствие, Китай не может согласиться с реализацией ИОЗОР без гарантий невмешательства третьих стран в китайскую экономическую деятельность в этих государствах.

Малые страны региона, с другой стороны, рассматривают концепцию ИОЗОР в основном позитивно. В полной мере это относится к Шри-Ланке – самому крупному островному государ-

6 Pakistan Will Push UN to Declare Indian Ocean 'Nuclear Free Zone', says Aziz (2016) // The Dawn, May 19, 2016 // <https://www.dawn.com/news/1259384>, дата обращения 31.01.2019.

7 Panda A. (2015) What the Pentagon Thinks of China's Military // The Diplomat, May 11, 2015 // <https://thediplomat.com/2015/05/what-the-pentagon-thinks-of-chinas-military/>, дата обращения 31.01.2019.

8 Panda A. (2016) The Indian Ocean Won't Be a 'Nuclear Free Zone' Anytime Soon // The Diplomat, May 20, 2016 // <https://thediplomat.com/2016/05/the-indian-ocean-wont-be-a-nuclear-free-zone-anytime-soon/>, дата обращения 31.01.2019.

ству Индийского океана. В силу географических причин индийский фактор играет в ланкийской внешней политике определяющую роль: через Полкский пролив, отделяющий остров от Индостана, проходит кратчайший морской путь, связывающий два побережья Индии – Малабарское и Коромандельское. Как следствие, любому правительству Шри-Ланки приходится учитывать индийские стратегические интересы, которые подразумевают размещение иностранных баз на острове и нежелательность вступления в союз с государством, потенциально угрожающим безопасности Индии. Помимо этого, 15,4% населения Шри-Ланки составляют тамилы, поддерживающие тесные связи с населением индийского штата Тамилнад, и любые изменения в положении ланкийской тамильской общины отражаются на индийской региональной и общенациональной политике. В этих условиях, тем не менее, Шри-Ланка стремится проводить независимую внешнюю политику.

С 2005 по 2015 г. страну возглавлял президент Махинда Раджапакса, стремившийся диверсифицировать внешнюю политику, вывести Шри-Ланку из-под влияния Индии и наладить отношения с КНР, получив доступ к китайским инвестициям. После того как он потерпел поражение на выборах, новый президент Маитрипала Сирисена попытался нормализовать отношения с Индией, не разрывая налаженных ранее экономических и политических связей с КНР, но гарантируя при этом, что они не угрожают индийской безопасности. Для Шри-Ланки в нынешней ситуации IOZOP является одной из самых перспективных концепций, лишая ее необходимости постоянно балансировать между Индией и Китаем. Неудивительно, что в

2017 г., выступая на конференции в Коломбо, Сирисена заявил о необходимости создания IOZOP⁹.

Еще одно государство, заинтересованное в создании IOZOP, – *Мальдивская республика*. Избранный президентом в 2008 г. Мохаммед Нашид взял курс на диверсификацию внешней политики и начал налаживать связи с КНР. Это было вызвано стремлением уйти от концепции приоритета индийских интересов в сфере безопасности над национальными, сформулированной прежним лидером Абдулом Гаюмом, после того как Индия помогла мальдивским властям ликвидировать попытку государственного переворота в 1988 г. Преемник Нашида Абдулла Ямин еще больше укрепил связи с Китаем.

В ходе политического кризиса на Мальдивах в феврале 2018 г. Ямин объявил чрезвычайное положение и подавил оппозиционные выступления. Индийское правительство, невзирая на призывы мальдивской оппозиции и собственных «ястребов», не пошло на прямую интервенцию, хотя и осудило действия Ямина. Китай, в свою очередь, предостерег Индию от возможного вторжения, предупредив об ответных мерах. Несмотря на то что на выборах в сентябре 2018 г. победу одержал кандидат от оппозиции Мохаммед Соли, выступавший с проиндийских позиций, Мальдивы, скорее всего, продолжат проводить курс на диверсификацию экономических связей. В силу этого возможность формирования IOZOP с обязательной гарантией невмешательства Индии во внутренние дела соседей по региону представляет для Мальдивской республики особый интерес.

Сейшельские острова традиционно поддерживают идею IOZOP, видя в ней

9 President Emphasises Importance of Making Indian Ocean a Zone of Peace (2017) // The Daily FT, September 4, 2017 // <http://www.ft.lk/special-report/President-emphasises-importance-of-making-Indian-Ocean-a-zone-of-peace/22-638950>, дата обращения 31.01.2019.

гарантию сохранения мира и стабильности в регионе Индийского океана. Как отметил в 1978 г. президент Сейшел Франс-Альберт Рене, «из-за соперничества великих держав малые страны Индийского океана живут на краю вулкана» [Sidhu 1983, p. 37]. Сейшелы, как и Мальдивы, в 1981 г. также пережили попытку переворота, но власти республики сумели справиться с ней без привлечения индийских военных. Вкупе с географическими факторами это привело к тому, что индийский фактор оказывает куда меньшее влияние на сейшельскую внешнюю политику: показательной в этом отношении является попытка Индии арендовать для создания военной базы сейшельский остров Ассампшен, которая была сперва одобрена, затем заблокирована, затем снова одобрена местным парламентом¹⁰.

Маврикий, где большую часть населения составляют выходцы из Индии, входит в сферу влияния Нью-Дели. Индия не раз демонстрировала, что воспринимает себя как гарант безопасности Маврикия: в частности, в 1983 г. Индира Ганди выразила готовность оказать военную помощь проиндийскому правительству Анируда Джагнота в случае попытки переворота. Тем не менее, несмотря на тесные маврикийско-индийские отношения, перспектива создания индийской военно-морской базы на островах Агалега вызвала резкие протесты как местного населения, потребовавшего демилитаризации Индийского океана¹¹, так и ряда маврикийских политиков. Такая позиция в значительной степени вызвана наметившимися в последнее время прокитайскими тенден-

циями среди представителей политической элиты, возлагающих определенные надежды на участие Маврикия в китайском проекте «Пояса и пути»¹².

Таким образом, можно отметить, что поддержка малыми странами региона идеи IOZOP объясняется в первую очередь их стремлением избежать чрезмерного попадания в зависимость от Индии и сохранить возможность для маневра в условиях соперничества Нью-Дели и Пекина за влияние в регионе. Стремясь к роли гегемона в регионе, Индия не может в полной мере исполнять его функции, прежде всего в экономическом плане, что неизбежно вынуждает малые страны обращаться за финансовой помощью к Китаю. Показательно, что даже Маврикий, связанный с Индией не только политически, но и этнически, религиозно и культурно, стремится сохранить самостоятельность и не намерен подчинять свои внешнеполитические интересы индийским.

Особо стоит отметить практически полное отсутствие реакции на индийские предложения со стороны восточных соседей Индии – *Бангладеш* и *Мьянмы*, являющихся важными игроками в регионе, а также *стран Восточной Африки*. По всей видимости, обе группы стран руководствуются теми же соображениями, что и малые страны бассейна Индийского океана, желая сохранить возможность лавирования между Индией и КНР, а также возлагают основные надежды в сфере обеспечения безопасности на двусторонние связи и другие международные организации, такие как Инициатива Бенгальского залива (БИМСТЕК) в пер-

10 Dipanjan Roy Chaudhury (2018) India and Seychelles Agree on Naval Base at Assumption Island // The Economic Times, July 13, 2018 // <https://economictimes.indiatimes.com/news/defence/india-and-seychelles-agree-on-naval-base-at-assumption-island/articleshow/64731817.cms>, дата обращения 31.01.2019.

11 Des Mouvements se mobilisent pour Agaléga (2018) // Le Mauricien, March 7, 2018 // <https://www.lemauricien.com/article/mouvements-se-mobilisent-agalega/>, дата обращения 31.01.2019.

12 China, Mauritius Set to Sign Free Trade Agreement (2018) // Xinhua, September 3, 2018 // http://www.xinhuanet.com/english/2018-09/03/c_137441669.htm, дата обращения 31.01.2019.

вом случае и Сообщество развития Юга Африки (САДК) – во втором. Подобное отсутствие интереса к инициативе IOZOP существенно уменьшает ее шансы на возрождение.

Важной представляется и позиция ЮАР, которая, претендуя на роль центра силы в регионе и будучи признанным лидером САДК, наращивает связи одновременно и с Индией, и с Китаем, причем контакты с Пекином осуществляются в том числе по партийным каналам. После падения режима апартеида ЮАР неоднократно выказывала поддержку концепции IOZOP, однако в последнее время воздерживается от подобных заявлений. Причина, очевидно, в том, что южноафриканское руководство не желает портить отношения с крупными игроками в регионе, поддерживая заведомо слабую позицию малых государств, и не видит перспектив в создании IOZOP.

Урок на будущее

На нынешнем этапе реализация концепции IOZOP частично сталкивается с теми же проблемами, что и в годы холодной войны. Нерегиональные державы по-прежнему не намерены выводить свои силы из региона Индийского океана, сколь бы морально обоснованы не были требования местных акторов. На место СССР пришел Китай, претендующий на роль новой сверхдержавы, о своих интересах заявляя нерегиональные игроки, такие как Турция и Япония.

При этом кардинально изменились отношения внутри самой системы сдержек и противовесов, сложившейся в регионе Индийского океана. Если в годы холодной войны океан был ареной противостояния СССР и США, то сейчас занявшая место Советского Союза КНР воспринимается индийскими элитами как угроза не США, а в первую очередь

самой Индии. Как следствие, Нью-Дели оказывается в сложной ситуации. Теоретическая возможность в случае реализации IOZOP убрать из океана вооруженные силы внешних акторов выглядит заманчиво: за последние полвека индийские ВС существенно эволюционировали и расширили свои возможности. В случае необходимости постоянно соперничать с великими державами, стремясь добиться господства на море, Индия более эффективно сможет исполнять роль поставщика безопасности. Помимо этого, в рамках концепции Индо-Тихоокеанского региона IOZOP облегчает для Индии задачу превращения в регионального лидера.

Однако возросший вес Индии может оказаться главным препятствием при создании IOZOP, так как пропорционально ему растут опасения государств региона, опасющихся гегемонистских устремлений Нью-Дели. Снять эти опасения могли бы гарантии неприменения Индией силы и невмешательства во внутренние дела соседних государств.

Это, в свою очередь, несет риски уже для Индии. На данный момент она уступает КНР по экономическим возможностям, однако в критической ситуации может компенсировать это отставание при помощи военного вмешательства. Рассчитывать на поддержку малых стран региона в борьбе с экономической экспансией КНР Индии не приходится: большинство из них положительно относятся к реализации проекта «Морского Шелкового пути XXI века» и заинтересованы в привлечении китайских инвестиций. Теоретически эту проблему можно решить при помощи достижения договоренностей между Индией и КНР о взаимном учете интересов в сфере экономики и безопасности. Индия и Китай могли бы выступить в роли совместных гарантов безопасности в регионе Индийского океана, однако в этом

случае не будет решена проблема американского присутствия в регионе.

Таким образом, перед Индией стоит нерешаемая на данном этапе задача: она может добиться ухода одной из нерегиональных великих держав – Китая или США – из Индийского океана лишь в том случае, если заключит с ней союз, пусть даже не по форме, но по сути, выступая как защитник ее интересов в регионе. При этом вторая держава гарантированно сохранит свое присутствие в Индийском океане, причем с вероятностью нынешняя относительная слабость индийских ВС приведет к тому, что в конечном счете сохранение присутствия ВС страны-союзника будет восприниматься индийскими элитами как благо. В силу того, что власти Индии придерживаются стратегической автономии и последовательно проводят курс на превращение страны в великую державу, ни один из этих вариантов для них не приемлем.

В настоящий момент наиболее перспективным, хотя и трудновыполнимым, выглядит формирование структуры океанского управления в регионе на основе действующих механизмов, таких как Indian Ocean Rim Association (IORA) и Indian Ocean Naval Symposium (IONS). Это потребует от Индии определенной формализации обязательств, чего индийское руководство традиционно избегает, формулирования новых правил экономического взаимодействия, достижения принципиальных договоренностей в сфере взаимных гарантий морской безопасности с США и КНР и пересмотра военно-морской стратегии Индии. Обновленная и более гибкая концепция IOZOP могла бы сыграть в формировании этой структуры важную роль.

Наконец, начавшееся в апреле 2018 г. сближение Индии и Китая, если оно продлится достаточно долго, может привести к формированию системы,

схожей с IOZOP по сути, но отличающейся по форме. Речь идет о возможном разделе сфер влияния между Индией и КНР, при котором бы Индия не противодействовала китайским экономическим проектам, реализуемым с учетом интересов индийского бизнеса, а Китай, в свою очередь, с пониманием относился к интересам Индии в сфере безопасности, не наращивая военное присутствие в Индийском океане выше необходимого минимума. Определенные шаги в этом направлении были предприняты по итогам последних кризисов на Шри-Ланке и Мальдивах. Такое развитие событий выгодно и Китаю, и Индии, однако может быть прервано как по внутриполитическим (возможное поражение BJP на всеобщих выборах в Индии весной 2019 г.), так и по внешнеполитическим (стремление лидеров малых стран проводить свою политику, приводящую к обострению отношений Нью-Дели и Пекина) причинам.

Список литературы

Afzal A. (2017) Troubled Water: India's History with the Indian Ocean Zone of Peace // *South Asian Voices*, October 13, 2017 // <https://southasianvoices.org/troubled-water-indian-ocean-zone-of-peace/>, дата обращения 31.01.2019.

Ahmed S. (1979) Pakistan's Proposal for a Nuclear-Weapon-Free Zone in South Asia // *Pakistan Horizon*, vol. 32, no 4, pp. 92–130.

Ahmed S. (1982) Australia and the Indian Ocean // *Pakistan Horizon*, vol. 35, no 3, pp. 67–85.

Andersen W.K. (1984) Soviets in the Indian Ocean: Much Ado about Something – But What? // *Asian Survey*, vol. 24, no 9, pp. 910–930. DOI: 10.2307/2644076

Berlin D. (2011) The Rise of India and the Indian Ocean // *Journal of the Indian Ocean Region*, vol. 7, no 1, pp. 1–31. DOI: 10.1080/19480881.2011.587329

- Bouchard C., Crumplin W. (2010) Neglected no Longer: the Indian Ocean at the Forefront of World Geopolitics and Global Geostrategy // *Journal of the Indian Ocean Region*, vol. 6, no 1, pp. 26–51. DOI: 10.1080/19480881.2010.489668
- Bouchard C., Crumplin W. (2013) Indian Ocean Region: The Evolving Context and Rising Significance of the African littoral // *Journal of the Indian Ocean Region*, vol. 9, no 2, pp. 150–172. DOI: 10.1080/19480881.2013.847554
- Braun D. (1983) *The Indian Ocean: Region of Conflict or 'Peace Zone'?* London: C. Hurst & Co.
- Brewster D. (2011) The Relationship between India and Indonesia // *Asian Survey*, vol. 51, no 2, pp. 221–244. DOI: 10.1525/AS.2011.51.2.221
- Brewster D. (2014) *Indian Ocean: The Story of India's Bid for Regional Leadership*, London, New York: Routledge.
- Brewster D. (2015) *Indian Strategic Thinking about the Indian Ocean: Striving Towards Strategic Leadership* // *India Review*, vol. 14, no 2, pp. 221–237. DOI: 10.1080/14736489.2015.1030198
- Copson R.W. (1977) East Africa and the Indian Ocean – A 'Zone of Peace'? // *African Affairs*, vol. 76, no 304, pp. 339–358. DOI: 10.1093/oxfordjournals.afraf.a096863
- Doctor A.H. (1990) India's Indian Ocean Policy // *The Indian Journal of Political Science*, vol. 51, no 3, pp. 360–379.
- Indian Ocean as Zone of Peace: Changing Perspectives (1985) // *Spotlight on Regional Affairs*, vol. VI (10–11), Islamabad: Institute of Regional Studies.
- Jaramu P.S. (1986) Indian Ocean as a Zone of Peace: Problems and Perspectives // *The Indian Journal of Political Science*, vol. 47, no 2, pp. 237–246.
- Kaushik D. (1972) *The Indian Ocean: Towards a Peace Zone*, New Delhi: Vikas Publications.
- Kodikara S.U. (1995) Genesis of the Indo-Sri Lanka Agreement of 29 July, 1987 // *Contemporary South Asia*, vol. 4, no 2, pp. 171–185. DOI: 10.1080/09584939508719760
- Kumar Ch. (1984) The Indian Ocean: Arc of Crisis or Zone of Peace? // *International Affairs*, vol. 60, no 2, pp. 233–246.
- Kumar K. (2000) *Indian Ocean as a Zone of Peace: Problems and Prospects*, New Delhi: A.P.H. Publishing Corporation.
- Lal N. (1995) *Indian Ocean and Peace Zone Politics*, New Delhi: Kanishka Publishers.
- Misra K.P. (1977) *Quest for An International Order in the Indian Ocean*, Bombay: Allied Publishers Private Limited.
- Pande A. (2017) *From Chanakya to Modi: The Evolution of India's Foreign Policy*, New Delhi: Harper Collins Publishers India.
- Pande S. (1998) Nuclear Weapon-Free Zone in South Asia // *IDSa* // <https://www.idsa-india.org/an-feb9-3.html>, дата обращения 31.01.2019.
- Rais R.B. (1986) *The Indian Ocean and the Superpowers*, London: Croom Helm.
- Sidhu K.S. (1983) *The Indian Ocean: A Zone of Peace*, New Delhi: Harnam Publications.
- Singh A. (2014) The Indian Ocean Zone of Peace: Sifting 'Facts' from 'Illusion' // *IDSa*, December 19, 2014 // https://idsa.in/idsacomments/TheIndianOceanZoneofPeace_asingh_191214, дата обращения 31.01.2019.
- Singh A. (2018) Codes of Conduct and Geopolitical Gamepla // *Asia Maritime Transparency Initiative*, April 30, 2018 // <https://amti.csis.org/coc-geopolitical-gameplay/>, дата обращения 31.01.2019.
- Tahir-Kheli S. (1978) Chinese Objectives in South Asia: "Anti-Hegemony" vs. "Collective Security" // *Asian Survey*, vol. 18, no 10, pp. 996–1012. DOI: 10.2307/2643566

DOI: 10.23932/2542-0240-2019-12-1-204-219

The Indian Ocean as a Zone of Peace: an Outdated Concept or Format for the Future?

Aleksei V. KUPRIIANOV

PhD in History, Research Fellow of the Sector of International Organizations and Global Political Regulation, Staff Member of the Department of International Political Problems

Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations of the Russian Academy of Sciences, 117997, Profsoyuznaya St. 23, Moscow, Russian Federation

E-mail: a.kupriyanov@imemo.ru

ORCID: 0000-0002-9041-6514

CITATION: Kupriianov A.V. (2019) The Indian Ocean as a Zone of Peace: an Outdated Concept or Format for the Future? *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*, vol. 12, no 1, pp. 204–219 (in Russian).

DOI: 10.23932/2542-0240-2019-12-1-204-219

Received: 10.07.2018.

ABSTRACT. *The article considers the origins and current perspectives of the concept of the “Indian Ocean as a Zone of Peace” (IOZOP). It was formed within the framework of the Non-Aligned Movement in the 1960s and early 1970s. The concept was supported by the countries of the Indian Ocean Region as the opportunity to avoid the transformation of the Indian Ocean into a zone of conflict between the great powers. Initially formulated very vaguely, in the end the IOZOP concept was reduced mainly to the requirement for non-regional powers to stop testing weapons and deployment of military forces and assets on the islands of the Indian Ocean. Despite the proclamation of the Indian Ocean as a zone of peace by UNGA in 1971, the Western powers ignored this decision, refusing to withdraw its military forces and bases from the region. The subsequent disagreements between the regional actors, some of which feared increasing India’s power, and the dramatic change in the political situation in the world led to a decline in interest in this idea. Howev-*

er, in 2014, India, and Sri Lanka expressed their readiness to put this issue on the agenda again. The author analyzes the history of origin and attempts to realize the concept of the Indian Ocean as a Zone of Peace, the reasons for its failure, highlights the positions of the main countries concerned, key moments that hinder and contribute to the formation of a zone of peace. He concludes that under current conditions, the IOZOP concept can be implemented in an updated form as part of a potential ocean management structure that could be formed on the basis of regional structures such as IORA and IONS.

KEY WORDS: *India, Indian Ocean, IOZOP, nuclear-free zone, Pakistan, USA*

References

Afzal A. (2017) Troubled Water: India’s History with the Indian Ocean Zone of Peace. *South Asian Voices*, October 13,

2017. Available at: <https://southasianvoices.org/troubled-water-indian-ocean-zone-of-peace/>, accessed 31.01.2019.

Ahmed S. (1979) Pakistan's Proposal for a Nuclear-Weapon-Free Zone in South Asia. *Pakistan Horizon*, vol. 32, no 4, pp. 92–130.

Ahmed S. (1982) Australia and the Indian Ocean. *Pakistan Horizon*, vol. 35, no 3, pp. 67–85.

Andersen W.K. (1984) Soviets in the Indian Ocean: Much Ado about Something – But What? *Asian Survey*, vol. 24, no 9, pp. 910–930. DOI: 10.2307/2644076

Berlin D. (2011) The Rise of India and the Indian Ocean. *Journal of the Indian Ocean Region*, vol. 7, no 1, pp. 1–31. DOI: 10.1080/19480881.2011.587329

Bouchard C., Crumplin W. (2010) Neglected no Longer: the Indian Ocean at the Forefront of World Geopolitics and Global Geostrategy. *Journal of the Indian Ocean Region*, vol. 6, no 1, pp. 26–51. DOI: 10.1080/19480881.2010.489668

Bouchard C., Crumplin W. (2013) Indian Ocean Region: The Evolving Context and Rising Significance of the African littoral. *Journal of the Indian Ocean Region*, vol. 9, no 2, pp. 150–172. DOI: 10.1080/19480881.2013.847554

Braun D. (1983) *The Indian Ocean: Region of Conflict or 'Peace Zone'?* London: C. Hurst & Co.

Brewster D. (2011) The Relationship between India and Indonesia. *Asian Survey*, vol. 51, no 2, pp. 221–244. DOI: 10.1525/AS.2011.51.2.221

Brewster D. (2014) *Indian Ocean: The Story of India's Bid for Regional Leadership*, London, New York: Routledge.

Brewster D. (2015) Indian Strategic Thinking about the Indian Ocean: Striving Towards Strategic Leadership. *India Review*, vol. 14, no 2, pp. 221–237. DOI: 10.1080/14736489.2015.1030198

Copson R.W. (1977) East Africa and the Indian Ocean – A 'Zone of Peace'? *Af-*

rican Affairs, vol. 76, no 304, pp. 339–358. DOI: 10.1093/oxfordjournals.afraf.a096863

Doctor A.H. (1990) India's Indian Ocean Policy. *The Indian Journal of Political Science*, vol. 51, no 3, pp. 360–379.

Indian Ocean as Zone of Peace: Changing Perspectives (1985). *Spotlight on Regional Affairs*, vol. VI (10–11), Islamabad: Institute of Regional Studies.

Jaramu P.S. (1986) Indian Ocean as a Zone of Peace: Problems and Perspectives. *The Indian Journal of Political Science*, vol. 47, no 2, pp. 237–246.

Kaushik D. (1972) *The Indian Ocean: Towards a Peace Zone*, New Delhi: Vikas Publications.

Kodikara S.U. (1995) Genesis of the Indo-Sri Lanka Agreement of 29 July, 1987. *Contemporary South Asia*, vol. 4, no 2, pp. 171–185. DOI: 10.1080/09584939508719760

Kumar Ch. (1984) The Indian Ocean: Arc of Crisis or Zone of Peace? *International Affairs*, vol. 60, no 2, pp. 233–246.

Kumar K. (2000) *Indian Ocean as a Zone of Peace: Problems and Prospects*, New Delhi: A.P.H. Publishing Corporation.

Lal N. (1995) *Indian Ocean and Peace Zone Politics*, New Delhi: Kanishka Publishers.

Misra K.P. (1977) *Quest for An International Order in the Indian Ocean*, Bombay: Allied Publishers Private Limited.

Pande A. (2017) *From Chanakya to Modi: The Evolution of India's Foreign Policy*, New Delhi: Harper Collins Publishers India.

Pande S. (1998) Nuclear Weapon-Free Zone in South Asia. *IDSA*. Available at: <https://www.idsa-india.org/an-feb9-3.html>, accessed 31.01.2019.

Rais R.B. (1986) *The Indian Ocean and the Superpowers*, London: Croom Helm.

Sidhu K.S. (1983) *The Indian Ocean: A Zone of Peace*, New Delhi: Harnam Publications.

Singh A. (2014) The Indian Ocean Zone of Peace: Sifting 'Facts' from 'Illusion'. *IDSA*, December 19, 2014. Available

at: https://idsa.in/idsacomments/TheIndianOceanZoneofPeace_asingh_191214, accessed 31.01.2019.

Singh A. (2018) Codes of Conduct and Geopolitical Gamepla. *Asia Maritime Transparency Initiative*, April 30, 2018. Available at: <https://amti.csis.org/>

coc-geopolitical-gameplay/, accessed 31.01.2019.

Tahir-Kheli S. (1978) Chinese Objectives in South Asia: “Anti-Hegemony” vs. “Collective Security”. *Asian Survey*, vol. 18, no 10, pp. 996–1012. DOI: 10.2307/2643566

Точка зрения

DOI: 10.23932/2542-0240-2019-12-1-220-240

Россия между двух систем: перспектива транзита из Атлантического мира в мир Евразийско-Тихоокеанский

Максим Владимирович БРАТЕРСКИЙ

доктор политических наук, ведущий научный сотрудник, заведующий сектором Америки Отдела Европы и Америки

Институт научной информации по общественным наукам РАН, 117997,

Нахимовский проспект, д. 51/21, Москва, Российская Федерация;

профессор Факультета мировой экономики и мировой политики, ведущий научный сотрудник Центра комплексных европейских и международных исследований

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,

119017, ул. Малая Ордынка, д. 17, Москва, Российская Федерация

E-mail: bratersky@gmail.com

ORCID: 0000-0003-2966-0056

Георгий Игоревич КУТЫРЕВ

кандидат политических наук, научный сотрудник Департамента международных отношений

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,

119017, ул. Малая Ордынка, д. 17, Москва, Российская Федерация

E-mail: kutyrevgeorge@gmail.com

ORCID: 0000-0001-5580-8822

ЦИТИРОВАНИЕ: Братерский М.В., Кутырев Г.И. (2019) Россия между двух систем: перспектива транзита из Атлантического мира в мир Евразийско-Тихоокеанский // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. Т. 12. № 1. С. 220–240. DOI: 10.23932/2542-0240-2019-12-1-220-240

Статья поступила в редакцию 30.10.2018.

Данная статья подготовлена при поддержке гранта РФФИ 19-014-00038 «Архитектура безопасности в Большой Евразии: состояние, перспективы и возможности для России».

АННОТАЦИЯ. В статье анализируется политика России с точки зрения формулируемых правительством целей в ответ на вызовы в области международной политики, экономики и безопасности, а также на вызовы, связанные с

угрозой потери статуса великой державы, сохранением территориальной целостности и независимости. Недовольство России существующим порядком вещей – когда ее интересы не принимались во внимание, а Запад не уста-

навливал для себя никаких ограничений, продвигая свои геополитические интересы – нарастало уже давно, однако ярче всего проявилось в рубежном 2014 г., когда западные санкции после крымских событий подтолкнули российские власти и бизнес к более активным действиям в АТР.

Авторы формулируют ряд признаков нового регионального порядка стран АТР, который, возможно, разовьется в новый международный (глобальный) порядок. Такой тип системы, по мнению авторов, будет более конкурентным и менее иерархичным, в его рамках не будет существовать единственной доминирующей силы или идеологии, он будет основан на множестве центров силы. Такой мировой порядок более привлекателен для России, нежели однополярный Атлантический порядок. Он даст стране возможность использовать такие собственные сравнительные преимущества, как территория, ресурсы, жесткая сила, достаточно ригидная политическая организация и возможность мобилизовать ресурсы для стратегических целей. Тем не менее важно понимать, что пока современный западный мир очень аморфен, его будущие контуры размыты, а азиатский бизнес слабо откликается на российский «поворот на Восток».

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: *Россия, российский Дальний Восток, США, Азиатско-Тихоокеанский регион, региональная безопасность, национальный интерес, вызовы и угрозы, «поворот на Восток»*

На сегодняшний день (2019 г.) эксперты продолжают спорить об успешности российской политики «поворота на Восток». Одни считают, что Азиатско-Тихоокеанский регион (АТР), ка-

ким он виделся нам еще вчера, «шатается и расшатывается» буквально на глазах – как и вся международная система, важнейшим узлом которой его считают. Другие более оптимистически смотрят на политику России на Дальнем Востоке и в Тихоокеанском регионе: «В Азии же – бездонные рынки. И сближение с ней не угрожает суверенитету и системе ценностей большинства россиян. За ней будущее. Для того чтобы двигаться к Азии успешно и эффективно, необходимо знать ее» [Караганов 2018].

Авторы данной статьи, не претендуя на глубинное изучение восточной проблематики, постарались в сжатой и доступной форме описать современную архитектуру международных отношений и стремление России переосмыслить и определить свое место в ней, а также рассмотреть возможность формирования нового незападного мирового порядка.

Для России значение Азиатско-Тихоокеанского региона в ее стратегии и планах развития традиционно определялись возникающими в нем вызовами безопасности и частично – экономическими соображениями. Именно обеспечение безопасности в регионе традиционно выступало в роли первостепенного приоритета, а экономические соображения, как правило, находились на втором плане.

На протяжении XVII–XVIII вв. Россия выдвинулась на Дальний Восток в условиях существовавшего там относительного вакуума государственности, с целью его заполнить. «Сибирь оказалась огромным территориальным приобретением, превратившим Россию в одно из крупнейших по площади государств быстро менявшегося мира. Основная ее ценность состояла в том, что она явилась колоссальным источником такой востребованной на внешнем рынке статьи экспорта, как пушни-

на» [Шведов 2011, с. 58–59]. Однако русские казаки¹ и купечество рассчитывали лишь на извлечение быстрой выгоды от торговли мехами и не планировали оседать на этих территориях. В итоге сложилось так, что Россия оказалась чрезмерно вовлеченной в процесс территориальной экспансии и была не в состоянии колонизировать новые территории ввиду нехватки ресурсов. Поэтому была вынуждена покинуть уже занятые территории (речь идет об Аляске и Калифорнии) [Ilyin 1975].

В конце XIX – начале XX в. политика России на Дальнем Востоке и в Тихоокеанском регионе была продиктована сложным международным положением, связанным с борьбой сильнейших держав (США, Япония, Корея, Китай и Англия) за сферы влияния и новые рынки, в которую была втянута и Россия; развязыванием военных конфликтов в регионе (русско-японская война, Первая мировая война); территориальными притязаниями; экономической, социальной, культурной и духовной экспансией на российские территории Дальнего Востока, включая нерегулируемые миграционные потоки при несовершенной системе охраны границы и др.

Эти и другие вызовы, стоящие перед Россией, привели к усилению акцента российской политики на обеспечении безопасности: развитию Тихоокеанского флота, строительству портов и военно-морских баз.

Необходимость создания единой надежной системы коммуникаций и логистики в условиях военной угрозы со стороны Японии, включая транспортные ветки, параллельные российско-китайской границе, придала приоритетное значение строительству

Байкало-Амурской железной дороги (1938–1984), крупнейшему инфраструктурному проекту в Сибири и на Дальнем Востоке [Карпова, Мироненко 2009]. БАМ должен был стать вторым, более коротким по сравнению с Транссибом, выходом к Тихому океану. Этот проект был реализован только в 1970–1980-х гг., поскольку первопроходцам трассы в 1920–1930-е гг. помешала война и связанные с ней огромные материальные и людские потери.

Новым периодом внимания к Дальнему Востоку и Сибири можно считать начало 1960-х гг., когда между СССР и Китаем наметился очевидный раскол. Основная часть деятельности СССР на Дальнем Востоке в этот период также была связана с задачей укрепления безопасности восточных рубежей страны.

В течение 1970–1980-х гг. СССР начал новый этап индустриализации и сделал Дальний Восток и Сибирь приоритетами советских программ освоения регионов: «возведение гидроэлектростанций, ЛЭП и атомных электростанций, освоение нефтегазового комплекса, строительства БАМа <...> Вместе с тем приоритетное внимание к отраслям военно-промышленного и топливно-энергетического комплексов усугубляло деформации в структуре промышленности» [Некрылов, Луков 2012, с. 20], не хватало рабочей силы, и планы экономического развития Дальнего Востока остались во многом нереализованными.

В середине 1980-х гг. СССР сделал попытку сформировать некую политическую стратегию в отношении АТР, что проявилось в речи М.С. Горбачева во Владивостоке в 1986 г. [Хроника внешнеполитических событий 2010]. Советский лидер говорил о восстанов-

1 Служилое казачество Зауралья представляло собой иррегулярные вооруженные силы, первоначально децентрализованные по принципу отдельных отрядов, но при этом подчиненные государственным органам управления.

лении нормальных отношений с Китаем и создании в АТР всеобъемлющей системы безопасности. Впрочем, дезинтеграционные процессы в СССР помешали стране сколько-нибудь полно политически встроиться в Азиатско-Тихоокеанский регион.

Восточная политика России до середины 1990-х гг. была практически заморожена во многом из-за политики того времени, провозгласившей идею стратегического союза России и США и предполагавшей постепенную интеграцию России в западное сообщество. Лишь ко второй половине 1990-х гг. Российской Федерации удалось добиться определенного прогресса в отношениях с некоторыми странами АТР. В декабре 1998 г. в Дели Е.М. Примаков выдвинул идею создания стратегического треугольника Россия–Индия–Китай. Впоследствии премьер-министр обмолвился, что это предложение не носило официального характера, но со временем вопрос о новом «тройственном союзе» постепенно «занял заметное место в дискуссиях по вопросам международной и региональной политики» [Мареева 2012, с. 214]. «Шанхайская организация сотрудничества имеет очень хорошие перспективы, главным образом, потому, что в ней участвуют и Россия, и Китай. <...> Действительно, треугольник – Россия, Китай, Индия – имеет большое значение» [Панина 2009], – вспоминал Е.М. Примаков в своем интервью с Российской газетой в 2009 г.

Таким образом, в конце 1980-х – 1990-х гг. в российской политике на Дальнем Востоке наметился важный концептуальный поворот: впервые за столетия Россия начала мыслить региональными категориями и сделала первые шаги к тому, чтобы рассматривать восточные территории страны не только с военно-стратегической точки зрения и как важный источник ресурсов,

но и как часть многостороннего регионального порядка. Такое видение постепенно завоевывало позиции в российском руководстве, и к началу 2000-х гг. в «Концепции внешней политики» [Концепция внешней политики 2000] Россия констатировала, что для политики страны восточное направление приобретает возрастающее значение. Во главу угла была поставлена задача экономического подъема Сибири и Дальнего Востока, а партнерство с ведущими азиатскими странами – Китаем, Индией, Японией было определено как средство достижения этой цели. Особое значение при этом имела дальнейшая активизация России в основных интеграционных структурах Азиатско-Тихоокеанского региона – форуме «Азиатско-тихоокеанское экономическое сотрудничество», региональном форуме Ассоциации стран Юго-Восточной Азии по безопасности (АСЕАН), в сформированной по инициативе России в апреле 1996 г. «шанхайской пятерке».

В российских политических кругах все больше сторонников стала приобретать идея кардинального пересмотра подходов по взаимодействию с государствами АТР. Общеизвестным стало то, что XXI стал веком Азиатско-Тихоокеанского региона [Лукин, Иванов 2010; Гурин 2015; Колотон 2016], и в регионе имеются благоприятные возможности для того, чтобы Россия могла не только на приемлемых для себя условиях интегрироваться в мировую экономику, но и получить возможность выстроить собственный геополитический проект.

В это же время в России сформировалось осознание того, что политика, направленная на интеграцию с Западом (точнее, в Запад), себя исчерпала. Поворотной точкой в этом вопросе принято считать известную речь В.В. Путина в Мюнхене [Путин 2007],

но анализ стратегических документов российской политики показывает, что такого рода поворот совершался постепенно, в течение достаточно длинного отрезка времени. Так, если Концепция национальной безопасности России 1997 г. видела решение проблем страны в «более широкой интеграции Российской Федерации в мировую экономику, расширении сотрудничества с международными экономическими и финансовыми институтами» [Об утверждении Концепции национальной безопасности 1997], то в 2006 г. президент России уже говорил о том, что «Россия в целом должна нести соразмерную своему положению и возможностям ответственность за глобальное и социально-экономическое развитие» [Путин 2006].

Учитывая нарастающие противоречия с Западом начиная с 2008 г. в результате грузино-российского конфликта, интеграция в Тихоокеанскую региональную систему через Дальний Восток рассматривается российским политическим руководством как способ уйти от правил игры, определяемых НАТО и ЕС, которые препятствуют продвижению России к приемлемым и желаемым политическим и экономическим позициям. «Закономерно, что азиатско-тихоокеанское направление является одним из ключевых приоритетов во внешней политике России» [Лавров 2012], – замечает в своей статье министр иностранных дел С.В. Лавров. «Сегодня мы наращиваем курс на усиление вовлеченности в разворачивающиеся на восточноазиатском пространстве процессы политико-экономической кооперации и интеграции. Это – долгосрочная

линия, реализация которой носит последовательный и системный характер» [там же].

Россия рассчитывает на то, что новый виток интеграции в Азии будет проходить на неидеологической основе и тем самым обойдет препятствие, подорвавшее первую попытку интеграции (в Запад) и состоявшее в том, что «русские ценности и ценности евроатлантического Запада несовместимы» [Mankoff 2015, p. 258]. Россия работает над развитием институтов в Азиатско-Тихоокеанском регионе; в контексте этого приоритетного направления внешней политики Россия провела саммит АТЭС в 2012 г. Вторым по значимости приоритетом России должно стать участие в развитии архитектуры безопасности в АТР. В отсутствие устоявшейся архитектуры безопасности Россия может рассчитывать на то, что она займет весомое место в новом режиме безопасности АТР и будет иметь свободный доступ на рынки в отсутствие в регионе исключительных экономических блоков. Россия также надеется, что поворот в сторону Дальнего Востока интегрирует страну в растущие энергетические рынки региона.

В 2014 г. Россия заявила о «повороте на Восток»: символом новой политики стали российско-китайские переговоры 20–21 мая 2014 г., по итогам которых было принято Совместное заявление и подписан пакет документов о сотрудничестве, в том числе контракт о строительстве газопровода «Сила Сибири»². Согласно данным «Газпрома», договор с Китайской национальной нефтегазовой корпорацией (CNPC) заключен сроком на 30 лет

2 Протяженность – около 3000 км, диаметр – 1420 мм, рабочее давление – 9,8 МПа, экспортная производительность – 38 млрд куб. м в год, трасса газопровода проходит по территориям трех субъектов РФ: Иркутской области, Республики Саха (Якутия) и Амурской области.

и предполагает поставку в КНР 38 млрд куб. м газа в год. Начало поставок – 20 декабря 2019 г. [Сила Сибири 2019]. Следует отметить, что ряд экспертов считает этот проект нерентабельным [Подобедова, Дзядко 2018; Прокопьева 2018] и что он является скорее политическим, нежели экономическим [Лобыкин 2014].

Тем не менее авторы считают, что для России поворот на Восток означает стратегическую возможность принять участие в формировании нового многостороннего порядка вне колеи европейской политической и экономической традиции и начать все заново. В определенном смысле, АТР может рассматриваться для России как второй шанс.

Позиция России в Западной системе

То, что многие сегодня называют мировым порядком, является системой институтов и режимов, политических и экономических, созданных на основе американской политической гегемонии после Второй мировой войны [Keohane 1984; Gilpin 1987]. Следует отметить, что Россия никогда по-настоящему не была частью «либерального» мирового порядка, выстроенного Соединенными Штатами и солидарно мыслящими зависимыми западными государствами. До начала 1990-х гг. этот порядок и вовсе не был всемирным – у России (СССР) и у Китая были свои проекты. После развала СССР и социалистического лагеря Россия пыталась вписаться в американоцентричный мир. Как замечает в своей книге Д. Тренин, «...главным политическим лозунгом отечественных либералов и демократов конца 1980-х – начала 1990-х гг. был лозунг интеграции: Россия должна была стать “нормальной” – или, как бы-

ло принято тогда говорить, “цивилизованной” – страной, частью международного общества (иначе говоря, Запада), полноправным (т.е. одним из ведущих) участником его важнейших институтов...» [Тренин 2006, с. 18–19]. Однако к концу 1990-х гг. стало ясно, что эта задача на данном этапе практически невыполнима.

Причины таких фундаментальных различий лежат как во внутренних истоках российской внешней политики, так и во внешней среде, которая ее сформировала и трансформировала. Можно искать причины неудач в интеграции в Запад внутри самой России, в особенностях ее политического и экономического режима, но нельзя не видеть и то, что отказ США и Европы интегрировать Россию в западный мир на приемлемых для нее условиях стал главным толчком к пересмотру ее внешнеполитической стратегии. Так, А. Рар отмечает, что «...России фактически предлагалась роль младшего партнера. Предполагалось, что она будет играть по правилам Запада и с течением времени через разного рода ассоциации шаг за шагом приближаться к Европейскому Союзу и НАТО. Все это привело к тому, что произошло полное отчуждение. К сожалению, уже не только на уровне политиков, но и на уровне элиты, а также на уровне населения» [Рокоссовская 2016].

Несовместимость западного и российского понимания интеграции России в «Большой Запад» присутствовала в российско-американских и российско-европейских (России и ЕС, прежде всего) отношениях с самого начала. В политической области Запад считал Россию проигравшей в холодной войне державой и не признавал за ней прав ни на интересы безопасности, ни на рынки, которые у России методично отбирались. В экономической сфере Запад подталкивал глубоко-

кую интеграцию России в мировую экономику на неолиберальных принципах, выдавливая из традиционных рынков Центральной Азии и Восточной Европы, превращая Россию в экономическую полуколонию, технологически и финансово зависимую от Запада [Братерский 2018, с. 99]. В идеологической области Запад упрочил видение модели либеральной демократии как единственно возможной формы общественного и государственного устройства с применением штрафных санкций относительно тех, кто ее не придерживается. Это отнюдь не означает, что либерализм западного толка как идеология стремится сохранить все в точности «как есть», но означает, что в своей нынешней доминирующей форме он отвергает любые идеи (в том числе предлагаемые Россией) фундаментальной трансформации действительности.

Россия постучалась в «либеральный» мировой порядок поздно, когда он уже был сформирован и роли в нем были полностью распределены, и имея в руках активы, которыми не позволялось владеть никому, кроме самих американцев (ядерное оружие, геополитическое влияние), либо ставящие ее в подчиненное положение по отношению к западному миру (нефть может быть российской, но торгуется она через системы западных институтов за чужую валюту).

Россия не была допущена к полноценному участию в существующих институтах и не смогла самостоятельно развить собственные институты, например финансовые, сравнимые по эффективности с американскими или британскими; она также не смогла создать систему инноваций и коммерциализации, сопоставимую с американской, и не создала правовую и нормативную систему, как это сделали британцы. Маловероятно также, что Рос-

сии удастся стать нормотворцем в международной торговле или доминировать в мире в области массовой культуры. Речь не может идти и о том, чтобы стать мастерской мира, подобно Китаю. По целому ряду причин, среди которых необходимость контролировать большую территорию, относительная слабость внутреннего рынка, наличие центростремительных сил [Pipes 1997]; Россия вынуждена обеспечивать значительное государственное участие в экономике, что обеспечивает российскую безопасность и геополитические потребности относительно хорошо, но делает страну неконкурентоспособной в рамках правил ВТО–МВФ.

Россия демонстрирует слабые места в областях, составляющих основу Атлантической (западной) системы (финансовые институты, правовые институты, система инноваций и коммерциализации, способность осуществлять внешнюю политику для национального обогащения), и не использует традиционные сравнительные преимущества России в глобальной системе (территория, ресурсы и жесткая власть), потому что западная система не признает их ценности или резервирует их исключительно для себя.

Вместе с тем Россия все более недовольна существующей в Европе и в Атлантике в целом архитектурой безопасности, которая ее исключает, и стремится таковую перестроить, исходя из своих интересов. Не вписывается в «либеральный мир» и сформировавшееся в стране общественное сознание: большинство россиян считают, что их страна вернулась к статусу великой державы и, соответственно, должна иметь независимую роль в мире, а не играть по правилам, которые были установлены без ее согласия и в основном не в ее интересах.

В системе, возглавляемой США, противодействие со стороны западных

выгодоприобретателей от системы, с одной стороны, и неспособность России построить устойчивую, динамично развивающуюся экономику, независимую от государственного сектора, с другой, необходимость отвлекать ресурсы для территориального контроля от экономического развития и обогащения делает страну неудачницей, которая не может подняться в рамках существующей системы правил. Важным препятствием для интеграции является крайняя идеологизированность Запада, а также его недоговороспособность, вызванная внутренними конфликтами и размежеваниями.

Является ли эта система единственной возможной? Действительно ли она глобальна? Или можно создать другой международный порядок, построенный на основе других правил и который был бы более удобным для России?

Новый международный порядок через Азиатско-Тихоокеанский регион

Сомнения в отношении эффективности и устойчивости американоцентричного либерального мирового порядка проявились более 20 лет назад, когда политики еще его превозносили, а ученые писали об окончании истории [Fukuyama 1992]. Р. Кохейн рассматривал как неустойчивую перспективу мирового порядка, который основывается на господстве одной-единственной страны [Keohane 1984]. Д. Миршаймер указал на недостатки международных институтов [Mearsheimer 1995], которые не могут компенсировать механизм баланса сил в международных отношениях. Дж. Най отмечал, что либеральный порядок «был в значительной степени ограничен группой единомышленников, сосредоточенных на Атлантическом побережье, <...> и <...> не включал

многие крупные страны, такие как Китай, Индия и страны Советского блока» [Nye 2017]. Этот порядок был универсализирован и глобализирован на протяжении веков в результате преобладания его основополагающих наций в военной сфере и в сфере технологий над незападными странами через механизм колонизации [Караганов 2017].

Кстати, «либеральный» порядок служит хорошим примером того, как региональная система была трансформирована в глобальную из-за неравномерного распределения власти между странами. В своей недавней книге «Мировой порядок» Киссинджер писал: «Универсального мирового порядка никогда не существовало. То, что происходит в наше время, было разработано в Западной Европе почти четыре столетия назад на мирной конференции в германском регионе Вестфалия, проводимой без участия или даже информирования большинства других континентов или цивилизаций <...> За пределами Западного мира регионы, которые не участвовали в выработке этих правил, <...> ясно дали понять, что они будут работать над их изменением» [Kissinger 2015].

В наши дни распределение власти в международной системе снова меняется, маятник начал двигаться в направлении незападных стран. АТР является регионом больших экономических возможностей: Восточная Азия продолжает быть локомотивом мировой экономики, генерируя около 60% мирового ВВП (три четверти которого приходятся на Индию и Китай) [Regional Economic Outlook 2018]. Из-за перетока силы и богатства из Европы в Азию и из Атлантики на Тихий океан мировой потенциал системы традиционного Запада уменьшается, а глобальная роль Азиатско-Тихоокеанского региона возрастает [Davison 2018]. Благодаря этому сдвигу сил Азиатско-Тихоокеанский

регион наращивает потенциал для глобального нормотворчества, и со временем можно ожидать, что правила, разработанные в Азиатско-Тихоокеанском регионе, будут универсализированы, заменят старые или будут сочетаться с правилами предыдущего Атлантического порядка.

Это долгий процесс, и Азиатско-Тихоокеанский регион придет к своей новой глобальной роли различными путями. Например, П. Кеннеди предсказал, что баланс военной мощи изменится в ближайшие 20–30 лет, создав по-настоящему многополярный мир в 2009 г. [Kennedy 1987]. С. Хантингтон настаивал на том, что мир «сейчас проходит через одно или два одно-мультipoлярных десятилетия, прежде чем он вступит в поистине многополярный 21-й век» [Huntington 1999]. Хотя некоторые политики придерживаются противоположного мнения (Стратегия безопасности, 2017), эксперты все чаще полагают, что мир является свидетелем начала новой эры в международных отношениях [Wæver 2017, pp. 452–476]. В 2008 г. в докладе «Глобальные тренды» Совета национальной разведки США говорилось, что «к 2025 году международная система будет носить глобальный многополярный характер» [Global Trends – 2025, 2008].

Однако архитектура развивающейся международной системы неясна, и сегодня видны несколько перспектив будущего международного порядка: Ачарья настаивает на «мультиплексии» [Acharya 2017], М. Мазарр на «смешанном порядке» [Mazarr 2017], Р. Хаас на «неполярности» [Haass 2008].

Центральной особенностью Азиатско-Тихоокеанского региона, по сравнению с Атлантикой, является отсутствие или слабость общерегиональных институтов. А. Богатуров отмечал, что в АТР преобладает «пространственный» экономический порядок (spatial

economics), который противопоставляется традиционному лидерскому политическому [Богатуров 1997]. Это положение можно интерпретировать так, что в АТР невозможна гегемония одной из держав и, следовательно, формирующийся там порядок будет более открытым, менее жестким, допускающим участие в нем разных стран с разными формами политической и экономической организации.

Там не существует таких крупных организаций безопасности, как НАТО, нет и единого всеобъемлющего экономического института [Hemmer, Katzenstein 2002, pp. 575–607]. В отличие от Атлантического региона, в Азиатско-Тихоокеанском регионе доминирует национализм, отсутствует объединяющая религия и культура, а политические разногласия усугубляются экономической конкуренцией между его членами. Экономики стран региона во многом схожи и не всегда дополняют друг друга. Многие народы по-прежнему заняты своим государственным строительством, что делает невозможным делегирование суверенной власти наднациональным органам. Однако, по мнению Л.Н. Гарусовой, «есть все основания ожидать, что в перспективе тенденция к повышению значимости многосторонних отношений в регионе (в том числе и с участием РФ) заметно усилится <...> Особенности интеграционных процессов в АТР объективно создают для России весьма благоприятные экономические и политические возможности для регионального сотрудничества» [Гарусова 2010].

Новый региональный, а затем, возможно, и глобальный порядок, рожденный в Азиатско-Тихоокеанском регионе, отличается от Атлантического и будет вносить значительный элемент конкуренции в отсутствие гегемонии одной из держав. Он будет по край-

ней мере частично основан на принципах суверенитета и баланса сил и может представлять собой одну из версий многополярности. По своей архитектуре он будет напоминать венскую «Систему Европейского концерта», когда ни одна из держав полностью не преобладает и при необходимости сдерживается коалицией всех остальных. Такой порядок вряд ли приведет к созданию общей идеологии или универсальных институтов, но, вероятно, возникнет из-за конкуренции нескольких держав в регионе и будет препятствовать доминированию любой из них. Этот порядок будет более слабым и более гибким в сравнении с Атлантическим. Он позволит существовать разнообразию идеологий, моделей политической организации и методам организации экономики.

В этом порядке будет использоваться другой набор валют для международного обмена и резервов, возможно применение различных финансовых технологий, таких как «blockchain». Этот порядок будет строиться вокруг новых или измененных международных финансовых и торговых институтов. Он будет менее стабильным и безопасным, поскольку будет состоять из самых разных участников, которые будут бросать вызов другим народам. Вместе с тем он будет более открытым, гибким и равновесным по сравнению с существующим.

Мир наблюдает тектонические изменения в регионе, а развитие новой азиатско-тихоокеанской архитектуры – долгий процесс, который может быть завершен как мирным путем, так и возникновением силового конфликта. В прошлом в таких конфликтах и создавались новые международные порядки, но хочется надеяться, что в этот раз история найдет альтернативный путь, поскольку ядерное оружие по-прежнему препятству-

ет крупным странам вступить в прямой конфликт.

Приоритеты политики России в Азиатско-Тихоокеанском регионе

Современная российская политика, как региональная, так и глобальная, придает большое значение интеграции государства в Азиатско-Тихоокеанском регионе по двум причинам. Общепринятым является понимание того, что политика России на Востоке была «...продиктована беспокойством по поводу уязвимости его малонаселенного восточного фланга и желанием оказывать влияние. Россия одновременно стремится защитить свой ландшафт, активизировать свое присутствие в Тихом океане, преодолеть зияющий разрыв между собственной политикой в отношении Азии и Европы и выяснить, как работать с Китаем и другими региональными игроками» [Hill, Lo 2013].

Можно утверждать, что истоки российской политики в Азиатско-Тихоокеанском регионе глубже, чем указано выше. Во-первых, для России совершенно неудовлетворительной выглядит стратегическая ситуация в области безопасности. Отношения с Западом являются наихудшими за многие столетия. Участие России в мировой экономике, возглавляемой Западом, отводит страну на позицию придатка для производства сырья и энергии для Европы. Россия потеряла свой традиционный буфер безопасности на западном направлении. Посредством НАТО европейцы и американцы создали политическую и военную коалицию, включающую Россию и не оставляющую места для российского видения системы европейской безопасности, подобной Венской. Во-вторых, Россия ожи-

дает больших изменений в существующем международном порядке. Это приведет к формированию новой системы, где Россия сможет занять свое место за столом «великих держав». Этот порядок будет создаваться в Азиатско-Тихоокеанском регионе, и по этой причине интеграция в него имеет решающее значение.

Долгосрочные цели России включают в себя становление в качестве существенной и незаменимой части системы Азиатско-Тихоокеанского региона, одного из создателей правил на данном пространстве, а также содействие эволюции этой региональной системы в глобальную. В отличие от евроатлантической системы, выстроенной вокруг США и их союзников и построенной на качествах, в которых Россия традиционно слаба, Азиатско-Тихоокеанский порядок организован вокруг принципов, близких Российской Федерации. Российское руководство полагает, что правительства в Тихоокеанском регионе будут уделять особое внимание способности контролировать территорию, централизации власти и способности государства концентрировать ресурсы на стратегических целях.

Стратегически цели России в АТР могут быть определены следующим образом.

1. Предотвращение создания гегемонистского военно-политического альянса под эгидой либо США, либо Китая. Россия заинтересована в установлении баланса сил в регионе, а не в господстве одной силы.
2. Стремление являться частью любой конфигурации архитектуры безопасности, построенной в АТР. Это означает, что страна занимает активную позицию в создании архитектуры безопасности, возглавляя ее в качестве одной из стран-основательниц.

3. Избегание чрезмерно ориентированной на любую отдельную страну внешней политики и создание прочных партнерских отношений с КНР, Южной Кореей, Японией, государствами АСЕАН и, по возможности, США.
4. Получение прямого доступа к азиатским рынкам (энергетика и сырье для экспорта, технологии и финансы для импорта), без транзитных стран или РТС.
5. Использование азиатских соседей при развитии Дальнего Востока и Сибири, но уход от монополизации этого процесса региональными державами
6. Сохранение рынков и морских путей в регионе открытыми и принятие мер по обеспечению того, чтобы Россия оставалась влиятельным участником на евразийско-тихоокеанском рынке.

Этих целей было бы проще достигнуть благодаря активному участию в азиатско-тихоокеанских институтах и, поскольку они пока отсутствуют, посредством лидерства в их создании. Россия может использовать свой опыт развития Евразийского экономического союза, Организации Договора о коллективной безопасности, опыт балансирования ЕЭС с Китайской инициативой ОПОП, опираясь на существующие институты в регионе. Еще одним преимуществом России можно считать ее «жесткую силу». Выступающая противовесом амбициям основных военных держав в регионе, Россия может служить важным поставщиком безопасности. Экономика не является одной из сильных сторон России по сравнению с ее соседями, но страна должна работать над тем, чтобы стать неотъемлемой частью азиатско-тихоокеанской рыночной структуры.

Политически, интеллектуально и организационно Россия, похоже, готова к этой миссии. После того как президент В.В. Путин объявил о «Повороте на Восток» на Петербургском международном экономическом форуме, Россия создала инновационное, частично децентрализованное Министерство развития Дальнего Востока. Россия приняла много важных инициатив по укреплению экономического развития своего Дальнего Востока, включая сеть передовых специальных экономических зон и режим «свободного порта» для Владивостока. Россия укрепила свое военное присутствие в соседствующем регионе, активизировала политический диалог не только с Китаем, но и с другими соседями, включая Японию и Республику Корея.

Поворот на Восток в России не проходит легко, западная традиция остается все еще весомой в сознании российского политического класса. Вместе с тем стратегический интерес России к АТР растет, и Россия развернулась от Запада к «восточному направлению».

Продолжается дискуссия о том, насколько успешным был поворот России в сторону Азиатско-Тихоокеанского региона. Некоторые авторы [Коростиков 2016; Габуев 2015; Габуев 2019; Москвин, Зайнашев 2018; Иноземцев 2018] считают, что новая политика России уже провалилась из-за нехватки ресурсов, слабости экономики и неэффективной бюрократии и «России правильнее было бы укреплять партнерство со странами европейской культурной традиции, чем с Китаем» [Иноземцев 2018], в то время как другие [Караганов, Макаров 2017; Сумский 2016; Бордачев 2016] указывают на начало экономического роста на Дальнем Востоке России и растущие ПИИ из Азии. По мнению этой группы авторов, поворот России на Восток пол-

ностью соответствует магистральным тенденциям развития международных отношений последних полутора десятилетий, связанным с динамичным экономическим ростом 17 азиатских стран, и, как следствие, наращиванием ими военных, дипломатических ресурсов и даже «мягкой» силы.

Авторы по-разному оценивают степень успеха, но часто не могут определиться с тем, что считать успешным. Рост торговли и инвестиций на Дальнем Востоке желателен и важен для России, при этом они не должны заслонять ее стратегическую цель, коррекцию правил мировой системы в соответствии с ее национальными интересами.

Заключение

В формирующемся азиатско-тихоокеанском порядке отношения между странами-участницами основаны на национальных интересах и балансе сил, что было характерно для международной системы на протяжении всей истории лишь с незначительными исключениями. Поскольку этот порядок не консолидируется гегемонией какой-либо единой державы или «единственно верной идеологией», проглядывает перспектива вернуться к современной версии Венской системы международных отношений с участием США, Китая, Индии, Японии, России и некоторых других влиятельных стран региона. В рамках этого порядка существенным элементом станет конкуренция государств, однако в будущем формирующийся порядок может эволюционировать в более кооперативный. В этой ситуации Россия может стать незаменимым и ценным членом новой системы МО, выступающим в качестве поставщика безопасности, а ее вклад будет вознагражден экономическими выгодами.

Тихоокеанские институты выстраиваются на системно различной от основ атлантического порядка базе. В строящемся мировом порядке Россия может стать вполне конкурентоспособной, а ее слабые стороны, какими они выступают в рамках существующей американоцентричной «либеральной» системы, будут преобразованы в активы (сильная скоординированная внешняя политика, репутация надежного партнера и союзника, высокая степень участия государства в экономике, позволяющая государству эффективно вмешиваться в экономические отношения). Участие в балансировке различных интересов в регионе поможет улучшить торговлю, инвестиции и инфраструктуру на Дальнем Востоке, хотя страна вряд ли быстро станет ведущим экономическим игроком в региональной системе. Политика Российской Федерации должна быть сосредоточена на создании институтов и обеспечении безопасности, в то время как экономические выгоды также придут, но будут на начальном этапе вытекать в основном из политической роли России в системе.

Конкурентный и меркантилистский Азиатско-Тихоокеанский регион существенно пересмотрит доминирующую сегодня в рамках Атлантического порядка систему ценностей и повысит важность факторов, которые сегодня в ней не считаются значимыми.

Список литературы

Богатуров А.Д. (1997) Великие державы на тихом океане. История и теория международных отношений в восточной Азии после Второй мировой войны (1945–1995). М.: Конверт – МОНФ.

Бордачев Т. (2016) «Меняется наша философия отношений с важнейшими региональными партне-

рами на Востоке» // Россия в глобальной политике. 25 января 2016 // <https://globalaffairs.ru/global-processes/Menyaetsya-nasha-filosofiya-otnoshenii-s-vazhneishimi-regionalnymi-partnerami-na-Vostoke-17949>, дата обращения 31.01.2019.

Братерский М.В. Национальная безопасность России: эволюция подходов (2018) // Лукин А.В. (ред.) Новые международные отношения: основные тенденции и вызовы для России. М.: Международные отношения. С. 92–114.

Габуев А. (2015) Поворот в никуда. «Карнеги» на «Медузе». Александр Габуев – об итогах азиатской политики России в 2015 году // Meduza. 29 декабря 2015 // <https://meduza.io/feature/2015/12/29/povorot-v-nikuda>, дата обращения 31.01.2019.

Габуев А. (2019) Невпроворот на Восток // Московский центр Карнеги. 14 февраля 2019 // <https://carnegie.ru/2019/02/14/ru-pub-78361>, дата обращения 28.02.2019.

Гарусова Л.Н. (2010) Азиатско-тихоокеанский регион: фактор России // Волынчук А.Б., Фролова Я.А. (ред.) Геополитический потенциал трансграничного сотрудничества стран Азиатско-Тихоокеанского региона: колл. монография. Владивосток: Дальнаука; Изд-во ВГУЭС. С. 179–195.

Гурин Д.Р. (2015) Политика России в Азиатско-Тихоокеанском регионе // Огарев-Online. № 17 // <http://journal.mrsu.ru/arts/politika-rossii-v-aziatsko-tixookeanskome-regione>, дата обращения 31.01.2019.

Иноземцев В. (2018) Очевидное и естественное: отказ от стратегий? // Российский совет по международным делам. 12 ноября 2018 // http://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/columns/riacdigest/ochevidnoe-i-estestvennoe-otkaz-ot-strategy/?sphrase_id=22135086, дата обращения 31.01.2019.

Караганов С.А. (2017) Будущий миропорядок // Российская газета. 7 сентября 2017 // <https://rg.ru/2017/09/07/karaganov-zapadu-stanovitsia-vse-trudnee-naviazivat-svoi-cennosti.html>, дата обращения 31.01.2019.

Караганов С. (2018) К великому океану // Россия в глобальной политике. 25 сентября 2018 // <https://globalaffairs.ru/pubcol/K-Velikomu-oceanu-19768>, дата обращения 31.01.2019.

Караганов С., Макаров И. (2017) Российский поворот на Восток // Россия в глобальной политике. 27 декабря 2017 // <https://globalaffairs.ru/global-processes/Rossiiskii-povorot-na-Vostok-19272>, дата обращения 31.01.2019.

Карпова Е., Мироненко П. (2009) Долгая дорога // Коммерсантъ. 27 мая 2009 // <https://www.kommersant.ru/doc/1169088>, дата обращения 31.01.2019.

Колотон Т. (2016) Эксперт: отношения России со странами АТР выйдут на новый уровень // RT. 14 декабря 2016 // <https://russian.rt.com/world/news/341364-rossiya-strany-atr>, дата обращения 31.01.2019.

Концепция Внешней политики Российской Федерации (2000) // Независимая газета. 11 июля 2000 // http://www.ng.ru/world/2000-07-11/1_concept.html, дата обращения 31.01.2019.

Коростиков М. (2016) Уроки китайского. Почему российский «поворот на Восток» пока не оправдывается // Коммерсантъ. 6 февраля 2016 // <https://www.kommersant.ru/doc/2910600>, дата обращения 31.01.2019.

Лабыкин А. (2014) Зачем нам нужна «Сила Сибири»? // Эксперт-Online. 8 сентября 2014 // <http://expert.ru/expert/2014/37/zachem-nam-nuzhnasila-sibiri/>, дата обращения 31.01.2019.

Лавров С.В. (2012) Политика России в Азиатско-Тихоокеанском регионе: к миру, безопасности и устойчивому развитию // Министерство иностранных

дел РФ. 5 апреля 2012 // http://www.mid.ru/atr/-/asset_publisher/0vP3hQoCPRg5/content/id/162134, дата обращения 31.01.2019.

Лукин А.В., Иванов А.В. (2010) Россия и АТР: перспективы сотрудничества // Вестник МГИМО. № 4. С. 15–23 // <https://cyberleninka.ru/article/n/rossiya-i-atr-perspektivy-sotrudnichestva>, дата обращения 31.01.2019.

Мареева Ю.А. (2012) Стратегический треугольник «Россия-Индия-Китай» в международных отношениях (теория и историческая практика) // Вестник МГИМО. № 5. С. 240–249 // <https://cyberleninka.ru/article/n/strategicheskii-treugolnik-rossiya-indiya-kitay-v-mezhdunarodnyh-otnosheniyah-teoriya-i-istoricheskaya-praktika>, дата обращения 31.01.2019.

Москвин О., Зайнашев Ю. (2018) Нужен ли России поворот на Восток // Взгляд. 16 ноября 2018 // <https://vz.ru/politics/2018/11/16/950856.html>, дата обращения 31.01.2019.

Некрылов С.А., Луков Е.В. (2012) Социально-экономическое развитие в послевоенный период: учебное пособие. Томск: Изд-во Томского университета.

Об утверждении Концепции национальной безопасности Российской Федерации (1997) // Президент России // <http://www.kremlin.ru/acts/bank/11782>, дата обращения 31.01.2019.

Панина Т. (2009) Нищета изобилия. Высокие цены на нефть могут остановить движение России к новой экономике // Российская газета. 29 октября 2009 // <https://rg.ru/2009/10/29/primakov.html>, дата обращения 31.01.2019.

Подобедова Л., Дзядко Т. (2018) Прибыльный всем подряд. Sberbank CIB проанализировал доходность трубопроводных проектов «Газпрома» // РБК. 21 мая 2018 // <https://www.rbc.ru/newspaper/2018/05/21/5afc50979a79471ce133d69a/>, дата обращения 31.01.2019.

Прокопьева С. (2018) Китайцы сразу говорили: нам этот газ не нужен // Крым. Реалии. 26 февраля 2018 // <https://ru.krymr.com/a/29063381.html/>, дата обращения 31.01.2019.

Путин В.В. (2006) Выступление на совещании с послами и постоянными представителями Российской Федерации // Президент России. 27 июня 2006 // <http://kremlin.ru/events/president/transcripts/23669>, дата обращения 31.01.2019.

Путин В.В. (2007) Выступление и дискуссия на Мюнхенской конференции по вопросам политики безопасности // Президент России. 10 февраля 2007 // <http://kremlin.ru/events/president/transcripts/24034>, дата обращения 31.01.2019.

Рокоссовская А. (2016) Эпоха несостоявшейся любви. Александр Рар: у Ангелы Меркель нет пути назад // Российская газета. 19 сентября 2016 // <https://rg.ru/2016/09/19/aleksandr-rar-rossiia-ne-stanet-chastiu-zapada-i-dazhe-chastiu-evropy.html>, дата обращения 31.01.2019.

«Сила Сибири». Крупнейшая система транспортировки газа на Востоке России (2019) // Газпром // <http://www.gazprom.ru/projects/power-of-siberia/>, дата обращения 28.02.2019.

Сумский В.В. (2016) Поворот России на Восток – измерение АСЕАН: результаты, проблемы и перспективы // ПИР-Центр. 6 июля 2016 // <http://www.pircenter.org/media/content/files/13/14713505151.pdf>, дата обращения 31.01.2019.

Тренин Д. (2006) Интеграция и идентичность: Россия как «новый Запад». М.: Европа.

Хроника внешнеполитических событий в СССР-1986 (2010) // Международный фонд социально-экономических и политологических исследований (Горбачев-Фонд) // http://www.gorby.ru/archival/expocenter/vneshpolitika/show_29323, дата обращения 31.01.2019.

Шведов В.Г., Махинов А.Н. (2011) Российское землепроходческое движение в Приамурье (XVII век): историко-географическая ретроспектива: монография. Биробиджан: Изд-во ГОУВПО «ДВГСА».

Acharya A. (2017) After Liberal Hegemony: The Advent of a Multiplex World Order // Ethics and International Affairs. Carnegie Council, September 2017 // <https://www.ethicsandinternationalaffairs.org/2017/multiplex-world-order/>, дата обращения 31.01.2019.

Davison R. (2018) Introduction: The Asia's Pacific Century? // The New Global Politics of the Asia-Pacific – Conflict and Cooperation in the Asian Century (eds. Connors M.K., Davison R., Dosch J.), Abingdon, New York: Routledge, pp. 1–21.

Fukuyama F. (1992) The End of History and the Last Man, New York: Free Press.

Gilpin R. (1987) The Political Economy of International Relations, Princeton: Princeton University Press.

Global Trends-2025: A Transformed World (2008) // National Intelligence Council. Washington D.C.: US Government Printing Office. November 2008. NIC 2008–003 // https://www.files.ethz.ch/isn/94769/2008_11_global_trends_2025.pdf, дата обращения 31.01.2019.

Haass R. (2008) The Age of Nonpolarity // Foreign Affairs, vol. 87, no 3, pp. 44–56 // <https://www.foreignaffairs.com/articles/united-states/2008-05-03/age-nonpolarity>, дата обращения 31.01.2019.

Hemmer C., Katzenstein P. (2002) Why is There no NATO in Asia? Collective Identity, Regionalism, and the Origins of Multilateralism // International Organization, vol. 56, no 3, pp. 575–607.

Hill F., Lo B. (2013) Putin's Pivot: Why Russia Is Looking East // Foreign Affairs, July 31, 2013 // <https://www.foreignaffairs.com/articles/russian-federation/2013-07-31/putins-pivot>, дата обращения 31.01.2019.

Huntington S. (1999) The Lonely Superpower // *Foreign Affairs*, vol. 78, no 2, pp. 35–49 // <https://www.foreignaffairs.com/articles/united-states/1999-03-01/lonely-superpower>, дата обращения 31.01.2019.

Ilyin M. (1975) The History of Fort Ross // Fort Ross Conservancy Library // <https://www.fortross.org/lib/39/the-history-of-fort-ross.pdf>, дата обращения 31.01.2019.

Kennedy P. (1987) *The Rise and Fall of the Great Powers: Economic Change and Military Conflict from 1500 to 2000*, New York: Random House.

Keohane R. (1984) *After Hegemony: Cooperation and Discord in the World Political Economy*, Princeton: Princeton University Press.

Kissinger H. (2015) *World Order*, New York: Penguin Books.

Krickovic A. (2015) All Politics is Regional: Emerging Powers and the Regionalization of Global Governance // *Journal of Global Governance*, vol. 21, no 4, pp. 557–577. DOI: 10.1163/19426720-02104005

Mankoff J. (2015) Relations with the European Union // *Putin's Russia: Past Imperfect, Future Uncertain* (ed. Wegren S.K.), Lanham: Rowman & Littlefield Publishers.

Mazarr M.J. (2017) The Once and Future Order: What Comes After Hegemony? // *Foreign Affairs*, vol. 96, no 1, pp. 25–32 // <https://www.foreignaffairs.com/articles/2016-12-12/once-and-future-order>, дата обращения 31.01.2019.

Mearsheimer J. (1995) The False Promise of International Institutions // *International Security*, vol. 10, no 3, pp. 5–49.

Nye J. (2017) Will the Liberal Order Survive? The History of an Idea // *Foreign Affairs*, vol. 96, no 1, pp. 10–16 // <https://www.foreignaffairs.com/articles/2016-12-12/will-liberal-order-survive>, дата обращения 31.01.2019.

Pipes R. (1997) *Russia under the Old Regime*, London: Penguin Books.

Regional Economic Outlook: Sub-Saharan Africa Capital Flows and The Future of Work (2018) // International Monetary Fund // <https://www.imf.org/en/Publications/REO/SSA/Issues/2018/09/20/sreo1018>, дата обращения 31.01.2019.

Wæver O. (2017) International Leadership after the Demise of the Last Superpower: System Structure and Stewardship // *Chinese Political Science Review*, vol. 2, no 4, pp. 452–476. DOI: 10.1007/s41111-017-0086-7

Point of View

DOI: 10.23932/2542-0240-2019-12-1-220-240

Russia between Two Systems: Transit from The Atlantic World into the Eurasian-Pacific One

Maksim V. BRATERSKY

DSc in Politics, Leading Researcher, Head of Sector, Department of Europe and America

Institute of Scientific Information on Social Sciences of the Russian Academy of Sciences, INION RAN of the Russian Academy of Sciences, 117997, Nakhimovskij Av., 51/21, Moscow, Russian Federation;

Professor of the Faculty of World Economy and International Affairs, Leading Researcher, Center for Comprehensive European and International Studies

National Research University Higher School of Economics, 119017, Malaya Ordynka St., 17, Moscow, Russian Federation

E-mail: bratersky@gmail.com

ORCID: 0000-0003-2966-0056

Georgy I. KUTYREV

PhD in Politics, Researcher, Department of International Relations

National Research University Higher School of Economics, 119017, Malaya Ordynka St., 17, Moscow, Russian Federation

E-mail: kutyrevgeorge@gmail.com

ORCID: 0000-0001-5580-8822

CITATION: Bratersky M.V., Kutyrev G.I. (2019) Russia between Two Systems: Transit from The Atlantic World into the Eurasian-Pacific One. *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*, vol. 12, no 1, pp. 220–240 (in Russian). DOI: 10.23932/2542-0240-2019-12-1-220-240

Received: 30.10.2018.

This article was prepared with the support of RFBR grant 19-014-00038 «Security Architecture in Greater Eurasia: state, prospects and opportunities for Russia».

ABSTRACT. *The article analyzes Russia's policy from the point of view of goals formulated by the government in response to challenges in international politics, economics and security, as well as challenges associated with the threat of losing the status of a great power, maintaining territorial integrity and independence. Russia's dissatisfaction with the existing order of things – when*

its interests were not taken into account, and the West did not set any limits for itself, advancing its geopolitical interests – had been growing for a long time, however, most clearly manifested itself in the landmark 2014 when Western sanctions after the Crimean events pushed the Russian authorities and business to more active in the Asia-Pacific.

The authors formulate a number of signs of the new regional order of the Asia-Pacific countries, which may develop into a new international (global) order. This type of system, according to the authors, will be more competitive and less hierarchical, within its framework there will not be a single dominant force or ideology, it will be based on a multitude of centers of power. Such a world order is more attractive for Russia than the unipolar Atlantic order. It will give the country the opportunity to use its own comparative advantages, such as territory, resources, hard power, a fairly rigid political organization and the ability to mobilize resources for strategic purposes. Nevertheless, it is important to understand that the modern non-Western world is still very amorphous, its future contours are blurred, and Asian business is still weakly responding to the Russian “turn to the East”.

KEY WORDS: *Russia, the Russian Far East, the United States, the Asia-Pacific region, regional security, national interest, challenges and threats, “turn to the East”*

References

- Acharya A. (2017) After Liberal Hegemony: The Advent of a Multiplex World Order. *Ethics and International Affairs*. Carnegie Council, September 2017. Available at: <https://www.ethicsandinternationalaffairs.org/2017/multiplex-world-order/>, accessed 31.01.2019.
- Bogaturov A.D. (1997) *The Great Powers in the Pacific Ocean History and Theory of International Relations in East Asia after the Second World War (1945–1995)*, Moscow: Envelope – MONF (in Russian).
- Bordachev T. (2016) Our Philosophy of Relations with the Most Important Regional Partners in the East Is Changing. *Russia in Global Politics*, January 25, 2016. Available at: <https://globalaffairs.ru/global-processes/Menyaetsya-nasha-filosofiya-otnoshenii-s-vazhneishimi-regionalnymi-partnerami-na-Vostoke-17949>, accessed 31.01.2019 (in Russian).
- Bratersky M.V. (2018) National Security of Russia: Evolution of Approaches. *New International Relations: Main Trends and Challenges for Russia* (ed. Lukin A.V.), Moscow: International Relations, pp. 92–114 (in Russian).
- Chronicle of Foreign Policy Events in the USSR-1986 (2010). *International Fund for Socio-Economic and Political Science (Gorbachov Fund)*. Available at: http://www.gorby.ru/archival/expocenter/vneshpolitika/show_29323, accessed 31.01.2019 (in Russian).
- Davison R. (2018) Introduction: The Asia's Pacific Century? *The New Global Politics of the Asia-Pacific – Conflict and Cooperation in the Asian Century* (eds. Connors M.K., Davison R., Dosch J.), Abingdon, New York: Routledge, pp. 1–21.
- Fukuyama F. (1992) *The End of History and the Last Man*, New York: Free Press.
- Gabuev A. (2015) The Carnegie Turn to Nowhere on the Medusa. Alexander Gabuev – on the Results of the Asian Policy of Russia in 2015. *Meduza*, December 29, 2015. Available at: <https://meduza.io/feature/2015/12/29/povorot-v-nikuda>, accessed 31.01.2019 (in Russian).
- Gabuev A. (2019) Overthrow to the East. *Carnegie Moscow Center*, February 14, 2019. Available at: <https://carnegie.ru/2019/02/14/ru-pub-78361>, accessed 28.02.2019 (in Russian).
- Garusova L.N. (2010) Asia-Pacific Region: Russia's Factor. *Geopolitical Potential of Transboundary Cooperation of Asia-Pacific Countries: monograph* (eds. Volynchuk A.B., Frolov Ya.A.), Vladivostok: Dal'nauka, Publishing house VSUES, pp. 179–195 (in Russian).
- Gilpin R. (1987) *The Political Economy of International Relations*, Princeton: Princeton University Press.
- Global Trends-2025: A Transformed World (2008). *National Intelligence Council*.

Washington D.C.: US Government Printing Office. November 2008. NIC 2008–003. Available at: https://www.files.ethz.ch/isn/94769/2008_11_global_trends_2025.pdf, accessed 31.01.2019.

Gurin D.R. (2015) Russia's Policy in the Asia-Pacific Region. *Ogarev-Online*, no 17. Available at: <http://journal.mrsu.ru/arts/politika-rossii-v-aziatsko-tixookeanskome-regiione>, accessed 31.01.2019 (in Russian).

Haass R. (2008) The Age of Nonpolarity. *Foreign Affairs*, vol. 87, no 3, pp. 44–56. Available at: <https://www.foreignaffairs.com/articles/united-states/2008-05-03/age-nonpolarity>, accessed 31.01.2019.

Hemmer C., Katzenstein P. (2002) Why is There no NATO in Asia? Collective Identity, Regionalism, and the Origins of Multilateralism. *International Organization*, vol. 56, no 3, pp. 575–607.

Hill F., Lo B. (2013) Putin's Pivot: Why Russia Is Looking East. *Foreign Affairs*, July 31, 2013. Available at: <https://www.foreignaffairs.com/articles/russian-federation/2013-07-31/putins-pivot>, accessed 31.01.2019.

Huntington S. (1999) The Lonely Superpower. *Foreign Affairs*, vol. 78, no 2, pp. 35–49. Available at: <https://www.foreignaffairs.com/articles/united-states/1999-03-01/lonely-superpower>, accessed 31.01.2019.

Ilyin M. (1975) The History of Fort Ross. *Fort Ross Conservancy Library*. Available at: <https://www.fortross.org/lib/39/the-history-of-fort-ross.pdf>, accessed 31.01.2019.

Inozemtsev V. (2018) The Obvious and Natural: Rejection of Strategies? *The Russian International Affairs Council*, November 12, 2018. Available at: http://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/columns/riacdigest/ochevidnoe-i-estestvennoe-otkaz-ot-strategy/?sphrase_id=22135086, accessed 31.01.2019 (in Russian).

Karaganov S.A. (2017) The Future World Order. *Rossiyskaya gazeta*, September 7, 2017. Available at:

<https://rg.ru/2017/09/07/karaganov-zapadu-stanovitsia-vse-trudnee-naviazivat-svoi-cennosti.html>, accessed 31.01.2019 (in Russian).

Karaganov S. (2018) To the Great Ocean. *Russia in Global Politics*, September 25, 2018. Available at: <https://globalaffairs.ru/pubcol/K-Velikomu-okeanu-19768>, accessed 28.02.2019 (in Russian).

Karaganov S., Makarov I. (2017) Russian Turn to the East. *Russia in Global Politics*, December 27, 2017. Available at: <https://globalaffairs.ru/global-processes/Rossiiskii-povorot-na-Vostok-19272>, accessed 31.01.2019 (in Russian).

Karpova E., Mironenko P. (2009) Long Road. *Kommersant*, May 27, 2009. Available at: <https://www.kommersant.ru/doc/1169088>, accessed 31.01.2019 (in Russian).

Kennedy P. (1987) *The Rise and Fall of the Great Powers: Economic Change and Military Conflict from 1500 to 2000*, New York: Random House.

Keohane R. (1984) *After Hegemony: Cooperation and Discord in the World Political Economy*, Princeton: Princeton University Press.

Kissinger H. (2015) *World Order*, New York: Penguin Books.

Koloton T. (2016) Expert: Russia's Relations with the Countries of the Asia-Pacific Region Are Reaching a New Level. *RT*, December 14, 2016. Available at: <https://russian.rt.com/world/news/341364-rossiya-strany-atr>, accessed 31.01.2019 (in Russian).

Korostikov M. (2016) Chinese Lessons Why the Russian "Turn to the East" Is not Being Justified yet. *Kommersant*, February 6, 2016. Available at: <https://www.kommersant.ru/doc/2910600>, accessed 31.01.2019 (in Russian).

Krickovic A. (2015) All Politics is Regional: Emerging Powers and the Regionalization of Global Governance. *Journal of Global Governance*, vol. 21, no 4, pp. 557–577. DOI: 10.1163/19426720-02104005

Labykin A. (2014) Why Do We Need the “Power of Siberia”? *Expert-Online*, September 8, 2014. Available at: <http://expert.ru/expert/2014/37/zachem-nam-nuzhna-sila-sibiri>, accessed 31.01.2019 (in Russian).

Lavrov S.V. (2012) Russia's Policy in the Asia-Pacific Region: on Peace, Security and Sustainable Development. *Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation*, April 5, 2012. Available at: http://www.mid.ru/atr/-/asset_publisher/0vP3hQoCPRg5/content/id/162134, accessed 31.01.2019 (in Russian).

Lukin A.V., Ivanov A.V. (2010) Russia and the Asia-Pacific Region: Prospects for Cooperation. *Vestnik MGIMO*, no 4, pp. 15–23. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/rossiya-i-atr-perspektivy-sotrudnichestva>, accessed 31.01.2019 (in Russian).

Mankoff J. (2015) Relations with the European Union. *Putin's Russia: Past Imperfect, Future Uncertain* (ed. Wegren S.K.), Lanham: Rowman & Littlefield Publishers.

Mareeva Yu.A. (2012) Strategic Triangle “Russia-India-China” in International Relations (Theory and Historical Practice). *Vestnik MGIMO*, no 5, pp. 240–249. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/strategicheskij-treugolnik-rossiya-indiya-kitay-v-mezhdunarodnyh-otnosheniyah-teoriya-i-istoricheskaya-praktika>, accessed 31.01.2019 (in Russian).

Mazarr M.J. (2017) The Once and Future Order: What Comes After Hegemony? *Foreign Affairs*, vol. 96, no 1, pp. 25–32. Available at: <https://www.foreignaffairs.com/articles/2016-12-12/once-and-future-order>, accessed 31.01.2019.

Mearsheimer J. (1995) The False Promise of International Institutions. *International Security*, vol. 10, no 3, pp. 5–49.

Moskvin O., Zajnashev Yu. (2018) Does Russia Need a Turn to the East. *Vzglyad*, November 16, 2018. Available at: <https://vz.ru/politics/2018/11/16/950856.html>, accessed 31.01.2019 (in Russian).

Nekrylov S.A., Lukov E.V. (2012) *Socio-economic Development in the Postwar Period: Studies Allowance*, Tomsk: Publishing house Tomsk university (in Russian).

Nye J. (2017) Will the Liberal Order Survive? The History of an Idea. *Foreign Affairs*, vol. 96, no 1, pp. 10–16. Available at: <https://www.foreignaffairs.com/articles/2016-12-12/will-liberal-order-survive>, accessed 31.01.2019.

On Approval of the Concept of National Security of the Russian Federation (1997). *President of Russia*. Available at: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/11782>, accessed 31.01.2019 (in Russian).

Panina T. (2009) Poverty of Abundance. High Oil Prices Can Stop the Movement of Russia to the New Economy. *Rossiyskaya gazeta*, October 29, 2009. Available at: <https://rg.ru/2009/10/29/primakov.html>, accessed 31.01.2019 (in Russian).

Pipes R. (1997) *Russia under the Old Regime*, London: Penguin Books.

Podobedova L., Dzyadko T. (2018) Profitable All in a Row. Sberbank CIB Analyzed the Profitability of Gazprom's Pipeline Projects. *RBC*, May 21, 2018. Available at: <https://www.rbc.ru/newspaper/2018/05/21/5afc50979a79471ce133d69a/>, accessed 28.02.2019 (in Russian).

Prokop'eva S. (2018) The Chinese Immediately Said: We don't Need This Gas. *Crimea. Realities*, February 26, 2018. Available at: <https://ru.krymr.com/a/29063381.html>, accessed 31.01.2019 (in Russian).

Putin V.V. (2006) Speech at a Meeting with Ambassadors and Permanent Representatives of the Russian Federation *President of Russia*, June 27, 2006. Available at: <http://kremlin.ru/events/president/transcripts/23669>, accessed 31.01.2019 (in Russian).

Putin V.V. (2007) Speech and Discussion at the Munich Security Policy Conference. *President of Russia*, February 10, 2007. Available at: <http://kremlin.ru/events/president/transcripts/24034>, accessed 31.01.2019 (in Russian).

Regional Economic Outlook: Sub-Saharan Africa Capital Flows and The Future of Work (2018). *International Monetary Fund*. Available at: <https://www.imf.org/en/Publications/REO/SSA/Issues/2018/09/20/sreo1018>, accessed 31.01.2019.

Rokossovskaya A. (2016) Epoch of Failed Love. Alexander Rahr: Angela Merkel Has no Way back. *Rossiyskaya gazeta*, September 19, 2016. Available at: <https://rg.ru/2016/09/19/aleksandr-rar-rossiia-ne-stanet-chastiu-zapada-i-dazhe-chastiu-evropy.html>, accessed 31.01.2019 (in Russian).

Shvedov V. G., Makhinov A.N. (2011) *Russian Land Movement in the Amur Region (XVII century): Historical and Geographical Retrospective: Monograph*, Birobidzhan: Publishing house of the state educational institution of higher professional education "DVGSGA" (in Russian).

Sumsky V.V. (2016) The Turn of Russia to the East – the Measurement of ASEAN: Results, Problems and Pros-

pects. *PIR-Center*, July 6, 2016. Available at: <http://www.pircenter.org/media/content/files/13/14713505151.pdf>, accessed 31.01.2019 (in Russian).

The Concept of the Foreign Policy of the Russian Federation (2000). *Nezavisimaya gazeta*, July 11, 2000. Available at: http://www.ng.ru/world/2000-07-11/1_concept.html, accessed 31.01.2019 (in Russian).

The Power of Siberia. The Largest Gas Transportation System in the East of Russia (2019). *Gazprom*. Available at: <http://www.gazprom.ru/projects/power-of-siberia/>, accessed 28.02.2019 (in Russian).

Trenin D. (2006) *Integration and Identity: Russia as a "New West"*, Moscow: Europe (in Russian).

Wæver O. (2017) International Leadership after the Demise of the Last Superpower: System Structure and Stewardship. *Chinese Political Science Review*, vol. 2, no 4, pp. 452–476. DOI: 10.1007/s41111-017-0086-7

DOI: 10.23932/2542-0240-2019-12-1-241-259

Россия, Китай и тихоокеанские страны Латинской Америки: возможности для многостороннего сотрудничества в АТР

Дмитрий Павлович НОВИКОВ

кандидат политических наук, научный сотрудник Центра комплексных европейских и международных исследований, заместитель заведующего Международной лаборатории исследований мирового порядка и нового регионализма

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,
119017, ул. Малая Ордынка, д. 17, Москва, Российская Федерация

E-mail: dp.novikov@hse.ru

ORCID: 0000-0003-3066-7044

ЦИТИРОВАНИЕ: Новиков Д.П. (2019) Россия, Китай и тихоокеанские страны Латинской Америки: возможности для многостороннего сотрудничества в АТР // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. Т. 12. № 1. С. 241–259. DOI: 10.23932/2542-0240-2019-12-1-241-259

Статья поступила в редакцию 23.11.2018.

Исследование для данной статьи выполнено при поддержке гранта научного фонда факультета мировой политики и мировой экономики НИУ ВШЭ.

АННОТАЦИЯ. *Статья посвящена проблемам развития современных отношений России, Китая и тихоокеанских стран Латинской Америки главным образом в аспекте наращивания сотрудничества в многосторонних форматах и диалогах о реформе экономического и институционального порядка в АТР. Актуальность такого сотрудничества повышается в связи с кризисом сложившегося в настоящий момент в Азиатско-Тихоокеанском регионе международного порядка, который проявляется в двух аспектах. Во-первых, существует проблема нехватки институтов, регулирующих экономические отношения, и идей для их дальнейшего развития. Такая комплексная повестка формируется Россией и Китаем применительно к Евразии (концепция «Большой Евразии»), однако*

продвижение схожей повестки в АТЭС сталкивается с многочисленными противоречиями. Во-вторых, АТР становится зоной противостояния США и Китая, что проявляется в том числе в борьбе за будущую конфигурацию регионального порядка на Тихом океане.

Тихоокеанские страны Латинской Америки не были затронуты ни российскими, ни китайскими инициативами последних лет, направленными как раз на создание нового международного порядка. Между тем они являются членами АТЭС и участниками многих региональных инициатив, а также потенциально значимыми экономическими партнерами и для России, и для Китая. Более того, схожий уровень экономического развития и похожие потребности объективно сближают взгляды и подходы ведущих евразийских держав

и тихоокеанских государств Латинской Америки к развитию многосторонних институтов регионального порядка. Однако исторически сложившаяся институциональная и политическая привязка этих стран к США в настоящий момент определяет их поддержку американских инициатив. Но это положение не является данностью, а некоторая беспорядочность американской региональной политики при администрации Трампа делает развитие диалога с этими странами по широкому спектру проблем, связанных с развитием многостороннего сотрудничества в Евразии и АТР, еще более востребованным.

Автор рассматривает предлагаемый анализ и некоторые выводы как возможность для научной и экспертной дискуссии по обозначенным вопросам.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Китай, Россия, Латинская Америка, АТР, АТЭС, международный порядок

Россия, Китай и Латинская Америка: точки соприкосновения

В последние несколько лет Азиатско-Тихоокеанский регион стал областью не только мощнейшего экономического роста, но и ускоряющейся геополитической динамики, стремительно меняющей сложившуюся в предыдущие годы систему отношений в регионе. Ключевыми факторами, определяющими эту динамику, являются 1) эволюция региональной стратегии Вашингтона, которая становится все менее направленной на вовлечение новых центров силы и все более наступательной по отношению к ним; 2) конфликт между США и Китаем – крупнейшими региональными и глобальными экономиками; 3) российско-китайское сближение, достиг-

шее в последние годы уровня беспрецедентного стратегического партнерства. Последнее является основой для целого ряда инициатив, объединенных концепцией построения сообщества безопасности и развития в рамках «Большой Евразии» [Караганов 2017].

Латинская Америка остается на периферии этих процессов и пока не входит фактически вне поля зрения ведущих евразийских держав – Китая и России. Между тем, участниками АТЭС являются три крупных государства Латинской Америки: Мексика, Чили и Перу, каждое из которых обладает собственной повесткой в АТР и также стремится расширить свое экономическое присутствие в регионе. Хотя в последнее время и Россия, и Китай в большей степени отдают приоритет евразийскому, а не тихоокеанскому треку развития многосторонних инициатив, тем не менее АТЭС и в целом азиатско-тихоокеанское направление сохраняет большую важность, особенно в условиях, когда отказавшиеся от Транстихоокеанского партнерства и ряда других инициатив США испытывают некоторый недостаток новых идей и концепций, на основе которых Вашингтон мог бы проводить системную политику в регионе. В условиях отсутствия каких-либо альтернативных повесток тихоокеанские государства Латинской Америки по-прежнему в значительной степени находятся в фарватере американской политики. В этих условиях целесообразно задуматься о том, чтобы дополнить региональные стратегии России и Китая треком на развитие отношений с латиноамериканскими членами АТЭС, с целью их более активного вовлечения в сотрудничество в существующих и вновь создаваемых многосторонних институтах и форматах.

Россия, запустившая свой «разворот на Восток» на саммите АТЭС во

Владивостоке в 2012 г., с самого начала ориентировалась прежде всего на развитие связей с государствами Азии. К настоящему моменту на этом направлении она уже добилась значительных успехов. Российское руководство постепенно формулирует комплексную стратегию своей форсированной экономической и политической интеграции в Азию, что выражается в выдвижении крупных инициатив, таких как объявленное в 2016 г. Большое евразийское партнерство, направленное на формирование широкого сообщества, которое включало бы в себя Россию, страны Центральной Азии, Китай, а также АСЕАН, Индию и другие государства евразийского континента¹. Отдельно следует отметить динамику отношений с крупнейшей азиатской державой и соседом России – Китаем, сотрудничество с которым достигло, по мнению многих ученых, высочайшего уровня с 50-х гг. XX в. [Lukin 2018].

В этих условиях Латинская Америка остается вектором, который российским «разворотом на Восток» оказался затронут, пожалуй, в наименьшей степени. Данные страны не включены в список приоритетных партнеров России в АТР и политическое и экономическое сотрудничество с ними выстраивается вне контекста общей политики России в АТР и Евразии. Между тем интенсификация контактов с ними и их вовлечение в диалог по вопросам формирования новых региональных порядков в АТР и Евразии представляются целесообразными по крайней мере с той точки зрения, что по целому ряду вопросов, прежде всего экономического развития, их интересы близки к интересам России и Китая. Однако, в том числе в силу отсутствия налаженного политического диа-

лога с этими странами, пока в вопросах о будущем регионального и глобального порядка они следуют в русле американской политики. Но это положение сегодня все больше подвергается сомнению, а сами страны Латинской Америки находятся в поиске новых моделей развития и роста [Ермольева 2018].

Для Китая дополнительным стимулом к наращиванию портфеля региональных контактов является затяжной экономический и геополитический конфликт с Соединенными Штатами, который, судя по всему, уже начался и стимулирует формирование и американских, и китайских многосторонних экономических институтов и альянсов [Лукин, Коротич 2017]. Одна из важных задач, диктуемых растущим противостоянием с Вашингтоном, – избежать политической и дипломатической изоляции даже по отдельным вопросам, обсуждаемым на многосторонних региональных площадках, в том числе в формате АТЭС, и одновременно ослабить возможности США по установлению в Тихоокеанском бассейне регионального порядка, который противоречил бы китайским интересам. Первый раунд этого противостояния уже имел место быть в виде конкуренции поддерживаемого КНР Всеобъемлющего регионального экономического партнерства и продвигаемого администрацией Обамы Транстихоокеанского партнерства, в котором тихоокеанские страны Латинской Америки по большей части поддерживали американские инициативы.

При этом интересы латиноамериканских участников АТЭС в развитии сотрудничества с Россией и Китаем, помимо увеличения взаимовыгодных двусторонних экономических связей, сопрягаются с подходами Москвы и Пеки-

1 Стенограмма выступления Путина на ПМЭФ-2016 (2016) // Российская газета. 17 июня 2016 // <https://rg.ru/2016/06/17/reg-szfo/stenogramma-vystupleniia-vladimira-putina-na-pmef-2016.html>, дата обращения 31.01.2019.

на в области формирования в АТР международного порядка, благоприятствующего потребностям развивающихся стран. Как и Россия и большинство азиатских экономик, Перу, Чили и Мексика пострадали от кризиса 1997–1998 г.², что стало фактором определенного разочарования в неолиберальной повестке глобального и регионального развития [Prebisch 2016]. Эти страны поддержали выдвинутые АСЕАН и Китаем инициативы по смещению акцента экономического сотрудничества в рамках АТЭС с простой либерализации торговли на качественное наращивание взаимосвязей и инфраструктурное строительство, что соответствовало потребностям развивающихся экономик. Эти идеи, в частности, отразились на Балийской декларации АТЭС, принятой на саммите организации в 2013 г.³ Потребности и риторика тихоокеанских государств Латинской Америки во многом коррелируют с идеями, выдвигаемыми Китаем в рамках проектов «Пояса и Пути» и Россией в рамках инициативы Большого евразийского партнерства – о создании пространства со-развития в Евразии. Данные идеи востребованы и в АТЭС, в том числе среди латиноамериканских участников организации.

Актуальность развития диалога с тихоокеанскими странами Латинской Америки по вопросам преобразования регионального экономического порядка (в рамках АТЭС или вне его) повышается и в связи определенным кризисом американской повестки, в русле которой традиционно находились эти страны. Перу, Чили и Мексика являлись участниками Транстихоокеанского партнерства, из которого США вышли, что вызвало недовольство остальных членов соглашения.

Мексика является также участником НАФТА, в настоящий момент трансформируемого администрацией Трампа в новое экономическое соглашение, условия которого вызывают в Мехико глухое недовольство. Это делает будущую роль стран Латинской Америки в тихоокеанской стратегии США весьма неопределенной – хотя инициатива ТТП продолжает существовать в виде проекта т.наз. Всеобъемлющего и прогрессивного соглашения для Транстихоокеанского партнерства: администрация Трампа предпочитает делать упор на двусторонние связи, а также развивает новую инициативу – Индо-тихоокеанское партнерство [Лавут 2017]. В связи с этим повышается актуальность российских и китайских инициатив, способных заполнить этот вакуум.

В этой статье мы намеренно обходим стороной многие аспекты двусторонних отношений между Россией, Китаем и тихоокеанскими государствами Латинской Америки, фокусируясь на возможностях сотрудничества в многосторонних форматах, прежде всего АТЭС, а также на других диалоговых площадках. Автор рассматривает предлагаемый анализ и некоторые выводы как возможность для научной и экспертной дискуссии о целесообразности и возможности включения тихоокеанских государств Латинской Америки в круг потенциальных партнеров российских и китайских региональных инициатив, а также участников диалога о будущей конфигурации азиатско-тихоокеанского регионального порядка, важность которого увеличивается по мере ослабления норм и институтов «старого» порядка, чей кризис сегодня конституируют многие эксперты.

² Страны Латинской Америки столкнулись с экономическим кризисом также в 1994–1995 гг.

³ APEC Leaders' Declaration (2013) // APEC, October 8, 2013 // https://www.apec.org/Meeting-Papers/Leaders-Declarations/2013/2013_aelm, дата обращения 31.01.2019.

Общие тенденции развития многосторонних экономических форматов в АТР

Большинство проблем и возможностей сотрудничества России, Китая и стран Латинской Америки в АТР определяется трендами исторического развития регионального международного порядка в последние несколько десятилетий. Создание в 1989 г. форума азиатско-тихоокеанского экономического сотрудничества (АТЭС) символически завершило формирование Азиатско-Тихоокеанского региона как подсистемы международных отношений, обладающей высокой степенью внутренней взаимозависимости и динамики. Россия, Китай, другие страны Азии, государства Северной и ряд государств Южной Америки, а также Океании попытались объединиться для решения проблем общерегионального развития. Интенсифицировались и экономические связи между этими странами. Но кризисные тенденции в экономике и институтах региона определили несколько разные треки и подходы различных групп государств к дальнейшей организации международной и экономической жизни в АТР.

Однако уже к началу 2000-х эта повестка столкнулась с определенным кризисом. Во-первых, с известными пределами своего развития столкнулся сам форум АТЭС. Сформировавшееся общерегиональное институциональное обрамление оказалось достаточно слабым. Из четырех базовых функций международных организаций: содействия, мониторинга, надзора и регулирования – АТЭС обладало первыми двумя, но так и не сумело взять на себя надзорные и регулирующие функции, важные для упорядочивания и структурирования международных экономических отношений. Это во многом предопределило то, что

декларированные на саммите АТЭС в 1994 г. обязательства экономик – членов организации по созданию в АТР полностью открытой рыночной среды к 2020 г. фактически были отодвинуты в сторону после кризиса 1997–1998 гг. [Sung-Hoon 2009]. Строившийся вокруг них в 90-е гг. институциональный формат АТЭС оказался в состоянии стагнации, которая наблюдается и по сей день.

Кризис 1997–1998 подорвал репутацию США в регионе и в определенной степени способствовал сближению позиций пострадавших от него развивающихся государств. Так, американский президент У. Клинтон весьма цинично назвал сотрясший азиатский регион финансово-экономический шторм «мелкими неурядицами на пути к процветанию» [Stiglitz 2002, p. 97]. Такой подход – практически полное игнорирование проблем азиатских стран в условиях экономических потрясений – произвел деструктивный эффект на репутацию США и их экономической повестки в регионе. Бывший вице-премьер правительства Таиланда, впоследствии генеральный секретарь ВТО С. Паничпакди так прокомментировал американскую политику в регионе: «Азиатский финансовый кризис оказался разрушительным для Таиланда и Юго-Восточной Азии, заставив многих усомниться в том, хорошо ли США и МВФ представляют себе, как глобализация сказывается на экономике азиатских стран» [Prestowitz 2004, p. 87]. В странах Латинской Америки также испытывали разочарование и от действий (точнее, бездействия) Вашингтона, и от пагубных результатов «Вашингтонского консенсуса».

В Азии институциональный вакуум в сфере международной экономической деятельности с конца 90-х – начала 2000-х заполнился форматами, ядром которых выступала АСЕАН: АСЕАН+3

(Китай, Япония, Республика Корея) и АСЕАН+6 (КНР, Япония, РК, Австралия, Новая Зеландия и Индия), много позже – АСЕАН+8 (те же + Россия и США, обе запоздало подключившиеся к асеаноцентричному институциональному строительству лишь в конце 2000-х). Институциональные форматы асеановских проектов, таким образом, либо не включают США вовсе, либо допускают американское участие отнюдь не на первых ролях (как, например, АСЕАН+8).

В Латинской Америке экономический кризис 1997–1998 г. стимулировал развитие такого формата как МЕРКОСУР, а также создание организации ALBA. Однако тихоокеанские страны Латинской Америки пошли по пути наращивания экономических связей с США, на рынок которых они были в значительной степени ориентированы. В 2000-е гг. США заключили ряд соглашений о создании зон свободной торговли со странами Латинской Америки: в 2004 г. соглашение о ЗСТ заключено с Чили, в 2006 – с Перу, не входящая в АТЭС Колумбия создала ЗСТ с США в 2012 г. Мексика имела соответствующее соглашение с Америкой в рамках созданной еще в 1994 г. НАФТА. В 2012 г. эти государства (Чили, Мексика, Перу и Колумбия) сформировали Тихоокеанский альянс, новый торговый блок, построенный во многом на основе американского видения «высококачественных» торговых соглашений, но ориентированный, помимо углубления интеграции между участниками альянса, прежде всего на расширение экономического присутствия этих стран в АТР [Лавут 2012; Аниськевич 2017].

Таким образом, в АТР сформировался фундамент для двух треков регионализма. В результате был поставлен вопрос о том, на какой основе пойдет дальнейшее развитие региональных институтов многостороннего со-

трудничества. Государства Азии и Америки оказались на разных треках дальнейшего развития многостороннего сотрудничества в регионе. Чтобы преодолеть это расхождение, со второй половины 2000х гг. США активно стремились оживить формат АТЭС, интерес к которому снижался после азиатского кризиса 1997–1998 гг., в особенности в условиях невысокой, зачастую формальной активности США в этой структуре в первый срок президентства Буша-младшего. В частности, Вашингтон предпринял попытку вернуть себе инициативу в области формирования общерегиональной экономической повестки, выдвинув предложение о заключении соглашения о ЗСТ на базе АТЭС (2006 г.), идея которой, как указывалось выше, была зафиксирована еще в «Богорских целях».

Эта инициатива преследовала целью, с одной стороны, вывести форум, на котором США с начала 90-х традиционно солировали, из стагнации, с другой – предложить новую, общую для АТР консолидирующую повестку, чтобы преодолеть альтернативные, более узкие форматы. Но несмотря на в целом позитивное отношение стран региона к движению в сторону унификации режима международной торговли, к середине 2000-х консолидировать страны всего региона вокруг новой повестки, соизмеримой по масштабу «Богорским целям», уже не представлялось возможным [Костюнина 2012]. Хотя движение к созданию общерегиональной зоны свободной торговли было вновь зафиксировано в качестве головной цели АТЭС в итоговой декларации саммита, форум продемонстрировал, что единого понимания того, каким должен быть облик нового соглашения, среди государств-участников нет. Группа стран, выступавших за более глубокую регламентацию правил торговли, включая и США, оказалась не удовлет-

ворена тем, что будущая зона свободной торговли, вероятно, ориентировалась бы только на снижение тарифных ограничений. Во многом противоречия между развитыми и развивающимися странами (последняя группа включала и тихоокеанские страны АТЭС) сделали невозможной реализацию такого масштабного проекта, как создание ЗСТ в АТР [Green 2009].

На этом фоне активно развивался азиатский регионализм. Выстраивающиеся вокруг АСЕАН форматы, напротив, развивались достаточно активно во многом в силу того, что на их площадках обсуждалась не столько либерализация торговли, сколько конкретные инфраструктурные проекты и иные способы стимулирования экономического развития. В ноябре 2012 г. на базе АСЕАН+6 официально стартовали переговоры по созданию Регионального всеобъемлющего экономического партнерства (РВЭП), являющегося по сути проектом полноценного торгового блока, составляющего прямую конкуренцию американским инициативам международного экономического сотрудничества в регионе. В результате к началу 2010-х в АТР появилось наложение перекрывающихся институциональных форматов, участником большей части из которых США не являлись.

В этих условиях уже с конца 2000-х США начали формировать новый план укрепления регионального экономического порядка под своей эгидой. Вначале администрация Буша, а затем администрация Обамы попытались «зайти с черного хода», выдвинув в качестве альтернативы не включавшим США азиатским асеаноцентричным форматам новый флагманский проект для азиатско-тихоокеанского регионализма. Этот проект частично основывался на уже сформировавшейся инфраструктуре двусторонних соглаше-

ний о ЗСТ между США и рядом азиатских государств, а также тихоокеанских государств американского континента, включая и участников соглашения НАФТА.

Опорным проектом, из которого начала расти новая флагманская многосторонняя инициатива стало Соглашение о Тихоокеанском стратегическом экономическом партнерстве (ТСЭП) между странами т.наз. «тихоокеанской четверки»: Новой Зеландией, Сингапуром, Чили и Брунеем. ТСЭП стало единственным форматом зоны свободной торговли (ЗСТ), участники которого принадлежали как к Азии (Сингапур и Бруней), так и к Океании (Новая Зеландия) и американскому континенту (Чили). Само соглашение рассматривалось участниками как модель адекватного требованиям XXI в. высококачественного договора о свободной торговле, которая могла бы служить базой для дальнейшей либерализации торговли в АТР – как за счет расширения ТСЭП, так и в рамках создания новых форматов международного сотрудничества, – именно поэтому участники соглашения вставили в название соглашения мало соответствующее реальным масштабам договора слово «стратегическое».

Развернутая из ТСЭП инициатива Транстихоокеанского партнерства с самого начала позиционировалась как проект отвечающий региональным вызовам и американским интересам. Так, объявляя о заключении соглашения по ТТП, Б. Обама указывал, что реализация проекта позволит укрепить американское лидерство и обновить институциональную среду региона, готовя обновленную институциональную платформу для всего АТР. В стартовом составе соглашение включало в себя два тихоокеанских государства Латинской Америки – Перу и Чили (последняя страна являлась участником ТСЭП

изначально), впоследствии, в 2012 г., к проекту присоединилась и Мексика.

Выход США из ТТП девальвировал значение этой инициативы, хотя оставшиеся 11 ее участников декларировали стремление сохранить это соглашение (в 2018 г. оно переименовано во «Всеобъемлющее и прогрессивное соглашение для Транстихоокеанского партнерства» и вступило в силу в декабре). В настоящий момент эти страны, включая и латиноамериканских участников, фактически ожидают смены правящей администрации, рассчитывая на возврат США в этот многосторонний формат. При этом тихоокеанские государства Латинской Америки сохраняют экономическую привязанность к США через соглашения о ЗСТ и, в отличие от многих азиатских участников ТТП, не входят в формат АСЕАН+. Следовательно, для них американские инициативы остаются фактически безальтернативными.

Таким образом, тесно связанные между собой российские и китайские региональные инициативы охватывают большинство стран АТЭС: например, участниками ВРЭП являются такие близкие США государства, как Южная Корея, Япония и Австралия, вовлекаемая в Индо-тихоокеанское пространство Индия участвует в переговорах по ВРЭП, состоит в ШОС и становится одной из ключевых стран сообщества Большой Евразии. Это формирует предпосылки для многостороннего диалога и совместной выработки нового экономического и политического порядка в Евразии и в АТР. Однако вследствие исторических причин, прежде всего описанной выше «конкуренции регионализмов», во многом и стимулировавшей развитие и консолидацию российских и китайских инициатив, потенциально заинтересованные в таком диалоге тихоокеанские страны Латинской Америки не просто выпали

из этих процессов, но оказались в еще большей степени замкнуты на США.

Пока этот «евразийский» трек азиатско-тихоокеанского регионализма почти не коснулся тихоокеанских стран Латинской Америки, более того, в результате наметившегося процесса субрегиональной фрагментации АТР они оказались от него оттеснены. Эта ситуация, однако, выглядит не совсем разумной, так как с обеих сторон существует запрос на расширение экономического сотрудничества и развитие его институциональной базы.

Тихоокеанские страны Латинской Америки сильно пострадали от стагнации азиатско-тихоокеанского регионализма и по сути распада институциональной среды региона на несколько региональных проектов. На данный момент практически все проекты региональной интеграции находятся в той или иной степени стагнации. При этом реализация разных треков регионализма могла бы привести к различным, но, как правило, позитивным для латиноамериканских государств АТЭС последствиям. Анализ изменений региональной экономической динамики показывает, что в зависимости от трансформации институциональной среды можно выделить четыре основных сценария развития экономической архитектуры АТР: 1) реализация тихоокеанского трека регионализма (эту роль играло ТТП); 2) реализация азиатского трека (ВРЭП); 3) создание и сосуществование обоих треков; и 4) создание унифицированной ЗСТ на базе АТЭС – т.е. интеграция обоих форматов в единую институциональную архитектуру [Petri, Plummer, Zhai 2012]. Эффект институциональных преобразований для экономики государств региона, таким образом, разнился бы в зависимости от того, по какому сценарию пошло бы развитие азиатско-тихоокеанского экономического регионализма. В настоя-

Таблица 1. Потенциальный прирост ВВП при реализации разных сценариев экономического регионализма в АТР⁴

Table 1. Potential GDP growth in different eco scenarios-economic regionalism in Asia and the Pacific

Страна / Country	Прирост по сравнению с базовым прогнозом (в %) / Growth compared to the baseline forecast (in %)			
	Тихоокеанский трек (ТПП) / Pacific track (TPP)	Азиатский трек (РВЭП) / Asian track (RCEP)	Оба трека / Both tracks	ЗСТ на базе АТЭС / FTA on the basis APEC
Участники ТПП / Participants TPP				
США / USA	0,4	0	0,4	1,3
Австралия / Australia	0,6	0	0,6	1,8
Канада / Canada	0,5	0	0,5	1,3
Чили / Chile	0,9	0	0,9	2,2
Мексика / Mexico	1,0	0,2	1,2	3,4
Новая Зеландия / New Zealand	2,2	0,1	2,3	2,9
Перу / Peru	1,4	0	1,4	2,0
Участники РВЭП / Participants RCEP				
КНР / China	–0,3	1,4	1,1	3,9
Гонконг / Hong Kong	–0,2	10,5	10,3	20,9
Индонезия / Indonesia	–0,2	0,8	0,7	2,5
Филиппины / Philippines	–0,3	1,7	1,5	4,9
Таиланд / Thailand	–0,7	1,8	1,3	4,9
Республика Корея / South Korea	2,2	4,1	4,9	6,1
Участники обоих форматов / Participants in both formats				
Бруней / Brunei	1,1	2,8	3,6	5,4
Япония / Japan	2,2	1,9	3,9	4,3
Малайзия / Malaysia	6,1	1,9	7,8	8,9
Сингапур / Singapore	2,0	–0,5	1,4	3,3
Вьетнам / Vietnam	13,6	4,0	16,4	21,5
Другие экономики региона / Other economies of the region				
Россия / Russian Federation	–0,1	–0,1	–0,1	9,3
Тайвань / Taiwan	–0,3	–1,9	–2,1	6,3
АТЭС (в целом) / APEC (total)	0,5	0,9	1,3	3,5

Источник: Институт мировой экономики Петерсона

4 Дополнительный суммарный прирост ВВП до 2025 г. по сравнению с базовым прогнозом.

щее время серьезные трудности испытывают оба трека (и азиатский, и тихоокеанский) – первый в результате противоречий внутри переговорного формата ВРЭП, второй находится в кризисе после выхода США из ТТП. Однако при реализации любого сценария можно достаточно четко выделить группы потенциально проигрывающих и победителей [Petri, Plummer, Zhai 2012].

Как видно, тихоокеанские страны Латинской Америки являлись потенциальными бенефициарами от заключения общерегионального соглашения по ЗСТ, а также тихоокеанского трека в виде ТТП, которое стимулировало бы рост в них, хотя и закрепляло бы за ними роль придатка более развитых экономик [Лавут 2017]. Отказ США от реализации ТТП и стагнация проекта ЗСТ в рамках АТЭС ограничили возможности тихоокеанских государств Латинской Америки по интеграции в экономическое пространство АТР и возможности усиления позиций на растущих азиатских рынках.

При этом дополнительным негативным фактором является наблюдаемое при администрации Трампа изменение внешнеэкономической стратегии США: тенденция к избирательному протекционизму и фактический отказ от новых и стремление к трансформации старых многосторонних соглашений. В частности, внесение изменений в НАФТА ограничивает возможности Мексики по включению в глобальные цепочки добавочной стоимости, в особенности с участием КНР, и направлено на усиление институциональной привязки мексиканской экономики к США [Школяр 2017; Сударев 2017]. Смена внешнеэкономического подхода республиканской администрации фактически хоронит и проекты по развертыванию т.наз. Панамериканской зоны свободной торговли, которые обсуждались в период правления администрации Обамы.

Как следствие, растет заинтересованность латиноамериканских стран – участниц АТЭС в поиске альтернативных путей вовлечения в интеграционные процессы в Азии и Евразии, чтобы получить какую-то часть от потенциального экономического роста, который мог бы произойти при реализации одного из треков азиатско-тихоокеанского регионализма. Более того, развитие сотрудничества с такими форматами, как ВРЭП, ЕАЭС, и в целом в соглашениях и форматах формирующейся Большой Евразии могло бы послужить инструментом компенсации потерь и хеджирования рисков, связанных с кризисом американской повестки развития многостороннего экономического сотрудничества. В этой связи России и Китаю целесообразно было бы подумать над путями вовлечения тихоокеанских стран Латинской Америки в свою повестку развития Евразии и АТР и сформулировать стратегию и ряд адресных предложений в целях развития диалога с этими странами.

Современное состояние отношений и перспективы для развития диалога

Несмотря на наличие общих целей и значительный потенциал для развития сотрудничества, в том числе в многосторонних институтах, в настоящий момент отношения как России, так и Китая с большинством тихоокеанских стран Латинской Америки остаются на относительно невысоком уровне. Такое положение дел определяется как сравнительно небольшими объемами торгово-экономического сотрудничества, так и относительной неразвитостью политического и дипломатического диалога с этими странами, в том числе ввиду дефицита многосторонних диалоговых площадок и форма-

тов [Разумовский 2018]. По сути, единственной общей площадкой, на которой осуществляется системное взаимодействие России, Китая и тихоокеанских государств Латинской Америки, является форум АТЭС и сформировавшиеся вокруг этой структуры институты.

Экономическая важность Латинской Америки остается для России сравнительно невысокой, при этом торговые связи с тихоокеанскими государствами Америки развиты в наименьшей степени. Так, совокупный торговый оборот России и всех латиноамериканских государств АТЭС в 2017 г. составил менее 3 млрд долл. США, при этом более половины этих объемов пришлось на Мексику⁵.

Китай с точки зрения экономического проникновения в страны Латинской Америки добился гораздо большего, став одним из ключевых внерегиональных экономических партнеров – главным образом в силу объемов своей экономики. Наибольшим является товарооборот КНР с Мексикой, который в 2016 г. составил 42 млрд долл. США (ок. 1,6% от всего торгового баланса КНР), а также торговля с Чили (31,5 млрд долл. США)⁶. Несколько меньшими объемами торговли с Китаем могут похвастаться Перу и Колумбия – 15,4 и 9,3 млрд долл. США соответственно⁷. Однако даже эти объемы, как видно, в разы превосходят уровень российского торгово-экономического присутствия в регионе.

Частично рост торговли Перу и Чили с Китаем обусловлен заключением

соглашений о ЗСТ между этими странами – в 2005 г. Пекин создал зону свободной торговли с Чили, а в 2012 – с Перу. Фактически эти соглашения подписывались одновременно с соответствующими соглашениями с США, однако если ЗСТ с Китаем акцентировали внимание на ликвидации или снижении тарифных барьеров, Вашингтон предпочитал навязывать своим партнерам так называемые «высококачественные» соглашения, покрывающие многие сферы внешнеэкономической деятельности, включая такие вопросы, как соблюдение интеллектуальных прав, прав собственности, ограничение субсидирования и иных нетарифных мер поддержки национальных производителей и др.

Но эти объемы могут снизиться в случае изменения условий регулирования экономических отношений этих стран с Китаем. Так, заявленная администрацией Трампа торговая сделка по преобразованию НАФТА в новое соглашение содержит условия по созданию дополнительных барьеров для некоторых товаров китайского происхождения⁸.

Определенный ущерб конкурентоспособности китайских товаров могло нанести и соглашение по Транстихоокеанскому партнерству. Заключение и введение в действие соглашения о создании ТТП без китайского участия способно было нанести Китаю экономический ущерб, способствуя некоторому замедлению его экономического роста [Devadason 2014]. При этом по мере имплементации условий соглашения и перестройки региональных про-

5 Таможенная статистика внешней торговли (2018) // Федеральная таможенная служба России // http://customs.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=13858&Itemid=2095, дата обращения 31.01.2019.

6 China Statistical Yearbook. Value of Exports and Imports by Country (Region) of Origin (2017) // National Bureau of Statistics of China // <http://www.stats.gov.cn/tjsj/ndsj/2017/indexeh.htm>, дата обращения 31.01.2019.

7 China Statistical Yearbook. Value of Exports and Imports by Country (Region) of Origin (2017) // National Bureau of Statistics of China // <http://www.stats.gov.cn/tjsj/ndsj/2017/indexeh.htm>, дата обращения 31.01.2019.

8 Великая и прекрасная сделка: как Трамп победил соседей (2018) // Газета.Ру. 1 октября 2018 // <https://www.gazeta.ru/business/2018/10/01/12004645.shtml>, дата обращения 31.01.2019.

изводственных цепочек оказываемый под их влиянием негативный эффект на китайскую экономику имел бы долгосрочный характер – особенно при условии неучастия КНР в ТТП и/или других альтернативных форматах регионального торгово-экономического сотрудничества. Выход США из ТТП позволил Пекину избежать таких негативных последствий, однако в усеченном виде – в составе 11 участников – проект соглашения существует до сих пор (в виде т.наз. Прогрессивного соглашения). Не стоит исключать и возможного возврата США к этой инициативе в случае смены администрации в 2020–2021 гг.

Пока же ключевым торговым партнером этих стран (помимо соседей) по-прежнему выступают США. Так, американская торговля с Перу в 2017 г. оценивалась в 15,9 млрд долл. США⁹, с Колумбией объем торговли превысил 35 млрд долл. США¹⁰, а с Чили составил около 30 млрд¹¹. Особняком стоит входящая в НАФТА Мексика, товарооборот США с которой превысил в 2017 г. 600 млрд долл. США¹². При этом следует отметить и серьезные отличия в структуре торговли этих стран с Китаем и США. В структуре торгово-экономических связей с КНР Мексики и Колумбии превалирует импорт: например, в торговле с Мексикой он составля-

ет 32 млрд долл., а в торговле с Колумбией – около 7 млрд. У Чили и Перу экспорт в Китай сравнительно незначительный – 18 млрд долл. против 12 млрд в первом случае и 9 и 6 млрд во втором¹³. При этом доля экспорта на китайский рынок во внешнеторговом обороте данных государств в последние годы постепенно растет, что говорит о повышении роли растущего китайского рынка для латиноамериканских производителей.

Американский рынок остается крупнейшим экспортным рынком и важным фактором развития для Мексики. Экспорт Мексики в США составляет 332 млрд долл., и сложившаяся там экономическая модель во многом строится на торгово-экономических соглашениях и связях с США¹⁴. Чили и Перу экспортируют на американский рынок товаров объемом 10,5¹⁵ и 8 млрд¹⁶ соответственно. Для этих стран США и Китай стали во многом равновесными партнерами.

Таким образом, если Россия пока остается для этих стран отдаленным, хотя и весьма интересным партнером (также как они – для России), их экономические связи с Пекином весьма значительны и могут стать прочной основой для диалога по более широким политическим вопросам, связанным с преобразованием регионального эконо-

9 Peru (2018) // Office of the United States Trade Representative // <https://ustr.gov/countries-regions/americas/peru>, дата обращения 31.01.2019.

10 Columbia (2018) // Office of the United States Trade Representative // <https://ustr.gov/countries-regions/americas/colombia>, дата обращения 31.01.2019.

11 Chile (2018) // Office of the United States Trade Representative // <https://ustr.gov/countries-regions/americas/chile>, дата обращения 31.01.2019.

12 Mexico (2018) // Office of the United States Trade Representative // <https://ustr.gov/countries-regions/americas/mexico>, дата обращения 31.01.2019.

13 China Statistical Yearbook. Value of Exports and Imports by Country (Region) of Origin (2017) // National Bureau of Statistics of China // <http://www.stats.gov.cn/tjsj/ndsj/2017/indexeh.htm>, дата обращения 31.01.2019.

14 Mexico (2018) // Office of the United States Trade Representative // <https://ustr.gov/countries-regions/americas/mexico>, дата обращения 31.01.2019.

15 Chile (2018) // Office of the United States Trade Representative // <https://ustr.gov/countries-regions/americas/chile>, дата обращения 31.01.2019.

16 Peru (2018) // Office of the United States Trade Representative // <https://ustr.gov/countries-regions/americas/peru>, дата обращения 31.01.2019.

номического порядка. Для латиноамериканских участников АТЭС такой диалог будет востребован, если предложит меры, связанные со сменой экономической модели, и позволит обеспечить экономический рост.

Все эти страны последовательно выступают за создание зоны свободной торговли в рамках АТЭС (АТЗСТ). Это отчасти определило их присоединение к проекту ТТП, который рассматривался ими как наиболее оптимальный трек для достижения данной цели. Лидеры тихоокеанских государств Латинской Америки неоднократно публично выступали за это соглашение и призывали к его расширению. Вопрос о будущем ТТП (к тому времени уже трансформировавшегося в прогрессивное и всеобъемлющее соглашение о Транстихоокеанском партнерстве), а также вопросы формирования АТЗСТ стали одними из центральных на форуме АТЭС в Лиме¹⁷.

В этой связи, возможно, целесообразно было бы двигаться в сторону вовлечения стран Латинской Америки, чьи подходы к либерализации торговли и организации многостороннего сотрудничества в АТР с 2000-х гг. определялись тихоокеанским треком регионализма (формируемым в основном США), к диалогу на основе форматов азиатского регионализма. В частности, перспективным было бы привлечение латиноамериканских стран АТЭС к форматам АСЕАН+, а также – вероятно, пока на уровне консультаций – к обсуждению условий региональной торговли на базе Регионального всеобъемлющего экономического партнерства. В какой-то мере развитие такого диалога (который можно было бы инициировать на той же площадке АТЭС) соот-

ветствует американской линии на продвижение концепции Индо-Тихоокеанского региона, однако наполняет ее принципиально иным содержанием.

Россия могла бы дополнить этот трек, развивая потенциал внешних интеграционных инициатив ЕАЭС, в частности продвигая сеть диалоговых форматов ЕАЭС+. В настоящий момент потенциал ЕАЭС как одного из источников развития нормативно-регулятивного пространства торговли в Евразии и АТР пока не реализован, а продвижение соглашений о ЗСТ и других экономических соглашений осуществляется преимущественно на азиатском направлении. Такое обсуждение могло бы происходить в том числе в сотрудничестве и под эгидой АТЭС, страны-участники которого являются перспективными рынками для государств ЕАЭС. Привлечение к такому диалогу латиноамериканских участников АТЭС позволит по меньшей мере познакомить их с интеграционной повесткой в рамках ЕАЭС, а также в более широком контексте – формированием экономического и политического сообщества в пространстве Большой Евразии, китайскими и российскими инициативами в этом направлении. А также с возможностью сопряжения этих инициатив с развитием многостороннего сотрудничества в АТР. Как максимум – выйти на конкретные инициативы по заключению экономических соглашений.

Наконец, целесообразно двигаться в направлении расширения площадок многостороннего сотрудничества с тихоокеанскими странами Латинской Америки. Россия и Китай могут инициировать привлечение этих государств к диалогу по политическим вопросам, прежде всего по вопросам ре-

17 APEC Leaders' Declaration (2017) // APEC, November 11, 2017 // https://www.apec.org/Meeting-Papers/Leaders-Declarations/2017/2017_aelm, дата обращения 31.01.2019.

гиональной безопасности. В том числе – через включение этих государств в Региональный форум АСЕАН, участниками которого являются два государства американского континента – США и Канада, а возможно и Восточноазиатского саммита (участником которого являются США). При этом опасения, что латиноамериканские страны АСЕАН будут поддерживать американскую региональную повестку, компенсируются ценностью самого вовлечения этих государств в диалог, который в данный момент фактически отсутствует.

Заключение

Развитие экономических и политических отношений между Россией и тихоокеанскими странами АТР обладает значительным потенциалом, однако сталкивается с тремя основными ограничителями. Во-первых, это относительно небольшая роль, которая оказалась отведена Латинской Америке в рамках российской стратегии «Поворот на Восток». Участие латиноамериканских государств в этой политике в основном ограничивается взаимодействием по линии АТЭС, а сам «Поворот на Восток» остается сфокусированным на Азии (интенсивно и последовательно идет развитие отношений только с некоторыми ведущими азиатскими государствами). При этом усиление геополитической конкуренции в АТР диктует курс на максимальное расширение сотрудничества со всеми странами региона и развитие политического диалога, в том числе с целью донести собственную точку зрения на то, в каком направлении должно идти развитие международных отношений в Азии и тихоокеанском бассейне и в мире. Пока же в отсутствие развитых каналов большая часть стран Латинской Аме-

рики в своем восприятии России идет в русле, формируемом американскими подходами и нарративами.

Во-вторых, объективным ограничителем является структура экономических связей: и экспорт России, и внешняя торговля тихоокеанских стран Латинской Америки в АТР сохраняют в значительной степени сырьевой характер, что сужает возможности для развития торговли. Вместе с тем, в расширении экономических отношений заинтересованы все стороны, а их развитие возможно под эгидой усиления сотрудничества по линии «Юг – Юг», «усиления взаимосвязей» и инфраструктурного строительства. Последнее возможно развивать в том числе на многосторонней основе, на базе таких институтов, как АБИИ, и финансовых структур БРИКС, в работе которых принимают участие и Россия, и КНР.

Наконец, в-третьих, важным ограничителем остается недостаток институциональной базы для сотрудничества и в политической, и в экономической сферах. Постоянный диалог со странами Латинской Америки по проблемам регионального и глобального развития ведется преимущественно в АТЭС. У России пока нет ни одного соглашения о ЗСТ со странами Латинской Америки, хотя по линии ЕАЭС рассматриваются, либо находятся в стадии переговоров несколько проектов по подписанию таких соглашений со странами Латинской Америки.

Преодоление этих ограничений возможно в том числе за счет усиления российско-китайского диалога по выработке общего понимания о роли тихоокеанских стран Латинской Америки и в целом южноамериканского континента в региональной и мировой политике, желательных моделей их вовлечения в региональные и глобальные форматы и институты, в которых Россия и Китай играют ведущую роль, а возмож-

но координации своих действий в Латинской Америке. Востребованность такого диалога демонстрируется, например, политическим кризисом в Венесуэле, где и Москва, и Пекин имеют значительные политические и экономические интересы, вступающие в противоречие с политической стратегией и целями США. Применительно к тихоокеанским странам Латинской Америки Россия и Китай заинтересованы в вовлечении их в диалог по развитию институциональной среды в АТР и в свою повестку общерегионального развития, интенсификации экономических и политических отношений стран Латинской Америки и держав Евразии. Американские подходы к АТР и Латинской Америке в настоящий момент скорее направлены на ограничение такого сотрудничества.

Растущая экономическая вовлеченность КНР в южноамериканском регионе впервые за многие годы может создать системную альтернативу в развитии внешнеэкономических связей тихоокеанских государств Латинской Америки, чьи экономики традиционно существовали в условиях близких связей с США и ориентации на их рынки. Большая заинтересованность латиноамериканских участников АТЭС в расширении доступа на азиатские рынки и страны ЕАЭС отражается в их поддержке идеи создания общерегиональной зоны свободной торговли в АТР и стремлении наращивать сотрудничество на двусторонней основе. Россия в этих условиях может сосредоточить усилия на двух направлениях. Во-первых, активизировать собственные ресурсы по расширению экономического сотрудничества, прежде всего через развитие внешнеэкономических инициатив по линии ЕАЭС – речь идет как о формировании сети ЗСТ, так и о развитии диалоговых площадок, в том числе экспертных, где пред-

ставители латиноамериканских стран АТЭС могли бы привлекаться к диалогу. Во-вторых, используя потенциал российско-китайского сближения и большую привлекательность Китая как регионального экономического центра, Россия могла бы способствовать выработке и продвижению общего подхода к диалогу с тихоокеанскими странами Латинской Америки и закреплять ее в рамках инициатив и проектов на базе многосторонних институтов: АБИИ, АТЭС, БРИКС, где Москва и Пекин выступали бы как ключевые партнеры и координаторы этих проектов.

Список литературы

Аниськевич Н.С. (2017) Латинская Америка между МЕРКОСУР и Тихоокеанским Альянсом: политические риски и региональная стабильность // Клио. № 9 (129). С. 136–145.

Ермольева Э.Г. (2018) Латинская Америка на перепутье // Латинская Америка. № 7. С. 88–94. DOI: 10.31857/S0044748X0000026-7

Караганов С. (2017) От поворота на Восток к Большой Евразии // Россия в глобальной политике. 30 мая 2017 // <https://www.globalaffairs.ru/pubcol/Otpovorota-na-Vostok-k-Bolshoi-Evrazii-18739>, дата обращения 31.01.2019.

Костюнина Г.М. (2012) АТЭС: институциональная структура, направления деятельности и достижения // Российский внешнеэкономический вестник. № 10. С. 33–46 // [http://www.rfej.ru/rvv/id/20047A8AA/\\$file/33-46.pdf](http://www.rfej.ru/rvv/id/20047A8AA/$file/33-46.pdf), дата обращения 31.01.2019.

Лавут А.А. (2017) Транстихоокеанское партнерство, Дональд Трамп и латиноамериканская интеграция // Латинская Америка. № 9. С. 19–35 // https://elibrary.ru/download/elibrary_29935527_50868813.pdf, дата обращения 31.01.2019.

Лукин А., Коротич С. (2017) Между Вашингтоном и Пекином: что ждет азиатско-тихоокеанские альянсы США? // *Мировая экономика и международные отношения*. № 4. С. 5–15. DOI: 10.20542/0131-2227-2017-61-4-5-15

Разумовский Д.В. (2015) Латиноамериканская интеграция выходит в мир. Перспективы для России // *Мировая экономика и международные отношения*. № 8. С. 82–91 // https://elibrary.ru/download/elibrary_23881606_68050057.pdf, дата обращения 31.01.2019.

Сизоненко А.И. (2011) Россия-Латинская Америка: новые направления в изучении отношений // *Латинская Америка*. № 4. С. 4–9 // https://elibrary.ru/download/elibrary_16219872_36991708.pdf, дата обращения 31.01.2019.

Сударев В.П. (2017) Что ждать Латинской Америке от Дональда Трампа // *Латинская Америка*. № 2. С. 5–11 // https://elibrary.ru/download/elibrary_28912660_53866708.pdf, дата обращения 31.01.2019.

Хмелевская Н.Г. (2014) Интеграционные процессы в Латинской Америке через призму региональной торговли (на примере МЕРКОСУР и Тихоокеанского Альянса) // *Ибероамериканские тетради*. Выпуск 3(5). С. 131–141 // http://imi-mgimo.ru/images/pdf/Iberoamerikanskije_tetradi/CI35.pdf#page=131, дата обращения 31.01.2019.

Школяр Н.А. (2017) Пересмотр NAFTA: угроза для Мекси-

ки // *Латинская Америка*. № 3. С. 43–49 // https://elibrary.ru/download/elibrary_28912675_41634805.pdf, дата обращения 31.01.2019.

Devadason E. (2014) The Trans-Pacific Partnership (TPP): the Chinese Perspective // *Journal of Contemporary China*, vol. 23, no 87, pp. 462–479. DOI: 10.1080/10670564.2013.843890

Green M., Gill B. (2009) *Asia's New Multilateralism: Cooperation, Competition, and the Search for Community*, Columbia University Press.

Lukin A. (2018) *China and Russia. The New Rapprochement*, Cambridge: Polity Press.

Petri P., Plummer M., Zhai F. (2012) *The Trans-Pacific Partnership And Asia-Pacific Integration: A Quantitative Assessment*, Washington: PIIE.

Prebisch R. (2016) *The Economic Development of Latin America* // *ECLAC Thinking, Selected Texts (1948–1998)*, Santiago: ECLAC, pp. 45–84.

Prestowitz C. (2004) *Rogue Nation: American Unilateralism and The Failure Of Good Intentions*, New York: Basic Books.

Stiglitz J. (2002) *Globalization and its Discontents*, New York, London: W.W. Norton & Company.

Sung-Hoon P., Lee J. (2009) *APEC at Crossroads: Challenges and Opportunities* // *Asian Perspective*, vol. 33, no 2, pp. 97–124. DOI: 10.1353/apr.2009.0019

DOI: 10.23932/2542-0240-2019-12-1-241-259

Russia, China and the Pacific Countries of Latin America: Opportunities for Multilateral Cooperation in the Asia-Pacific Region

Dmitry P. NOVIKOV

PhD in Politics, Researcher, Center for Comprehensive European and International Studies, Deputy Head, International Laboratory for World Order Studies and the New Regionalism

National Research University Higher School of Economics, 119017, Malaya Ordynka St., 17, Moscow, Russian Federation

E-mail: dp.novikov@hse.ru

ORCID: 0000-0003-3066-7044

CITATION: Novikov D.P. (2019) Russia, China and the Pacific Countries of Latin America: Opportunities for Multilateral Cooperation in the Asia-Pacific Region. *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*, vol. 12, no 1, pp. 241–259 (in Russian). DOI: 10.23932/2542-0240-2019-12-1-241-259

Received: 23.11.2018.

The research for this article was supported by a grant from the research Foundation of the HSE faculty of world politics and world economy.

ABSTRACT. *The article is devoted to the problems of the development of modern relations of Russia, China and the Pacific states of Latin America. Author focuses on potential of cooperation of these states in multilateral formats and dialogues and the reform of the economic and institutional order in the Asia-Pacific. The relevance of such cooperation is increasing due to the crisis of the international order that has emerged in the Asia-Pacific region. This crisis manifests itself in two aspects. First, we may observe a certain lack of institutions of regulation of economic relations and ideas for their further development. Such a complex agenda is shaped by Russia and China in relation to Eurasia (the concept of “Greater Eurasia”), but the promotion of a similar agenda in the APEC faces*

many contradictions. Second, the Asia-Pacific region is becoming an area of confrontation between the United States and China, which is also manifested in the struggle for the future configuration of the regional order in the region.

The Pacific countries of Latin America were not affected by either the Russian or Chinese mega-initiatives of recent years, which are aimed precisely at creating a new international order. Meanwhile, these countries are APEC members and participants in many regional initiatives, as well as potentially significant economic partners for both Russia and China. Moreover, the author believes that a similar level of economic development and similar needs objectively bring together the views and approaches of the leading Eurasian powers and the Pacific states of Lat-

in America to the development of multilateral institutions of the regional order. However, the historically established institutional and political linkage of these countries to the United States currently determines their support for American initiatives. This provision, however, is not a given, and some irregularity of the American regional policy under the Trump administration makes the development of dialogue with these countries on the broad problems of multilateral cooperation in Eurasia and the Asia-Pacific region even more in demand.

The author considers the proposed analysis and some conclusions as an opportunity for academic and expert discussion on the identified issues.

KEY WORDS: China, Russia, Latin America, Asia-Pacific, APEC, international order

References

- Aniskevich N. (2017) Latin America between MERCOSUR and the Pacific Alliance: Political Risks and Regional Stability. *Klio*, no 9, pp. 136–145 (in Russian).
- Devadason E. (2014) The Trans-Pacific Partnership (TPP): the Chinese Perspective. *Journal of Contemporary China*, vol. 23, no 87, pp. 462–479. DOI: 10.1080/10670564.2013.843890
- Ermolieva E. (2018) Latin America at the Turning Point. *Latin America*, no 7, pp. 88–94 (in Russian). DOI: 10.31857/S0044748X0000026-7
- Green M., Gill B. (2009) *Asia's New Multilateralism: Cooperation, Competition, and the Search for Community*, Columbia University Press.
- Karaganov S. (2017) From Turn to the East to Greater Eurasia. *Russia in Global Affairs*, May 30, 2017. Available at: <https://www.globalaffairs.ru/pubcol/Otpovorota-na-Vostok-k-Bolshoi-Evrazii-18739>, accessed 31.01.2019 (in Russian).
- Khmelevskaya N.G. (2014) Integration Processes in Latin America through the Prism of Regional Trade (for Example, MERCOSUR and the Pacific Alliance). *Ibero-American Notebooks*. Issue 3(5), pp. 131–141. Available at: <http://imi-mgi-mo.ru/images/pdf/Iberoamerikanskietetrad/CI35.pdf#page=131>, accessed 31.01.2019 (in Russian).
- Kostunina G. (2012) APEC: Structures Activities and Achievements. *Russian Foreign Economic Journal*, no 10, pp. 33–46. Available at: [http://www.rfej.ru/rvv/id/20047A8AA/\\$file/33-46.pdf](http://www.rfej.ru/rvv/id/20047A8AA/$file/33-46.pdf), accessed 31.01.2019 (in Russian).
- Lavut A. (2017) Trans-Pacific Partnership, Donald Trump and Latin American integration. *Latin America*, no 9, pp. 19–35. Available at: https://elibrary.ru/download/elibrary_29935527_50868813.pdf, accessed 31.01.2019 (in Russian).
- Lukin A. (2018) *China and Russia. The New Rapprochement*, Cambridge: Polity Press.
- Lukin A., Korotich S. (2017) The Asia-Pacific Alliances of the United States: between Balancing, Neutralization and Hedging. *World Economy and International Affairs*, no 4, pp. 5–15 (in Russian). DOI: 10.20542/0131-2227-2017-61-4-5-15
- Petri P., Plummer M., Zhai F. (2012) *The Trans-Pacific Partnership And Asia-Pacific Integration: A Quantitative Assessment*, Washington: PIIE.
- Prebisch R. (2016) The Economic Development of Latin America. *ECLAC Thinking. Selected Texts (1948–1998)*, Santiago: ECLAC, pp. 45–84.
- Prestowitz C. (2004) *Rogue Nation: American Unilateralism and The Failure of Good Intentions*, New York: Basic Books.
- Razmovky D. (2015) Latin American Integration and Extra-Region Cooperation. Prospects for Russia. *World Economy and International Affairs*, no 8, pp. 82–91. Available at: https://elibrary.ru/download/elibrary_23881606_68050057.pdf, accessed 31.01.2019 (in Russian).

Shkokyar N. (2017) Revision of NAFTA Is a Threat for Mexico. *Latin America*, no 3, pp. 43–49. Available at: https://elibrary.ru/download/elibrary_28912675_41634805.pdf, accessed 31.01.2019 (in Russian).

Sizonenko A. (2011) Russia – Latin America: New Approaches of Research. *Latin America*, no 4, pp. 4–9. Available at: https://elibrary.ru/download/elibrary_16219872_36991708.pdf, accessed 31.01.2019 (in Russian).

Stiglitz J. (2002) *Globalization and its Discontents*, New York, London: W.W. Norton & Company.

Sudarev V. (2017) Donald Trump and Latin America. *Latin America*, no 2, pp. 5–11. Available at: https://elibrary.ru/download/elibrary_28912660_53866708.pdf, accessed 31.01.2019 (in Russian).

Sung-Hoon P., Lee J. (2009) APEC at Crossroads: Challenges and Opportunities. *Asian Perspective*, vol. 33, no 2, pp. 97–124. DOI: 10.1353/apr.2009.0019

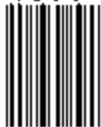

155N 2542-0240

9 772542 024004

1 9 0 0 1

>